

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ VI.

ТРУДЕНЪ ЛИ ВЫКУПЪ ЗЕМЛИ?

I.

Когда палка искривлена въ одну сторону, чтобы исправить ее, надобно перегнуть на другую сторону.

Мальтусъ.

Два мѣсяца тому назадъ мы говорили, какъ сильно и вредно отражается на разсужденіяхъ о вѣстьянеконіи дѣлѣ непривычка къ точнымъ разсчетамъ. Теперь возвращаемся къ тому же предмету, только примѣняемъ наше замѣчаніе къ вопросу во всей его обширности, а не въ однѣмъ усадьбамъ, какъ прежде.

Выкупъ земли, отходящей во владѣніе крестьянъ, бывшихъ крѣпостными, представляется для многихъ, для очень многихъ, почти для всѣхъ, пишущихъ объ этомъ предметѣ, задачей чрезвычайно трудною. Нѣтъ нужды, что нѣкоторые обманываютъ сами себя, прикрывая затрудненіе, въ которое попадаютъ, фразами: „крестьянинъ легко будетъ уплачивать такой ежегодный взносъ“ и „такимъ образомъ крестьянинъ въ непродолжительное время расплатится съ долгомъ за получаемую землю“; надобно только взглянуть на цифры, которыя одѣты спереди и сзади этими „легко“ и „скоро“, и мы увидимъ, что дѣло въ сущности оказывается вовсе не „легкое“ и очень не „скорое“. Почти у всѣхъ выходитъ, что крестьянамъ пришлось бы платить за выкупъ земли деньги, превышающія оброкъ, которымъ они теперь обложены, и производить такую уплату въ теченіе 30, 35, 40, или даже болѣе лѣтъ. Какое же тутъ „легко“, какое же тутъ „скоро“?— Цифры не похожи на слова, которыми сопровождаются. Но даже эти слова представляются уму не очень многихъ; напротивъ того, большинство разсуждавшихъ о крестьянскомъ вопросѣ прямо говорили, что выкупъ земли въ настоящее время затруднителенъ почти до невозможности или до совершенной невозможности, и лучше отложить его до будущаго времени.

Отложить до будущаго времени! Не поздно-ли будетъ будущему приниматься за то, самая возможность чего станетъ исчезать съ каждымъ годомъ? Когда въ среду крестьянъ пройдетъ мысль, что владѣніе землею, отданною имъ въ пользованіе, не принадлежитъ имъ, не отниметъ ли у нихъ эта новая, доселѣ чуждая крестьянамъ мысль, нравственное основаніе для возможности выкупа? Мы говорять:

„для удобства и скорости рѣшеній, мы произнесемъ рѣшеніе такого рода, что вамъ слѣдуетъ получить изъ цѣлаго дома, слѣдующаго вамъ, только одну комнату; объ остальныхъ комнатахъ мы поговоримъ когданибудь послѣ, черезъ десять, черезъ двадцать лѣтъ, когда это будетъ удобнѣе“. Но, принявъ такого рода рѣшеніе, я тѣмъ самымъ уже почти лишусь возможности возобновить вопросъ. Рѣшеніе состоялось, я его принялъ, чего же больше я хочу?

Отложить выкупъ до будущаго времени! Но съ каждымъ годомъ будетъ уменьшаться матеріальная возможность выкупа. Земля быстро возвышается въ цѣнѣ. Черезъ десять, пятнадцать лѣтъ она повсюду будетъ стоять въ полтора раза дороже, чѣмъ теперь; а во многихъ мѣстахъ, можно сказать, въ цѣлой половинѣ губерній съ большинъ процентомъ крѣпостнаго населенія, она будетъ стоять въ три, въ четыре раза дороже, чѣмъ теперь. Это одно. А съ тѣмъ вмѣстѣ населеніе будетъ возрастать, слѣдовательно заработная плата понижаться. Это другое. А съ тѣмъ вмѣстѣ набросаются на покупку земли новыя соскательники—чиновники не изъ дворянъ, купцы, зажиточные мѣщане, которые станутъ давать прямо, вдругъ всю цѣну за покупаемый участокъ, между тѣмъ какъ крестьяне въ насѣ имѣютъ возможность покупать ее только еъ разсрочкою уплаты по годамъ. У кого не будетъ охоты лучше продать участокъ за 1000 рублей и получить ихъ сполна при совершеніи купчей крѣпости, нежели продать его за 1200 рублей и ждать уплаты по частямъ нѣсколько лѣтъ? Это третье. Можно прибавить и четвертое. Никакая бдительность не въ силахъ услѣдить за тѣмъ, чтобы крестьяне остались много лѣтъ въ пользованіи всею тою землею, какою пользуются теперь, если земля остается въ зависимости отъ интересовъ, желающихъ сократить ея размѣръ. Пути къ обрѣзванію тутъ безчисленны: разныя сдѣлки съ мелкими властями, отъ которыхъ въ сущности зависитъ все въ судьбѣ мелкихъ людей; нѣсколько ведеръ вина для міроѣдовъ, такъ называемыхъ „добросовѣстныхъ“, вообще пребывающихъ у царева кружала; неурожайные годы, въ которые село согласится уступить часть земли за уступку въ оброкѣ, въ выкупѣ за усадьбы и т. д. Можно бы прибавить и пятое и шестое и много другихъ соображеній, но довольно и четырехъ, которыя приведены.

Сведемъ же эти факты: повышение цѣны на землю, пониженіе заработной платы, соперничество болѣе крупныхъ покушниковъ, платящихъ вѣрнѣе и вдругъ обрѣзваніи всякаго рода, наконецъ, что всего быть можетъ важнѣе, ослабленіе сознанія о неизбѣжной принадлежности земли, находящейся въ пользованіи у крестьянина, самому крестьянину, сведемъ эти факты и мы увидимъ, что если выкупъ земли труденъ въ настоящее время, то чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе онъ будетъ и скоро сдѣлается совершенной невозможностью и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи. По нашему, лучше ужъ и не говорить о предоставленіи его будущему, если не дѣлать его въ настоящемъ; лучше ужъ прямо сказать, что о немъ нечего и думать, что масса крестьянъ должна остаться по матеріальнымъ условіямъ въ прежнемъ положеніи или даже превратиться въ сословіе батраковъ.

Точно также, по нашему, лучше ужъ прямо говорить, что выкупъ земли дѣло очень трудное или невозможное, нежели прикрывать благодушными фразами тяжелой или невыносимыя цифры.

Только позвольте, на меня находить сомнѣніе: какимъ же это образомъ вы-

купъ земли можетъ быть въ самомъ дѣлѣ затруднителенъ? Какъ онъ можетъ превышать силы народа? Это неправдоподобно. Это противорѣчитъ основнымъ понятіямъ народнаго хозяйства. Политическая экономія прямо говоритъ, что всѣ тѣ матеріальные капиталы, кашіе достаются извѣстному поколѣнію отъ предшествовавшихъ поколѣній, составляютъ цѣнность не очень значительную по сравненію съ тою массою цѣнностей, которая производится трудомъ этого поколѣнія. Напримѣръ, вся земля, принадлежащая французскому народу, со всѣми здашіями и всѣми находящимся въ нихъ, всѣми кораблями и грузами, всѣми скотомъ и всѣми деньгами и всѣми другими богатствами, принадлежащими этой странѣ, едва ли представляетъ стоимость во сто милліардовъ франковъ; а трудъ французскаго народа ежегодно производитъ цѣнность въ пятнадцать или болѣе милліардовъ франковъ, т. е. не болѣе какъ въ семь лѣтъ французскій народъ производитъ массу цѣнностей, равную цѣности цѣлой Франціи, какъ она есть отъ Ламаиша до Пирпенеевъ. Стало быть, если-бы французамъ нужно бы было выкупить у кого нибудь всю Францію, они могли бы это сдѣлать въ продолженіе одного поколѣнія, употребляя на выкупъ только пятую часть своихъ доходовъ. А у насъ о чемъ идетъ дѣло? Развѣ цѣлю Россію должны мы выкупать со всѣми ея богатствами?—Нѣтъ, только одну землю. И развѣ всю русскую землю?—Нѣтъ, выкупъ относится только къ тѣмъ губерціямъ одной Европейской Россіи, въ которыхъ укоренилось крѣпостное состояніе, т. е. къ пространству, занимающему не болѣе 60 тысячъ географическихъ миль *); да и на этомъ пространствѣ развѣ вся земля подлежитъ выкупу?—Вовсе нѣтъ: на этомъ пространствѣ живетъ почти столько же вольныхъ людей, сколько и крѣпостныхъ крестьянъ. И можно сказать съ достовѣрностію, что развѣ немногимъ менѣе половины изъ этихъ 60 тысячъ квадратныхъ миль принадлежать казнѣ, и развѣ съ небольшимъ половина принадлежитъ къ крѣпостнымъ имѣніямъ. И изъ этихъ 30 или 35 тысячъ квадр. миль, развѣ на всѣ мы претендуемъ? Нѣтъ, изъ нихъ развѣ около третьей части находится въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ, и при всемъ увеличеніи надѣла. какое было бы нужно для упроченія благосостоянія освобождаемыхъ крестьянъ, развѣ половина крѣпостныхъ земель отходила бы къ нимъ. Такъ неужели же для великаго Русскаго народа можетъ быть затруднителенъ выкупъ одной шестой части пространства, занимаемаго Европейскою Россіею?

Сдѣлаемъ соображеніе на другомъ основаніи.

Число крѣпостныхъ крестьянъ составляетъ немногимъ меньше одной третьей части всего населенія Русской имперіи. Цѣнность годичнаго сбора, доставляемаго десятиною земли, у насъ немногимъ уступаетъ всей продажной цѣности этой десятины, а во многихъ мѣстахъ чуть ли не превышаетъ ее **). Какимъ же образомъ для цѣлой нашіи можетъ быть затруднителенъ выкупъ такого капитала, который развѣ-развѣ въ два раза; да и то едва ли, превышаетъ цѣнность производства, даваемого трудомъ трехъ дней въ недѣлю одной трети

*) Царство Польское, Великое Княжество Финляндское, Остзейскія губерціи, Архангельскъ, Астрахань, Олонецъ, Ставрополь, Вятка, Крымъ, Бессарабія въ этотъ счетъ нейдутъ, потому что въ нихъ или вовсе нѣтъ крѣпостнаго состоянія, или оно существуетъ въ разнѣрахъ, въ представляющихъ никакой важности для выкупа земли.

***) Пять четвертей хлѣба по три рубля за четверть даютъ пятнадцать рублей валовою дохода съ десятины; во многихъ мѣстахъ десятина земли не стоитъ этихъ денегъ.

ея населенія! Вѣдь это все равно, какъ если-бы вы сказали, что когда изъ трехъ братьевъ, получающихъ каждый по тысячѣ рублей дохода въ годъ, на одномъ братѣ лежитъ долговое обязательство въ двѣ тысячи рублей, то общими силами всѣхъ трехъ братьевъ трудно выкупить этотъ долгъ. По здравому смыслу и по житейскому опыту казалось бы напротивъ, что если всѣ три брата серьезно захотятъ расквитаться съ долгомъ, то въ четыре, много въ пять лѣтъ, они уплатятъ его, нисколько не стѣсняясь, почти нечувствительно.

Что за странность! Политическая экономія, статистика Россіи, здравый смыслъ, все ведетъ къ предположенію, что выкупъ земель, находящихся въ пользованіи у крѣпостныхъ крестьянъ — дѣло легкое, даже очень легкое, а между тѣмъ одна половина разсуждавшихъ объ этомъ выкупѣ признавала его дѣломъ невозможнымъ, а другая половина хотя и говорила о возможности, иной разъ даже о легкости его, но представляла такія цифры, послѣ которыхъ чувствуешь, что лучше было бы и не начинать о немъ рѣчи. Тутъ чтонибудь не такъ.

Когда посмотришь на житейскія дѣла, обыкновенно видишь, что если два человѣка, имѣющихъ между собою денежный расчетъ, не могутъ сойтись къ легкому его рѣшенію, то одинъ изъ нихъ- ведетъ счетъ по невѣрнымъ основаніямъ. Не то ли же самое и по вопросу о выкупѣ земли? Не знаемъ, на какихъ основаніяхъ стали бы вести счетъ по этому дѣлу крестьяне: они еще не излагали своихъ основаній; стало быть, съ ихъ стороны еще не могло быть невѣрности. Представляла счеты до сихъ поръ исключительно одна сторона — помѣщики *). По ихъ счетамъ оказывалось, что выкупъ земли невозможенъ или соединенъ съ очень большими тяжестями на очень долгое время, то есть, оказывалось, что требованіе не только не совпадаетъ съ мнѣніями людей, подлежащихъ требованію, но и вообще, безъ всякаго отношенія къ понятіямъ этой другой стороны, само по себѣ, уже имѣетъ или просто невозможные или очень затруднительные размѣры.

Ясно, гдѣ тутъ надобно предполагать ошибку. Ее надобно предполагать въ основаніяхъ расчетовъ, приводящихъ къ такому странному результату. Когданибудь мы просмотримъ эти основанія, и наше предположеніе оправдается фактами. Теперь удовлетворимся однимъ тѣмъ выводомъ, что основаній, представлявшихъ другими, намъ не слѣдуетъ принимать безъ критики, если хотимъ достичь положительнаго, а не отрицательнаго рѣшенія, и надобно самостоятельно поискать болѣе точныхъ основаній, приступая къ вопросу, какъ будто бы къ новому, еще незатронутому, и не ожидая себѣ значительной помощи отъ прежнихъ его рѣшеній **).

Начнемъ же дѣло будто новое, начнемъ его съ самаго начала, съ отыскиванія основаній, на которыхъ оно можетъ быть ведено.

Какое неуваженіе къ предшествовавшимъ почтеннымъ трудамъ! Называть новымъ, непочатымъ вопросомъ, о которомъ такъ много пишутъ уже цѣлый годъ, пишутъ сотни людей, коротко знакомыхъ съ дѣломъ, оказавшихъ важныя услуги сельскому хозяйству, прекрасно управлявшихъ своими помѣстьями, всѣ съ выго-

*) Изъ числа писавшихъ о крестьянскомъ вопросѣ нѣкоторые, правда, и не были помѣщики, но и тѣ почти всѣ основывались на соображеніяхъ и расчетахъ, представленныхъ помѣщиками; да и вообще по всему образу мыслей и всѣмъ интересамъ тѣсно были связаны съ этою стороною.

**) Кромѣ одного, которое было представлено въ нашемъ журналѣ и съ которымъ въ главныхъ основаніяхъ мы тогда же соглашались.

дою для себя, многіе съ благоиѣ для крестьянѣ, — называть непочатымъ вопросъ столь внимательно имя раяработываемый, это явная несправедливость.

А вотъ ны сейчасъ увидимъ, справедливы ли наши слова, что вопросъ о выкупѣ земли едва початъ. Первымъ основаніемъ, съ котораго должна начаться его разработка, должно служить опредѣленіе средней цѣнности ревизской души съ надѣломъ землею въ каждомъ округѣ, составляющемъ однородное экономическое цѣлое. Гдѣ же найти эти цифры? Ихъ почти не представлено вновь въ дополненіе къ тѣмъ, какія были извѣстны до начала крестьянскаго дѣла, преимущественно изъ наслѣдованій повойнаго Журавскаго и г. Соловьева. Правда, кое-гдѣ въ журналахъ за прошлый годъ встрѣчаются указанія относительно цѣнности имѣній или дохода съ нихъ въ той или другой мѣстности; но на чемъ основаны приводимыя цифры, мы не видимъ: а степень точности, съ какою дѣлаются потомъ изъ нихъ разные выводы, заставляетъ предполагать, что и основныя цифры выведены не совсѣмъ точно; потому безъ длинной и утомительной провѣрки принимать ихъ нельзя, стало быть и вопросъ не подвинулся ни на шагъ отъ ихъ напечатанія, и достовѣрными цифрами остаются пока только тѣ, которыя выведены покойнымъ Журавскимъ для Кіевской и г. Соловьевымъ для Смоленской губерній.

Мы не надѣемся пріобрѣсть одобреніе отъ всѣхъ помѣщиковъ; но найдутся между помѣщиками многіе столь безпристрастные и гуманные, что во все продолженіе чтенія этой статьи будутъ признавать въ насъ желаніе приблизиться къ истинѣ, какова бы ни была эта истина. Когда же читатель дойдетъ до послѣднихъ страницъ статьи и увидитъ, съ какою цѣлью были выставлены и защищаемы наши цифры, могуція многимъ показаться слишкомъ низкими, то конечно одобритъ насъ очень многіе даже изъ тѣхъ, которые сначала могли быть нами недовольны. Мы даже полагаемъ, что, по прочтеніи всей статьи до конца, большинство разсудительныхъ помѣщиковъ убѣдится въ справедливости нашего увѣренія, что цѣль наша — не нападеніе на ихъ выгоды, а напротивъ, охраненіе ихъ собственныхъ интересовъ.

Такъ напримѣръ, основаніемъ для нашихъ приблизительныхъ выводовъ мы беремъ цифру, представляемую покойнымъ Журавскимъ для Кіевской губерніи, принадлежащей къ богатѣйшимъ, и вовсе не хотимъ на этотъ разъ пользоваться цифрами, представленными у г. Соловьева для Смоленской губерніи, потому что она одна изъ бѣдныхъ и соединеніе ея цифръ съ кіевскими значительно понизило бы выводъ. Говоря по строгой правдѣ, губерніи похожихъ на Смоленскую у насъ не меньше, чѣмъ похожихъ на Кіевскую, и мы имѣли бы полное право столько же основываться на выводахъ г. Соловьева, сколько и на выводахъ покойнаго Журавскаго. Но повторяемъ, мы хотимъ лучше погрѣшить излишнею высотой цѣнъ, нежели упрекнуть себя въ возможности противнаго.

Какія же основанія мы получаемъ отъ изслѣдованій Журавскаго, которыя надобно замѣтить, чрезвычайно обширны и точны, наполняютъ собою три огромные тома *in quarto* и составлены, почти исключительно, по документамъ полученнымъ отъ самихъ помѣщиковъ?

Въ 1834 году, по Журавскому, въ Кіевской губерніи считалось 504.431 душа крѣпостныхъ крестьянѣ мужскаго пола. Въ 1846 году общая сумма всѣхъ доходовъ, доставленныхъ крѣпостными помѣстьями, прострала, по очень точнымъ вычисленіямъ, до 7,123,380 рублей; такимъ образомъ средній доходъ съ

души въ Киевской губерніи, одной изъ богатѣйшихъ, простирается до 14 рублей 12 копѣекъ *). Но тутъ надобно сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Во-первыхъ, цифра дохода, принимаемая Журавскимъ, вычислена имъ самимъ и далеко превышаетъ ту цифру, какую показывали помѣщики. По итогамъ, доставленнымъ помѣщиками, весь доходъ простирается бы всего только до 4,020,557 рублей серебромъ, то есть, всего выходило бы по 7 рублей 97 копѣекъ съ души. По строгимъ законамъ справедливости, конечно, мы имѣли бы полное право не цѣнить доходовъ съ имущества выше, нежели цѣнили ихъ сами владѣльцы; но мы только и предоставляемъ читателю вспоминать въ случаѣ надобности, что каковы бы ни были выводы нами получаемые, все-таки они понизились бы болѣе, чѣмъ на 43%, если-бы мы стали держаться цифръ, какія правились самимъ помѣщикамъ до возникновенія крестьянскаго вопроса. Мы будемъ до неумѣренности соблюдать ихъ выгоды, будемъ заботиться о ихъ выгодахъ больше, нежели заботились сами они, и вмѣсто ихъ собственныхъ низкихъ цифръ, возьмемъ высшія цифры, выведенныя самимъ Журавскимъ.

Второе наше замѣчаніе состоитъ въ томъ, что доходъ, выведенный Журавскимъ, есть валовой доходъ, а не чистый; изъ него не вычтены ни издержки по управленію, ни страховая премія; а при капитализированіи дохода, конечно, надобно брать въ основу чистый доходъ за вычетомъ изъ валоваго дохода страховой преміи и издержекъ по управленію. Величина этихъ вычетовъ должна быть очень значительна, и мы собственно должны были бы считать ее въ 30—40%; на такую пропорцію ниже средней цифры валоваго дохода средняя арендная плата съ души, представляющая средній чистый доходъ **).

Мы будемъ такъ заботливы о сохраненіи, даже съ нарушеніемъ справедливости, возможно большей цифры, что примемъ этотъ вычетъ только въ 10%. Каждый, хотя нѣсколько знакомый съ сельскимъ хозяйствомъ, скажетъ, что издержки по управленію вмѣстѣ съ страховою преміею берутъ изъ валоваго дохода процентъ гораздо значительнѣйшій. Наконецъ, третье и послѣднее замѣчаніе, самое важное, уже было нами сдѣлано въ первой статьѣ: „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“. Тогда мы уже говорили, что доходъ, вычисленный Журавскимъ, далеко не весь получается изъ крѣпостныхъ отношеній и слѣдовательно далеко не весь долженъ входить въ опѣнку для опредѣленія выкупа этихъ отношеній. Именно изъ 7,123,380 р. общаго дохода помѣщики около 3 милліоновъ получаютъ вовсе не какъ помѣщики, а какъ владѣтели фабрикъ, хозяева тонкорунныхъ стадъ, торговцы лѣсонъ, торговцы виномъ, свеклосахарные заводчики и т. д. ***).

*) Число душъ у Журавскаго показано за 1834 годъ; по г. Кеппену, въ 1836 г., было въ Киевской губерніи 504,589 душъ крѣпостныхъ крестьянъ муж. пола, а въ 1851—611,554 душа. Итакъ среднее приращеніе въ годъ 455,3 душъ. На основаніи этого, въ 1846 г., слѣдовало бы считать 509,129 душъ. А если бы мы взяли эту цифру (какъ и слѣдовало бы по точной справедливости), выводъ средняго выкупа понизился бы. Вотъ первое доказательство того, что мы всячески натягиваемъ пропорціи для повышенія выкупной цифры.

**) Журавскій говоритъ: „Обыкновенная арендная плата съ имѣній, отдаваемыхъ въ посессию, считается здѣсь отъ 8 до 10 руб. сер. съ ревизской души“. Принимая среднюю цифру 9 рублей, мы получимъ, что чистый доходъ составляетъ мѣже 64% валоваго дохода.

***) Вотъ подробный счетъ, который желающіе могутъ провѣрить по книгѣ Журавскаго и который въ такомъ случаѣ найденъ будетъ слишкомъ умѣреннымъ. Пропианція и лѣсная продажа дадутъ 1.250,000 р.; наъ 1,350,000 р., даваемыхъ овцеводствомъ и винокурениемъ, конечно, болѣе половины нужно считать не результатомъ крѣпостнаго труда или вообще крѣ-

Къ какой же цифрѣ приводитъ насъ эти факты? На основаніи третьяго замѣчанія, изъ 7,123,380 руб. общаго валоваго дохода, за вычетомъ 3 милліоновъ рублей, получаемыхъ помѣщиками, не какъ помѣщиками, а какъ фабрикантами, заводчиками и торговцами, мы должны признать валовымъ доходомъ. получаемымъ помѣщиками какъ помѣщиками, всего только 4,123,380 рублей. На основаніи втораго замѣчанія мы должны изъ этого валоваго дохода вычесть 10% расходовъ по управленію и страховой преміи. За этимъ вычетомъ мы получаемъ въ остаткѣ 3,711,042 рубля, какъ сумму всего чистаго дохода, получаемаго помѣщиками какъ помѣщиками. Это составляетъ (съ 504,431 души) 7 рублей 36 копѣекъ съ души.

Единственно этотъ чистый доходъ долженъ быть принимаемъ основаніемъ при капитализаціи, опредѣляющей цѣнность имѣній, часть которыхъ подвергается выкупу при отиѣненіи крѣпостныхъ отношеній. По какому же проценту надобно разсчитывать капитализацію? Это рѣшить довольно легко. Всѣ, свѣдущіе въ сельскомъ хозяйствѣ люди, утверждаютъ, что дурно управляется то имѣніе, которое даетъ не больше 7%. Обыкновеннымъ процентовъ считается 8. Дѣйствительно, меньшей цифры принять нельзя, потому что дома въ Петербургѣ даютъ 7%, а по извѣстному экономическому закону, та собственность, управленіе которою хлопотливѣе и доходы съ которой подвергаются большей страховой преміи, даетъ и большій процентъ. Кто же не знаетъ, что управлять деревней хлопотливѣе, нежели управлять домою въ Петербургѣ, и что на жильцовъ въ Петербургѣ не бываетъ неурожайныхъ годовъ? Итакъ, мы должны были-бы принять по крайней мѣрѣ 8%; но снова поддаваясь своей наклонности къ возиожному повышенію выкупнаго капитала, примемъ только 7½%. По этому расчету выходитъ, что если-бы выкупу подлежала личность крѣпостныхъ крестьянъ вмѣстѣ со всею землею, которая собственно принадлежитъ къ крѣпостнымъ отношеніямъ. то есть, со всею крестьянскою и со всею господскою землею, то среднимъ числомъ полная выкупная цѣна души мужскаго пола была бы 98 рублей 10 копѣекъ серебромъ.

Но это полная цѣна всей крѣпостной земли вмѣстѣ съ самою личностью крестьянина. А по правилу, установленному Высочайшими рескриптами, и по желанію, выражаемому всѣми благомыслящими помѣщиками, личность не подлежитъ выкупу; подлежитъ выкупу одна только земля. Притомъ и землю предполагается выкупить не всю находящуюся въ дачѣ cadaго крѣпостнаго имѣнія, а только ту часть земли, которая находится въ пользованіи самыхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, чтобы изъ полученной нами цифры, 98 рублей 10 копѣекъ, вывести точную цифру для величины выкупа, надобно было бы опредѣлить, во

постныхъ отношеній, а прямо процентами съ денежныхъ и натуральныхъ капиталовъ, затраченныхъ помѣщиками на эти предпріятія, которыхъ ни мало не касается отиѣненіе крѣпостныхъ отношеній; но мы возьмемъ въ вычетъ только половину, то есть, 075,000 рублей. Изъ дохода, доставляемаго хлѣбопашествомъ и свеловицею (3,800,000), конечно гораздо болѣе, нежели одну пятую часть, надобно считать результатомъ работы реманентнаго (господскаго) скота и господскихъ машинъ, которыхъ также не коснется уничтоженіе крѣпостнаго права, и процентомъ на посянное зерно; мы возьмемъ только пятую часть; это составитъ болѣе 750,000 рублей. Сложивъ эти суммы, изъ которыхъ двѣ послѣднія слишкомъ умѣренны, мы получимъ уже 2,675,000 рублей. Остальныя 325 тысячъ слѣдуетъ вычесть изъ чиншей и разныхъ сборовъ, которые составляютъ въ общей суммѣ болѣе 500 тысячъ рублей и изъ которыхъ самая значительная часть получается отъ источниковъ, ни мало не связанныхъ съ отиѣненіемъ крѣпостнаго права (напр. рента съ земли, заселенной разными сословіями городскихъ обывателей и принадлежащей помѣщикамъ).

первыхъ, какая именно часть цѣнности придается помѣстью собственно крѣпостнымъ трудомъ, который не подлежитъ выкупу, и какая часть доставляется самою землею; во-вторыхъ, каково отношеніе цѣнности выкупаемой части земли къ цѣнности цѣлой дачи, принадлежащей къ помѣстью. Разумѣется, отвѣты были-бы чрезвычайно разнообразны по разнымъ мѣстностямъ; но все-таки ихъ очень легко можно было-бы свести въ общій итогъ, и тогда можно было-бы сообразить, какая часть общей цѣнности крѣпостныхъ имѣній, получаемой умноженіемъ средней цифры на количество всѣхъ душъ, принадлежитъ исключительно личностямъ, душамъ самыхъ крестьянъ, неподлежащимъ выкупу, и потому должна быть просто вычтена изъ общей суммы. Затѣмъ остатокъ представлялъ бы цѣнность собственно крѣпостныхъ земель, и надобно было-бы узнать, какая часть этихъ земель останется за помѣщиками и какая перейдетъ къ крестьянамъ. Только послѣдняя часть подлежитъ выкупу и только цѣнность одной ея составляетъ итогъ выкупа.

Ни для того, ни для другого обстоятельства не подготовлены общія цифры по всей Россіи, хотя сколько нибудь точныя. Напрасно мы стали бы искать ихъ во всѣхъ безчисленныхъ статьяхъ и запискахъ по крѣпостному вопросу. Не въ правѣ ли были мы сказать послѣ этого, что вопросъ о выкупѣ земли, несмотря на множество основательныхъ статей объ немъ, до сихъ поръ остается непочатымъ въ нашей литературѣ?

Мяло того что не собраны въ этихъ цѣностяхъ общія приблизительныя свѣдѣнія, опредѣленіе которыхъ соединено съ вычисленіями, хотя и не слишкомъ мудренными, но всеже требующими нѣвотораго умственного труда; не собраны даже хотя сколько нибудь приблизительныя свѣдѣнія о фактѣ, уже прямо безъ всякихъ вычисленій и соображеній лежащемъ подъ перо и обуславливающимъ собою величину оброчныхъ, требуемыхъ нашимъ дѣломъ, цифръ. Мы говоримъ о томъ, какое количество крѣпостныхъ крестьянъ состоитъ на барщинѣ и какое на оброкѣ. Извѣстно, что въ оброчныхъ имѣніяхъ часть цѣнности, зависящая прямо отъ личной крѣпостной обязанности, гораздо значительнѣе, а часть цѣнности, принадлежащая самой землѣ, гораздо меньше, нежели въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Извѣстно также, что и вообще доходъ съ оброчныхъ имѣній менѣе, нежели съ состоящихъ на барщинѣ. Мы знаемъ только вообще, что на оброкѣ состоитъ гораздо меньшая часть крестьянъ, нежели на барщинѣ. Но какая именно часть — одна третья, или одна пятая, или еще меньшая часть крестьянъ состоитъ на оброкѣ, этого сказать въ настоящее время никто не можетъ. Мы должны принять эту пропорцію чисто наудачу.

По нашему правилу, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ неизвѣстна точная цифра и гдѣ неизбѣжна потому погрѣшность, погрѣшать противъ точной цифры развѣ преувеличимъ, а никакъ не уменьшимъ, мы предположимъ, что оброчныя имѣнія должны быть цѣнными точно такъ же, какъ состояція на барщинѣ. Читатель видитъ, что этимъ явно преувеличивается выкупная сумма выше дѣйствительной величины: мы уже сказали, что оброчныя имѣнія даютъ вообще дохода менѣе состоящихъ на барщинѣ. Но такъ и быть; положимъ, что они даютъ такой же доходъ.

Опять всѣмъ извѣстно, какъ мы уже сказали, что личныя крѣпостныя обязанности, отмѣняющіяся безъ выкупа, составляютъ въ общей цѣнности оброчнаго имѣнія гораздо большую часть, а земля гораздо меньшую часть, нежели въ бар-

щаномъ. Но опять-таки сдѣлаемъ явную натяжку для увеличенія суммы выкупа, положимъ, что въ оброчныхъ имѣніяхъ земля имѣетъ такую же цѣну, какъ въ барщинныхъ.

Послѣ этихъ двухъ явныхъ преувеличеній, очевидно, что цѣмъ больше мы положимъ оброчныхъ имѣній, тѣмъ значительнѣе преувеличится выкупная сумма выше дѣйствительной цѣны: вѣдь въ сущности, такъ какъ оброчное имѣніе даетъ меньше дохода, нежели барщинное, то и выкупъ за него долженъ быть меньше: а онъ будетъ у насъ больше, какъ увидимъ впоследствии. Вѣрныя своему праву, при неизбѣжности погрѣшить противъ точной цифры, — грѣшить только увеличимъ, а никакъ не уменьшимъ ея, — мы положимъ цифру оброчныхъ душъ самую большую, какую только можно вообразить. Пусть оброчныхъ имѣній будетъ цѣлая третья доля, хотя въ дѣйствительности, навѣрное, ихъ гораздо меньше.

Теперь займемся приблизительнымъ опредѣленіемъ того, какую часть отъ цѣнности имѣній составляетъ выкупаемая земля въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Вообще говоря, количество пахотныхъ полей у крестьянъ въ такихъ имѣніяхъ нѣсколько больше, нежели въ господской запашкѣ. За то луговъ, имѣющихся болѣе цѣны, нежели пахотная земля, находится у помѣщиковъ въ личное пользованіе гораздо больше, нежели сколько предоставлено въ пользованіе крестьянъ. Можно сказать, что если взять цѣнность крестьянскихъ луговъ и болѣе вмѣстѣ, то она едва ли будетъ равняться цѣнности луговъ и полей, оставленныхъ за собою помѣщиками. Затѣмъ остается еще огромное количество разныхъ угодій, собственно считаемыхъ господскими, а не крестьянскими; въ числѣ ихъ есть угодія очень цѣнные, именно лѣсъ (во всей средней и южной Россіи онъ имѣетъ страшно цѣнность) и рыбныя ловли. Чтобы сколько-нибудь точно опредѣлить эти цифры мы опять прибѣгнемъ къ даннымъ, собраннымъ объ одиннадцати уѣздахъ Калужской губерніи *) покойнымъ Журавскимъ.

	Господской.	Крестьянской.
Пахотной земли	749,021	861,759 десятинъ
Сѣнокосъ	260,124	187,366 "
	<u>1,009,145</u>	<u>1,049,125</u> "

Затѣмъ остаются съ одной стороны крестьянскія усадьбы, съ другой господскія усадьбы, очень цѣнныя, и 716,580 десятинъ лѣса, который одинъ стоитъ въ пятьдесятъ разъ дороже всѣхъ возможныхъ усадебъ, и сверхъ того еще 600,200 тысячъ десятинъ другихъ угодій, отчасти также очень цѣнныхъ. Стоитъ сказать, изъ 3,149,702 десятинъ всего пространства крѣпостныхъ земель только 1,194,472 десятины были обращены въ надѣль крестьянамъ, а 1,955,230 оставались за помѣщиками; притомъ, вообще говоря, именно лучшія земли и наиболѣе цѣнныя угодья были оставлены въ послѣдней части, такъ что мы оцѣнимъ общей сложности десятину крестьянской земли слишкомъ дорого, если положимъ цѣнность равную десятинѣ господской земли. Иначе говоря, изъ тысячи десятинъ пахотной земли до сихъ поръ только 379 было предоставлено въ надѣль крестьянамъ, а 621 десятина оставалась за помѣщиками, и мы преувеличили цѣнность земли, если скажемъ, что изъ 1000 рублей цѣнности всей крѣпостной земли на долю ея приходилось тоже 379 р.

*) Изъ этихъ уѣздъ точныхъ свѣдѣній не было получено.

Надѣлъ землею, существовавшей доселѣ, во многихъ мѣстахъ достаточенъ для крестьянъ; въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, онъ не былъ бы достаточенъ для до-
 тиженія цѣли, указанной Высочайшими рескриптами, именно, для обезпеченія
 платы повинностей и податей, и полезно бы было его увеличить. Кроме того,
 есть сомнѣнiя, отдѣлятся крестьянамъ часть лѣсовъ, рыбныхъ ловель и другихъ
 годий, необходимыхъ для сельскаго быта. Положимъ, что, вслѣдствiе этихъ при-
 авокъ къ прежнему надѣлу, пространство земли, отходящей къ крестьянамъ,
 равняется по объему съ землею, которая останется за помѣщиками (для того
 нужно въ очень многихъ помѣстьяхъ очень сильно увеличить крестьянскiй надѣлъ,
 какъ чтобы въ общемъ итогѣ онъ увеличился почти на цѣлую треть противъ на-
 шего); но даже и въ такомъ случаѣ мы все-таки погрѣшимъ противъ дѣйстви-
 тельности излишнимъ возвышенiемъ цѣны, если положимъ, что пятьсотъ десятинъ,
 которыя отойдутъ къ крестьянамъ, будутъ стоить столько же, сколько нынѣшнiе
 (десятинъ, которыя останутся у помѣщиковъ: послѣдняя половина по качеству го-
 раздо лучше первой.

Мы старались приблизиться къ опредѣленiю пропорцiи между цѣнною
 крестьянскихъ земель, и земель, остающихся за помѣщиками. Но земля въ помѣстьяхъ,
 находящеяся на барщинѣ, составляетъ только одинъ элементъ въ общей цѣнности
 помѣстья, на сколько эта цѣнность относится къ крѣпостному вопросу. Другой
 элементъ цѣнности заключается въ правѣ на личность. Отношенiе между этими
 двумя элементами очень трудно опредѣлить, по совершенному недостатку цифръ,
 заслуживающихъ довѣрiе. Если-бы мы захотѣли принять ту оцѣнку выгодъ, по-
 представляемыхъ обязательнымъ трудомъ, какую даютъ намъ сами помѣщики, мы при-
 шли бы къ результату слишкомъ невыгодному для нихъ теперь, когда рѣшено,
 что личность не выкупается, а подлежитъ выкупу только земля. Одни помѣ-
 щиковъ даютъ намъ свѣдѣнiя, по которымъ оказывается, что цѣнность обяза-
 тельнаго труда вдвое и даже втрое превышаетъ чистый доходъ съ земли, пред-
 ставленной крестьянамъ. Какое бы оказался бы результатъ, если-бы мы приня-
 ли за основу этотъ расчетъ эти показанiя? Результатъ былъ бы вотъ каковъ:

Цѣнность господской земли	621 рубль или 35,5%
— крестьянской земли.	379 рублей или 21,5%
— обязательнаго труда (вдвое противъ цѣнности крестьянской земли)	758 рублей или 43%
Итого	1758 рублей или 100%

По этому расчету оказывалось бы, какъ видимъ, что цѣнность настоя-
 щаго надѣла крестьянскихъ земель составляетъ только по 215 рублей съ каждой
 1000 рублей общей цѣнности имѣнiя, и слѣдовательно, если принять, какъ мы
 нашли, цѣнность души со всею крѣпостною землею господскою и крестьянскою
 по 98 рублей 10 копѣекъ, то оказалось бы по счету самихъ помѣщиковъ, что вы-
 купъ крестьянскихъ земель за настоящiй надѣлъ составлялъ бы всего по 21
 рубль съ души въ имѣнiяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Таковъ-то былъ бы
 выводъ, если-бы мы приняли оцѣнку обязательнаго труда, предлагаемую самими
 помѣщиками. Еще поразительнѣе былъ бы результатъ, если-бы мы приняли оцѣнку обя-
 зательнаго труда, предлагаемую другими помѣщиками: они говорятъ, что обяза-
 тельный трудъ составляетъ съ cadaго тягла не меньше 30 рублей серебромъ; на

36 руб., или 42 руб. Будемъ считать на 100 душъ 30 тяголь и обязательную работу каждаго тягла въ 30 рублей; выходить, со ста душъ цѣнность обязательнаго труда 900 рублей. Что же далѣе? Личныя вѣрностныя повинности отмиаются безъ вознагражденія. Итакъ сто душъ крестьянъ должны выиграть въ ежегодномъ доходѣ 900 рублей. А между тѣмъ мы нашли, что вся годичная цѣнность, доставляемая какъ личнымъ крѣпостнымъ правомъ, такъ и правомъ на крѣпостную землю, не превышаетъ 7 руб. 36 коп. съ души, то есть 736 руб. со ста душъ. Итакъ пожертвованіе, которое долженъ бы принести помѣщикъ, было бы значительное всего дохода, даваемого ему и личнымъ крѣпостнымъ трудомъ и всю землю, какъ крестьянскою, такъ и господскою, и оказывалось бы, что помѣщикъ долженъ былъ бы не только отдать даромъ всю крѣпостную землю и свою и крестьянскую, но еще я приплачивать на каждую крѣпостную душу по 1 руб. 64 коп. ежегодно, или, капитализируя эту уилату по принятому нами расчету ($7\frac{1}{2}\%$), приплатитъ каждой душѣ по 21 руб. 90 коп. Разумѣется, еще больше окажется эта приплата, если мы возьмемъ не очень умѣренныя цифры, а тѣ, которыя выставлены помѣщиками болѣе требовательными, наприимѣръ положимъ, согласись мы мнѣшiemъ, что на сто душъ слѣдуетъ считать 40 тяголь и обязательный трудъ каждаго тягла слѣдуетъ цѣнить въ 36 руб. сер. Какія цифры получатся тогда? Вотъ кашія:

40 тяголь по 36 руб. дають 1440 руб.; капитализируя эту цѣнность обязательнаго труда по расчету $7\frac{1}{2}\%$, мы получимъ, что выгода, приносимая обязательнымъ трудомъ, равняется капиталу въ 19,200 руб.

Между тѣмъ цѣнность всѣхъ крѣпостныхъ земель крестьянскихъ и господскихъ со всѣми поселенными на нихъ душами равняется только 98 руб. 10 коп., то есть все помѣстье, имѣющее 100 душъ, стоитъ только 9,810 руб.

А такъ какъ владѣлецъ этого имѣнія долженъ уступить своимъ крестьянамъ цѣнность 19,200 руб., то стало быть, если онъ откажется въ пользу крестьянъ отъ всего помѣстья, то этимъ еще далеко не исполнится мѣра его уступки: онъ уступить имъ только 9,810 руб. и для пополненія уступки онъ долженъ будетъ еще приплатить 9,390 руб.,—только тогда онъ возвратитъ имъ вполне всю цѣнность обязательнаго труда, отъ котораго отказывается.

Что за нелѣпость! Надобно совершенно задаромъ отказаться отъ всего помѣстья и въ добавокъ приплатить еще цѣну почти равную той, какую имѣло цѣло помѣстье, только тогда составитъ сумма, равная одной части цѣнности этого самаго имѣнія! вмѣсто геометрической аксіомы „часть меньше цѣлаго“ мы пришли къ выводу совершенно противнаго рода: „часть почти вдвое больше своего цѣлаго“. Изумительное открытіе! Послѣ этого надобно думать, что въ Петербургѣ больше жителей, нежели въ цѣлой Россіи, что Европа занимаетъ пространство большее, нежели вся поверхность земнаго шара, что одинъ палецъ больше всей руки. А впрочемъ нечего и удивляться подобнымъ выводамъ: каковы основанія, таковы и выводъ изъ нихъ. Выставить преувеличенную цифру, чтобы дѣлать изъ нея преувеличенныя выводы для собственной пользы, вещь очень заманчивая; но только дѣло въ томъ, что изъ каждой цифры можетъ быть выводимо множество различныхъ приименій. Вызвали то приложение цифры, какое было выгодно для васъ; но вѣдь также легко

сдѣлать и другія приложения, которыя окажутся для васъ далеко не въ такой степени выгодными, и тогда придется вамъ признать, что уклоненіе отъ истины не всегда полезно для самого уклоняющагося; тогда, быть можетъ, ясно станетъ для насъ, что истина безопаснѣе всего.

Мы все это говорили только къ тому, чтобы показать, какими желаніями мы руководимся, не соглашаясь приписать обязательному труду той преувеличенной цѣнности, какую даютъ ему нѣкоторые. Мы видимъ, что преувеличеніе въ этомъ случаѣ повертывается въ невыгоду самихъ владѣльцевъ, и именно для соблюденія ихъ пользы хотимъ держаться самой умѣренной цифры при опредѣленія того, какая часть цѣнности придается имѣнію обязательныхъ трудовъ. Личность освобождается безъ вознагражденія; потому, чѣмъ ниже мы оцѣнимъ обязательный трудъ, тѣмъ большая часть цѣнности останется на долю земли, подлежащей выкупу, слѣдовательно тѣмъ выгоднѣе для владѣльца будетъ цифра выкупа.

Итакъ положимъ, что цѣнность обязательнаго труда составляетъ только пятую часть цѣнности всего крѣпостнаго имущества въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. На самомъ дѣлѣ обязательный трудъ составляетъ, безъ сомнѣнія, гораздо значительнѣйшую часть общей суммы; но мы принимаемъ меньшую цифру для выгоды владѣльцевъ. Какова же будетъ при этой цифрѣ окончательная величина выкупа въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ?

Вся стоимость крѣпостнаго имущества найдена нами равняющеюся 98 рублямъ и 10 копѣйкамъ серебромъ на душу; изъ этой цифры одна пятая, т. е. 19 рублей 62 копѣйки, отсчитывается на обязательный трудъ, неподлежащій выкупу. Цѣнность земли остается 78 руб. 48 коп. на душу. По нынѣшнему надѣлу, изъ тысячи десятинъ земли крестьянамъ уступлено 379; по этой пропорціи изъ 78 руб. 48 коп. на крестьянскую землю приходится цѣнность 29 руб. 74 коп., — вотъ средняя величина выкупа съ души въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ, при нынѣшнемъ надѣлѣ.

Но мы уже замѣтили, что во многихъ помѣстьяхъ настоящій надѣлъ пахотною землею и сѣнокосами недостаточенъ; сверхъ того для крестьянъ необходимъ надѣлъ нѣкоторою частью лѣсовъ и другихъ угодій, не причисляемыхъ нынѣ къ ихъ землѣ. Мы говорили, что вслѣдствіе этихъ необходимыхъ прибавокъ, крестьянскому надѣлу слѣдовало бы въ общей суммѣ возвыситься до половины всей крѣпостной земли. Мы будемъ брать за норму выкупа эту послѣднюю величину надѣла, безъ которой не достигнется цѣль, указанная Высочайшими рескриптами. Тогда выкупъ составитъ ровно половину цѣнности всей крѣпостной земли, то есть 39. рублей 24 копѣйки съ души.

До сихъ поръ мы говорили объ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Въ оброчныхъ помѣстьяхъ обыкновенно вся земля находится во владѣніи крестьянъ, но тѣмъ не менѣе встрѣчаются оброчныя имѣнія, въ которыхъ часть земли остается за владѣльцами. Во многихъ другихъ оброчныхъ помѣстьяхъ согласное желаніе владѣльца и крестьянъ будетъ состоять въ томъ, чтобы при отходѣ помѣстья отъ владѣльца нѣкоторая часть земли была возвращена ему. Положимъ, что оба эти факта въ сложности произведутъ оставленіе за владѣльцами оброчныхъ имѣній хотя одной воемой части крѣпостной земли. Въ дѣйствительности эта доля, конечно, будетъ гораздо значительнѣе, но чѣмъ меньше принять вычетъ, тѣмъ больше останется величина выкупа. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, мы дѣ-

лаемъ всевозможныя натяжки для возвышенія выкупной суммы. Такъ мы уже приняли цѣну земли въ оброчныхъ имѣнiяхъ за равную цѣнѣ земли въ барщинныхъ, хотя въ оброчныхъ земля гораздо малоцѣннѣе, какъ извѣстно всякому. Точно также мы хотимъ принять, что цѣна личности въ оброчныхъ имѣнiяхъ составляетъ, какъ въ барщинныхъ, только одну пятую часть всей цѣнности крѣпостнаго имущества, хотя извѣстно, что въ оброчныхъ имѣнiяхъ цѣнность гораздо больше, нежели въ барщинныхъ, проистекаетъ изъ крѣпостнаго права на самую личность, а не на землю, и хотя даже для барщинныхъ имѣнiй вычесть изъ общей цѣнности за отиѣняемое безъ вознагражденiя право на личность принять нами меньше своей дѣйствительной цѣны.

На этихъ основашихъ, до крайности выгодныхъ для владѣльца, величина выкупа въ оброчныхъ имѣнiяхъ опредѣлится такимъ образомъ.

За вычетомъ 19 руб. 62 коп. изъ общей цифры 98 руб. 10 коп., цѣнность всей крѣпостной земли остается, какъ въ барщинныхъ имѣнiяхъ, 78 руб. 48 коп.: изъ этой земли одна восьмая часть останется за помѣщикамъ (цѣнность этой доли 9 руб. 81 коп.); за крестьянами остается семь восьмыхъ частей, цѣнность которыхъ 68 руб. 67 коп.

Эта цифра 68 рублей 67 копѣекъ и составляетъ выкупъ оброчной души съ землею.

Теперь совершенно ясно, что мы дѣлали большую натяжку для повышенiя общей выкупной суммы по всей имперiи, когда считали, что цѣлая треть крѣпостныхъ крестьянъ находится на оброкѣ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности пропорцiя эта гораздо меньше: выкупъ за оброчныхъ больше, чѣмъ за состоящихъ на барщинѣ.

Вотъ мы достигли наконецъ того, что можемъ вывести приблизительную величину выкупа всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ цѣлой имперiи съ надѣломъ земли, какой мы принимали выше, то есть съ надѣломъ, увеличеннымъ до цѣлой половины всей крѣпостной земли.

Мы принимали, что изъ 300 душъ 200 находятся на барщинѣ, а 100 на оброкѣ; по принятымъ для того и другаго разряда цифрамъ выкупа имѣемъ:

200 душъ по 39 руб. 24 коп.	7,848 руб.
100 " " 68 " 67 "	6,867 "
Итого 300 душъ	14,715 руб.

Раздѣляя общую цѣнность 14,715 руб. на 300 душъ, мы получаемъ среднюю цѣнность выкупа за каждую душу 49 руб. 5 коп. *).

Помножая эту среднюю цѣнность выкупа (49 руб. 5 коп.) на все количество крѣпостныхъ душъ въ Европейской Россiи (10,844,902, по новѣйшимъ свѣдѣнiямъ г. Тройницкаго), мы получимъ 531,942,443 р. 10 к.

*) Если-бы мы приняли, что оброчные крестьяне составляютъ только четвертую часть общаго числа, мы имѣли бы:

300 душъ по 39 руб. 24 коп.	11,772 руб.
100 " " 68 " 67 "	6,867 "
Итого 400 душъ	18,639 руб.

Раздѣляя 18,639 руб. на 400 душъ, получимъ среднюю цѣнность выкупа души съ землею 46 руб. 59³/₄ коп. на душу.

Вотъ велъ сумма выкупа съ землею при надѣлѣ, увеличенномъ на цѣлую треть выше настоящаго.

Какъ далеко отъ этой цифры до страшныхъ полутора или двухъ милліардовъ рублей серебромъ, о которыхъ обыкновенно говорятъ! Цѣлая бездна отдѣляетъ нашъ выводъ отъ этихъ ужасающихъ фантомовъ.

У кого изъ насъ не облегчается сердце при взглядѣ на эту цифру 531,940,000 р., на эту цифру, которая уже сама за себя прямо говоритъ: „Вглядитесь въ меня хорошенько: я вовсе не страшна, какъ васъ пугаютъ; со мною нетрудно будетъ вамъ сладить; я не разорю васъ, какъ тѣ раздутыя чудовища, которыя ужасали васъ подѣ моимъ именемъ. Вглядитесь въ меня хорошенько: есть ли во мнѣ хоть малѣйшій признакъ переполненія государства кредитными знаками, потрясенія кредиту, громаднхъ займовъ, изнурительныхъ усилій, которыми васъ стращали уродливые милліарды, являвшіеся вмѣсто меня въ потьмахъ безразчетности? Они старались представиться вамъ слонами, эти самозванцы-милліарды выкупа: а я, л чуть ли не муха,—такъ легко со мною справиться. Вглядитесь въ меня хорошенько: вѣдь я не больше той цифры, какую вы въ десять лѣтъ истратите на однѣ желѣзныя дороги; вѣдь я въ двое меньше той цифры, какую составить въ слѣдующіе десять лѣтъ оборотъ однихъ только Балтійскихъ нашихъ портовъ. И будто бы вамъ не справиться со мною въ самомъ дѣлѣ и легко и быстро?“

Но отчего же въ самомъ дѣлѣ такая громадная разность между нашимъ выводомъ и страшными милліардами, которые являлись подѣ перомъ другихъ? Мы старались по возможности держаться ближе къ дѣйствительнымъ даннымъ. Мы принимали за основаніе строго повѣренныя цифры о цѣломъ полумилліонѣ душъ крѣпостнаго населенія. А люди, пугавшіе милліардами, обыкновенно ровно ни на чемъ не основывались, кромѣ приходо-расходныхъ книгъ своего помѣстья.—книгъ, которыхъ никто не провѣрялъ, и которыя, Богу одному извѣстно, но какой бухгалтерш ведены. Да и то еще было хорошо, когда основывались хоть на какихъ нибудь счетахъ настоящаго дохода; а то безъ церемоніи прямо говорили: „Я, дескать, не знаю, сколько дохода доставляетъ мнѣ мое помѣстье, но полагаю, что оно должно доставлять вотъ столько-то“, или даже еще прямѣе „но желаю, чтобы оно считалось доставляющимъ мнѣ вотъ сколько“; и отъ невѣрныхъ счетовъ по одному имѣнію, или и отъ вѣрныхъ счетовъ, но по одному имѣнію, находящемуся въ исключительно выгодномъ положеніи, или наконецъ и просто отъ соображенія о томъ, сколько дохода могло бы приносить это имѣніе, еслибы приносило дохода гораздо больше, чѣмъ приносить теперь, они приходили къ заключенію прямо о цѣлой Россіи. Да и то еще было хорошо, если хоть на такихъ невѣрныхъ или желательныхъ счетахъ по одному своему имѣнію основывали выводъ о цѣлой Россіи; а то и просто, безъ всякихъ разеужденій писали „два милліарда“ и ставили точку, какъ будто меньше этой цифры уже и быть ничего не можетъ.

Итакъ, первая причина разницы между нашимъ умѣреннымъ выводомъ и ужасающими выводами другихъ состоитъ въ томъ, что мы взяли основаніе, хотя и не совершенно достаточное для безусловно точнаго результата, но все-таки очень широкое и прочное, именно добросовѣстныя и очень вѣрныя изслѣдованія о цѣломъ полумилліонѣ душъ мужскаго пола, то есть о цѣломъ милліонѣ душъ обоого пола; а другіе строили свои выводы на одномъ какомъ-нибудь помѣстьи, да и то безъ точной провѣрки его доходовъ, или и вовсе ни на чемъ не основывались. кромѣ

собственного произвола. Наше широкое и прочное основаніе— вотъ, сказали мы. первая причина умѣренности, какою отличается нашъ выводъ. Другая причина разницы состоитъ въ томъ, что мы стремились уяснить себѣ, какая именно часть помѣстныхъ доходовъ имѣть связь съ крѣпостнымъ правомъ, изъ этой части какая именно доля подлежитъ выкупу. Другіе поступали не такъ; они прямо, не разбирая ничего, говорили: „Я получаю (или желаю получать) со всего своего помѣстья столько-то рублей, вотъ вамъ и выкупъ, какого я хочу“. — „Но часть этихъ доходовъ получается отъ фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ оборотовъ и предпріятій, которыя ни мало не пострадаютъ, а напротивъ разовьются отъ уничтоженія крѣпостныхъ отношеній“. — „Я ничего знать не хочу, я знаю только, что получаю съ своего помѣстья 10,000 руб.; ну, и давайте мнѣ такой выкупъ, съ котораго проценты составили бы 10,000 руб.“. — „Но мало того, что изъ вашихъ 10,000 р. почти половина доставляется вамъ источниками, которыхъ не касается крѣпостной вопросъ; изъ остальной половины также значительнѣйшая доля останется у васъ въ рукахъ“. — „Опять таки повторяю, я этого ничего знать не хочу; фабрика и заводъ останутся у меня, половина пахотной земли и большая половина сѣнокосовъ, лѣсовъ и другихъ угодій останутся тоже у меня, а все-таки давайте мнѣ выкупъ за цѣлое помѣстье“. Отъ такихъ основаній и съ такою логикою не трудно дойти не только до двухъ милліардовъ, но и до двадцати, и до двухсотъ милліардовъ.

„Но, скажутъ намъ, вы принимаете выкупъ только въ 49 рублей за душу, тогда какъ другіе считаютъ, что мало будетъ и 100 руб.; иные думаютъ, что мало будетъ и 200 рублей. Какъ же это можно такъ низко спускать цифру? — Боже мой, именно мы-то и должны спросить наоборотъ: какъ можно было другимъ такъ раздувать эту цифру? Разсужденія наши были длинны, но сущность ихъ очень коротка. Мы взяли за основаніе вывода одну изъ богатѣйшихъ губерній; въ случаяхъ сомнѣнія мы ставили себѣ за правило принимать такія пропорціи, которыя изъ всѣхъ допускаемыхъ здравымъ смысломъ наиболѣе выгодны для возвышенія выкупной цифры, и все-таки не могли вывести ее больше, какъ въ 49 рублей 5 коп. Послѣ этого не имѣемъ ли скорѣе мы право спросить: вѣроятны ли цифры, втрое и вчетверо превосходящія цифру, полученную нами?

И чѣмъ же мала наша цифра? Кажется, нельзя отвергать того, что доходъ, доставляемый чисто крѣпостными отношеніями, безъ фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, выражается оброкомъ. Оброкъ въ двадцать пять руб. сер. съ тягла возможенъ только въ меньшей половинѣ Россіи; въ гораздо большей половинѣ онъ отъ двадцати руб. спускается до пятнадцати. Считая 33 тягла на 100 душъ, мы получаемъ при 25 рубляхъ оброка только 8 руб. 33 коп. съ души, при 20 руб. оброка только 6 руб. 66 коп. съ души, при 15 руб. оброка только 5 руб. съ души. Вотъ вамъ весь собственно крѣпостной доходъ. Если кто изъ владѣльцевъ получаетъ больше безъ произвольныхъ притѣсненій, онъ получаетъ этотъ излишекъ не какъ собственникъ крѣпостнаго права, а какъ ангрепренеръ, не какъ помѣщикъ, а какъ заводчикъ, фабрикантъ, негоціантъ, какимъ останется и по выкупѣ крестьянъ. Беремъ же среднюю цифру собственно крѣпостнаго дохода, 6 руб. 66 коп. съ души, и замѣчаемъ, что онъ получается отъ всей крѣпостной земли, а лучшая половина этой земли и по выкупѣ останется за помѣщикомъ; стало быть, вовсе не будетъ обиды

ему положить всю потерю его въ 3 рубля 33 коп. Эти 3 руб. 33 коп. дохода выкупаются по нашему разсчету 49 руб. 5 коп., — развѣ можно назвать невыгодной капитализацію по такому проценту? Вѣдь по $7\frac{1}{2}\%$ составлялось бы только 44 руб. 44 коп.; вѣдь по нашему разсчету капитализація выходитъ на основаніи менѣе, нежели 7% , а кто не знаетъ, что 7% уже выгодная цифра для капитализаціи земледѣльческихъ доходовъ?

Можно еще проще обсудить нашу цифру выкупа другимъ образомъ. Каждому извѣстно, что когда имѣніе заложено въ опекунскій совѣтъ, то уплата процентовъ беретъ болѣе половины валоваго дохода у помѣщика; во многихъ помѣстьяхъ она брала (по прежнему разсчету процентовъ на долги кредитныхъ учрежденій) двѣ трети и даже три четверти валоваго дохода; наконецъ извѣстно, что часто помѣстья покупались съ прибавкою самой вичтожнѣйшей суммы къ переводу долга на покупателя; наконецъ извѣстно и то, что при аукціонной продажѣ за неуплату процентовъ, помѣщику приходилось получать изъ продажной цѣны, за вычетомъ опекунскаго долга, иной разъ какихъ-нибудь по десяти рублей остатка съ души. Чтò же за цифра этотъ опекунскій долгъ, поглощающій почти всю цѣнность имѣнія? Чтò же за цифра эти проценты опекунскаго долга, поглощающіе большую часть доходовъ съ имѣнія? Опекунскій долгъ составляетъ не больше 80 рублей серебромъ на дуну; проценты съ него по прежней высокой нормѣ (6%) составляли всего 4 рубля 50 копѣекъ съ души. Послѣ этого можно ли говорить, что низка оцѣнка, которая только половину крѣпостныхъ земель, составляющихъ только часть всей цѣнности крѣпостнаго имѣнія, полагаетъ въ 49 рублей? Скорѣе надобно сказать, что эта оцѣнка выкупа слишкомъ высока.

Да и какъ не быть ей выше дѣйствительной средней цифры? вѣдь мы взяли за основаніе одну изъ богатѣйшихъ губерній и, вывода выкупную цифру, постоянно принимали такія пропорціи, которыя были выше дѣйствительныхъ, для возвышенія выкупной цифры. Угодно ли знать, къ чему пришли бы мы, если-бы не увлекались желаніемъ возвысить выкупную цифру? Вотъ къ чему. Для Кіевской губерніи вывели мы выкупную цифру барщинныхъ помѣстій 39 руб. 24 коп. Не будемъ перевѣрять этого вывода, который уже основанъ на многихъ возвышеніяхъ пропорцій. Не будемъ вычитать изъ него тѣхъ лишнихъ увеличеній, которыя легко было бы открыть. Обратимъ вниманіе только на одну пропорцію между барщинными и оброчными помѣстьями. Оброкъ въ Кіевской губерніи почти совершенно неизвѣстенъ: почти всѣ имѣнія состоятъ на барщинѣ. Если мы положимъ на оброкъ одну двадцатую часть крѣпостныхъ крестьянъ Кіевской губерніи, мы все-таки положимъ ихъ больше, нежели сколько ихъ въ дѣйствительности. Какое же вліяніе на общій выводъ будетъ имѣть эта пропорція?

1,900 душъ по 39 руб. 24 коп.	74,556 руб.
100 — — 68 — 67 —	6,867 —
Итого 2,000 душъ	81,423 руб.

Средній выкупъ за душу по этому итогу оказывается 40 руб. 71 коп.

Но Кіевская губернія — одна изъ богатѣйшихъ; разсчитывать по ней одной несправедливо. Надобно взять также одну изъ бѣдныхъ губерній, и для того обратимся къ цифрамъ, какія собраны г. Соловьевымъ для Смоленской губерніи. Цифры эти вотъ каковы.

Всего крѣпостной земли находится въ Смоленской губерши 3.847,524 десятины. Средняя продажная цѣна земли 5 руб. 47 вон. Итого цѣнность всей земли 21.061.000 рублей. Общее число крѣпостныхъ душъ мужскаго пола 378,038. Раздѣляя на эту цифру цѣнность крѣпостной земли, получаемъ, что вся крѣпостная земля, какъ господская, такъ и крестьянская, даетъ цѣнность 55 руб. 72 коп. на душу. Если половина ея отойдетъ въ освобождаемымъ крестьянамъ въ барщинныхъ имѣнхъ, на душу придется выкупъ въ этихъ имѣнхъ 27 руб. 86 коп. Число оброчныхъ крестьянъ въ Смоленской губерши чрезвычайно незначительно, навѣрное меньше одной десятой части всего числа ихъ. Но положимъ одну десятую часть, и положимъ по прежнему правилу, что одна восьмая часть земли въ оброчныхъ имѣнхъ останется за помѣщиками. Вычетъ за эту восьмую часть составитъ 6 руб. 96 коп.; остается цѣнность выкупаемой земли на оброчную душу 48 руб. 76 коп. Выведемъ же теперь среднюю цифру выкупа для Смоленской губерши.

900 душъ по 27 руб. 86 коп.	25,074 руб.
100 — — 48 — 76 —	4,076 —
Итого 1,000 душъ	29,950 руб.

Раздѣляя 29,950 рублей на 1,000 душъ, мы получаемъ среднюю выкупную цифру Смоленской губерши 29 руб. 95 коп. за душу.

Теперь мы взяли одну богатую и одну бѣдную губершию. Выводъ, получаемый изъ соединенія обонхъ этихъ основашй, будетъ ближе въ дѣйствительной средней цифрѣ, нежели тотъ, какой былъ полученъ нами прежде на основаніи данныхъ одной только богатой губерши. Выведемъ же среднюю цифру по двумъ губершиямъ.

Кіевская губернія

504,431 душа по 40 руб. 71 коп. 20.535,386 руб. 1 коп.

Смоленская губернія

378,038 душъ по 29 руб. 95 коп. 11.322,238 руб. 10 коп.

Итого 882,469 душъ 31.857,624 руб. 11 коп.

Раздѣляя 31.857,624 руб. 11 коп. на 882,469 душъ, мы получаемъ среднюю величину выкупной цѣны за душу 36 руб. 12 коп.

Первоначально полученная нами цифра 49 рублей 5 копѣекъ можетъ нравиться однимъ, можетъ не нравиться другимъ. Кому она нравится, тотъ можетъ успокоиться на ней; но кому она не нравится, тотъ можетъ знать, что всякое переислѣдованіе съ цѣлью строжайшей провѣрки приведетъ только къ уменьшенію ея. Намъ она нравится, потому что она высшая цифра, какую только можно получить для выкупа со всѣми натяжками къ повышенію, которыя допускаются правдоподобіемъ, и отчасти даже съ такими, которыя превышаютъ правдоподобіе. Мы останавливаемся на ней, счастливые тѣмъ, если не будемъ принуждены возраженіями на нее провѣрять ее и черезъ провѣрку приходиться къ величинѣ выкупа менѣе высокой.

49 рублей 5 копѣекъ съ души даютъ въ итогѣ, какъ мы видѣли, около 531,940,000 рублей для выкупа всего крѣпостнаго населенія Россіи съ надѣломъ землею, значительно увеличеннымъ противъ настоящаго.

Опредѣливъ цифру выкупа, надобно теперь заняться пріискашемъ средствъ для уплаты найденной сунны его.

Сумма эта, мы уже закѣчали при первомъ взглядѣ на нее, вовсе негромадна по сравненію съ средствами, которыми можетъ располагать Русская нація. Она едва-ли превышаетъ двухлѣтній государственный доходъ Русской имперіи. Она едва-ли превышаетъ пятилѣтній доходъ, какой будетъ приносить одна винная регалія по уничтоженіи откуповъ. Она едва-ли составляетъ одну пятую часть годичнаго дохода, доставляемаго русскимъ сельскохозяйственнымъ производствомъ. Она едва-ли составляетъ одну седьмую часть годичнаго дохода Русской націи. Съ такую суммою справиться легко.

А дѣло легкое можно сдѣлать всячески, какъ угодно. Поднять пятипудовую гирию есть только одно средство: взятыя за нее обѣими руками, собрать всѣ силы организма для преодоленія громадной тяжести. Совсѣмъ не то, когда нужно перенести съ мѣста на мѣсто фунтовой разновѣсовъ, — тутъ поступайте какъ хотите, все-таки перенесете: возьмите его въ обѣ руки, если вздумается, а не то возьмите одной правой рукой; пожалуй, можете взять и одной лѣвой, а не то легко поднимете его и однимъ пальцемъ.

Такъ и съ выкупной суммой, которую мы нашли: избирайте какой угодно путь для ея уплаты, все-таки она уплатится легко и быстро. Кажется ли вамъ справедливымъ, чтобы вся нація равномѣрно участвовала въ уплатѣ этой суммы, — націи уплатить ее столь-же мало обременяясь этимъ, какъ постройкою желѣзныхъ дорогъ, которая требуетъ въ десять лѣтъ не меньшей суммы. Находите ли вы удобнѣйшимъ, чтобы главная масса уплаты шла съ одного бывшаго крѣпостнаго сословія, при небольшой только помощи отъ государства, и въ такомъ случаѣ уплата произойдетъ очень быстро и безъ всякаго чувствительнаго обремененія для платящихъ. Думаете ли вы наконецъ, что государство не можетъ принести этому дѣлу никакихъ денежныхъ пожертвованій и должно предоставить освобождаемымъ крестьянамъ произвести уплату исключительно ихъ собственными средствами, — и въ этомъ случаѣ крестьяне заплатятъ все довольно быстро и довольно легко. И такъ можете выбирать любой изъ трехъ путей, и пожалуй, можно здѣсь-же представить хоть по одному способу для производства выкупа каждымъ изъ этихъ трехъ путей. Въ легкомъ дѣлѣ легко давать совѣты, и каждый изъ нихъ удобоисполнимъ.

ПЕРВЫЙ ПУТЬ.

Выкупъ исключительно средствами самихъ освобождаемыхъ крестьянъ.

Согласно съ единодушнымъ желаніемъ всѣхъ помѣщиковъ, немедленно прекращаются всякія прямыя отношенія между ними и крестьянами. Крестьяне, отошедшіе отъ помѣщиковъ, не платятъ имъ прямо въ руки ровно ничего, а вмѣсто того облагаются государственною податью, подобно государственнымъ крестьянамъ. До сихъ поръ они платили государству почти тремя рублями съ души меньше, нежели государственные крестьяне. Теперь они сравниваются по государственной податямъ съ государственными крестьянами. Этотъ излишекъ (3 рубля съ души) употребляется на уплату выкуна помѣщикамъ чрезъ посредство казны.

Подати вносятся въ государственное казначейство: изъ нихъ по 3 рубля съ души отчисляется въ особенную сумму, которая и употребляется на уплату помѣщикамъ.

Помѣщикамъ выдаются облигаціи; каждому помѣщику одна на всю слѣдующую ему сумму выкупа, если эта сумма не превышаетъ 100,000 руб. серебромъ; если же сумма, слѣдующая одному помѣщику, больше 100,000 рублей, она дѣлится на соразмѣрное число облигацій, каждая величиною отъ 50,000 до 100,000 рублей серебромъ. Эти облигаціи приносятъ доходъ равный тому, какъ билеты государственныхъ кредитныхъ учрежденій, то есть 3 процента въ годъ.

Говорятъ о томъ, что облигаціи выкупа переполняютъ рынокъ кредитными знаками. Въ томъ видѣ, какой предлагается здѣсь, онѣ не могутъ имѣть никакого дѣйствія на бумажныя деньги, потому что огромностью своей величины совершенно отличаются отъ нихъ и не могутъ соперничать съ ними въ ежедневномъ обращеніи. Облигація въ 10,000, 20,000, 90,000 рублей серебромъ не можетъ служить средствомъ покупки чая, сахара, платья, расплаты за квартиру и тому подобное. Она переходитъ изъ рукъ въ руки только въ такихъ случаяхъ, когда изъ рукъ въ руки переходитъ домъ, фабрика, участокъ земли, то есть только тогда, когда извѣстный человѣкъ, ею владѣющій, хочетъ ликвидировать свое имущество, или, вмѣсто одного рода занятій, избираетъ совершенно другую экономическую карьеру. Изъ такихъ облигацій, имѣющихъ неподвижность почти недвижимаго имущества, будетъ состоять почти вся масса вывупныхъ облигацій. Въ самомъ дѣлѣ, владѣльцамъ мелкопомѣстнымъ, имѣющимъ менѣе 21 души, принадлежитъ всего только 385,000 душъ, и выкупныхъ облигацій пришлось бы получить имъ менѣе нежели на 20,000,000 р. Только часть этихъ облигацій, имѣющихъ величину отъ 40 руб. до 1600 руб., именно облигація въ 40—500 рублей, составляющіи сумму вѣроятно менѣе 10,000,000 рублей, и могли бы имѣть сходство съ бумажными деньгами, да и тѣ были бы выкуплены въ теченіе перваго же года, или лучше сказать тотчасъ по выдачѣ, такъ что и не попали бы въ обращеніе. Затѣмъ владѣльцамъ, имѣющимъ отъ 21 до 100 душъ, принадлежатъ около 1,500,000 крестьянъ. Эти помѣщики получили бы облигаціи, величиною примѣрно отъ 800 рублей до 8,000 рублей. Число такихъ владѣльцевъ, а слѣдовательно и число облигацій, было бы съ небольшимъ 35,000. Облигаціи въ 1,000 рублей движутся уже очень медленно, облигація въ 5,000 руб. имѣетъ рѣшительную склонность лежать неподвижно. Весь итогъ этого разряда облигацій составлялъ бы цѣнность менѣе 75,000,000 рублей; если бы онъ весь вмѣстѣ съ предъидущимъ разрядомъ могъ быть соперникомъ бумажныхъ денегъ, и тогда эти облигаціи, по незначительности своей суммы (менѣе 95,000,000 р. серебромъ), не могли бы имѣть никакого вліянія на цѣнность бумажныхъ денегъ; присутствіе ихъ на рынкѣ не было бы чувствительно. А между тѣмъ уже и изъ этихъ облигацій три четверти не могли бы служить торговымъ средствомъ обмѣна и походили бы на недвижимое имущество. Затѣмъ осталная масса выкупныхъ облигацій, на сумму около 435,000,000 рублей, была бы выдана помѣщикамъ, имѣющимъ болѣе 100 душъ. Изъ нихъ самая маленькая была бы около 4.000 р. Какое же въ нихъ средство размѣна? Въ томъ числѣ помѣщикамъ, имѣющимъ болѣе 500 душъ, было бы выдано облигацій на сумму болѣе 250,000,000 руб.

и самая маленькая изъ этихъ облигацій была бы не менѣе 20,000 руб. сер. *). Такія облигаціи уже рѣшительно обречены, своею огромною величиною, лежать въ сундукахъ по нѣсколько лѣтъ, не показываясь на рынокъ; владѣльцу такой облигаціи разстаться съ ней также трудно, какъ разстаться съ трехъэтажнымъ каменнымъ домомъ. Представимъ для легчайшаго соображенія примѣрную таблицу величины предлагаемыхъ облигаціи.

Въ этой таблицѣ, по соображенію, изложенному нами въ статьѣ „О необходимости умѣренныхъ цѣнъ выкупа“, мы считаемъ у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ нѣсколько меньшее количество душъ, нежели какое оказывается въ таблицахъ, составленныхъ по губерніямъ, потому что часто владѣлецъ, имѣющій маленькую деревеньку въ одной губерніи, имѣетъ другую, гораздо большую, въ другой губерніи. Точно также мы нѣсколько уменьшаемъ количество крестьянъ у владѣльцевъ разряда отъ 21 до 100 душъ, и разряда отъ 101 до 500 душъ. Въ самомъ дѣлѣ, если помѣщикъ имѣетъ 60 душъ въ одной губерніи и 70 въ другой, онъ оказывается имѣющимъ уже 180 душъ, и его крестьянъ надобно перенести изъ втораго разряда (21—100 душъ) въ третій (болѣе 100 душъ). Эти, вычитаемыя изъ первыхъ разрядовъ, количества мы переносимъ въ слѣдующіе разряды, чтобы нѣсколько приблизить цифры распределенія крестьянъ между помѣщиками къ дѣйствительной пропорціи въ счетѣ по цѣлой имперіи. Наконецъ замѣтимъ, что мы беремъ круглыя числа, потому что настоящая таблица, только примѣрная, служить единственно для облегченія соображенія.

Разряды владѣльцевъ.	Число привлеченныхъ имъ душъ (примѣрно).	Сумма всѣхъ выдающихся облигаціи (примѣрно).	Величина каждой облигаціи (примѣрно).
1— 20 душъ.	375,000	18,500,000 р.	40— 1,600 р.
21— 100 „	1,500,000	73,500,000 „	840— 8,000 „
101— 500 „	3,600,000	175,000,000 „	4,040— 40,000 „
501—1000 „	1,500,000	73,500,000 „	20,040— 80,000 „
1001 и болѣе.	3,900,000	191,500,000 „	40,040—100,000 „

Выкупныя облигаціи принимаются подобно билетамъ кредитныхъ учрежденій въ залогъ по торгамъ и поставкамъ. Право это дается облигаціишъ только потому, что нѣтъ для казны основаній поступать иначе, а вовсе не потому, чтобы для предохраненія облигаціи отъ упадка въ цѣнѣ особенно нужно было такое право. Цѣна облигаціи уже достаточно обезпечена идущими на нихъ процентами и довольно быстрымъ выкупомъ ихъ по тиражу.

А выкупъ облигаціи производится довольно быстро. Мы принимаемъ для него слѣдующія основанія.

*) Мы говоримъ, что за выкупъ 100 душъ, въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ могли бы быть облигаціи не болѣе 4,000 р., а за выкупъ 500 душъ не болѣе 20,000 р.; потому что, разумѣется, цѣны выкупа въ разныхъ помѣстьяхъ были бы различны, смотря по цѣнности выкупаемой земли. И, для примѣра, мы полагаемъ, что были бы помѣстья, въ которыхъ приходилось бы выкупа на душу не болѣе 40 руб. серебромъ, за то въ другихъ, выкупъ доходилъ бы до 70 или 80 р. на душу. Въ такомъ помѣстьи за 100 душъ выдавалась бы облигація въ 7,000 р. или въ 8,000 р.

Тиражъ производится по крайней мѣрѣ три раза въ годъ, если показалось бы слишкомъ хлопотливо производить его чаще, напримѣръ, каждый мѣсяць *).

Тиражъ производится для цѣлой имперіи въ одномъ пунктѣ, или въ Петербургѣ, или въ Москвѣ.

Онъ производится, конечно, чрезъ посредство одного изъ кредитныхъ учреждений. Суммы, отдѣляемыя изъ податей для выкупной операціи, передаются государственными казначействомъ въ кредитное учрежденіе, производящее тиражъ.

Но для удобства владѣтелей облигацій, проценты по облигаціямъ и деньги за вынутыя облигаціи выдаются предъявителю облигаціи, какъ въ центральномъ кредитномъ учрежденіи, гдѣ сосредоточена выкупная операція, такъ и въ приказѣ общественнаго призрѣнія той губерніи, гдѣ находится помѣстье, по которому получается выкупъ.

Каждая облигація нераздѣльна. Уплата за нее не можетъ быть производима по частямъ, а непременно только за всю сполна. Это условіе нужно для того, чтобы сохранить облигаціямъ характеръ, отличающій ихъ отъ кредитныхъ билетовъ, серій и билетовъ кредитныхъ учреждений. Именно своей огромностью онѣ удерживаются отъ соперничества съ бумажными деньгами. Поэтому можно поставить условіемъ, что облигація съ надписью въ полученіи какой либо части ея цѣнности считается уже недѣйствительною и лишается права на уплату.

Таковы могли бы быть главныя основанія выкупной операціи. При отдѣленіи на нее 3 руб. сер. съ освобожденной души и при производствѣ тиражей по третямъ года весь выкупъ окончился бы въ 67 тиражей, то есть въ теченіе 22 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ.

Для освобождаемыхъ крестьянъ такой способъ выкупа былъ бы вѣроятно необременителенъ. По крайней мѣрѣ навѣрное можно сказать, что обремененіе ни мало не замѣчалось бы ими: они съ перваго же мѣсяца по освобожденіи были бы поставлены относительно податей совершенно въ такое же положеніе, какъ государственные крестьяне.

Но само собою разумѣется, что вѣрность выкупа обусловливается исправнымъ взносомъ подати, идущей на выкупъ, а для этой исправности главнымъ условіемъ служить то, чтобы хозяйство крестьянъ не подвергалось разстройству. Только съ этой точки зрѣнія можетъ быть понята людьми, непринадлежащими къ крестьянскому сословію, вся важность вопроса о перенесеніи крестьянскихъ усадебъ. Еще больше нежели изъ любви къ крестьянамъ, для выгоды самихъ помѣщиковъ, для обезпеченія имъ вѣрной уплаты выкупа, надобно желать, чтобы перенесеніе крестьянскихъ усадебъ ни въ какомъ случаѣ не было поставляемо дѣломъ прину-

*.) Чѣмъ чаще производится тиражъ, тѣмъ успѣшнѣе идетъ выкупъ. Во-первыхъ, если, напримѣръ, тиражъ производится три раза въ годъ, то на облигаціи, вынутая 1-го мая, идутъ проценты только за 4 мѣсяца, а на облигаціи, вынутыя 1-го сентября, идутъ проценты только за 8 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ на тѣ и другія пришлось бы платить проценты за цѣлый годъ, если бы не было тиража въ маѣ и сентябрѣ и облигаціи пролежали бы до января. Чрезъ это нѣсколько уменьшается масса денегъ, поглощаемая процентами, и остается больше денегъ на погашеніе капитала. Во вторыхъ, чѣмъ чаще производится тиражъ, тѣмъ ближе для каждой остающейся облигаціи шансъ попасть къ выкупу въ слѣдующій тиражъ, слѣдовательно тѣмъ прочнѣе поддерживается цѣнность облигаціи. Мы даже аредполагаемъ, что при очныхъ частяхъ тиражахъ, напримѣръ при двухмѣсячныхъ или ежемѣсячныхъ, можно было бы облигаціямъ довольствоваться меньшимъ процентомъ противъ билетовъ кредитныхъ учреждений и все-таки удержаться въ цѣнѣ.

дительнымъ. Если самъ крестьянинъ, если сама деревня захочетъ переселиться съ прежняго мѣста на другое, пусть переселяются; тогда переселеніе будетъ совершатся только въ такихъ случаяхъ, когда у крестьянъ есть на то достаточныя средства и хозяйство ихъ не разстроивается отъ перенесенія усадьбъ. Въ противномъ же случаѣ, при переселеніи принужденномъ, не будетъ ни числа разстроившимся отъ переселенія крестьянскимъ хозяйствамъ, ни мѣры разстройству, до какого дойдутъ ихъ хозяйственныя дѣла, и тогда недоимки въ податяхъ окажутся громадными, а оттого въ чрезвычайно значительной степени замедлится весь ходъ выкупной операціи. Мы полагаемъ со временемъ подробнѣе раземотрѣть вопросъ о перенесеніи усадьбъ и тогда надѣемся вполне раскрыть, какъ разорительно для самихъ помѣщиковъ было бы принужденное переселеніе крестьянъ, о чемъ говоримъ теперь только мимоходомъ. Впрочемъ для каждаго читателя, привычнаго къ здоровымъ экономическимъ соображеніямъ, дѣло это ясно само собою.

Способъ выкупа, изложенный нами, не показался бы обременительнымъ для крестьянъ. На первый взглядъ онъ представляется самымъ лучшимъ и для государственной казны. Она не жертвуетъ на выкупъ ни одной копейки. Самая операція происходитъ такъ просто, что не требуется почти никакихъ расходовъ по завѣдыванію ею. Для уѣзднаго казначея совершенно все равно—принять ли отъ освобождаемой деревни, имѣющей 100 дунгъ, 200 рублей подати, какъ принимаетъ онъ теперь, или 500 рублей, какъ будетъ принимать тогда. Произвести въ одномъ центральномъ пунктѣ три раза въ годъ тиражъ,—не представить ровно никакого обремененія для администраціи этого кредитнаго учрежденія. Производить уплату процентовъ по какимъ нибудь 85,000 облигціямъ, въ первые 2—3 года, также составитъ вовсе неважное обремененіе для чиновниковъ кредитныхъ заведеній, потому что число кредитныхъ бумагъ, по которымъ производить они уплату, считается сотнями тысячъ, и прибавка 85,000 номеровъ не увеличитъ ихъ хлопотъ чувствительнымъ образомъ. А черезъ два—три года всѣ мелкія облигація будутъ уже выкуплены и останется всего какихъ нибудь 20,000 крупныхъ облигацій. Словомъ сказать, дѣло такъ просто и легко, что намъ кажется ненужнымъ учреждать для него никакихъ новыхъ банковъ. Центральнымъ мѣстомъ выкупной операціи могъ бы служить государственный заемный банкъ или московскій опекунскій совѣтъ; а губернскими конторами служили бы приказы общественнаго призрѣнія.

Все это такъ, совершенно такъ. Ни для уѣздной и губернской администраціи министерства финансовъ, ни для чиновниковъ самаго министерства, ни для кредитныхъ учрежденій, выкупная операція не была бы ни мало обременительна; не потребовала бы она ни одного новаго учрежденія, а развѣ только назначенія двухъ, трехъ новыхъ экспедиторовъ въ центральномъ кредитномъ учрежденіи и одного новаго столоначальника или контролера въ кредитной канцеляріи министерства финансовъ. Но нѣкоторые замѣчаютъ въ способѣ, нами изложенномъ, одно очень важное затрудненіе для государства. Это затрудненіе не бросается въ глаза съ перваго взгляда, потому что состоитъ не въ какихъ нибудь расходахъ и не въ надобности устроить какія нибудь новыя административныя мѣста; но во мнѣніи нѣкоторыхъ проникательнѣешихъ людей оно кажется для государства обременительнѣе, нежели было бы [REDACTED] десятками милліоновъ. Обратимъ вниманіе на

срокъ выкупа. Онъ растягивается на цѣлыхъ 22 года. Во все это время освобожденные крестьяне должны платить известную подать, величина которой не подлежитъ уже уменьшеніямъ. А пока одна половина крестьянскаго сословія будетъ платить по 5 руб. съ души, надобно будетъ, конечно, оставлять въ такомъ же положеніи и другую часть крестьянъ. Такимъ образомъ слѣзиомъ на 20 лѣтъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, у правительства будутъ связаны руки въ вопросѣ о преобразованіи одной изъ главныхъ частей нашего финансоваго устройства, и притомъ именно такой части, которой наиболѣе полезны были бы улучшенія. Прежняя подушная подать, обратившись въ поземельный налогъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ, не освободилась еще отъ одного изъ своихъ прежнихъ неудобствъ. Она еще не достигла соразмѣрности съ требованіями финансоваго науки. Она часто разстроиваетъ хозяйство податнаго сословія, и потому невыгодно дѣйствуетъ на развитіе сельскаго хозяйства. Продолжительный срокъ выкупной операціи былъ бы дѣйствительно вреденъ для государства, если бы сталъ представляться затрудненіемъ для задуманныхъ правительствомъ преобразованій въ распредѣленіи государственныхъ налоговъ и повинностей, въ измѣненіи основашъ, съ которыхъ онп взимаются.

Но это затрудненіе болѣе кажущееся, нежели дѣйствительное. Предположимъ, что въ известномъ государствѣ получается 250,000,000 дохода, что изъ нихъ 80 доставляются однимъ известнымъ налогомъ; предположимъ, что изъ доставляемой этимъ налогомъ суммы, на какое нибудь особенное употребленіе въ продолженіе известнаго срока предназначены 30,000,000: можетъ ли въ сущности это послѣднее обстоятельство помѣшать преобразованію системы налоговъ и податей? Развѣ сущность дѣла въ томъ, что известные 30,000,000 получаютъ именно изъ такого, а не изъ другаго источника? Вовсе нѣтъ, сущность въ томъ, что на одинъ известный специальный предметъ нужно 30,000,000, а на всѣ другіе предметы расхода еще 220,000,000. Итакъ, лишь бы съ преобразованіемъ системы налоговъ и податей по прежнему получалось государствомъ 250,000,000, ни одинъ изъ предметовъ расхода не пострадаетъ; не пострадаетъ между прочимъ и тотъ предметъ, на который опредѣлялось прежде 30,000,000: всѣ остальные расходы будутъ по прежнему удовлетворены прежнею суммою 220,000,000 и по прежнему будутъ оставаться 30,000,000 на особенный предметъ срочнаго расхода, хотя бы этотъ излишекъ началъ доставляться и не тѣмъ источникомъ, какимъ доставлялся прежде.

Итакъ, для государства изложенный нами способъ выкупа былъ бы тяжелъ только тогда, если бы послужилъ предлогомъ къ возраженіямъ противъ преобразованій финансоваго системы; но мы полагаемъ, что это неудобство только мнимое: что серьезнымъ препятствіемъ къ преобразованію поземельнаго налога и подушнаго оклада онъ быть не можетъ. Со всѣхъ другихъ сторонъ для государства онъ совершенно легокъ, не требуя ни расходовъ по завѣдыванію выкупной операціи, ни копѣйки прямыхъ пожертвованій на выкупъ. Для освобожденныхъ крестьянъ будетъ представляться онъ совершенно удовлетворительнымъ. Остается теперь взглянуть—благопріятна ли продолжительность его срока для помѣщиковъ.

Ждать выкупа 10 или 15 лѣтъ, а нѣкоторымъ ждать даже 22 года. — это можетъ казаться обстоятельствомъ не совсемъ удобнымъ. Надобно ближе вышлать

въ самыя подробности очереди для облигацій разныхъ разрядовъ, чтобы видѣть, для многихъ ли лицъ будетъ существовать это неудобство.

Въ статьѣ о необходимости умѣренныхъ цѣнъ, мы уже излагали, какой порядокъ очереди тиража для разныхъ категорій помѣщиковъ представляется удобнѣйшимъ и одобряется безпристрастными людьми. Они говорятъ, что выкупъ надобно начинать мелкими облигаціями мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и только постепенно, когда выкуплены малыя облигаціи, переходить къ тиражу крупныхъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя совершенно исключать отъ участія, даже въ самыхъ первыхъ тиражахъ, и крупныя облигаціи, потому что шансами тиража держится ихъ цѣна. Мы полагали бы при каждомъ тиражѣ половину погашенія употреблять на тѣ облигаціи, разрядъ которыхъ состоитъ на очереди, а другую половину на облигаціи всѣхъ высшихъ разрядовъ, безъ различія. При той величинѣ выкупныхъ средствъ и процента на облигаціи, какую мы приняли, въ первые тиражи на погашеніе капитала можно было бы употребить по 18,000,000 руб. въ годъ, то есть по 6,000,000 руб. на каждый тиражъ *); изъ нихъ 3,000,000 пойдутъ на облигаціи мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, а другіе 3,000,000 на облигаціи болѣе крупныя. Такимъ образомъ выкупъ мелкопомѣстныхъ облигацій займетъ 6 тиражей, то есть два года. Затѣмъ, по той же пропорціи, выкупъ облигацій по помѣстьямъ отъ 21 до 100 душъ займетъ около семи лѣтъ. Въ теченіе этихъ девяти лѣтъ будетъ выкуплено также болѣе 80,000,000 руб. облигацій высшихъ разрядовъ, то есть четвертая часть помѣщиковъ, имѣвшихъ болѣе 100 душъ, получить удовлетвореніе въ первые девять лѣтъ. Большинству втихъ крупныхъ землевладѣльцевъ придется ждать гораздо долѣе, среднимъ числомъ по пятнадцати и по восемнадцати лѣтъ. Такое долгое ожиданіе для нихъ вѣроятно покажется скучнымъ, и потому они вѣроятно будутъ желать, чтобы избранъ былъ другой путь выкупа, болѣе быстрый. Число помѣщиковъ, имѣющихъ болѣе 500 душъ, не велико. Таблицы, составленныя по губерціямъ, насчитываютъ 3,917 такихъ владѣльцевъ; но въ то число очень многіе изъ нихъ внесены по 3, по 4 и болѣе разъ, по своимъ помѣстьямъ въ разныхъ губерціяхъ; оттого нельзя полагать, чтобы въ дѣйствительности находилось ихъ болѣе 2,500. Притомъ стѣсненіе отъ продолжительнаго ожиданія для нихъ могло бы скорѣе только казаться неприятною, нежели быть дѣйствительнымъ затрудненіемъ въ денежныхъ дѣлахъ: они пользуются кредитомъ, какъ люди богатые. Наконецъ замѣтимъ, что выкупныя облигаціи никакъ не могутъ упасть въ цѣнѣ, если выкупная операція будетъ вестись правильно **), слѣдовательно крупныя облигаціи всегда могутъ быть размѣнены

*) 3 рубля съ души въ годъ даютъ по 1 рублю для каждой трети, то есть для каждого тиража. Итакъ на каждую треть будетъ приходиться выкупныхъ средствъ 10,844,902 руб. (по числу душъ платящихъ выкупную подать); изъ нихъ 5,319,400 руб. будутъ употреблены на уплату процентовъ за первую треть (три процента въ годъ даютъ одинъ процентъ въ третью; а сумма выкупнаго капитала найдена нами 531,940,000 руб.). За втихъ вычетомъ остается свободныхъ денегъ въ первую треть всего только 5,525,502 руб. Но послѣ каждого тиража, съ уменьшеніемъ числа невыкупленныхъ облигацій, уменьшается и сумма процентовъ, а на выкупъ остается все больше и больше денегъ; стало быть, съ каждымъ тиражемъ быстро уменьшается затрата денегъ впередъ, при первомъ тиражѣ равнявшаяся 475,000 рублямъ. При годичномъ оборотѣ выкупной операціи въ 32,500,000 р., затратить впередъ на годъ 1, 2 или даже 3 милліона, — дѣло не представляющее ни малѣйшихъ затрудненій, какъ извѣстно всѣмъ финансовымъ людямъ.

***) Главное условіе правильности ея мы уже замѣчали: оно состоитъ въ томъ, чтобы кредитныя доказательства не подверглись разстройству.

своими владѣльцами на наличныя деньги у банкировъ, черезъ биржевыхъ маклеровъ и другихъ посредниковъ оптовой торговли. Такимъ образомъ продолжительность ожиданія для этихъ лицъ не могла бы служить серьезнымъ поводомъ къ недовольству. Не таково положеніе мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ до 20 или даже до 50 душъ. Кредита они не имѣютъ, до столицъ и портовыхъ городовъ съ биржами, банкирами и маклерами имъ далеко; потому хотя имъ ждать и не такъ долго, но они дѣйствительно могутъ быть приведены въ затрудненіе. Впрочемъ, выручить ихъ изъ него легко, потому что всѣ ихъ облигаціи навѣрное не составятъ и 50,000,000 руб. Ссуда такихъ денегъ, возвращающихся черезъ тиражъ (среднею цифрою) въ два года и шесть мѣсяцевъ, не составитъ важнаго дѣла для нашихъ кредитныхъ учрежденій, годичный оборотъ которыхъ простирается до нѣсколькихъ сотъ милліоновъ.

Изъ этого видимъ, что нѣтъ серьезной причины признавать неудобнымъ для помѣщиковъ изложенный нами путь выкупа. Крестьяне дѣйствительно могутъ исключительно своими силами выкупить землю, при найденной нами цифрѣ выкупа. Но сокращеніе срока выкупа можетъ казаться привлекательнымъ для помѣщиковъ. Если бы правительство нашло удобнымъ исполнить въ этомъ отношеніи, то есть въ возможной сокращеніи продолжительности выкупной операціи, желаніе владѣльцевъ, то оно приняло бы на счетъ цѣлой націи часть уплаты. Такимъ образомъ мы должны раземотрѣть

ВТОРОЙ ПУТЬ.

Выкупъ соединенными средствами освобождаемыхъ крестьянъ и всего населенія имперіи.

Степень денежнаго участія, принимаемаго цѣлою націею въ уплатѣ выкупа, конечно, можетъ быть чрезвычайно различна. Нація можетъ принять на себя одну сотую, можетъ принять на себя девяносто девять сотыхъ платежа. Изъ этихъ безчисленныхъ степеней мы возьмемъ для примѣра одну. Положимъ, что правительство нашло бы возможнымъ принять на государственныя средства одну третью часть уплаты за выкупъ земли.

Какова бы ни была величина доли, принимаемой на себя націею въ уплатѣ капитала, масса котораго погашается разсроченными взносами, во всякомъ случаѣ представляется вопросъ о томъ, какой изъ двухъ способовъ вспоможенія предпочтительнѣе въ интересахъ самаго правительства: немедленное ли, одновременное вспоможеніе значительною суммою, или также разсроченное вспоможеніе менѣе значительными взносами.

Положимъ, напримѣръ, что капиталъ въ 400 милліоновъ, дающій 3% о. погашается ежегодными взносами отъ извѣстнаго сословія. Положимъ, что денежные средства этого сословія не позволяютъ ему вносить въ годъ болѣе 16,000,000 руб. При такомъ взносѣ (16,000,000), капиталъ выкупается годичными тиражами въ 46,891 *) лѣтъ. Всего въ эти годы будетъ внесено должниками

$$(16 \text{ м.} \times 46,891) = 750,260,000 \text{ р.}$$

*) Значеніе десятичныхъ дробей при опредѣленіи продолжительности выкупъ объяснено въ статьѣ „О необходимости умѣренныхъ цѣпъ“.

Обремененіе для должниковъ тутъ очевидно: на проценты уйдетъ съ нихъ болѣе 35,000,000, то есть на каждый рубль капитала уйдетъ 88 коп. лишнихъ денегъ. Невыгоденъ такой порядокъ уплаты и кредиторамъ, потому что имъ приходится ждать слишкомъ долго.

Если ни сумма капитала, ни величина процентовъ не можетъ быть понижена, остается одно средство облегчить и должниковъ и кредиторовъ: нація можетъ дать помощь должникамъ, и тогда ихъ бремя уменьшится, а уплата долга пойдетъ скорѣе. Теперь, положимъ, что правительство находитъ возможнымъ облегчить это дѣло принятіемъ на себя одной пятой части платежа. Спрашивается, что будетъ менѣ обременительно для правительства, то есть, для націи: производить ли ежегодную прибавку въ 4,000,000 р. къ ежегодному взносу должниковъ (тогда весь взносъ повысится до 20 милл., и 4 милл., которыми въ нею участвуетъ правительство, составитъ одну пятую часть его), или оказать единовременную помощь непосредственно уплатою 80 милл. рублей (т. е. одной пятой части капитала)?

Человѣку, незнакому съ финансовыми разсчетами, можетъ показаться, что для правительства менѣ обременителенъ первый способъ, при которомъ пособіе производится ежегоднымъ взносомъ малыхъ суммъ; но въ сущности вовсе не то.

Если правительство будетъ ежегодно давать 4 милл., то ежегоднымъ взносомъ, увеличившимся до 20 милл., капиталъ будетъ уплаченъ въ 30,99 лѣтъ; въ это время будетъ всего (капиталъ и проценты) переплачено 619,800,000 р.; изъ нихъ пятая часть (каждый годъ изъ 20 милл. 4 милл.), то есть 123,960,000 р., будетъ уплачена правительствомъ. Съ этою суммою должны мы сравнивать разные случаи помощи единовременнымъ пособіемъ.

Первый случай былъ бы тогда, если бы правительство имѣло возможность единовременно уплатить 80 милл. изъ наличныхъ денегъ, безъ займа; тогда останется къ уплатѣ силами исключительно однихъ должниковъ 320,000,000 капитала, и ежегоднымъ взносомъ 16 милл. отъ должниковъ эта сумма будетъ уплачена также въ 30,99 лѣтъ, какъ и при первомъ способѣ вспоможенія, и съ должниковъ сойдетъ въ эти годы 495,840,000 р., то есть ровно столько же, какъ и при другомъ способѣ.

Итакъ, для должниковъ рѣшительно все равно, какимъ образомъ дается имъ помощь—единовременнымъ большимъ или ежегодными малыми пособіями. Для кредиторовъ первый способъ предпочтительнѣе, потому что они за одинъ разъ и въ самомъ началѣ выкупной операціи получаютъ при немъ ту принимаемую на себя націею долю выкупа, которая при другомъ способѣ выплачивалась бы постепенно во все продолженіе выкупной операціи. Наконецъ для правительства также первый способъ (единовременный большой взносъ) гораздо менѣ убыточенъ, нежели вспоможеніе малыми ежегодными частями. На 80 милл. сберегаются этимъ способомъ правительству 43,960,000 р. сравнительно съ пожертвованіями, какихъ требовали бы ежегодныя пособія.

Но мы дѣлали выводъ въ томъ предположеніи, что правительство выдаетъ единовременно деньги, которыми свободно располагаетъ, не прибѣгая къ займу для уплаты единовременнаго большого вспоможенія. Спрашивается теперь, до какой степени выгодно будетъ правительству заключить заемъ для такой операціи?

Когда бы проценты займа были ниже процентовъ по облигаціямъ, само собой разумѣется, тутъ была бы выгода, хотя бы даже всю выдаваемую сумму пришлось занять. Напримѣръ, если бы заемъ (напримѣръ, у кредитныхъ учрежденій) былъ сдѣланъ по $1\frac{1}{2}\%$, онъ (при величинѣ 80 милл.) уплачивался бы ежегодными взносами 4 милл. въ 23,941 года и всего пошло бы на уплату его съ процентами 95,764,000 р., то есть облегченіе для казны было бы 28,196,000 р. *).

Если бы процентъ займа былъ равенъ проценту облигацій, тогда правительство имѣло бы выгоду, если бы могло хотя самую ничтожную часть вспомогательной суммы выдать изъ наличныхъ денегъ, на которыя не считались бы проценты. Напримѣръ, если бы хотя 1,000,000 р. былъ взятъ изъ наличныхъ денегъ, остальные 79,000,000 р. заняты по 3% уплачивались бы (ежегоднымъ взносомъ 4,000,000 р.) въ 30,364 года и пожертвованіе облегчалось бы на 1,504,000 р. **).

Наконецъ, если заемъ сдѣланъ по проценту высшему, нежели облигаціи, то можно поставить общимъ правиломъ, что одновременное вспомошествованіе бываетъ гораздо легче ежегодныхъ пособій тогда, когда посредствомъ займа получается только такая часть вспомошествованія, сумма процентовъ на которую или меньше или хотя равна суммѣ процентовъ со всего вспомошественнаго капитала. Напримѣръ, на 80 м. по 3% приходится 2,400,000 р. $\%$. Потому при займѣ въ 4% было бы очень выгодно занять 60 м., только 20 м. жертвуя свободными деньгами; при займѣ въ 5% —занять 48 м., только 32 м. жертвуя наличными деньгами и т. д. Тутъ разчеты были бы слѣдующіе:

1) При 4% заемъ въ 60 м. ежегодными взносами 4 милліоновъ погашается въ 23,369 лѣтъ; сумма годовыхъ уплатъ 93,476,000 р. сбереженіе 10,484,000 р. ***)

2) При 5% заемъ въ 48,000,000 тѣмъ же взносомъ погашается въ 18,789 лѣтъ; сумма взносовъ 75,156,000 р.; облегченіе 16,804,000 рублѣй ****).

3) При 6% заемъ 40 м. ($\%$ 2,400,000) погашается въ 15,000 лѣтъ; сумма взносовъ 60 м., облегченіе 23,960,000 р. *****)

Сличая эти выводы, мы видимъ, что чѣмъ значительнѣе часть одновременнаго вспоможенія, дающаяся изъ свободныхъ денегъ, тѣмъ больше облегченіе.

Кончивъ эти объясненія, возвращаемся къ вопросу о выкупѣ силами освобождаемыхъ крестьянъ съ пособіемъ отъ націи.

Мы положили примѣрно, что это пособіе можетъ равняться одной третьей части всего выкупа.

Мы видѣли, что одновременное вспомошествованіе менѣе убыточно для государства, нежели вспоможеніе ежегодными пособіями. Оно также выгоднѣе и для помѣщиковъ, именно въ интересѣ которыхъ и оказывается желательнымъ пособіе отъ государства.

*) 123,960,000 за вычетомъ 95,764,000 р.

**) $30,364 \times \text{ля } 4 \text{ м.} = 121,456,000 + 1,000,000 = 122,456,000 \text{ р.}$

***) 93,476,000 р. в 20,000,000 р. уплаченные изъ свободныхъ денегъ, составляютъ 113,476,000 р., вотъ весь расходъ правительства. Эту сумму надобно вичестъ изъ 123,960,000 р. которые оно израсходовало бы, предпочитая ежегодныя пособія одновременному.

****) $75,156,000 + 32,000,000 = 107,156,000 \text{ р.}$ Вичитаемъ эту сумму изъ 123,960,000 р.

*****) $60 \text{ м.} + 40 \text{ м.}$ (которые даны изъ свободныхъ денегъ) = 100 м.

Итакъ, предположимъ, что государство приняло бы на себя 176,940,000 р., то есть третью часть всего выкупаемаго капитала. Оставалось бы уплатить крестьянамъ своими силами 355,000,000 р. При ежегодной подати въ 3 р. (съ 10,844,902 душъ 32,534,706 р. въ годъ) этотъ капиталъ выкупался бы въ 39 тиражей или въ 13 лѣтъ.

Для помѣщиковъ было бы тутъ значительное удобство передъ первымъ путемъ выкупа силами однихъ крестьянъ безъ пособія правительства.

Во-первыхъ, немедленно была бы произведена уплата всѣмъ владѣльцамъ, имѣющимъ менѣе 100 душъ, и затѣмъ оставалось бы изъ пособія государства еще 80 или болѣе милліоновъ для уплаты другимъ помѣщикамъ. Изъ этихъ денегъ вѣроятно могъ бы быть уплаченъ весь выкупъ владѣльцевъ до 200 или даже 250 душъ.

Хотя при такомъ размѣрѣ немедленной уплаты оставалось бы ждать очереди выкупа по тиражу только такимъ людямъ, для которыхъ ожиданіе незатруднительно, но и для нихъ срокъ ожиданія чрезвычайно сильно сократился бы сравнительно съ выкупомъ по первому пути. Тогда средній срокъ ожиданія для владѣльцевъ помѣстій болѣе 500 душъ былъ бы около 15 лѣтъ; теперъ онъ былъ бы всего только около 7 лѣтъ, то есть, сократился бы слишкомъ вдвое.

Но гдѣ же средства для государства заплатить вдругъ около 177 милліоновъ рублей? Отвѣтъ на это готовъ у каждаго: каждому изъ насъ приходится безпрестанно слышать и читать о трехъ способахъ полученія государствомъ значительныхъ суммъ при недостаткѣ громаднхъ запасовъ свободной звонкой монеты. Эти средства: 1) выпускъ кредитныхъ билетовъ; 2) обіѣнъ долговыхъ обязательствъ правительства на билеты государственныхъ кредитныхъ учрежденій; 3) заемъ. Противъ каждаго изъ этихъ средствъ представляются возраженія, быть можетъ основательныя, если рѣчь идетъ о страшныхъ суммахъ въ 1½ или 2 милліарда, но лишаящіяся всякаго смысла, если требуется только незначительная цифра какихъ-нибудь 175,000,000 р.

Выпускъ кредитныхъ билетовъ на всю сумму единовременнаго вспоможенія, конечно, дешевле всего обошелся бы правительству. При немъ государство избавилось бы отъ всего расхода на проценты и жертвовало бы дѣйствительно только однимъ нужнымъ для вспоможенія капиталомъ. Экономія отъ этого, сравнительно съ пособіемъ посредствомъ ежегодныхъ уплатъ, простиралась бы свыше 65,000,000 рублей. Но возможенъ ли выпускъ 177,000,000 р. кредитныхъ билетовъ? Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права сомнѣваться въ этомъ, когда вспомнимъ, что въ теченіе 3 сряду лѣтъ (1853, 54 и 55) выпускалось, среднимъ числомъ въ годъ, болѣе 65,000,000 р. *), а въ непосредственно слѣдовавшемъ за этими выпусками году (1856), было выпущено вновь болѣе 180,000,000 р. **). Замѣтимъ притомъ, что эти выпуски обращались на покрытіе административныхъ

*) По отчету г. министра финансовъ о кредитныхъ учрежденіяхъ за 1852 г., къ 1 января 1853 г. находилось кредитныхъ билетовъ въ обращеніи 311,375,581 р.; а по отчету за 1855 годъ, къ 1 января 1856 года находилось 509,181,397 р., слѣдовательно въ три года было выпущено 197,805,816 рублей.

**) По отчету г. министра финансовъ за 1855 годъ въ 1 января 1856 года состояло кредитныхъ билетовъ въ обращеніи 509,181,397 р.; а по отчету за слѣдующій годъ къ 1 января 1857 года состояло кредитныхъ билетовъ уже 686,279,844 р. слѣдовательно въ теченіе одного года было выпущено 189,098,447 руб. сер.

издержек и на войну, то есть на расходы, называющиеся въ политической экономіи непроизводительными; между тѣмъ какъ предполагаемый выпускъ, не равняющийся даже выпуску 1856 года, обратился бы на расходъ самый производительный, то есть на замѣненіе обязательнаго труда свободнымъ и на приобрѣтеніе личностью гражданской самостоятельности. А известно, что 3 рубля, выпущенные на производительный расходъ, менѣе обременяютъ рынокъ, нежели 1 рубль, выпущенный на расходъ непроизводительный. Потому 177,000,000 р., поступающіе на рынокъ для выкупной операціи, менѣе обременяютъ его, нежели 60,000,000, поступившихъ въ обращеніе для веденія войны.

Надобно думать, что все вспоможеніе (176,940,000 р.) могло бы быть создано выпускомъ новыхъ кредитныхъ билетовъ, безъ малѣйшаго обремененія рынка. Но положимъ, что такой размѣръ выпуска былъ бы неудобенъ: рассмотримъ же финансовыя послѣдствія другаго средства къ полученію денегъ, выикнемъ въ условія немедленнаго обмѣна нѣвотораго количества выкупныхъ облигацій на долговныя обязательства по залогу помѣстій.

Еслибы вся сумма государственнаго вспоможенія доставлена была выкупной операціи такимъ обмѣномъ, расходы государства были бы таковы:

176,940,000 рублей облигацій, обмѣненные кредитными учрежденіями за долгъ, были бы перенесены на счетъ государства съ уплатою по нимъ $1\frac{1}{2}$ процента. Внося по третямъ ежегодно 16,000,000 рублей въ годъ (почти такой размѣръ имѣли бы ежегодныя пособія, если бы правительство посредствомъ ихъ помогало выкупной операціи на одну третью часть) въ кредитныя учрежденія, государство уплачивало бы переведенный на него долгъ въ 12,1 лѣтъ, и всего понадобилось бы въ теченіе этихъ лѣтъ уплатить 193,600,000 руб. А если бы всионоженіе производилось ежегодными взносами, то они продолжались бы 14.13 лѣтъ и составили бы 226,080,000 руб.; слѣдовательно государство сберегало бы черезъ единовременное вспоможеніе посредствомъ кредитныхъ учрежденій 32,580,000 руб.

Но мы тутъ принимали, что рѣшительно вся сумма вспоможенія доставлена обмѣномъ облигацій на долговныя обязательства; а между тѣмъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что если бы правительство и нашло неудобнымъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на всю сумму 176,940,000 рублей (хотя и такой размѣръ едва ли представлялъ бы серьезныя неудобства), то никто въ мірѣ не могъ бы сказать ничего противъ выпуска кредитныхъ билетовъ въ гораздо меньшемъ количествѣ 57,000,000 рублей, — количествѣ, которое меньше средняго годичнаго выпуска ихъ въ 1853, 1854 и 1855 годахъ. Такимъ образомъ, даже при самой крайней осторожности въ выпускѣ кредитныхъ билетовъ, правительству пришлось бы искать содѣйствія кредитныхъ учрежденій только на сумму 120,000,000 рублей, а остальные 56,940,000 рублей единовременнаго вспоможенія были бы покрыты кредитными билетами. Тогда операція имѣла бы слѣдующій расчетъ:

120,000,000 облигацій, принятыхъ кредитными учрежденіями въ зачетъ долговъ, перенесенныхъ на счетъ государства, съ уплатою $1\frac{1}{2}$ процента, были бы погашены третними взносами на сумму 16,000,000 въ годъ въ продолженіи 7,96 лѣтъ; сумма этихъ взносовъ составила бы 127,360,000 рублей. Прибавивъ къ нимъ 56,940,000 рублей выпущенныхъ билетовъ, получаемъ сумму пожертво-

ваній правительства 184,300,000 руб. Сравнительно съ ежегодными пособиями это представляетъ экономно около 52,000,000 рублей.

Намъ казалось бы, что противъ этого способа не можетъ быть уже ровно никакихъ возраженій, не только основательныхъ, во даже и неосновательныхъ, и что при размѣрѣ выкупа, найденномъ нами, и при степени участія на одну третью долю, принимаемаго въ немъ государствомъ, не было бы государству ни малѣйшей надобности прибѣгать къ займу.

Но положимъ, что было бы найдено удобнымъ прибѣгнуть къ займу. Но курсу, какой имѣютъ русскіе фонды на лондонской биржѣ (наши $4\frac{1}{2}$ процентные фонды въ теченіе всего 1858 года не спускались ниже 98, а большею частію стояли на 100 и поднимались даже выше), надобно полагать, что легко было бы заключить $4\frac{1}{2}$ процентный заемъ по курсу 97 рублей 75 копѣекъ, или даже выше. Но положимъ, что заемъ былъ бы заключенъ даже только по курсу 96 руб.

Мы уже приняли, что выпускъ 56,940,000 рублей кредитными билетами не имѣетъ противъ себя никакихъ возраженій. Потому заемъ потребовалось бы заключить только на остальные 120,000,000 рублей. При курсѣ 96 р., полученіе такой суммы требовало бы записи въ капиталахъ долга 125 милліоновъ. Такой долгъ при $4\frac{1}{2}$ % выкупался бы третними взносами на сумму 16,000,000 рублей въ годъ въ теченіе 9,36 лѣтъ, вся сумма взносовъ составила бы за это время 149,760,000 рублей. Прибавляя къ тому цифру выпущенныхъ билетовъ (56,940,000), мы получаемъ, что вся сумма пожертвованій правительства составляла бы 206,700,000 рублей. Сравнительно съ ежегодными пособиями этотъ способъ обошелся бы государству дешевле почти на 20,000,000 рублей.

Но мы предполагали, что вся сумма вспоможенія, остающаяся за выпускомъ кредитныхъ билетовъ, покрывается посредствомъ займа, безъ призванія кредитныхъ учрежденій къ участію въ операціи. А конечно безъ всякихъ колебаній можно было бы призвать ихъ къ участію хотя на 60,000,000 рублей, если бы даже не захотѣли увеличить это участіе до 120,000,000 рублей. Такая сумма (60,000,000 рублей) уже совершенно ничтожна для учрежденій, имѣющихъ годичный оборотъ въ 20 разъ большій, имѣющихъ болѣе милліарда рублей вкладовъ и болѣе милліарда рублей ссудъ. А если изъ 120,000,000 рублей, не покрываемыхъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ, 60,000,000 рублей приобрѣтаются зачетомъ на долги по кредитнымъ заведеніямъ, то для иностраннаго займа остается только 60,000,000 рублей. Тогда вся операція имѣла бы слѣдующій видъ.

Изъ 16,000,000 ежегоднаго взноса 900,000 отчислялись бы на уплату процентовъ кредитнымъ учрежденіямъ, остальные 15,100,000 рублей шли бы на проценты и выкупъ долга. Третними уплатами этихъ 15,100,000 рублей заемъ въ 60,000,000 рублей по 4,5 процента, требующій, по курсу 96 рублей, записи въ капиталъ 62,500,000 р., выкупался бы въ 18,84 третей года.

По выкупѣ его весь ежегодный взносъ обращался бы къ выкупу долга, перенесеннаго кредитными учрежденіями на счетъ государства. Эти 60,000,000 выкупались бы въ теченіе 11,535 третей года.

Итого, оба долга вмѣстѣ, иностранный и въ кредитныя учрежденія, выкупались бы въ 25,425 третей года, или въ 8,475 лѣтъ. По 16,000,000 въ годъ, — это

составить 135,600,000 рублей. Прибавимъ къ тому 56,940,000 выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ и сумма 192,540,000 будетъ итогомъ всѣхъ пожертвованій государства. Это составило бы сбереженіе въ 33,500,000 рублей сравнительно съ ежегодными пособіями. Надобно сдѣлать еще одно замѣчаніе.

Мы говорили о займѣ, совершаемомъ исключительно на биржахъ Западной Европы. Внутренній рынокъ представлялъ бы, безъ сомнѣнія, условія болѣе благоприятныя. Когда кредитныя учрежденія платили по вкладамъ 4 процента, сумма ихъ вкладовъ увеличивалась ежегодно почти на 60,000,000 рублей среднимъ числомъ *). Теперь, когда общество уже нѣсколько привыкло къ получешю изъ кредитныхъ учреждений 3 процентовъ, конечно не только прежняя цифра 4 процента, но даже и $3\frac{1}{2}$ процента были бы очень привлекательны для нашей публики, и нѣтъ сомнѣнія, что если бы чрезъ посредство кредитныхъ учреждений былъ открытъ внутренній заемъ по $3\frac{1}{2}$ процента, онъ удался бы вполне даже тогда, когда бы размѣръ его былъ выше 75,000,000 рублей. Если бы кредитныя учрежденія могли перенести безъ вреда для своихъ дѣлъ соперничество внутренняго займа по проценту вышему, нежели какой дають ихъ вклады, этимъ открывалась бы совершенно новая перспектива для участія государства въ выкупной операціи. Тогда нечего было бы и говорить про выкупныя облигаціи. Ихъ существованіе ограничилось бы нѣсколькими недѣлями, всѣ онѣ были бы обмѣнены на деньги въ три, четыре мѣсяца, и начавшись, напримѣръ, въ мартъ, вся выкупная операція была бы кончена въ юлѣ или въ августѣ того же года.

Но могутъ ли обороты кредитныхъ учреждений безвредно выдержать соперничество внутренняго займа, напримѣръ по $3\frac{1}{2}$ процента? Это вопросъ, для рѣшенія котораго нужно знакомство съ положешемъ нашихъ кредитныхъ учреждений болѣе подробное, нежели какое имѣетъ публика. Потому мы и не вводимъ въ наши соображенія тѣхъ средствъ, которыя представлялись бы для выкупной операціи возможностью подобнаго займа.

Мы видѣли, что при цифрѣ выкупа, определенной нашими разчетами, выкупная операція легко и довольно быстро совершается исключительно силами самихъ освобождаемыхъ крестьянъ. Если потомъ излагали мы способы совершить ее инымъ путемъ, именно при пособіи государства, съ предоставленіемъ однако же главной массы выкупа дѣлу самихъ крестьянъ, то основаніемъ для такого предположенія служила не столько нужда крестьянъ въ помощи, сколько наклонность наша принимать близко къ сердцу интересы помѣщиковъ и даже тѣ ихъ желанія, которыя не имѣютъ особенной экономической основательности. Помѣщики должны находить слишкомъ продолжительнымъ срокомъ разложеніе выкупа на 22 года, хотя въ сущности, при полномъ удобствѣ продавать облигаціи безубыточно, ожиданіе тиража не могло бы стѣснять ихъ въ денежномъ отношеніи. И вотъ, мы въ удовольствіе имъ нашли нѣсколько вовсе не обременительныхъ для государства способовъ устроить дѣло такъ, чтобы всѣ помѣщики, имѣвшіе менѣе 200 душъ, получили выкупъ немедленно, а остальнымъ (изъ 85,000 помѣщиковъ, всего

*) По отчету г. Министра Финансовъ о кредитныхъ учрежденіяхъ за 1865 годъ, къ 1 января 1853 года сумма вкладовъ составляла, 806,083,233 руб. сер. По отчету за 1856 годъ, къ 1 января 1857 года она простиралась до 1,002,639,068 р. с., это составило за 4 года 196,555,835 р. с. вкладовъ. Замѣтныя притоки, что въ числѣ этихъ 4 лѣтъ были 3 года войны, конечно, дѣйствовавшей очень невыгоднымъ образомъ на возрастаніе національнаго капитала.

только 6 или 7 тысячамъ богатымъ) помѣщикамъ срокъ ожиданія тиража сокращался слинкомъ вдвое, и чтобы вся выкупная операція кончалась въ 13 лѣтъ. Для этого нужно только, чтобы государство приняло на себя одну треть выкупа и оказало эту милость помѣщикамъ не ежегодными пособіями, а единовременнымъ вспомошествованіемъ, причемъ пожертвованіе государства простиралось бы, смотря по различію избранныхъ для того способовъ, отъ 176,940,000 р. (при исключительномъ полученіи этой суммы черезъ выпускъ кредитныхъ билетовъ) до 192,500,000 р. (при полученіи части суммы вспомошествованія черезъ заграничный заемъ).

Кажется, что такой срокъ выкупа, съ немедленною выдачею всего выкупа девяти владѣльцамъ изъ десятирехъ, уже не представляетъ ни малѣйшихъ поводовъ къ жалобамъ съ ихъ стороны на денежные затрудненія въ ожиданіи выкупа. Да и вообще, хотя бы даже въ меньшемъ размѣрѣ, пособие со стороны государства будетъ, при найденной нами цифрѣ выкупа, не слѣдствіемъ надобности въ томъ для помѣщиковъ или крестьянъ, а чисто только предупредительностью, любезностью, благосклоннымъ подаркомъ со стороны правительства помѣщикамъ для доставленія имъ льготы, въ сущности излишней. Собственно говоря, правительству не было бы нужды дѣлать ровно никакихъ расходовъ, и если оно пожертвуетъ, при найденной нами цифрѣ выкупа, хотя однимъ рублемъ, — это пожертвованіе будетъ слѣдствіемъ развѣ только благосклонности къ помѣщикамъ и высшихъ государственныхъ соображеній.

Только эти высшія соображенія и могли бы приводить, при найденной нами цифрѣ выкупа, къ соображенію о томъ, до какой степени возможно государству избрать для выкупа —

ТРЕТИЙ ПУТЬ,

при которомъ выкупъ въ шлоомъ размѣрѣ своемъ принимался бы на счетъ государства.

Пока государственные крестьяне остаются обложены податью, которая на сумму около 3 руб. съ души выше подати, собиравшейся съ крѣпостныхъ крестьянъ, освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, которые безъ сомнѣнія будутъ обложены (по крайней мѣрѣ по окончаніи выкупа, если до окончанія его обязаны были бы платить ботѣ) податями наравнѣ съ государственными крестьянами, будетъ оказываться операціею, дающею около 32,500,000 руб. прибавки въ государственныхъ сборахъ. Этою суммою, вновь прибывающею въ государственный доходъ, покрывается весь выкупъ въ 22¹/₂ года, двѣ трети его въ 13 лѣтъ. Итакъ, если правительство не преднамѣрено измѣнять податей съ государственныхъ крестьянъ въ теченіе этихъ сроковъ, ему достаточно сравнять съ ними освобождаемыхъ крестьянъ, и тогда оно, если бы даже и хогѣло, не можетъ сдѣлать того, чтобы силами самихъ освобождаемыхъ крестьянъ не были уплачены двѣ трети выкупа (если подати съ государственныхъ крестьянъ останутся неуменьшенными 13 лѣтъ) или вся сумма выкупа (если подати съ государственныхъ крестьянъ останутся неуменьшенными въ теченіе 22¹/₂ лѣтъ). Тутъ государство могло бы только сказать: „я принимаю на себя весь выкупъ“, могло бы только сократить разными переносами суммъ изъ

одвѣхъ кассѣ въ другія финансовую операцію, но сущность операці осталась бы одна и та же: выкупъ производился бы на деньги, получаемыя съ освобожденныхъ крестьянъ, и притомъ именно на тотъ излишекъ этихъ денегъ, который получается вслѣдствіе освобожденія и который не получался казною прежде.

Но мы уже говорили, что правительство можетъ найти возможность къ преобразованію той финансовой системы, по которой двумя главнѣйшими источниками доходовъ служили два налога, равно невыгодные для государства въ экономическомъ отношеніи: винный откупъ и подушная подать съ крестьянъ. Если преобразование коснется и второго налога раньше окончанія выкупной операці, подобно тому, какъ уже рѣшено правительствомъ отмѣнить винный откупъ, тогда конечно отношеніе выкупной операці въ сборамъ съ освобожденныхъ крестьянъ и къ источникамъ государственныхъ доходовъ должно будетъ измѣниться. Въ такомъ случаѣ представляется два вопроса: возможно ли было бы для государства принять весь выкупъ на свой счетъ, и если это было бы возможно, то справедливо ли было бы это?

Относительно возможности сомнѣній не должно существовать. Преобразование податей и налоговъ, несогласныхъ съ экономическими разсчетами, въ налоги, болѣе соответствующіе условіямъ финансовой науки, всегда сопровождается увеличеніемъ государственнаго дохода. Потому, если бы даже, при настоящеиъ размѣрѣ государственныхъ доходовъ, принятіе всей выкупной операці на счетъ государства казалось затруднительнымъ для казны, то послѣ улучшеній, о которыхъ мы говоримъ, оно должно было бы стать дѣломъ болѣе легкимъ, или даже могло бы стать дѣломъ совершенно легкимъ. Но мы посмотримъ, могло ли бы оно быть труднымъ даже при настоящемъ размѣрѣ государственныхъ доходовъ.

Предположимъ, что въ настоящее время доходы государства простираются до 275,000,000 рублей. Этими доходами, при помощи разныхъ финансовыхъ операцій (напримѣръ займовъ и т. д.), покрываются расходы. Пусть все останется по-прежнему. Но съ освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ государственные доходы увеличиваются на 32,500,000 рублей, а расходы остаются прежніе. Ясно, что государство имѣетъ 32,500,000 рублей, которыми можетъ располагать на выкупную операцію. Съ улучшеніемъ финансовой системы, то есть главнѣйшимъ образомъ съ замѣненіемъ подушной подати и виннаго откупа другими, болѣе выгодными для государственнаго хозяйства, налогами, — прежняя сумма доходовъ должна необходимо увеличиться, слѣдовательно и та часть ихъ, которая можетъ быть обращена на выкупъ, должна необходимо возрасти. Но если мы даже возьмемъ только прежнюю ея величину, и тогда выкупъ совершился бы легко. Разница только въ томъ, что эти 32,500,000 р. получались бы вмѣсто подушной подати изъ другихъ, болѣе выгодныхъ для народнаго хозяйства, источниковъ. Мы уже видѣли при изложеніи перваго и второго пути выкупа, что годичный доходъ этого размѣра совершенно достаточенъ для совершенія выкупной операці. Разница между третьимъ и первыми двумя путями состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, будетъ ли преобразована финансовая система современно выкупной операці, или нѣтъ. Если будетъ преобразована, то вмѣсто прежнихъ источниковъ государственнаго дохода открываются новые, болѣе обильные, и между прочимъ та часть подушнаго облада, на которую прежде совершался выкупъ, замѣняется другимъ налогомъ, болѣе выгоднымъ для государства. Слѣдовательно цифры выкупныхъ средствъ или остаются прежніи, или, вѣрнѣе сказать, возрастаютъ.

Мы положимъ, что онѣ остаются прежними. Тогда, если бы государство не захотѣло дѣлать никакихъ пожертвованій, оно оставило бы на выкупъ только 32,500,000 рублей, которыми при новой системѣ замѣнились прежшіе 32,500,000 рублей, получавшихся отъ прибыли въ подушной подати, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ. Тогда выкупъ попрежнему совершился бы въ $22\frac{1}{3}$ года, и расходъ правительства былъ бы номинальный, въ родѣ того, какъ частный человѣкъ, получивъ отъ одного изъ своихъ знакомыхъ ренту въ 500 рублей, принялъ бы на себя уплату его кредиторамъ 500 рублей въ годъ.

Но отъ имени многое зависитъ. Государство, назвавъ тогда выкупную операцію своимъ дѣломъ, конечно захотѣло бы и оказать ей нѣкоторое содѣйствіе, то есть, съ разницею въ названіи, прибѣгло бы къ тѣмъ средствамъ, какія уже изложены при объясненіи второго пути. Мы не будемъ излагать всѣхъ постепенностей того пособія, какое оно могло оказывать выкупной операціи безъ обремененія себя, — они болѣе или менѣе сходны съ принятыми у насъ при изложеніи второго пути. Возьмемъ только крайнюю степень пособія, именно немедленную выдачу всего выкупа.

Даже для этого были бы достаточны два первыя средства къ полученію денегъ, т. е., выпускъ кредитныхъ билетовъ и зачетъ выкупа за долги кредитнымъ учрежденіямъ, и не было бы нужды заключать иностраннаго займа.

Примѣръ 1856 года показываетъ возможность выпуска кредитныхъ билетовъ болѣе, нежели на 180,000,000 рублей. Итакъ, положимъ, что будетъ выпущено для выкупа 181,940,000 рублей кредитныхъ билетовъ.

Затѣмъ изъ общей цифры выкупа (531,940,000 рублей) остается 350,000,000 рублей. Долги по помѣстьямъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ простираются на сумму гораздо высшую этой цифры. Итакъ, они были бы слишкомъ достаточны для покрытія части выкупа, остающейся за выпускомъ кредитныхъ билетовъ. Тогда взносомъ по третямъ 32,500,000 рублей въ годъ выкупались бы 350,000,000 рублей долга, зачтеннаго за выкупленные облигаціи, въ 11,75 лѣтъ. Сумма пожертвованій за всѣ эти годы составляла бы 381,875,000 рублей.

Если же правительство, при увеличенія своихъ доходовъ вслѣдствіе преобразованія финансовой системы, нашло бы возможность усилить этотъ взносъ отдѣлешемъ, напримѣръ, 7,500,000 рублей въ годъ изъ прибыли дохода, доставленной финансовыми преобразованиями, то взносомъ 40 милліоновъ рублей въ годъ по третямъ весь долгъ, перенесенный кредитными учрежденіями на счетъ государства, погашался бы менѣе, нежели въ $9\frac{1}{2}$ лѣтъ, именно въ 28,161 третей, и вся сумма расходовъ на его выкупъ простиралась бы до 375,480,000 рублей, то есть правительство, чрезъ усиленіе взноса на 2,500,000 рублей въ треть, сокращало бы свои расходы въ теченіе 9 лѣтъ почти на 6,400,000 рублей. Эта выгода, по нашему мнѣнію, уже не стоила бы усилій на увеличеніе взноса; иначе сказать, выкупныя средства сами по себѣ представляли бы уже столь выгодную пропорцію къ величинѣ долга, что совершенно не нужно было бы и желать особенныхъ усилій казны для увеличенія доходовъ выкупной кассы.

Въ иностранномъ займѣ не было бы необходимости даже и при этомъ крайнемъ размѣрѣ, когда правительство принимало бы на себя весь выкупъ и уплачивало бы его помѣщикамъ немедленно, безъ всякаго отлагательства. Но, разумеется, если бы правительство нашло удобнѣйшіиъ прибѣгнуть и къ атому

средству, ничто не понѣшало бы заключить заемъ въ 50, въ 75, или болѣе милліоновъ, сколько показалось бы нужнымъ. Надобно только помнить, что чѣмъ больше былъ бы размѣръ займа, тѣмъ сильнѣе возрастали бы расходы по выкупной операціи.

Разсчеты, которыми наполнена вся наша статья, конечно, были утомительны для читателя и, разумѣется, еще утомительнѣе были для насъ: въ теченіе нѣсколькихъ дней перебрасывать косточки на счетахъ—занятіе ни мало не веселое. И для насъ было бы гораздо легче не громоздить цифръ на цифры, и публикою статья наша прочлась бы легче, еслибъ не была набита цифрами. Но въ такомъ случаѣ мы, по примѣру другихъ, должны бы ограничиться общими фразами, изъ которыхъ не слѣдуетъ ничего положительнаго, и также по примѣру другихъ, вѣроятно, увлеклись бы пронаволокомъ, не пришли бы къ выводамъ, за достовѣрность которыхъ ручается арифметика. Теперь мы, по крайней мѣрѣ, имѣемъ полное право сказать:

Выкупъ крѣпостныхъ крестьянъ съ землею не только по настоящему надѣлу, но и по надѣлу, значительно увеличенному до той мѣры, при которой онъ дѣйствительно удовлетворялъ бы потребностямъ ихъ благосостоянія,—такой выкупъ вовсе дѣло не трудное; мало сказать: дѣло не трудное,—нѣтъ, надобно сказать: онъ дѣло очень легкое, до такой степени легкое, что какъ ни поведете его, хотя бы и не самымъ легкимъ путемъ, онъ все-таки будетъ очень легокъ. Если весь онъ будетъ предоставленъ исключительно силамъ крестьянъ, крестьяне съ небольшимъ въ 20 лѣтъ уплатятъ его, сами не замѣчая, что платятъ выкупъ. Если правительство найдетъ возможнымъ, чтобы государство помогло крестьянамъ, то пожертвовавшемъ всего только отъ 175 до 196 милліоновъ онъ сократится до 13 лѣтъ; и само правительство можетъ избрать при вспоможеніи любой изъ многихъ способовъ, между которыми ни одинъ не былъ бы обременителемъ для государства, требуя лишннихъ расходовъ всего по нѣскольکو милліоновъ рублей въ годъ въ теченіе 12 или 10, или даже менѣе лѣтъ. Наконецъ, если правительство захотѣло бы принять весь выкупъ на себя, такое великодушіе или, лучше сказать, такая благородная и вѣстѣв разсчетливая рѣшимость была бы соединена съ увеличеніемъ государственныхъ доходовъ, вслѣдствіе финансовыхъ улучшеній, значительными суммами, отъ которыхъ, вѣроятно, оставался бы большой излишекъ на другія государственныйя надобности, даже и въ продолженіе выкупной операціи, и которыя, по ея окончаніи, всѣ оставались бы въ распоряженіи казны.

II.

Какъ аукнется, такъ и откликнется.

Русская поговорка.

Когда человѣкъ залуганъ страшнымъ сномъ, онъ, очнувшись отъ него, еще не смѣетъ въ первую минуту вѣрить, что страшный сонъ дѣйствительно былъ вздорнымъ, нелѣпнымъ сномъ; онъ мысленно колеблется, вѣрить ли ему въ истину

явившейся глазамъ его отрадной дѣйствительности. Такъ, вѣроятно, найдутся люди до того запуганные чудовищными миллиардами, о которыхъ твердилось имъ сотнями писателей, что будутъ, бѣдные, смущены исчезновеніемъ этихъ миллиардовъ отъ прикосновенія къ нимъ ариометикн.

Куда же дѣвались эти миллиарды? и какъ объяснить такое изумительное различіе между чрезвычайно легкимъ выкупомъ, о которомъ теперь прочли мы, и тѣми выкупами, о которыхъ нельзя подумать безъ ужаса?—спросить они.

Найдутся люди, которые дадутъ отвѣтъ такого рода: „Мы полагали 150 или 200 рублей выкупа за душу; а онъ, авторъ статьи, находитъ выкупъ равнымъ только 50 рублямъ. Онъ говоритъ вздоръ. Вѣдь мы основывались на юридическихъ претензіяхъ. Мы разбирали, во сколько долженъ цѣнить крѣпостное право и крѣпостную землю помѣщикъ, — стало быть, цифры, несогласныя съ нашими — вздоръ“.

Ахъ, вы держались юридической стороны вопроса! Это прекрасно. Но вѣдь и мы держались ея, и даже строже, нежели вы. Мы также берегли каждую копейку, дѣйствительно получаемую помѣщикомъ отъ крѣпостнаго права; мы также не хотимъ, чтобы пропала хотя одна копейка изъ того, что онъ получаетъ теперь. Но только знаете ли, въ чемъ сущность вопроса? Вотъ въ чемъ.

Есть юридическія отношенія, убыточные для обѣихъ участвующихъ въ нихъ сторонъ. Въ примѣръ мы приведемъ случай неправдоподобный, но дѣйствительно происходившій на нашихъ глазахъ.

У московскаго купца Саввы Филимонова былъ отъ первой жены сынъ Захаръ; по смерти первой жены, Савва Филимоновъ женился на вдовѣ, у которой былъ отъ перваго мужа сынъ Терентій. Старикъ любилъ и пасынка, но еще больше любилъ сына. Тутъ еще нѣтъ ничего особеннаго. Случилось Саввѣ Филимонову впасть въ какое-то нравственное разслабленіе, и, воспользовавшись имъ, Захаръ, мужчина уже въ лѣтахъ, выпросилъ у отца право распоряжаться младшимъ своднымъ братомъ, Терентьемъ, какъ вздумается ему, Захару, и заставить Терентья служить себѣ, Захару. И тутъ нѣтъ еще ничего удивительнаго. Но вотъ что странно: Захару вздумалось заставлять Терентья носить ему воду изъ рѣки не въ ведрѣ, а въ рѣшетѣ. Какъ объяснить такую фантазію, я не знаю; но дѣло было такъ, и Захаръ требовалъ отъ Терентья, чтобы воды въ рѣшетѣ приносилъ онъ столько, сколько нужно ему, Захару, и его женѣ по домашнему хозяйству. Бѣдняжка Терентій долженъ былъ круглыя сутки безъ отдыха бѣгать по лѣстницѣ брата и мучился до крайности; а Захаръ съ женою все-таки сидѣли безъ воды, кромѣ развѣ той, которую, тоже съ трудомъ, могли собрать въ грязныхъ лужахъ, остававшихся единственнымъ результатомъ трудовъ ихъ неусыпнаго водовоза. Терентій съ самаго начала замѣчалъ нелѣпность положенія, въ которое поставленъ. Но что ему было дѣлать? Однако же, вотъ оправился, наконецъ, Савва Филимоновъ, то есть старикъ отецъ, и велѣлъ Захару прекратить это дикое отношеніе. Какъ тутъ было разсчитываться Захару съ Терентьемъ? Захаръ, который жилъ особымъ домою, началъ утверждать, что его хозяйство разстроится, если онъ лишится дароваго работника, и представилъ дѣло съ юридической стороны въ слѣдующей видѣ: „Терентій работалъ на меня круглыя сутки безъ отдыха: освобождая его, я возвращаю ему все его время, слѣдовательно — могу требовать въ вознагражденіе, чтобы онъ заплатилъ мнѣ всѣ тѣ деньги, какихъ стоитъ

капитализированная цѣнность его труда“. Разумѣется, счетъ вышелъ страшный. Терентій, возя воду въ бочкѣ, можетъ навозить воды въ нѣсящъ на 30 рублей серебромъ, стало быть, въ годъ на 360. Капитализируя эту цѣнность по $7\frac{1}{2}\%$, Захаръ сосчиталъ, что за освобожденіе водовоза Терентья ему, Захару, слѣдуетъ получить съ него, Терентья, 4,800 рублей. Расчетъ очень милый. Но не очень мило для Захара было то, что Терентій чуть ли не вѣрнѣе его производилъ расчетъ такимъ манеромъ: „Въ рѣшетѣ я въ цѣлый годъ успѣлъ бы принести тебѣ развѣ нѣсколько капель воды. Оцѣнивъ эти капли, — и я, пожалуй, заплачу тебѣ ихъ цѣнность. Она равняется нулю; получи же его, — и ты не останешься въ убыткѣ. Вѣдь ты и прежде сидѣлъ безъ воды, такъ за что же тебѣ получать деньги? Что ты теряешь, когда я избавлюсь отъ совершенно напраснаго изнуренія, не приносящаго тебѣ ровно никакой пользы?“ — Какъ тутъ разсудить? Пришли оба къ отцу. Старикъ говоритъ: „Эхъ, братъ, Захаръ, не ожидалъ я отъ тебя этого! Видно ты его братомъ себѣ не считаешь, да и меня старика не уважаешь. Не хочу же я надъ тобою и суда имѣть, воли ты непочтителенъ; а ступайте вы судиться къ чужимъ людямъ, — пусть они васъ разсудятъ“. Что вы думаете, какъ разсудятъ посторонніе люди?

Крѣпостное право — это истинное подобіе рѣшета, въ прорѣхи котораго вытекаютъ рѣшительно вся цѣнность, находящаяся въ немъ. Мужикъ трудится на васъ цѣлый годъ — это правда, земли у васъ много — и это правда. Но вы все-таки разоряетесь съ каждымъ годомъ больше и больше; ваша земля и съ мужиками заложена и перезаложена, и какъ хотите высоко цѣните стоимость обязательнаго труда и земли, уступленной крестьянамъ, — цѣните ихъ хоть въ 10,000 рублей на душу, а въ результатъ все-таки оказывается, что съ земли, уступленной крестьянамъ, вы не получаете ни копѣйки: она служить только къ прокормленію крестьянъ; а прокормленіе крестьянъ служить только къ тому, чтобы они работали на васъ; а изнурительная работа ихъ на васъ служить только къ тому, что вы съ вашихъ господскихъ полей получаете съ десятины по 20 руб., вмѣсто того, что получали бы по 40 или 50 руб., если бы крѣпостнаго права не было. Такъ вотъ оно, каково дѣло: половина полей вашего помѣстья служить только къ тому, чтобы другая половина приносила вамъ гораздо меньше дохода, нежели получалось бы вами съ нея тогда, когда бы другая половина не принадлежала къ вашей собственности. Что же вы теряете, лишаясь этой другой, убыточной для васъ половины? Ровно то же самое, что терпеть больно, лишаясь ревматизма, не дающаго ему владѣть правой рукой, или мозолей, мѣшающихъ ему ходить.

Взявъ за основаніе расчетовъ одну изъ сторонъ крѣпостнаго права, неопровержимую съ юридической точки зрѣнія, многіе выводятъ громадныя цифры выкупа. Они забываютъ, что есть въ томъ же правѣ другія стороны, столь же неопровержимыя съ юридической точки зрѣнія, — такія стороны, которыя приводятъ къ отрицательнымъ цифрамъ, и что если взять эти стороны и приложить ихъ къ первымъ, то въ результатъ расчета, веденнаго строгимъ юридическимъ путемъ, окажется нуль или много, много $1\frac{1}{2}$ копѣйки серебромъ.

Опредѣлять юридически величину выкупа, — дѣло очень невыгодное для помѣщиковъ. Мы еще едва касались этой стороны вопроса, и то съ великою бережливостью, потому что она чрезвычайно невыгодна для той стороны, интересы которой для насъ кажутся интересами просвѣщенія.

Мы желали бы, чтобы помѣщики получили какъ можно больше выкупа; но заиѣтъ тутъ слово *можно*. Когда я съ бѣднаго человѣка буду требовать по очень сомнительному векселю десятки тысячъ рублей, то самое выгодное для меня, что можетъ случиться, вто то, что бѣднякъ окончательно разорится на веденіе дѣла противъ меня, и потомъ его посадятъ, какъ несостоятельнаго должника, въ тюрьму, и я принужденъ буду самъ же платить деньги за его содержаніе, не получивъ ни копѣйки изъ требуемой мною страшной суины. А если бы я соразмѣрилъ свое требованіе съ его средствами, я все-таки что-нибудь получилъ бы безъ всякихъ хлопотъ и проволочекъ, и получилъ бы, можетъ быть, даже больше, нежели мнѣ слѣдуетъ. „Больше, нежели мнѣ слѣдуетъ“, потому что вексель очень сомнительнаго качества, и бѣднякъ признаетъ себя моимъ должникомъ собственно потому, что не любитъ тягаться по уѣзднымъ и всякимъ другимъ судамъ.

Нѣтъ ничего хуже, какъ рѣшать государственные вопросы по правиламъ юридической казуистики. Она мѣрка слишкомъ узкая для нихъ. Теперь вы накладываете ее на меня, и мнѣ приходится отъ нея очень тѣсно; но вѣдь точно также она можетъ быть наложена и на васъ, тогда вамъ будетъ тоже не-пріятно.

Лучше оставимъ эту мѣрку. Она годится только для кляузничества. Важныя дѣла надобно рѣшать по совѣсти и по здравому смыслу.

Здравый смыслъ говорить, что разореніе освобождаемыхъ крестьянъ отзовется самыми невыгодными слѣдствіями на всемъ государственномъ организмѣ, и болѣе всего на самихъ помѣщикахъ. При слишкомъ высокой оцѣнкѣ выкупа, ежегодные взносы съ крестьянъ будутъ слишкомъ высоки. Слишкомъ высокими ежегодными взносами въ два-три года крестьяне разорятся. Разорившись, они не будутъ въ состояніи платить не только высокаго, но и ровно никакого выкупа. Вся выкупная операція разстроится, когда помѣщики не успѣютъ еще получить и десятой части выкупа, и въ результатѣ окажется у помѣщиковъ, въ дѣйствительномъ полученіи, много—по 25 р. съ души; а между освобожденными крестьянами окажется всеобщее разореніе и неоплатныя недоимки. Отъ этого предостерегаетъ здравый смыслъ, говоря, что величина выкупа должна быть сообразна съ силами крестьянъ.

Совѣсть говорить, что человѣкъ не долженъ, при полученіи вознагражденія за свой доходъ, цѣнить доходъ выше его дѣйствительной величины.

Здравый смыслъ говорить, что вредъ и себѣ и другимъ дѣлаетъ тотъ, кто смущаетъ государство неумѣренностью своихъ претензій.

Совѣсть говорить, что дурно поступаетъ тотъ, кто не старается миролюбиво и но взаимному удовольствію кончить взаимными уступками дѣло, которое очень можетъ кончиться миролюбиво и ко взаимному удовольствію, но которое не можетъ кончиться ничѣмъ хорошимъ, если не будетъ ведено миролюбиво къ общему удовольствію, со взаимными уступками.

Мы подадимъ первый примѣръ уступокъ и съ перваго же раза сдѣлаемъ ихъ въ полномъ размѣрѣ, доведемъ ихъ до самой той границы, дальше которой не позволяеть идти здравый смыслъ.

III.

Одинъ рубль въ карманѣ лучше
двухъ рублей въ долгу.
Афоризмъ умныхъ людей

Величину выкупа, найденную нами, мы считаемъ самой высшей изъ тѣхъ, какія могутъ быть выведены точнымъ расчетомъ. 49 руб. 5 коп. выкупа съ души, среднимъ числомъ, — больше этого ни одного рубля, ни одной копѣйки не выйдетъ въ счетъ, если станете считать вѣрно.

А меньше этого можетъ выйти, и даже гораздо меньше. Вѣдь мы дѣйствительно возвышали всѣ пропорціи сверхъ правдоподобія, для увеличенія выкупной цифры.

Наша цифра не совершенно точная, а только приблизительная, заключающая въ себѣ погрѣшность противъ дѣйствительной величины. Но достоверно то, что погрѣшность въ ней вся исключительно съ одной стороны: ни на одну сотую часть копѣйки она не можетъ быть меньше того, что выйдетъ по совершенно точному расчету; но насколько рублей она больше точной величины, — этого мы не знаемъ и не совѣтуемъ узнавать никому, кто заинтересованъ возможно высокою цѣною выкупа.

Хорошо же, мы готовы отказаться отъ этой цифры для миролюбиваго соглашенія и принять норму выкупа въ полтора раза большую.

Прочъ всѣ вычеты и учеты. Прочъ всѣ ариметическія тонкости. Постановимъ дѣло прямо на судъ здраваго смысла помѣщиковъ и попробуемъ, — нельзя ли рѣшить его въ двухъ словахъ.

Средній доходъ съ крѣпостной души нельзя цѣнить выше 12 руб. сер., — это извѣстно каждому. Сколько изъ него надобно вычесть на доходы, чуждые крѣпостнаго права, на заботы по управленію, на страховую премію, — этого всего мы теперь не хотимъ говорить, вто все мы оставляемъ въ сторонѣ. Беремъ весь доходъ какъ овъ есть, 12 руб. съ души.

По капитализація въ $7\frac{1}{2}\%$, это составитъ цѣнность всего крѣпостнаго имущества, 150 руб. на душу.

Изъ этого имущества, даже при увеличенномъ противъ настоящаго надѣлѣ, какого мы желали бы, все-таки за помѣщиками останется и большая по пространству, и лучшая по качеству часть крѣпостнаго имущества.

А мы все-таки положимъ выкупъ равнымъ цѣлой половинѣ всей цѣнности крѣпостнаго имущества.

Будемъ считать его среднимъ числомъ въ 75 рублей на душу.

Разумѣется, въ барщинныхъ имѣніяхъ онъ будетъ среднимъ числомъ нѣсколько ниже, въ оброчныхъ среднимъ числомъ довольно много выше, именно въ первыхъ около 70 рублей, во вторыхъ около 90 рублей, считая оброчныхъ имѣній одну четвертую часть.

Считалъ около 10,000 душъ такихъ крестьянъ (заслуженныхъ старость, дворецкихъ, камердинеровъ, дядекъ и т. п.), за которыхъ помѣщики сами не захо-

тять взять выкупа, мы получимъ, что вся сумма выкупа будетъ простираться, приблизительно, до 812,500,000 рублей.

Пользуясь такою огромною уступкою, какъ произвольное повышеніе выкупа на цѣлую половину, помѣщики, безъ сомнѣнія, согласятся, что несправедливо было бы ихъ землямъ оставаться изъятными отъ податей.

Это тѣмъ неизбѣжнѣе, что право покупать землю, оставшуюся за помѣщиками, предоставляется всѣмъ сословіямъ. Неужели было бы возможно, чтобы одна и та же земля то избавлялась отъ податей, то подвергалась податямъ, смотря по имени и отчеству лица, ею владѣющаго?

Притомъ подать, платимая съ земли, вовсе не уменьшитъ дохода нашихъ землевладѣльцевъ. Она только подниметъ цѣну сельскихъ произведеній и, слѣдовательно, ляжетъ не на владѣльца земли, а на потребителей, точно такъ, какъ, напримѣръ, акцизъ, уплачиваемый табачнымъ фабрикантомъ, лежитъ собственно не на немъ, а на потребителяхъ табака. Подобно фабриканту, землевладѣлецъ не самъ подвергнется подати, а только будетъ служить посредникомъ между казною и потребителями, дѣйствительно платящими подать.

Крестьянскія земли слишкомъ обременены податю, и мы уже говорили, что надобно желать ихъ облегченія. Потому мы и не думаемъ предлагать, чтобы подать съ дворянскихъ земель была также велика. Но если она будетъ почти втрое меньше, она будетъ доставлять навѣрное половину того, что доставляютъ земли государственныхъ крестьянъ, потому что за дворянами останется больше земли, нежели сколько находится въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, или сколько отрѣзано будетъ освобожденнымъ крестьянамъ, и притомъ земля, остающаяся за помѣщиками, вообще лучше качествомъ, нежели крестьянская.

Такимъ образомъ источниками выкупа будутъ служить:

Подать съ освобожденныхъ крестьянъ .	. 32,500,000 р.
Подать съ дворянскихъ земель .	. 16,250,000 „
	<hr/>
Итого .	. 48,750,000 р.

При такихъ средствахъ, выкупъ безъ всякихъ пожертвованій со стороны государства, безъ выпуска кредитныхъ билетовъ, безъ обмѣна выкупныхъ облигацій на долги кредитнымъ учрежденіямъ, окончился бы третними тиражами въ 23 года и 3 мѣсяца (точнѣе въ 69,69 тиражей или въ 23,аз лѣтъ).

Если бы правительство нашло удобнымъ помочь выкупной операціи вспоможеніемъ, напримѣръ, на 175,000,000 р., то есть на одну пятую часть всего выкупа, то выкупная операція кончилась бы въ 16 лѣтъ и восемь мѣсяцевъ (точнѣе 50,07 тиражей, или въ 16,69 лѣтъ). При этомъ, если бы сумма вспоможенія составлялась черезъ выпускъ 75,000,000 р. кредитныхъ билетовъ и зачетъ 100,000,000 долговъ по кредитнымъ учрежденіямъ, и если бы на погашеніе этихъ долговъ употреблялось потомъ, третними взносами по 11,250,000 руб. въ годъ, долгъ правительства кредитнымъ учрежденіямъ (100,000,000 р.) былъ бы погашенъ въ 6,54 лѣтъ, и вся сумма пожертвованій правительства, разсроченная на 9¹/₂ лѣтъ, простиралась бы до 182,325,000 руб.

Если бы правительство нашло возможнымъ принять на счетъ государства одну третью часть выкупа, то есть 272,500,000 руб., то остающіеся 540,000,000

облигацій были бы выкуплены въ $13\frac{1}{9}$ лѣтъ (точнѣе въ 40,807 тиражей или въ 13,539 лѣтъ). При этомъ, если бы сунна вспоможенія составилаь черезъ выпускъ 122,500,000 кредитныхъ билетовъ и черезъ зачетъ 150,000,000 р. долговъ въ кредитныя учрежденія, то при третнихъ взносахъ по 11,250,000 въ годъ, перенесенный на государство долгъ кредитныхъ учреждений выкупался бы въ 14,836 лѣтъ, требуя взносовъ на сумму 167,467,500 р. Но при этомъ должно замѣтить, что государство платило бы на его погашеніе взносы изъ собственныхъ средствъ только въ продолженіе 13,539 лѣтъ, пока выкупаются облигаціи по тиражамъ, а по окончанія тиражей всѣ выкупныя средства дѣлались бы свободными, — изъ нихъ по $11\frac{1}{4}$ милл. въ годъ было бы обращено на окончаніе погашенія долга въ кредитныя учрежденія, а остальные 37,500,100 руб. поступили бы уже въ распоряженіе казны. Такимъ образомъ государство заплатило бы за долгъ по обмѣну облигацій только 152,313,750 руб. (въ теченіе первыхъ 13,539 лѣтъ, остальные 15,153,750 рублей были бы потомъ уплачены уже средствами выкупнаго дохода, изъ котораго притомъ еще втрое больше осталось бы за это время въ казнѣ), и все пожертвованіе государства простиралось бы только до 274,813,750 руб., изъ которыхъ почти половина ничего бы не стоила государству (кредитные билеты), а взносъ другой былъ бы разсроченъ на тринадцать съ половиною лѣтъ.

Наконецъ, предположивъ, что правительство нашло возможнымъ принять на счетъ государства половину выкупа, или даже нѣсколько болѣе, именно, 412,500,000 руб., составивъ эту сумму, напримѣръ, черезъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на 162,500,000 и черезъ зачетъ 250,000,000 р. долговъ по кредитнымъ учрежденіямъ. Тогда счетъ былъ бы слѣдующій: остальные 400 милліоновъ облигацій были бы выкуплены въ 28,452 тиражей или 9,484 лѣтъ. Погашеніе долга кредитнымъ учрежденіямъ потребовало бы (при прежнихъ, взносахъ $11\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей въ годъ) 27,05 лѣтъ; но изъ нихъ только въ первые девять съ половиною лѣтъ правительство уплатило бы изъ своихъ средствъ 106,695,000 рублей (послѣ того, выкупныя средства оставались бы свободными и частью ихъ былъ бы выкупленъ остальной долгъ въ теченіе слѣдующихъ 17,566 лѣтъ, на что пошло бы 197,617,500 р.). Такимъ образомъ, все пожертвованіе государства простиралось бы только до 269,195,000 р. (162,500,000 кредитныхъ билетовъ и 106,695,000 р. взносами, разсроченными на девять съ половиною лѣтъ).

Кажется, болѣе краткаго срока выкупа всѣхъ 812,500,000 р. никто даже изъ самыхъ нетерпѣливыхъ помѣщиковъ не сталъ бы требовать, — вѣдь послѣдняя облигація выкупается не далѣе какъ черезъ девять съ половиною лѣтъ отъ начала выкупной операціи. Кажется, и обремененіе для правительства вовсе не велико.

Итакъ для личныхъ своихъ удобствъ никто изъ помѣщиковъ не могъ бы желать болѣе значительнаго участія государства въ выкупѣ, какъ на половину выкупа.

Но посмотримъ, чего требуютъ выгоды самого правительства.

Человѣку, не привыкшему къ финансовымъ расчетамъ, конечно представляется, что чѣмъ меньшую часть выкупа беретъ на себя государство, тѣмъ выгоднѣе для казны, а чѣмъ большую часть выкупа возьметъ казна на себя, тѣмъ больше должна будетъ принести пожертвованій. Но сравнимъ сумму пожертвованій казны при участіи въ выкупа на одну третью часть и на половину выкупа, — и такое мнѣніе поколеблется.

• Взявъ ва себя только одну треть выкупа, казна должна будеть израсходовать изъ собственныхъ средствъ . . .	274,813,750 р.
Взявъ цѣлую половину, изъ собственныхъ средствъ ей нужно будетъ израсходовать только . . .	269,195,000—

то есть облегченіе выкупа на цѣлую половину будетъ стоить казѣ цѣлыми 5,618,750 рублями дешевле, нежели облегченіе его на одну третью часть. Что за странность! и отчего это?

Отчего это—мы показывали въ статьѣ о необходимости умѣренныхъ цѣнъ. Когда уменьшается капиталъ, выкупаемый съ разсрочкою, проценты, задаромъ сходящіе съ должника громадными массами безъ пользы для кредитора, облегчаются гораздо въ быстрѣйшей пропорціи, нежели какъ уменьшается дающій проценты капиталъ. Это дѣйствіе производится въ настоящемъ случаѣ, потому что часть капитала, обременяющаго должниковъ не столько собою, сколько своими процентами, уплачивается безъ разсрочки кредитными билетами. Точно также, когда понижается процентъ, сумма разсроченныхъ платежей уменьшается гораздо въ большей пропорціи, нежели понижается процентъ. Это дѣйствіе производится тѣмъ, что другая часть выкупа изъ облигацій, требующихъ трехъ процентовъ, переводится въ ссуду кредитныхъ учреждений, требующихъ только полтора процента.

Нужно только подумать внимательно объ этихъ общихъ правилахъ разсроченной уплаты, и самъ собою рождается вопросъ: такъ ужъ не пріобрѣтаетъ ли государство тѣмъ большей экономіи, чѣмъ большую часть выкупа принимаетъ на себя?

А какъ же бы вы думали? Оно точно такъ и есть. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно только сравнить, какія суммы при разныхъ степеняхъ участія въ выкупѣ останутся въ излишкѣ у казны отъ доходовъ съ источниковъ для выкупной операціи за все время, обнимаемое самымъ продолжительнымъ изъ различныхъ сроковъ выкупной операціи.—мы увидимъ, что чѣмъ быстрѣе выкупаются облигаціи, тѣмъ больше выгоды для казны; — а такъ какъ облигаціи выкупаются тѣмъ быстрѣе, чѣмъ большую часть выкупа беретъ на себя казна, то и слѣдуетъ, что чѣмъ больше пожертвованій захочетъ принести казна выкупному дѣлу, тѣмъ больше она получить пользы себѣ.

Дѣлаемъ же сравненіе, въ которомъ обращали вниманіе читателей.

Изъ всѣхъ встрѣчавшихся у насъ сроковъ самый длинный былъ 27,05 лѣтъ. Беремъ же, для легкости вычисленій, періодъ въ круглое число 27 лѣтъ, и считаемъ.

Выкупные источники даютъ въ годъ 48,750,000 р.,—всего въ 27 лѣтъ даютъ 1316 $\frac{1}{4}$ милліоновъ рублей: сколько же изъ этой суммы будетъ оставаться чистаго дохода въ распоряженіи казны при разныхъ степеняхъ ея участія въ выкупѣ?

1) Если казна вовсе ничѣмъ не жертвуетъ на выкупъ, предоставляя его исключительно дѣйствию выкупныхъ источниковъ, выкупъ поглощаетъ эти источники въ продолженіе 23,23 лѣтъ, то есть на него уходитъ 1,132,462,500 рублей; за вычетомъ ихъ остается свободныхъ денегъ въ распоряженіи казны .

183,787,500 р.

2) Если бы правительство приняло на себя около одной пятой части выкупа (175 миллионъ), выкупъ облигацій продолжался бы 16,69 лѣтъ и поглотилъ бы изъ выкупныхъ источниковъ 813,637,500 р.; сверхъ того правительство израсходовало бы въ теченіе 9,54 лѣтъ на погашеніе долга кредитнымъ учрежденіямъ 107,325,000 рублей и выпустило бы кредитныхъ билетовъ на 75,000,000 р. *), всего 182,325,000. Слагая эти суммы, видимъ, что всего поглотилъ бы выкупъ 995,962,500 рублей; затѣмъ оставалось бы у казны. 320,287,500 р.

3) Если государство приметъ на себя одну третью часть выкупа (272¹/₂ миллионъ), выкупъ облигацій займетъ 13,639 лѣтъ и поглотитъ 660,026,250 рублей; сверхъ того на погашеніе долга кредитнымъ учрежденіямъ изъ тѣхъ же выкупныхъ источниковъ пойдетъ 15,153,750 рублей. Казна пожертвуетъ на то же погашеніе 152,313,750 рублей и выпуститъ **) кредитныхъ билетовъ на 122,500,000 рублей, всего израсходуетъ 274,813,750. Слагая всѣ эти суммы, видимъ, что выкупъ будетъ стоить 949.993,750 рублей, а казнѣ останется 366,256,250 р.

4) Если государство пріиметъ на свой счетъ половину выкупа (412¹/₂ миллионъ); тогда остальные 400 милл. облигацій выкупаются въ 9,484 лѣтъ; этимъ поглощается 462,345,000 руб.; изъ тѣхъ же выкупныхъ источниковъ идетъ потомъ на погашеніе долга кредитныхъ учреждений 197,617,500 рублей. Сверхъ того, казна расходуетъ на ихъ погашеніе 106,695,000 рублей и выпускаетъ на 16¹/₂ миллионъ кредитныхъ билетовъ ***); всего расходуетъ 269,197,500 р. Итого, весь выкупъ требуетъ 929,157,500 рублей, а казнѣ остается 387,092,500 р.

Чѣмъ большую часть выкупа принимаетъ на себя государство, тѣмъ выгоднѣе для него. Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса: можетъ ли оно и при размѣрѣ выкупа въ 75 рублей на душу принять весь выкупъ на свой счетъ, какъ могло бы принять выкупъ въ 49 рублей?

Вопросъ предлагается не для облегченія крестьянъ, — имъ довольно легко будетъ уплатить выкупъ и каждымъ изъ способовъ изложенныхъ нами выше; онъ предлагается и не для доставленія помѣщикамъ болѣе быстрой уплаты по облигаціямъ; — она уже очень быстра и при нѣкоторыхъ изъ способовъ изложенныхъ нами выше. Наприм., при третьей изъ представленныхъ нами комбинацій немедленно получали бы выкупъ владѣльцы до 100 или 150 душъ; облигаціи остальныхъ выкупались бы въ 13¹/₂ лѣтъ, — это было бы уже очень удовлетворительно, это уже превзошло бы ожиданія большей части помѣщиковъ; а при четвертой комбинаціи немедленно получали бы выкупъ владѣльцы до 200 или

*) Этого выпуска, собственно говоря, и не слѣдовало бы считать за расходъ.

**) Этого выпуска, собственно говоря, и не слѣдовало бы считать за расходъ.

***) Этого не слѣдовало бы и считать за расходъ.

50 душъ, для остальныхъ же облигацій выкупъ оканчивался бы всего въ $9\frac{1}{2}$ ътъ, —лучшаго никто не только требовать, но и предполагать не могъ. Что же, если мы увидимъ, что государству не только возможно, но и выгодно принять уѣму выкупа на себя и выдать выкупъ немедленно или всѣмъ помѣщикамъ, или очти всѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ сотъ богатѣйшихъ владѣльцевъ?

Смотря по различію въ количествѣ наличныхъ денегъ, которыми могло бы правительство усиливать средства, доставляемыя выкупными источниками, ходъ выкупной операціи могъ бы быть очень различенъ; но она можетъ обойтись и безъ всякаго усиленія выкупныхъ средствъ собственно казенными пособіями. Наобою только вообще помнить, что чѣмъ усиленнѣе производится уплата разореннаго долга, чѣмъ скорѣе кончается она, тѣмъ меньше денегъ идетъ на проценты и слѣдовательно тѣмъ выгоднѣе оказывается операція для казны, произвождающей уплаты.

Въ этомъ соображеніи мы сначала предположимъ, что правительство, принявъ операцію на свой счетъ, найдетъ возможнымъ усилить выкупныя средства (8,750,000 рублей), прибавкою изъ своихъ собственныхъ средствъ еще на половину этой суммы, такъ чтобы доходы выкупной кассы простирались до 75 милліоновъ въ годъ.

Но что, если правительство найдетъ, что казна не можетъ расходовать въ годъ по 26 милліоновъ, какъ мы предполагали бы? Нѣтъ нужды; государство все-таки удобно можетъ принять выкупъ на свой счетъ; выигрышь его отъ выкупной операціи сообразится на нѣсколько десятковъ милліоновъ, но все-таки останется еще огромнѣе. Мы представимъ расчетъ выкупа, совершаемаго правительствомъ исключительно на средства, доставляемыя выкупными источниками, только для круглаго счета прибавляя къ нимъ 1,250,000 рублей въ годъ; такая прибавка конечно уже не можетъ затруднить казну, какъ бы ни мало находилось у нея свободныхъ денегъ.

Вотъ счетъ по выкупной операціи на основаніи обѣихъ цифръ. Одною изъ выгоднѣйшихъ комбинацій будетъ слѣдующая:

Выпускается 162,500,000 р. кредитныхъ билетовъ. Назначается зачетъ облигацій за долги до суммы 400 милліоновъ, переносимыхъ на счетъ государства въ уплату $1\frac{1}{2}$ процента. Заключается иностранный заемъ (примѣрно по 4,5 процента по курсу 96 руб.) на 100 милліоновъ. Это потребуетъ записи въ капиталъ $104\frac{2}{3}$ милліоновъ рублей; мы для круглаго счета положимъ 104,8 милл. Загнн немедленными уплатами и обѣтнмъ остается 150 милліоновъ выкупныхъ облигацій (по три процента).

Каковъ бы ни былъ размѣръ средствъ, служащихъ для выкупа, экономія требовала бы обратить ихъ сначала главнымъ образомъ на погашеніе займа, пооторому платится самый высшій, то есть самый убыточный процентъ (4,5 процента. между тѣмъ какъ по облигаціямъ только три процента). Но эта уплата олжна производиться звонкою монетою, которой въ государствѣ бываетъ мало. [отому мы и полагаемъ на погашеніе долга и уплату процентовъ его только по милліона въ треть, чтобы не подать повода къ возраженіямъ о возможности платы, —12 милліоновъ въ годъ звонкой монеты, кажется, всегда уже можно айти.

Затѣмъ главныя средства выкупа обращаются на тиражъ облигацій, — процентъ ихъ выне процента по долгу кредитныхъ учреждений, да и владѣльцы ихъ будутъ чувствовать гѣмъ болѣе удовольствія, чѣмъ быстрѣе онѣ будутъ выкупаться.

Если выкупныя средства будутъ усилены до 75 милл. въ годъ, то есть до 25 милл. въ треть, то вся операція будетъ имѣть такой видъ:

1) Иностраннй заемъ уплачивается взносами 4 милліоновъ въ треть въ 33,51 трети. Процентовъ за него въ это время (по 1,5 процента въ треть) пойдетъ 29,240,000 рублей, всего съ уплатою капитала (104,8 милліоновъ) эта статья потребуеъ 134,040,000 руб.

2) Облигація (150 милл.) будутъ выкуплены взносами 19 милл. въ треть (за отчисленіенъ 4 милл. на уплату займа и 2 милл. на проценты кредитнымъ учрежденіямъ, остается сначала изъ 25 милл. въ треть 19 милл. на уплату облигацій) въ 8,266 тиражей, то есть, въ 2 года и 9 мѣслцевъ. Процентовъ на нихъ (три процента въ годъ, то есть 1% въ треть) пойдетъ 7,054,000; всего эта статья потребуеъ 157,054,000 руб.

3) Долгъ кредитныхъ учреждений выкупается по выкупъ облигацій; на это требуется при взносахъ 21 милл. въ треть (за отчисленіенъ 4 милл. на уплату иностраннаго долга, остается на уплату долга кредитнымъ учрежденіямъ вся остальная сумма изъ 25 милл. въ треть, потому что облигація уже выкуплены) 20,032 третей года. Въ это время идетъ на уплату процентовъ 20,672,000 р., да въ прежнія 8,266 третей (во время выкупа облигацій, пока по долгу кредитныхъ учреждений только уплачивались проценты) было уплачено процентовъ 16,532,000 рублей. Всего расходовъ по этой статьѣ: погашеніе капитала 400 милл., и на проценты 37,204,000 р., итого 437,204,000 р.

Итого расходовъ:

По иностранному займу	134,040,000 руб.
„ облигаціямъ	157,054,000 „
„ долгу въ кредитныя учрежденія .	437,204,000 „
Выпущено кредитныхъ билетовъ на .	162,500,000 „
Всего .	890,798,000 руб.

Если же нельзя усилить выкупныхъ средствъ до 75 милл. и они остаются ограничены доходами изъ выкупныхъ источниковъ, то есть ограничены цифрою 50 милліоновъ руб. въ годъ ($16,666,666\frac{2}{3}$ р. въ треть), — выкупъ пойдетъ такъ:

1) Погашеніе иностраннаго займа — по прежнему.

2) Выкупъ облигацій третними взносами по 32 милліона въ годъ (изъ 50 милл. годичныхъ средствъ, за вычетомъ 12 милл. на уплату иностраннаго займа и 6 милл. въ годъ на проценты кредитнымъ учрежденіямъ, остается та цифра) оканчивается въ 15,255 тиражей, то есть, въ 5,035 лѣтъ. На проценты уйдетъ 12,740,000 руб., а всего 162,720,000 руб.

3) На выкупъ долга въ кредитныя учрежденія идетъ потомъ 38 милл. въ годъ третними взносами. Этими взносами долгъ уплачивается въ 34,392 третей, и на проценты идетъ въ это время 35,632,000 руб., да прежде, пока выкупались

облигаціи, на проценты по этому долгу было израсходовано 30,510,000 р., всего по этой статьѣ расхода: на уплату процентовъ 66.142,000 р. и на погашеніе капитала 400 милл., итого 466,142,000 р.

Счетъ расхода по всей выкупной операціи таковъ:

По иностранному займу	134,040,000	руб.
„ облигаціямъ	162,720,000	„
„ долгу кредитныхъ учреждений.	466,142,000	„
Выпущено кредитныхъ билетовъ . .	162,500,000	„

Всего	925,402,000	руб.

Сравнивая итоги, мы видимъ, до какой степени было бы выгодно государству по возможности усилить выкупные источники свободными деньгами отъ казны.

При усиленныхъ средствахъ погашеніе долга кредитныхъ учреждений почти кончается 28-ю третью (первою третью 10-го г.); далѣе требуется уже только около 12 милліоновъ въ годъ на иностранный заемъ. Стало бытъ, приплачивать по 25 милл. р. пришлось бы только $9\frac{1}{2}$ лѣтъ; и всего понадобилось бы на это около 240 милліоновъ—а черезъ это усиленіе средствъ государство сберегало бы въ общемъ ходъ операціи около 35 милліоновъ рублей.

Комбинаціи, нами изложенныя, мы назвали довольно экономными потому только, что выгодно распредѣлена въ нихъ единственная пропорція, зависящая отъ воли: пропорція употребленія выкупныхъ средствъ на погашеніе долга кредитнымъ учреждениямъ и выкупъ облигацій.

Напротивъ того, выкупъ иностраннаго займа расположенъ вовсе не экономично: мы сказали, что его требовалось бы погашать быстрѣе другихъ статей, а онъ погашается медленнѣе всѣхъ, потому что требуетъ звонкой монеты, въ которой не только Россія, но и ни одна изъ западныхъ державъ не имѣетъ избытка. Потому иностранный заемъ изъ всѣхъ трехъ, принятыхъ нами, способовъ пріобрѣтенія денегъ, самый убыточный по высотѣ своего процента, оказывается еще болѣе убыточнымъ оттого, что требуетъ излишне долгой разсрочки въ уплатѣ *). Спрашивается: нельзя ли обойтись безъ этого слишкомъ дорогаго источника?

Отвѣтъ ясенъ для каждаго: средство есть; оно въ томъ, чтобы до крайнихъ предѣловъ усилить зачетъ долга въ кредитныя учрежденія.

Итакъ, если правительство захочетъ дѣйствовать экономно, ему выгодно будетъ принять основанія такого рода:

Выпускъ возможно большаго количества кредитныхъ билетовъ (выпустить ихъ можно болѣе 162,500,000 р., нисколько не обременяя рынка; но мы возьмемъ только эту цифру). Зачетъ по выкупу всѣхъ долговъ въ кредитныя учрежденія. Мы полагаемъ, что это составило бы до 450 милл. А если бы зачетъ долговъ кредитнымъ учреждениямъ не достигъ этой цифры, то слѣдуетъ на недостающіе до нея милліоны (которые во всякомъ случаѣ не превышаютъ количества нѣсколькихъ десятковъ) разрѣшить переносъ на счетъ государства нѣкотораго количества

*) Онъ поглощаетъ своими процентами лишнихъ 28 коп. на рубль, между тѣмъ какъ облигаціи берутъ $7\frac{1}{2}$ коп. (безъ усиленія средствъ платежа) или даже только 5 коп. (при усиленіи средствъ), а долгъ по кредитнымъ учреждениямъ 16 коп. (при усиленіи средствъ) или только 9 коп. (при усиленіи средствъ).

частныхъ долговъ по помѣстьямъ, до наполненія суммы 450 милліоновъ. Такой переносъ, производимый по соглашенію кредитора и должника, былъ бы выгоденъ для обоихъ, и всѣ расчетливые люди воспользовались бы съ радостью этимъ средствомъ. Должникъ избавлялся бы отъ уплаты тяжелыхъ процентовъ, а кредиторъ, который отчаивался въ возвращеніи своего капитала, вѣрно и быстро получалъ бы уплату. На остальную сумму (200 милліоновъ) выдаются облигаціи. Иностраннаго займа не нужно.

По этимъ основаціямъ, безъ усиленія выкупныхъ средствъ изъ другихъ доходовъ, т. е. при оставленіи выкупной кассы только 50 милл. р. въ годъ, выкупная операція имѣла бы такой видъ:

Выкупъ облигацій (200 милл.) производится въ первыя 16 третей тиражами по 8 милл., далѣе тиражами по 9 милл. и оканчивается въ 24 тиража (8 лѣтъ). Всего расходуетъ: на проценты 25,640,000 р., а съ уплатою капитала 225,640,000 р.

Погашеніе долга, перенесеннаго кредитными учрежденіями на счетъ государства, производится въ первыя 15 третей (5 лѣтъ) выкупомъ по 5 милл.; далѣе 9 третей (3 лѣтъ) по 6 милл., послѣ 24 трети (съ 9 года), когда облигаціи уже всѣ выкуплены, выкупныя средства идутъ уже исключительно на долгъ по кредитнымъ учрежденіямъ, и вносится на выкупъ по 16 милліоновъ въ треть до 43 трети (1-й трети 15-го года), т. е. въ теченіе 19 третей, и къ 44 трети остается только 17 милл., которые и выкупаются. Всего расходуетъ на проценты 63,820,000, а съ уплатою капитала 513,820,000 р.

Итогъ всѣхъ расходовъ по выкупной операціи:

По облигаціямъ	225,640,000
„ долгу въ кредитныя учрежденія	513,820,000
Выпускъ кредитныхъ билетовъ	162,500,000
<hr/>	
Всего	901,960,000

Изъ этого видимъ, что если бы правительство даже не нашло возможнымъ усилить выкупныя средства, то, благодаря экономичности основаній для уплаты, оно приобрѣтало бы сбереженія надъ прежнею комбинаціею съ соответственнымъ размѣромъ выкупныхъ средствъ около 24 милл.

Но если бы нашлась возможность усилить выкупныя средства до 75 милл., экономія была бы гораздо значительнѣе. Тогда:

Облигаціи выкупались бы тиражами по 15 милл. въ первыя 12 третей и по 10 милл. въ слѣдующія двѣ (13 и 14) трети. Ихъ выкупъ кончался бы въ 4 года и 8 мѣсяцевъ. На проценты израсходовалось бы 14,400,000 р.; всего съ уплатою капитала 214,400,000 р.

Долгъ по кредитнымъ учрежденіямъ выкупался бы въ первыя 14 третей сами по 8 милл., въ 15-ю треть взносовъ 18 милл. Далѣе вносились бы по 24 милл., до 28-й трети включительно. Затѣмъ осталось бы только 8 милл. капитала, которые и уплачивались бы въ 29-ю треть. Весь выкуп занялъ бы 9 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ. На проценты израсходовалось бы 31,030,000 р., всего съ уплатою капитала 481,030,000 р.

Итогъ всѣхъ расходовъ по выкупной операціи:

По облигаціямъ	214,400,000 р.
„ долгу въ кредитныя учрежденія	481,030,000 „
Выпускъ кредитныхъ билетовъ	162,600,000 „
Всего	857,980,000 р.

Слѣдовательно экономія надъ выгоднѣйшею изъ всѣхъ другихъ комбинацій была бы болѣе 32 милліоновъ рублей.

Ограничивается ли этимъ экономія въ расходахъ, которая можетъ быть сохранена государству веденіемъ выкупной операціи сильныхъ, рѣшительнымъ образомъ?

Мы принимали выпускъ кредитныхъ билетовъ только въ 162¹/₂ милліона; мы ограничивали его этою цифрою, чтобы отвратить сомнѣніе въ его возможности и у самыхъ завоснѣлыхъ рутинистовъ. Безопасность такого выпуска доказывается примѣромъ 1856 года, когда было выпущено кредитныхъ билетовъ на цифру гораздо болѣешую.

Но человекъ, соображающій смыслъ словъ, которыя читаетъ въ книгахъ, легко замѣтитъ, что предостереженіе противъ выпуска бумажныхъ денегъ большими суммами, встрѣчаемое у экономистовъ и совершенно справедливое по отношенію къ обыкновеннымъ предметамъ расходованія этихъ огромныхъ выпусковъ, едва ли примѣняется къ настоящему случаю. Большія количества бумажныхъ денегъ почти всегда выпускались въ европейскихъ государствахъ за тѣмъ, чтобы получить средства на войну, на дипломатическія и придворныя издержки и другіе предметы непродуманнаго расхода. Въ этихъ дѣлахъ и расходованіе звонкой монеты не лучше выпуска кредитныхъ билетовъ дѣйствуетъ на народное хозяйство и потомъ на государственные финансы. И тогда, когда бумажныхъ денегъ не существовало, и тамъ, гдѣ ихъ до сихъ поръ нѣтъ, война и расточительность точно также разоряли народъ, а слѣдствіемъ разоренія, все равно, была чрезвычайная дороговизна однихъ предметовъ, чрезвычайный упадокъ цѣны другихъ, разстройство промышленности, упадокъ торговли, коммерческіе кризисы, потрясеніе промышленнаго, торговаго и потомъ государственнаго кредита, оскудѣніе государственныхъ доходовъ. Бумажныя деньги бывають не причиною этихъ бѣдствій, — нѣтъ, онѣ бывають сами вмѣстѣ съ этими бѣдствіями только результатомъ основнаго зла, ихъ обыкновенно порождающаго, — только симптомомъ болѣзни, корень которой кроется не въ нихъ, а гораздо глубже. Смыслъ предостереженій противъ громаднаго выпуска бумажныхъ денегъ въ сущности таковъ: берегитесь войны и расточительности. Въ этомъ нельзя не сочувствовать вполне благимъ совѣтамъ экономистовъ. Бережливость въ расходахъ первѣйшее, необходимѣйшее условіе государственнаго благосостоянія. Какими бы средствами ни прикрывались отступленія отъ бережливости — возвышеніемъ ли налоговъ, займами ли, бумажными ли деньгами, — всѣ эти средства бывають равно дурными въ такихъ случаяхъ, потому что служатъ для дурной цѣли.

Но бывають случаи исключительные, когда государству вдругъ нужны громадныя деньги, не для прихоти честолюбія или роскоши, а для дѣлъ, требуемыхъ совѣстью, здравымъ смысломъ и расчетливостью. Въ такихъ случаяхъ расчетли-

вость требует не скряжничества, — оно только помѣшало бы надлежащему успѣху дѣла, — нѣтъ, оно требует рѣшительнаго, безбоязненнаго употребленія всей суммы, нужной на честное и выгодное дѣло. Моралисты и экономисты совершенно правы, когда предостерегаютъ меня отъ выдачи векселей на удовлетвореніе какинъ-нибудь моимъ прихотямъ; впрочемъ, расходованіе наличной звонкой монеты на эти вещи также невыгодно. Но осудить ли они меня, когда я даю веверль на очень выгодныхъ условіяхъ и единственно за тѣмъ, чтобы полученныя чрезъ него средства употребить на честное и очень выгодное коммерческое дѣло, прибыль отъ котораго несомнѣнна?

Съ бумажными деньгами бываетъ обыкновенно то же самое, что часто случается съ векселями, служащими не для однихъ коммерческихъ оборотовъ, но и для мотовства. Но осуждая мотовство, слѣдуетъ ли осуждать и въ хорошихъ коммерческихъ дѣлахъ употребленіе векселей въ томъ количествѣ, какое требуется сущностью дѣлъ?

Экономія, строжайшая экономія! Каждый рубль бумажныхъ денегъ, выпущенный на расходы непроеводительные, долженъ возбуждать сильнѣйшее безпокойство, глубочайшую горестъ, потому что онъ симптомъ дурнаго веденія хозяйства. Но когда, въ противность обыкновеннымъ случаямъ, понадобились государству вдругъ огромныя суммы на чрезвычайное, въвоевое дѣло, — на такое дѣло, подобныхъ которому, даже со стороны необыкновенной финансовой выгоды для государства, не бывало и не будетъ, — тогда не бойтесь бумажныхъ денегъ, выпускайте ихъ не колеблясь полную сумму, какая только нужна, разумѣется, по строгому расчету въ размѣрѣ надобности. Не платите 200 руб. за то, что не стоитъ больше 75, — это было бы расточительностью, слѣдовательно вредомъ для народнаго хозяйства; но если дѣйствительно нужны 75 руб., не колеблясь давайте вексель, не колеблясь выпускайте бумажныя деньги на всю сумму, какая дѣйствительно нужна для благороднаго и выгоднаго дѣла.

Мы увѣрены, что на всѣ гѣ 362,500,000 руб., которые останутся къ уплатѣ за вычетомъ 450,000,000 долга, перенесенныхъ кредитными учрежденіями съ помѣщиковъ на государство, что на всѣ эти 362,500,000 руб. можно было бы совершенно безопасно выпустить кредитныя билеты; мы увѣрены, что вся эта масса ихъ менѣе повредила бы цѣнѣ бумажныхъ денегъ и кредиту, нежели одна десятирублевая бумажка, выпущенная на войну или другой непроеводительный расходъ.

Тогда производство выкупной операціи было бы произведено дѣйствительно съ полнымъ приложеніемъ здравыхъ началъ государственнаго хозяйства, способомъ самымъ бережливымъ. Тутъ экономія расходовъ была бы такъ велика, лишнихъ денегъ на проценты истрачивалось бы такъ мало, что не нужно было бы и желать того усиленія выкупныхъ средствъ заимствованіями изъ другихъ государственныхъ доходовъ, которое, при всѣхъ другихъ комбинаціяхъ выкупа, представлялось намъ большою выгодною.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы за основаніе выкупной операціи былъ принятъ выпускъ 362,500,000 кредитныхъ билетовъ, при зачетѣ за выкупъ 450,000,000 долга въ кредитныя учрежденія, тогда, при средствахъ доставляемыхъ одними выкупными источниками (50,000,000 руб.), безъ всякихъ пожертвованій со стороны государства, весь долгъ, перенесенный кредитными учрежденіями на счетъ государства, погашался бы въ 9,874 лѣтъ, и все погашеніе потребовало бы

483,700,000 руб; а если бы выкупные средства усилены были до 75,000,000, операция оканчивалась бы въ 6,292 лѣтъ и требовала бы 471,900,000 руб. Такимъ образомъ отъ усиленія выкупныхъ средствъ цѣлыми 25,000,000 руб. въ годъ, операция сокращалась бы только на 11,800,000 руб.,—результатъ почти въ четыре раза меньше выгоды, получаемой вслѣдствіе подобнаго усиленія при другихъ системахъ выкупа, гдѣ сокращеніе простиралось до 40,000,000 руб. Эта разница показываетъ, что и безъ усиленія выкупныхъ средствъ проценты уже не составляютъ при послѣдней комбинаціи значительнаго обремененія. Въ самомъ дѣлѣ уплатить 483,7 за капиталъ 450 составляетъ лишнюю уплату за проценты всего только $7\frac{1}{2}$ коп. на рубль.

Эта чрезвычайно выгодная комбинація, не представляющая рѣшительно ни мнѣйшей надобности ни въ какихъ усиленіяхъ со стороны казны, требуетъ строжайшей экономіи въ государственномъ хозяйствѣ. Только въ томъ случаѣ, если не будетъ выпуска бумажныхъ денегъ на расходы непроизводительные, если на рынкѣ будетъ господствовать совершенная увѣренность въ томъ,—выпускъ громадной массы бумажныхъ денегъ на расходъ производительный ни мало не поколеблетъ рынка.

Но какъ ни выгоденъ этотъ планъ, мы не отваживаемся думать о его исполненіи, потому что, кромѣ всѣхъ другихъ затрудненій, онъ встрѣтитъ слишкомъ сильное неодобреніе со стороны рутинистовъ, непризнающихъ разницы между выпускомъ бумажныхъ денегъ на расходы производительные и выпускомъ ихъ на расходы непроизводительные. Опасаясь такихъ затрудненій, мы считаемъ практичными только предшествующія комбинаціи: онѣ, хотя менѣе выгодны, за то представляются болѣе вѣрными, не могутъ возбуждать противъ себя слишкомъ сильныхъ сомнѣній и потому, не настаивая на практическомъ оуществленіи комбинаціи самой рациональной по теоріи, мы представляемъ другія, совершенно практичныя комбинаціи. для легчайшаго обзоренія результатовъ ихъ, въ слѣдующей краткой таблицѣ, цифры которой означаютъ милліоны рублей.

Сравнительная таблица выгодъ, представляемыхъ государственной извѣстными системами выкупной операціи.

Основанія системы.	Правительство даетъ на усиленіе выкупныхъ средствъ.			Итого всѣхъ расходовъ на выкупную операцію.	Въ теченіе первыхъ 27 лѣтъ отъ начала выкупной операціи, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, у казны остается чистой прибыли отъ освобожденія крестьянъ.	Сравнительно съ системою безучастія правительства, участіе въ ней даетъ правительству выгоды.
	Единообразнымъ выпускомъ вновь кредитныхъ билетовъ.	Замѣшанными изъ государственныхъ доходовъ или (хотя отчасти) поступившимъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ.	Итого.			
Выкупныя средства. Подать (съ души или съ земли) на освобожденныхъ крестьянъ, въ размѣрѣ равномъ съ податю государственныхъ крестьянъ. Подать съ дворянскихъ земель въ три раза болѣе легкая, нежели съ крестьянскихъ. То и другое вѣстѣ даютъ не менѣе 48,760,000 р. въ годъ, а вѣроятно болѣе. Расчетъ сдѣланъ на 48,760,000 р. въ годъ.	—	—	—	21135	183,7	—
1) Государство не принимаетъ участія въ выкупѣ: онъ производится исключительно выкупными средствами	—	—	—	21135	183,7	—
2) Государство принимаетъ на себя одну пятую часть выкупа. Выпускъ 75 милл. кр. билетовъ, зачетъ 100 милл. за долги по кредитнымъ учрежденіямъ	75	11 ¹ / ₄	107,3	995,9	320,3	136,6
3) Государство принимаетъ третью часть выкупа. Выпускъ кр. бил. на 122,5 м., зачетъ 50 м.	122,5	11 ¹ / ₄	152,3	950,0	366,2	182,5
4) Государство принимаетъ половину выкупа. Выпускъ кр. бил. 162,5 м., зачетъ 260 м.	162,5	11 ¹ / ₄	106,7	929,1	387,1	203,4
5) Государство принимаетъ на себя весь выкупъ. Выпускъ кред. бил. на 162,5 милл., зачетъ долговъ на 400 милл., иностраннй заемъ въ 100 м., нѣтъ усиленія выкупныхъ средствъ	162,5	1 ¹ / ₄	20	925,4	390,8	207,1
6) Основанія тѣже; но выкупныя средства усиливаются	162,5	26	245	890,8	425,6	241,9
7) Государство также принимаетъ весь выкупъ на себя. Но долговъ зачисляется на 450 м., займа не нужно; выкупныя средства не усиливаются	162,5	1 ¹ / ₄	19	902	414,2	230,5
8) Основанія тѣже; но выкупныя средства усиливаются	162,5	26	247	857,9	458,4	274,6

IV.

Забываетесь прежде всего о справедливости, и все остальное придется к вам само собою.

Слова, сказанные некогда устами, дававшими мною хорошие советы.

„Вмѣсто одного плана, цѣлыхъ восемь! Вмѣсто того, чтобы затрудняться открытіемъ хотя одного способа къ легкому и быстрому выкупу, вы затрудняете читателя волебаіемъ между множествомъ способовъ, которые, по вашему мнѣнію, всѣ легки и удобны“, — скажутъ вамъ. „Неужели вы сами не предпочитаете ни одной комбинаціи всѣмъ прочимъ? А если предпочитаете, то почему не ограничились изложешемъ ея одной?“ — спросятъ насъ.

Почему не ограничились мы изложешемъ одной только той системы, которую предпочитаемъ другимъ, — отвѣтъ на это уже данъ послѣдними строками предъидущаго отдѣла. Мы не знаемъ ни намѣреній правительства, ни средствъ его, потому не можемъ сказать, какая система удобнѣе для него при данныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, и хотимъ только показать, что каковы бы ни были обстоятельства, выкупъ все-таки не затруднителенъ при томъ размѣрѣ, какой допускается нами, т. е. въ размѣрѣ, среднемъ числомъ, 75 р. на душу. О томъ, какъ близко за границами этой крайней цифры возникаетъ затруднительность его, о томъ, какъ невысокъ надъ этою цифрою предѣлъ, при которомъ затруднительность обращается уже въ невозможность, читатель легко сообразитъ, припомнивъ нашу статью: „О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цѣнъ“. Мы показывали тамъ цифрами, что при разсроченной уплатѣ каждый лишній рубль прибавки къ капиталу увеличиваетъ десятками рублей массу процентовъ, подъ которыми безъ пользы для кредиторовъ изнемогаетъ должникъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаемъ напримѣръ опытъ расчитать выкупную операцію по первой системѣ (безъ всякаго участія государства, исключительно выкупными средствами) при величинахъ выкупа въ 100, 125 и 150 руб. на душу.

Размѣры выкупа на душу.	Итогъ выкупной суммы въ милліонахъ р.	Число лѣтъ нужное для выкупа.	Количество денегъ, которое сойдетъ на уплату выкупной суммы въ милліонахъ р.
75 р.	812	23,37	1,132
100 „	1083	73,5	3,583
125 „	1355	119,7	5,835
150 „	1624	493,37	24,050

Не ясно ли изъ этой таблицы, что средства, совершенно достаточныя для выкупа въ 75 руб. на душу, становятся уже совершенно неудовлетворительными при выкупѣ въ 100 руб., и для кредиторовъ, которымъ пришлось бы ждать слишкомъ вътрое дольше, и для должниковъ, которымъ пришлось бы переплатить также вътрое больше? Растянуть выкупъ облигацій на 70 лѣтъ, значило бы со-

вершено уронить их цѣну при 3%; чтобы поддержать цѣну облигація, надо было бы тогда рассчитывать уже не на шансы тиража, а единственно на доход. доставляемый ихъ процентомъ, и оказалось бы нужнымъ возвысить ихъ процентъ но крайней мѣрѣ до 5, а когда процентъ возвысился бы до 5, то всѣхъ выкупныхъ средствъ не достало бы на уплату однихъ процентовъ, и тогда весь планъ выкупа разлетѣлся бы впрахъ. Еще нелѣпѣе представляется несообразность въкупа въ 125 руб., при которомъ операціи растягивается уже слишкомъ на цѣло столѣтіе; а совершенной прошею ариметики представляется расчетъ выкупа въ 150 руб., при которомъ операціи растянулась бы чуть не на 500 лѣтъ, а должники принуждены были бы за капиталъ въ 1,624,000,000 заплатить свыше 24,000 милліоновъ, т. е. на каждомъ рублѣ капитала уплатить еще по 13 руб. 80 коп. процентовъ.

Подобнымъ превращеніямъ подвергаются при увеличеніи выкупнаго капитала и всѣ остальные системы. Та, которая была легка при 75 рубляхъ, становится очень затруднительна при 100 руб., невозможна при 125 и обращается въ естественную смѣшку надъ человѣческимъ смысломъ при 150 рубляхъ. При такихъ объемахъ нужны совершенно другіе размѣры выкупныхъ средствъ, — размѣры раззорительныя для крестьянъ, изнурительныя для государства, — нужны совершенно явные комбинаціи выкупнаго оборота, комбинаціи тягостныя для помѣщиковъ, тяжельныя для государственнаго кредита.

Да и чего иного можно ожидать читатель, знакомый съ расчетами банковыхъ операцій, или по крайней мѣрѣ пробѣжавшій нашу статью: „О необходимости умѣренныхъ цѣнъ“? Будьте вы человѣкомъ богатымъ, но если вамъ придется платить за каждую вещь въ полтора раза дороже дѣйствительной цѣны, вы скоро почувствуете недостатокъ въ деньгахъ; а попробуйте поднять еще и лишнюю переплату денегъ, и вы немедленно увидите себя раззореннымъ. Да это еще ничего, если вы платите наличными деньгами; а попробуйте-ка поднимать векселя съ накладкою рубля на рубль къ дѣйствительной суммѣ и, получая 1000 руб., выдавать вексель на 2000 руб., — будьте вы богаты, какъ Ротшильдъ, скоро продадутъ съ аукціона имущество ваше все до послѣдняго перстня съ рублемъ, и вы увидите себя въ тюрьмѣ. А тутъ съ кого будутъ идти деньги? Съ мужиковъ, у которыхъ и безъ того не слишкомъ много денегъ. Вѣдь мы, положивъ 75 руб. выкупа, уже увеличили его на цѣлую половину противъ самой высокой оцѣнки, какую только можно сдѣлать, натагивая всѣ пропорціи къ ей повышею; удивительно ли, что послѣ увеличенія еще и этой оцѣнки на цѣлую половину, мы стигли очень близко къ тому предѣлу, за которымъ уже слѣдуетъ и практическая раззорительность и теоретическая нелѣпость.

Впрочемъ не было нужды намъ ни въ этихъ объясненіяхъ, ни въ ссылкѣ на прежнюю нашу статью: надобно было только повторить сказанное въ началѣ этой статьи о тѣхъ страшныхъ цифрахъ, которыми пугаютъ здравый смыслъ всѣ расчеты выкупа, основанные на цифрахъ, значительно превышающихъ нашу. И этими счетамъ мужику приходилось бы платить въ теченіе 30 или 40 лѣтъ за освобожденія гораздо больше, нежели онъ платитъ теперь; иначе сказать, — слово „ты освобождаешься“ имѣли бы смыслъ: „ты раззоряешься, будутъ раззорены твои дѣти, и развѣ при внучатахъ твоихъ начнетъ приходить въ порядокъ твое хозяйство“.

Совсѣмъ не то при нашей цифрѣ: съ нею выкупъ настолько легкокъ, что безъ обремененія совершается при какой угодно системѣ выкупной операціи.

Только это и хотѣли мы показать, излагая множество различныхъ системъ. Мы говоримъ: „Онѣ всѣ возможны на практикѣ. Возьмите ту, которая сообразна съ вашими намѣреніями“. Это еще не значить, чтобы въ нашемъ мнѣніи одна изъ нихъ не казалась рѣшительно лучше всѣхъ другихъ.

Какую же лично мы предпочитаемъ?—Развѣ и на это не служить уже отвѣтомъ все наше изложеніе? Развѣ не довольно взглянуть на сравнительную таблицу выгодъ, приносимыхъ государству разными системами, чтобы видѣть, какой изъ нихъ мы отдаемъ предпочтеніе?

За много страницъ передъ этимъ, начиная говорить о принятіи государствомъ на себя всей суммы выкупа, мы ставили два вопроса: возможно ли это? и справедливо ли это? Но изъ нихъ мы разсмотрѣли только одинъ—о возможности. Неужели забыть нами второй—о справедливости? Теперь, когда мы нашли, что принять на себя весь выкупъ государству не только возможно, но и удобно; не только легко, но и выгодно; теперь мы припомнимъ нашъ второй вопросъ. Доказывать справедливость дѣла успѣшнѣе всего можно, доказавши сначала, что оно и легко, и выгодно.

Спрашивается, одни ли освобождаемые крестьяне выиграютъ отъ того, что уничтожается крѣпостное право? Нѣтъ, возродится отъ этого все государство, выиграютъ всѣ—отъ правительства до послѣдняго солдата, отъ финляндца, незнавшаго о крѣпостномъ правѣ между своихъ скаль, до сибиряка, забывшаго о немъ между своихъ тундръ. Увеличатся государственные доходы, облегчится администрація, возникнетъ правосудіе, разовьется промышленность и торговля, приобрѣтеть небывалую доселѣ безопасность собственность и личность каждаго, смягчатся нравы, ослабѣютъ пороки, все государство и каждый человекъ въ государствѣ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ и богаче, и лучше, и счастливѣе, чѣмъ теперь. А кто выигрываетъ отъ какого-нибудь дѣла, тотъ долженъ платить и расходы по этому дѣлу. Выигрываетъ вся нація, слѣдовательно и расходы должна нести вся нація.

„Но крѣпостные крестьяне выигрываютъ больше всѣхъ, слѣдовательно они и должны платить, если не всю сумму, то, по крайней мѣрѣ, большую часть ея“. Во-первыхъ, не такъ легко рѣшить, какое именно сословіе больше выигрываетъ отъ освобожденія крестьянъ. Объ этомъ нужно еще подумать. И если хорошенько вникнуть въ дѣло, то окажется, что больше всего выиграютъ сами помѣщики, потомъ купцы и промышленники. Увеличатся ли вдвое доходы крестьянъ черезъ 10 лѣтъ,—этого мы еще не знаемъ; но въ томъ, что каждый ~~сословно-любой~~ разсчетливый помѣщикъ черезъ 10 лѣтъ будетъ получать вдвое большую сумму дохода, чѣмъ теперь,—нѣтъ никакого сомнѣнія. Во-вторыхъ, если и ~~каждому~~ освобождаемые крестьяне выигрываютъ бы больше всѣхъ сословій, то ~~каждому~~ проекту они одни даютъ правительству цѣлыхъ двѣ трети ~~суммы~~, который совершается правительствомъ выкупъ. Кажется, эта сумма ~~достаточно~~ достаточна. Принятіе правительствомъ на себя всей суммы ~~выкупа~~ кѣ тому, чтобы снять съ освобождаемаго сословія ~~часть~~ выкупную операцію: правительство только беретъ

въ свои руки эти суммы и служить посредникомъ. Этимъ посредничествомъ чрезвычайно облегчается и сокращается выкупная операціи. Какъ же отказаться отъ посредничества, когда оно выгодно и для посредника, и для обѣихъ сторонъ, между которыми становится посредникъ? Но ясно ли, что справедливость въ этомъ случаѣ согласна съ выгодой самой казны?

Выгоды, получаемыя казной черезъ то, что она приметъ на себя совершение всей выкупной операціи, — огромны. Если правительство найдетъ возможнымъ усилить выкупныя средства, на каждый израсходованный рубль оно получитъ рубль выгоды въ теченіе первыхъ же 27 лѣтъ; если оно не найдетъ возможности дѣлать этихъ выгодныхъ затратъ, все-таки выгода ему будетъ огромная уже и отъ одного того, что оно употребитъ на облегченіе выкупной операціи силу своего кредита, не жертвуя ничѣмъ изъ собственныхъ доходовъ.

Но главнѣйшая выгода и для казны и для націи состоитъ не въ томъ, что расходы по выкупной операціи значительно сокращаются и въ казну остается болѣе 200,000,000 руб. сбереженія отъ принятія правительствомъ всего выкупа на счетъ государства. Главная выгода состоитъ въ томъ, что, принимая всю операцію на счетъ государства, правительство развязываетъ себѣ руки для преобразованій финансовой системы. Мы уже говорили, что оба эти дѣла тѣсно связаны одно съ другимъ.

Эти соображенія заставляютъ насъ думать, что лучше всѣхъ другихъ практическихъ системъ та, которая занимаетъ два послѣднія мѣста въ нашей сравнительной таблицѣ. Повторимъ здѣсь ея основанія.

Производится выпускъ кредитныхъ билетовъ на 162,500,000 р. Возможность его доказана примѣрами прошлыхъ лѣтъ. Прибавимъ здѣсь, что подобный выпускъ на такое дѣло явился бы самымъ прочнымъ ручательствомъ за бережливость въ выпускахъ бумажныхъ денегъ на другіе расходы, менѣе производительные, явился бы сильнѣйшимъ ручательствомъ за твердое намѣреніе сохранять балансъ бюджета и, слѣдовательно, не понизилъ бы, а, напротивъ, возвысилъ бы государственный вредить.

Затѣмъ производится зачетъ долговъ по помѣстьямъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ за приходящійся владѣльцамъ выкупъ, на сумму 450,000,000 руб. Если нужно, для пополненія этой цифры, допускается до предѣловъ ея перенесеніе частныхъ долговъ по помѣстьямъ, съ согласія кредитора и должника, на счетъ государства, черезъ посредство кредитныхъ учреждений. Такого зачета желаютъ сами помѣщики, справедливо находя въ немъ двойную выгоду для себя: капиталъ выкупа, дающій только 3⁰/₀, служитъ уплатою за капиталъ долга, по которому платятъ они 4 процен., — въ этомъ одва выгода. Другая въ томъ, что посредствомъ зачета чрезвычайно ускоряется полученіе владѣльцами остальныхъ денегъ за выкупъ.

За выпускомъ кредитныхъ билетовъ и зачетомъ долга, на остальные 200,000,000 р. выкупной суммы выдаются облигаціи, приносящія три процента. Онѣ выкупаются третними тиражами, а еще лучше, если тиражами еще болѣе частыми, двухмѣсячными или даже ежемѣсячными.

Судя по пропорціи между облигаціями, зачетомъ и выпускомъ кредитныхъ билетовъ, надобно считать, что владѣльцы до 400 или даже до 500 душъ по-

лучать немедленно и сполна наличными деньгами всю часть выкупа, какая слѣдуетъ имъ послѣ зачета долга.

Итакъ, ждать нѣсколько времени удовлетворенія по своимъ облигаціямъ придется только немногимъ богатымъ людямъ, — и то очень, недолго.

Срокъ выкупа облигацій и вообще продолженія выкупной операціи зависитъ отъ того, — найдетъ ли правительство удобнымъ усилить выкупныя средства заимствованіями изъ другихъ источниковъ дохода, или оставитъ выкупную операцію исключительному дѣйствию собственныхъ средствъ выкупа.

Если эти средства останутся безъ усиленія вспоможеніи изъ другихъ источниковъ, будучи только доведены небольшою прибавкою $1\frac{1}{4}$ милліона рублей въ годъ до круглой цифры 50 милліоновъ въ годъ, то выкупъ всѣхъ облигацій кончается въ 24 тиража или 8 лѣтъ, а выкупъ долга, перенесеннаго кредитными учрежденіями съ помѣстій на счетъ государства, — въ 14 лѣтъ и два мѣсяца. Выкупъ обѣихъ этихъ статей (всего 650 милл. капитала) съ уплатою по нимъ процентовъ 739,460,000 руб., а съ выпускомъ кредитныхъ билетовъ весь итогъ выкупной операціи простирается до 901,960,000 руб. Сравнительно съ выкупомъ на тѣ же средства, но безъ могущественныхъ облегченій, доставляемыхъ ему правительствомъ черезъ содѣйствіе государственнаго кредита, казна выигрываетъ болѣе 230 милліоновъ, безъ всякихъ денежныхъ уеицій со стороны казны.

Если же правительство найдетъ возможность возвысить прибавкою собственныхъ средствъ ежегодный оборотъ выкупной операціи, напримѣръ, до 75 милл., казна черезъ это усиліе еще выиграетъ болѣе 44 милл. рублей; при этомъ выкупъ облигацій весь кончается въ 14 тиражей или 4 года и 8 мѣсяцевъ, а выкупъ долга по кредитнымъ учрежденіямъ — въ 9 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ.

Для лучшаго объясненія, прилагаемъ таблицы выкупа на принимаемыхъ нами основаніяхъ при томъ и другомъ размѣрѣ выкупныхъ средствъ. Вотъ краткій перечень этихъ основаній:

Таблицы выкупа въ 75 рублей на душу (812,500,000 р.), съ немедленною выдачею всей причитающейся суммы владѣльцамъ до 450 душъ и съ выкупомъ всѣхъ остальныхъ выкупныхъ облигацій въ 4 года и 8 мѣсяцевъ (по таблицѣ А) или въ 8 лѣтъ (по таблицѣ В), въ томъ и другомъ случаѣ безъ иностраннаго займа. Выкупъ покрывается выпускомъ на 162,500,000 р. кредитныхъ билетовъ, зачетомъ 450,000,000 р. помѣстнаго долга, переносимаго кредитными учрежденіями на счетъ государства (за этотъ долгъ правительство платитъ полтора процента кредитнымъ учрежденіямъ), и выпускомъ 3-хъ-процентныхъ выкупныхъ облигацій на 200,000,000 р. сер.

А.

Таблица выкупа съ усиленіемъ выкупныхъ средствъ до 75,000,000 р. посредствомъ прибавки изъ средствъ казны.

Счетъ годамъ и третямъ года.	Долгъ въ кредитныя учрежденія			Облигаціи.			
	Проценты за треть на ка- питалъ, оста- вавшійся азъ началу трети (въ тысячахъ рублей).	Вносится на погаше- ніе капи- тала (въ милліо- нахъ).	Остается долга къ слѣдующей трети (въ милліо- нахъ).	Проценты ва остав- шіяся отъ предъяду- щей трети облигаціи (въ тыся- чахъ руб.).	Посред- ствонъ ти- ража выку- пается об- лигаціи (въ милліо- нахъ).	Послѣ тиража остается ва выкуп- ленныхъ облигаціи (въ милліо- нахъ).	
1 и 2 годы.	1	2250	8	442	2000	15	185
	2	2210	8	434	1850	15	170
	3	2170	8	426	1700	15	155
	4	2130	8	418	1550	15	140
	5	2090	8	410	1400	15	125
	6	2050	8	402	1250	15	110
3 и 4 годы.	7	2010	8	394	1100	15	95
	8	1970	8	386	950	15	80
	9	1930	8	378	800	15	65
	10	1890	8	370	650	15	50
	11	1850	8	362	500	15	35
	12	1810	8	354	350	15	20
5 и 6 годы.	13	1770	8	346	200	10	10
	14	1730	8	338	100	10	—
	15	1690	18	320			
	16	1600	24	296			
	17	1480	24	272			
	18	1360	24	248			
7 и 8 годы.	19	1240	24	224			
	20	1120	24	200			
	21	1000	24	176			
	22	880	24	152			
	23	760	24	128			
	24	640	24	104			
9 и 10 годы.	25	520	24	80			
	26	400	24	56			
	27	280	24	32			
	28	160	24	8			
	29	40	8	—			
Итого	31030	450		14400	200		

Итого по обѣимъ статьямъ уплачено капитала 650,000,000 р., процентовъ 45,430,000 р., всего 695,430,000 р., а съ выпускомъ кредитныхъ билетовъ (162,500,000 р.) весь расходъ на выкупную операцію составитъ 857,930,000 р.

В.

Таблица вынута, производимаго безъ всякихъ усилій со стороны правительства исключительно вынупными средствами, годичная сумма выкупныхъ средствъ принимается въ 50 милліоновъ рублей.

Долгъ въ кредитныя учрежденія

Облигаціи.

Счетъ годамъ и третямъ года.	Проценты за треть на ка- питаль, оста- вавшийся къ началу трети (въ тысячахъ рублей).	Износится ш погаше- не капи- тала (въ милліо- нахъ).	Остается долга къ слѣдующей трети (въ милліо- нахъ).	Проценты на невы- купленные отъ прош- лой трети облигаціи (въ тыся- чахъ руб).	Выкупают- ся посред- ствомъ ти- ража обли- гацій (въ милліо- нахъ).	Поелъ тиража остается вевыкуп- ленныхъ облигацій (въ милліо- нахъ).
1	2250	5	445	2000	8	192
2	2225	5	440	1920	8	184
3	2200	5	435	1840	8	176
4	2175	5	430	1760	8	168
5	2150	5	425	1680	8	160
6	2125	5	420	1600	8	152
7	2100	5	415	1520	8	144
8	2075	5	410	1440	8	136
9	2050	5	405	1360	8	128
10	2025	5	400	1280	8	120
11	2000	5	395	1200	8	112
12	1975	5	390	1120	8	104
13	195	5	385	1040	8	96
14	192	5	380	960	8	88
15	190	5	375	880	8	80
16	187	6	369	800	8	72
17	184	6	363	720	9	63
18	181	6	357	630	9	54
19	175	6	351	540	9	45
20	175	6	345	450	9	36
21	175	6	339	360	9	27
22	165	6	333	270	9	18
23	165	6	327	180	9	9
24	165	6	321	90	9	—
25	165	16	305			
26	165	16	289			
27	165	16	273			
28	165	16	257			
29	35	16	241			
30	05	16	225			

Долгъ въ кредитныя учрежденія

Облигаціи.

Счетъ годамъ и третямъ года.	Проценты за треть на ка- питалъ, оста- вавшійся въ началу тре- ти (въ тыся- чахъ рубл.)	Вносится на погаше- ніе Капи- тала (въ милліо- нахъ).	Остается долга хъ слѣдующей трети (въ милліо- нахъ).	Проценты на невы- кушенные отъ прош- лой трети облигаціи (въ тыся- чахъ руб.).	Выкупают- ся посред- ствомъ ти- ража обли- гацій (въ милліо- нахъ).	Послѣ тиража остается невыкуп- ленныхъ облигацій (въ милліо- нахъ).
	31	1125	16	209		
11 и 12 годѣ.	32	1045	16	193		
	33	965	16	177		
	34	885	16	161		
	35	805	16	145		
	36	725	16	129		
	13 и 14 годѣ.	37	645	16	103	
38		565	16	97		
39		485	16	81		
40		405	16	65		
41		325	16	49		
42		245	16	33		
16 г.	43	165	16	17		
	44	85	17	—		
Итого	63820	450		25640	200	

Итого по объѣмъ статей уплачено капитала 650,000,000 р., процентовъ 89,460,000 р., а всего 739,460,000, а съ выпускомъ кредитныхъ билетовъ (162,500,000,) весь расходъ на выкупную операцію составилъ 901,960,000 р.

СВИСТОКЪ.

ВРЕДНАЯ ДОБРОДѢТЕЛЬ.

„Прочель я въ газетахъ, что ковенскіе мужики перестали пить водку. Я порадовался, да и отъ всѣхъ простыхъ людей, съ которыми обращеніе имѣю, слышалъ тоже: и кушцы, и мѣщане, и ремесленники, всѣ, кто о ковенскихъ мужикахъ самъ въ газетахъ читалъ или отъ другихъ слышалъ, всѣ въ одинъ голосъ твердили: „хорошо, хорошо: дай Богъ, чтобы остались въ своей доброй мысли“. Я такъ и полагаю, что иначе судить объ этомъ дѣлѣ нельзя. Что же вы думаете? Вотъ какое дѣло со мною было.

„Случился у насъ въ городѣ небольшой подрядъ: перекрыть кровлю на присутственныхъ мѣстахъ. Я этимъ ремесломъ промышляю. Пришелъ поторговаться. Человѣкъ неважный; — сказали мнѣ: а вотъ подождите, батюшка, часокъ другой; кончимъ свои дѣла, переговоримъ и съ вами. Отчего не подождать; обошлись со мной, однако, очень деликатно, велѣли даже подать стулъ: видно, что люди образованные, да и порядки нынѣ начинаютъ перемѣняться. Я присѣлъ. Они подписываютъ бумаги да между собой разговоръ ведутъ. Чего я тутъ не наслушался! — п все очень хорошо разсуждаютъ. Надобно злоупотребленія искоренять (и точно — подрядъ потому мнѣ отдали, ни копѣйкой сами не попользовавшись); гласность необходима: желѣзныхъ дорогъ надобно побольше проводить; объ освобожденіи крестьянъ очень много хорошаго говорили. О своихъ городскихъ дѣлахъ разсуждали тоже очень хорошо. Все такъ; но подвернись имъ на грѣхъ подъ языкъ ковенскіе крестьяне, тутъ мнѣ какъ-то страшно стало ихъ слушать: это, говорятъ, вопросъ очень щекотливый. Пьянство нашъ народъ разоряетъ, — спору нѣтъ, говорятъ: — но тутъ не о пьянствѣ дѣло идетъ; тутъ надобно принимать въ соображеніе государственныя интересы. Откупомъ одобрять нельзя, но вѣдь тутъ и не въ откупѣ дѣло: пусть его замѣняютъ казеннымъ акцизомъ. Но что же будетъ, если въ самомъ дѣлѣ народъ перестанетъ пить водку? Вѣдь винная регалия составляетъ самую главную часть гоеударственнаго дохода. Государство пострадаетъ, если потребленіе водки уменьшится; притомъ ужъ не новая ли секта это какал? Какъ можно допустить, чтобы мужикъ самъ собою бросилъ пить вино? — тутъ надобно предполагать какое-нибудь наущеніе. Это фанатизмъ“.

„Что вы думаете? нашелся изъ членовъ даже такой одинъ, что сталъ говорить: „этого нельзя позволить, противъ этого надобно мѣры принять; надобно отыскать виновныхъ и наказать, чтобы не заводили сектъ“.

„Съ этимъ не согласились другіе. — „Вы, говорятъ, одностороннимъ образомъ „смотрите на дѣло. Если бы только секта, это бы еще ничего. Но государственные „доходы уменьшаются, — это другое дѣло. Вотъ именно съ этой стороны и надобно „принять мѣры. Думать они пусть думаютъ, какъ хотятъ, но чтобы вреда госу- „дарству отъ этого не было. Мѣры принять надобно, это такъ. Только не противъ „сектантовъ мѣры надобно принять, а противъ тѣхъ, которые цѣлыми селами и „уѣздами отказываются отъ употребленія водки, будь они сектанты или не сек- „такты, — все равно“.

„Я, присмотрѣвшись къ членамъ и увидѣвъ, что они люди снисходительные, даже съ простынъ человѣкомъ грубо не обходятся и все такъ гуманно разсуждаютъ, осмѣлился въ ихъ разговоръ свое слово вставить: надѣялся, что не примутъ въ обиду. „Какъ же, говорю, мѣры будутъ принимать? не зазорно ли будетъ насильно людямъ водку въ ротъ лить? Кабы дурное что они дѣлали, можно власть употре- бить. А то за непитіе наказывать, — можно ли это?“

„Точно — не обидѣлись. Ласково мои слова приняли, однако не согласились.

„Вы, говорятъ, совершенно ошибаетесь. Мы никакъ не полагаемъ, чтобы „именно за непитіе, по вашимъ словамъ, наказывать. Наказаніе не за то должно „быть, а за безпорядки. Этого не можетъ быть, чтобы нельзя было тутъ безпоряд- „ковъ найти“.

— „Какъ же, говорю я, вы безпорядки найдете? Безпорядки больше въ „хмѣлю дѣлаются. Безъ пьянства смертоубійствъ не будетъ, потому что драки „въ хмѣлю происходятъ. Когда пьяницъ не будетъ, ни воровъ, ни грабителей не будетъ“.

„Это вы опять не то говорите, отвѣчаютъ мнѣ. Вы говорите о преступленіяхъ, а мы говоримъ о безпорядкахъ. Преступленія уголовная палата судить; ей точно дѣла меньше будетъ. А безпорядковъ нечего до уголовного суда доводить. За безпорядками должна полицейская власть смотрѣть. Она сама съ ними управится. Зачѣмъ уголовное наказаніе? Исправникъ отечески посѣчетъ — и того довольно“.

— „Да за что же онъ посѣчетъ?“ я спрашиваю.

„Какъ за что? за безпорядки, вамъ говорятъ“.

— „Да за какіе же безпорядки?“ я все-таки пристаю.

„Какъ за какіе? за всякіе, говорятъ: это ужъ его дѣло безпорядки открыть. Земская полиція всегда можетъ безпорядки открыть, если захочетъ. Вотъ, напри- мѣръ, недоимку найди хоть маленькую, — и взыскивай. Опять посмотри: дороги исправны ли, — и тоже взыщи. Да мало ли какихъ случаевъ въ уѣздѣ бываетъ? Цаловальникъ пожалуется, что его обижаютъ, житья ему не даютъ. — изсгѣдуй и взыщи. Неповиновеніе властямъ открой. Собери мужиковъ, задувь же при нихъ, кто побойчѣе, — стало быть непокорѣе, — и накажи. Они съ дуру еще ропотъ по- дымутъ, станутъ говорить, что невиннаго наказывать хотѣли. — Ну тогда и скажи: это что? ропотъ противъ начальства? Неповиновеніе? бунтъ? какъ вы бунтоваете? Стало быть всѣ кругомъ ужъ и есть виноваты. Ну и накажи, чтобы безро- вовъ не было“.

— „Вотъ, господа, говорю я: — какъ вы умно да доброжелательно“

другомъ говорили. А теперь—гдѣ же у васъ справедливость? Можно ли такъ разсуждать, чтобы безпорядки находить, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ?”

„Позвольте, батюшка! они инѣ говорятъ:—вы этого дѣла не понимаете. Какъ же возможно государству своего главнаго дохода лишиться? Этому быть нельзя. Что же будетъ, если откупъ лопнетъ? Вѣдь это казнѣ убытокъ. Мы о томъ собственнo и говоримъ. Государство не можетъ потерпѣть, чтобы невѣжественный фанатизмъ отнималъ у него доходы“.

„Такъ я съ ними и сговорить не могъ. Разумѣется и противорѣчить-то сильно я не осмѣливался, чтобы ихъ не разсердить: вѣдь у меня до нихъ дѣло было. Пожалуй и подряда бы мнѣ не отдали.“

„Неужели въ самомъ дѣлѣ образованные люди могутъ такихъ вещей не понимать, которыя и намъ извѣстны, хоть мы на мѣдные гроши учились? Какое же тутъ можетъ быть обѣднѣніе государству, когда народъ въ уѣздѣ или въ цѣлой губерніи перестаетъ пить вино, отъ котораго разорялся? Развѣ отъ бѣдности мужиковъ казна можетъ богатѣть? Помѣщикъ хорошій, и тотъ знаетъ, что съ разореннаго помѣстья немного возьмешь; и тотъ заботится, чтобы у него мужики были зажиточнѣе, потому что онъ самъ черезъ это богаче будетъ. Умный помѣщикъ въ нашихъ губерніяхъ ни за кашія деньги не соглашался, чтобы у него въ селѣ кабаки поставили. А если отъ села больше доходовъ бываетъ, когда въ немъ кабака нѣтъ, стало быть и съ уѣзда доходовъ больше будетъ, и съ губерніи тоже. Если въ уѣздѣ или въ цѣлой губерніи перестанутъ пить вино. Цѣлая губернія хочетъ отстать отъ вина,—дай Богъ, чтобы такъ и было; дай Богъ, чтобы и другія губерніи по ея примѣру пошли. По нашему такъ.“

„Говорилъ я потомъ объ этомъ еще не разъ съ разными образованными господами. Есть такіе, что тоже по нашему говорятъ, а другіе тоже гнутъ, что я отъ членовъ слышалъ въ присутствіи. Неужели по господскому, по образованному, не то выходитъ, что по нашему?”

„Отчего вто въ журналахъ о ковенскомъ дѣлѣ мало пишутъ? Хоть бы они намъ сказали, какъ съ тѣми образованными господами сговорить, которые пустое объ этомъ дѣлѣ толкуютъ? Что они пустое толкуютъ, это и простому человѣку видно, а какъ имъ растолковать, что государству отъ ковенскихъ мужиковъ убытка не будетъ,—вотъ этого-то растолковать имъ и не умѣешь“.

Мы получили это письмо съ подписью „Тихвинскій купеческій сынъ Бадейкинъ“.

Оно обязываетъ насъ сказать нѣсколько словъ.

Мы до сихъ поръ молчали о ковенскомъ дѣлѣ, потому что не получали о немъ разсказовъ болѣе подробныхъ, нежели кашіе помѣщены были въ газетахъ. Объяснять же самый фактъ мы считали ненужнымъ. Мы, признаемся, и не предполагали, чтобы кому-нибудь нужно было объясненіе: хорошо ли сдѣлали ковенскіе поселяне, переставъ пить водку, и выгодно ли для государства ихъ намѣреніе. Намъ казалось, что никому и въ голову не можетъ придти сомнѣніе объ этомъ. Мы думаемъ, что молчаніе другихъ журналовъ объясняется тѣмъ же мнѣніемъ. Письмо г. Бадейкина разрушаетъ его. Оно открываетъ передъ нами фактъ невѣдучи, называющіеся просвѣщенными, разсуждающіе о желѣзныхъ доро-

гахъ, объ освобожденіи крестьянъ, объ искорененіи злоупотребленій и даже не берущіе взятокъ съ подрядчика, и даже предлагающіе купцу, какъ видно, очень небогатому, стулъ въ комнатѣ присутствія, — эти люди, усвоившіе себѣ лоскъ образованности, даже форму гуманности, не совѣстятся имѣть тѣ страшныя мысли, тѣ гнусныя понятія, которыя записаны ихъ простодушнымъ слушателемъ! Да и то сказать: какъ имъ совѣститься подобныхъ мыслей? Они очевидно ничего не смыслятъ въ дѣлахъ, о которыхъ разсуждаютъ. Съ чужого голоса они могутъ говорить о пользѣ желѣзныхъ дорогъ, о необходимости освобожденія крестьянъ, — вѣдь объ этомъ нынѣ и глухой слышитъ на каждомъ шагу. Но ясно, что ихъ голова осталась неразвита, что все въ этой головѣ, кромѣ навѣяннаго вѣтромъ, все дико и тупо. Они могутъ быть прекрасныя люди по сердцу, но они дурно воспитаны, они слишкомъ мало учились.

Неужели въ самомъ дѣлѣ надобно оправдывать ковенскихъ мужиковъ? Неужели надобно доказывать, что они имѣютъ полное право не пить водку? Неужели надобно доказывать, что этимъ геройскимъ рѣшеніемъ, до котораго могъ довести ихъ только слишкомъ тяжелый опытъ, они приносятъ пользу государству и честь русской націи передъ Европой?

Мы не враги употребленія водки простынъ народомъ, мы думаемъ, что умеренное употребленіе ея даже полезно въ нашихъ климатахъ; но надобно знать, кто пьетъ, какъ пьетъ, почему пьетъ и что пьетъ?

Если зажиточный мужикъ, имѣющій теплую избу, теплую одежду, сытный столъ и нѣсколько лишнихъ рублей въ карманѣ, выпиваетъ каждый день передъ обѣдомъ по стакану водки, — съ Богомъ: ему это здорово, и пьетъ онъ на деньги, которыми имѣетъ право располагать. За этотъ стаканъ не могутъ упрекнуть его жена и дѣти. Но таковъ ли ковенскій мужикъ и таковъ ли не только ковенскій, но и какой бы то ни было мужикъ? Гдѣ у него лишнія деньги? Остается ли у него хоть одна копѣйка, отчета въ растратѣ которой не должна была бы потребовать у него семья, живущая въ плохой избенкѣ, едва прикрытая рубищемъ, подобно ему, — питающаяся, подобно ему, по выраженію г. Шевырева, „скудною и неудобоваримою пищею“. Бѣднякъ дѣлаетъ дурно, когда тратитъ деньги на чтонибудь, кромѣ улучшенія быта своей семьи.

И какъ онъ пьетъ! Развѣ такъ, какъ мы съ вами, читатель, столовое вино? Нѣтъ, онъ пьетъ, когда дорвется къ вину, до безчувствія. Питье водки у бѣдняка всегда бываетъ пьянствомъ.

И почему онъ покупаетъ водку? и какую водку продаютъ ему? объ этомъ нечего и говорить.

Или въ самомъ дѣлѣ надобно доказывать, что никому, кромѣ идиота не можетъ придти въ голову видѣть сектантство въ томъ, когда разоренные бѣдняки видѣли необходимость исправиться отъ порока, ихъ разорявшаго? Или надобно говорить о томъ, выигрываетъ ли государство или, пожалуй, казна, когда бѣднякъ отказывается отъ единственнаго наслажденія, чтобы поправить свои дѣла? Развѣ трудно разсудить, что каждый рубль, который получается отъ водки, разоряющей народъ, — что каждый такой рубль отзывается десятью рублями недочета въ другихъ податяхъ и сборахъ? Въ Россіи больше населенія, нежели въ Англіи и Франціи взятыхъ вмѣстѣ; пространство плодородной и населенной земли, служащей главнымъ источникомъ богатства, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ больше. Получаетъ

ли русская казна хотя двѣ трети того дохода, какой получаетъ одна французская или одна англійская? Нѣтъ, и того далеко не получаетъ. Отчего же это? Какъ отчего? Много ли вы возьмете съ бѣднаго народа? А въ чемъ одна изъ главныхъ причинъ бѣдности народа? Въ водкѣ. Кажется, расчесть ясенъ? Пусть водка доставитъ вдвое меньше дохода; за то мы отпустимъ за границу вдвое больше товаровъ, потому что меньше ихъ пропьемъ и больше яароботаемъ. Въ замѣнъ за эти товары мы купимъ вдвое больше заграничныхъ, и одна прибыль въ таможенныхъ пошлинахъ — съ двойнымъ, съ тройнымъ избыткомъ покроетъ недочетъ виннаго сбора; и кромѣ того, въ податяхъ будетъ меньше недоимокъ, промышленные сборы станутъ давать гораздо больше прежняго и стало быть, если уже думать о государственныхъ доходахъ, то надобно благодарить ковенскихъ мужиковъ за то, что они приняли рѣшеніе, отъ котораго надобно ожидать такого же поправленія нашему бюджету, какъ и ихъ домашнему хозяйству.

Но, Боже мой! Какая сила самоотверженія нужна была этимъ бѣднякамъ, чтобы отказаться отъ чарки водки, этой единственной, губельной, разорительной, но единственной отрады въ ихъ несчастной жизни! Вотъ ужъ почти цѣлый вѣкъ образованный міръ на всѣхъ языкахъ превозноситъ силу самоотверженія Сѣверо-Американцевъ, отказавшихся отъ употребленія чаю. Но что за важность отказаться отъ чаю зажиточному человѣку? Развѣ не замѣнитъ онъ двадцатью другими пріятностями пріятность пить чай? И развѣ чай былъ ему забвешіемъ, единственнымъ забвешіемъ отъ невыносимо-тяжелой жизни, исполненной обидъ и лишеній? Но бѣдняку мужику отказаться отъ чарки водки!.. Это геройство, — другаго имени нѣтъ для такой рѣшимости!

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ VII.

Библиографія журнальныхъ статей по крестьянскому вопросу.

ЖУРНАЛЬ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 7.

Статья г. И. Капниста: „Нѣсколько данныхъ, на основаніи которыхъ можно улучшить положеніе крестьянъ въ Южной Россіи“. Авторъ начинаетъ ссылкой на статьи Свода Законовъ, на основаніи которыхъ въ каждомъ помѣщичьемъ имѣніи должно быть земли не менѣе четырехъ съ половиною деелтинъ на ревизскую душу, а крестьяне обязаны работать на помѣщика три дня въ недѣлю, половину всего рабочаго времени. Изъ этого г. Капнистъ выводитъ, что нормальный надѣлъ крестьянъ землею, по смыслу законовъ, составляетъ $2\frac{1}{4}$ десятины на душу, что однако же вовсе не слѣдуетъ изъ приводимыхъ имъ статей, потому что въ имѣніяхъ, заключающихъ въ себѣ минимумъ допускаемаго по закону количества земли, часть тяглы обыкновенно сажалась на оброкъ, а слѣдовательно господское хозяйство устраивалось не по полному числу тяглы, а въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, и занимало менѣе половины земли. Затѣмъ, полагал тяглое семейство въ три души, авторъ считаетъ, что каждое семейство будетъ имѣть $6\frac{3}{4}$ десятины, которыя распредѣлятся слѣдующимъ образомъ: $\frac{3}{4}$ десятины подъ усадьбою и огородомъ, 3 десятины подъ посѣвомъ хлѣба (слѣдовательно по $1\frac{1}{2}$ десятины въ полѣ; не маловато ли это: по $1\frac{1}{2}$ десятины въ полѣ на продовольствіе цѣлой семьи изъ 3 душъ муж. пола, т. е. 6 душъ обоого пола?), $1\frac{1}{2}$ дес. подъ сѣнокосомъ и полторы подъ паромъ. Относительно тѣхъ имѣній, въ которыхъ вся земля составляетъ менѣе 4 дес. на душу, или гдѣ за выдѣломъ этой пропорціи осталось бы слишкомъ мало земли для помѣщика, авторъ полагаетъ, что владѣльцамъ слѣдуетъ обратиться къ Государю Императору со всеподданнѣйшею просьбою о дозволеніи излишнимъ крестьянамъ переселиться на пустопорожнія казенныя земли, или на земли другихъ владѣльцевъ. (Не легче ли помѣщику, если онъ имѣетъ охоту заниматься непременно сельскимъ хозяйствомъ, купить себѣ землю на тѣ деньги, которыя онъ получитъ за отданную крестьянамъ землю? Вѣдь ему расчетъ одинъ и тотъ же—остаться при прежнихъ 100 десяткахъ, стоящихъ по 50 р. или, получивъ за нихъ деньги, купить 100 деелтинъ по 50 р. въ другой дачѣ. Онъ тутъ не теряетъ ничего, а для крестьянъ переселеніе очень убыточное дѣло.

Но объ этомъ послѣ). За каждую десятину отведенной крестьянскому обществу земли оно должно поставлать одного рабочаго на 30 дней по урочному положенію, съ раздѣленіемъ ихъ на четыре времени года, считал рабочій день женщинъ и мальчиковъ до восемнадцати лѣтъ въ половину противъ дня взрослога мужчины, и съ предоставленіемъ крестьянамъ отбывать рабочіе дни, по произволу, натурою или деньгами. (Почему же 30 рабочихъ дней за десятину, почему не 50, или вѣрнѣе сказать, почему не 15 или не 12? Этого мы не видимъ, а видимъ только— но и объ этомъ послѣ). Подати и земскіе сборы должны быть раскладываемы не подушно, а по рабочимъ силамъ (40 проц. всего лежащаго на обществѣ оклада) и по имуществу (остальные 60 процентовъ), облагая податью силы всѣхъ крестьянъ отъ 14 до 60-ти-лѣтняго возраста, а податью съ имущества всѣхъ безъ исключенія, пропорціонально количеству земли, которою они владѣютъ. Помѣщикамъ авторъ полагаетъ предоставить право самимъ обработывать свою землю или отдавать ее въ арендное содержаніе, вмѣстѣ съ слѣдующими отъ крестьянъ днями, по контрактамъ, утверждаемымъ уѣзднымъ комитетомъ и подъ наблюденіемъ его. Мы полагали бы, что уже довольно и того, если барщина останется принадлежностью самого помѣщика, — обязательный трудъ не такая вещь, чтобы его можно было продавать по контрактамъ изъ рукъ въ руки, да еще арендатору. Если остается обязательный трудъ, помѣщикъ остается не просто собственникомъ земли, а по прежнему лицомъ, которому правительство ввѣрило извѣстную степень власти надъ людьми. Извѣстно, что гражданское право не допускаетъ власть надъ людьми, т. е. обязанность, ввѣряемую правительствомъ, передавать по контрактамъ изъ рукъ въ руки.

Затѣмъ авторъ дѣлаетъ расчетъ доходовъ, которые надѣленное по принятой имъ нормѣ семейство можетъ получать съ своей земли, и исчисляетъ, что съ трехъ десятинъ, полагая 15 вошь съ каждой, умоломомъ по четыре мѣры или по четыре пуда зерна, получится 45 кошь или 180 пудъ, изъ которыхъ на годовое продовольствіе потребуется 140 пудъ, а остальные 40 могутъ быть проданы и принесутъ 8 р. сер., сумму достаточную для уплаты лежащихъ на семействѣ податей; притомъ получится соломы достаточно для прокормленія трехъ штукъ крупнаго скота и шести овецъ. За отведенную семейству землю оно обязано дать помѣщику около 200 мужскихъ рабочихъ дней, а такъ какъ хозяинъ имѣетъ въ годъ 300 дней, жена его, считая ея работу въ половину противъ мужской, 150, и остальные члены семейства, которыхъ полагается примѣрно четыре, принимая ихъ день за $\frac{1}{4}$ дня, еще 300, всего 750, для обработки же собственно земли достаточно 200 дней, то остается 350 дней, въ которые посредствомъ постороннихъ заработковъ могутъ быть приобрѣтены средства, достаточныя на одежду, обувь и прочія крестьянскія надобности.

Помѣщикъ, имѣющій 450 десят. земли, на которыхъ поселены 100 душъ крестьянъ, употребляя изъ числа слѣдующихъ ему отъ крестьянъ 7,750 рабочихъ дней только 3,948, по расчету автора, можетъ продавать хлѣба примѣрно на 1,209 р. 60 коп., шерсти и овецъ на 500 руб., и свехъ того получать за остальные 2,802 дня по 10 коп. сер. за день, что составитъ всего дохода съ имѣнія 1,989 р. 80 коп.

Въ расчетахъ г. Капниста прежде всего поражаетъ насъ огромное количество барщиннаго труда, которое онъ считаетъ возможнымъ положить на крестьянъ за

отводимую въ пользованіе ихъ землю: по существовавшему при крѣпостномъ состояніи порядку, помѣщикъ не имѣлъ права требовать болѣе 150 или даже 140 мужскихъ и столько же женскихъ рабочихъ дней съ тягла, а на практикѣ получалъ обыкновенно значительно меньше, какимъ бы количествомъ земли крестьяне ни владѣли; и этотъ размѣръ работы нынѣ почти всѣми признается преувеличеннымъ и превышающимъ цѣнность отдаваемыхъ крестьянамъ земель, такъ что общее мнѣніе требуетъ уменьшенія рабочихъ дней, по крайней мѣрѣ до двухъ въ недѣлю. Между тѣмъ г. Капнистъ полагаетъ еще большее число мужскихъ дней, примѣрно до 200 съ тягла; правда, что онъ зато вовсе не предполагаетъ женскихъ рабочихъ дней, которые слѣдовательно могутъ отчасти замѣнять собою мужской трудъ, но считаясь въ половину противъ мужскаго дня, весьма мало облегчаютъ отбываніе наложенной на семейство барщины, такъ что хозяинъ, чтобы уменьшить число своихъ барщинныхъ дней, хотя пятьюдесятью, до прежняго размѣра, долженъ послать на господскую работу свою жену на 100 дней. Притомъ самое назначеніе земли не по тягламъ, а по душамъ, и рабочихъ дней по количеству земли требуетъ усвоенія крестьянами общиннаго понятія до крайнихъ его послѣдствій, такъ какъ барщинные дни должны будутъ отбываться по особому, сдѣланному внутри самой общины, распредѣленію, совершенно независимо отъ количества отведенной каждому семейству земли; иначе крестьянинъ, имѣющій много дѣтей и получившій по числу ихъ самый большой участокъ, отбывалъ бы столько барщинныхъ дней, что веденіе собственнаго хозяйства и прокормленіе семьи сдѣлались бы для него невозможными. Происходящая отъ этого сложность расчетовъ необходимо должна производить частые споры и несогласія между крестьянами. Что же касается до самаго размѣра, въ которомъ ихъ должно надѣлять землею, то по нашему мнѣнію едва ли не лучше всего было бы, не принимая никакой общей нормы, оставить надѣлъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ сдѣланъ тогда, когда интересы крестьянъ были ближе связаны съ выгодами владѣльца.

Замѣчательна еще обыкновенно дешевая оцѣнка крестьянскаго труда, по 10 коп. за мужской рабочей день, безъ различія работы пѣшей или на волахъ. Весьма сомнительно, чтобы въ Полтавской губерніи существовала такая средняя цѣна, между тѣмъ какъ въ пограничныхъ съ нею уѣздахъ Харьковской (ст. г. Данилевскаго въ томъ же номерѣ „Харьковскій поселянинъ въ настоящее время“) лѣтній мужской день стоитъ отъ 20 до 30 коп. сер., а зимній отъ 10 до 20-ти.

Что касается до предположенія г. Капниста о переселеніи нѣкоторыхъ изъ крестьянъ малоземельныхъ имѣній на казенныя земли другихъ владѣльцевъ, то оно съ одной стороны нарушило бы общій порядокъ оставленія крестьянъ на тѣхъ же мѣстахъ, а съ другой стороны, при отводѣ имъ, конечно на общихъ правахъ государственныхъ крестьянъ, земель изъ казенныхъ дачъ, могло бы подать поводъ къ неудовольствію тѣмъ, которые остались бы на земляхъ помѣщика, съ обязанностию такъ или иначе выкупить усадьбы и отбывать барщину. Проще было бы въ подобныхъ имѣніяхъ или оставить весьма значительную по количеству остающейся земли городскую запашку, или даже раздѣлить всю землю крестьянамъ, съ обложеніемъ ихъ соответственнымъ оброкомъ.

Эту статью мы потому разобрали такъ подробно, что хотя и невозможно согласиться съ основными положеніями автора ея, но она заключаетъ довольно

полное и со всѣхъ сторонъ обработанное предположеніе о будущемъ устройствѣ поземельныхъ отношеній.

Статья г. Николая Чарыкова „Объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Пензенской губерніи“ заключаетъ въ себѣ много жалобъ на лѣность крестьянъ и расположеніе ихъ къ нищенству, которымъ многіе изъ нихъ, по удостовѣренію автора, занимаются систематически: нанимаютъ для прошенія милостыни мальчиковъ, съ которыми отправляются въ болѣе или менѣе далекія путешествія и возвращаются съ нѣсколькими сотнями рублей. Какіе странные люди! Имѣютъ расположеніе къ нищенству! Не имѣютъ ли они также расположенія къ голоду, холоду или лежащую больными? Предположеніе г. Чарыкова о будущемъ устройствѣ крестьянъ заключается въ томъ, чтобы имъ, для образованія осѣдлости, дать, конечно съ выкупомъ чрезъ какое либо кредитное учрежденіе или банкъ, усадьбы и по возможности выгонъ, и сверхъ того по десятинѣ на душу полевой земли, съ тѣмъ, чтобы они за нее работали на помѣщика $1\frac{1}{2}$ два въ недѣлю и обрабатывали ее міромъ для уплаты государственныхъ податей, процентовъ за выкупъ и образованія капитала. Этотъ оборотъ авторъ разсчитываетъ такимъ образомъ. Полагая на 100 душъ 100 десятинъ пашни въ трехъ поляхъ, въ каждомъ полѣ будетъ $33\frac{1}{3}$ дес.; при хорошей обработкѣ, уродится, сверхъ сѣмянъ, ржи 6 четвертей и овса 10 четв. на десятинѣ, итого 200 четв. ржи и 330 четв. овса; изъ этого количества въ первые три года слѣдуетъ исключать, для образованія хлѣбнаго пирсаго запаса, по четверти ржи и овса на душу; поступить въ продажу ржи 100 четв. по 2 р. сер. и овса 233 по 1 руб., всего на 433 р. На уплату податей потребуются 200 руб. сер. и столько же на проценты и погашеніе долга въ кредитное мѣсто, уплатившее за выкупъ усадебъ: останется такимъ образомъ въ первые три года 100 руб. сер., а затѣмъ въ слѣдующіе 9 лѣтъ, къ окончанію переходнаго времени, за вычетомъ ежегоднаго расхода въ 400 руб., составитя капитала съ нарастающими на него процентами 4,368 р. 76 коп. сер. — сумма, достаточная на покупку значительнаго участка земли въ собственность общины. Для обработки означенной мірской земли весьма достаточно $1\frac{1}{2}$ дня въ недѣлю, такъ что крестьяне имѣли бы для прокормленія себя съ семействами, посредствомъ наемной работы у помѣщика, или воздѣлыванія снятыхъ у него по добровольнымъ условіямъ земель, остальные три дня.

Въ заключеніе г. Чарыковъ говоритъ, что можно бы было обществу дать и болѣе земли, но пришлось бы ему тогда гораздо больше работать на помѣщика — до трехъ дней и болѣе; работа, какъ принужденная, исполнялась бы небрежно, возникали бы съ обѣихъ сторонъ жалобы, и вслѣдствіе того отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ сдѣлались бы враждебными. На это мы можемъ возразить, что если бы кредитное учрежденіе, давшее капиталъ на выкупъ усадебъ, выкупило и достаточное для прокормленія крестьянъ количество полевой земли, то они, зарабатывая сверхъ доходовъ отъ своей земли, для воздѣлыванія которой достаточно бы было половины тяглы, довольно значительныя по ихъ быту деньги наемною работою у помѣщиковъ, могли бы, посредствомъ мірской запашки или ежегодныхъ взносовъ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ погасить долгъ, и тогда безъ принужденной работы, о которой говоритъ авторъ, сдѣлались бы независимыми собственниками отведенной имъ земли. Вообще же, хотя многіе опровергаютъ всѣ проекты, основанные на мірскихъ запашкахъ, тѣмъ, что мірскія земли будутъ

скупо удобряться и плохо обрабатываться, а потоку не принесут ожидаемых урожаевъ, — предположенія г. Чарыкова можно было бы признать довольно практичными, если бы крестьяне могли понять освобожденіе съ сохраненіемъ барщины. А если необходимо отмѣнить барщину, то конечно надобно нѣсколько измѣнить расчетъ. Во всякомъ случаѣ, назначаемый крестьянамъ размѣръ работы на помѣщика, $1\frac{1}{2}$ дня въ недѣлю, за землю, отведенную въ количествѣ одной десятины на дуну, слѣдовательно отъ $2\frac{1}{2}$ до 3-хъ десятинъ на тягло, намъ кажется преувеличеннымъ.

Статейка помѣщика Старобѣльскаго уѣзда, г. Гаршина, заключаетъ въ себѣ развитіе одной весьма справедливой мысли, а именно: что если земли, отводимыя крестьянамъ, не будутъ выкуплены, и крестьяне должны будутъ за нихъ работать на помѣщика, то лучше, вмѣсто опредѣленнаго оклада работъ, назначить оброчную плату, съ предоставленіемъ помѣщикамъ и крестьянамъ, по обоюдному согласенію, замѣнять денежную плату работой, отчего эта работа потеряетъ характеръ принужденнаго труда.

Статья г. Ильи Никифорова „Объ усадьбахъ“ заключаетъ въ себѣ отвѣты на нѣкоторые вопросы, предложенныя въ № 1 „Журнала Землевладѣльцевъ“. Такъ какъ между этими вопросами большая часть такихъ, которые общественнымъ мнѣніемъ уже рѣшены окончательно, то мы обратимъ вниманіе только на одинъ изъ нихъ, о которомъ до сихъ поръ происходитъ нерѣдко горячіе споры.

О пространствѣ усадебныхъ земель, которыя должны быть отведены крестьянамъ, авторъ говоритъ, что, какъ извѣстно ему на практикѣ, въ настоящее время усадьбы среднею мѣрою простираются отъ 1,400 до 1,600 сажень, и что первая изъ этихъ цифръ могла бы быть принята за норму. А какъ въ настоящее время многіе хозяева, чтобы имѣть особое обезпеченіе къ исправной уплатѣ крестьянами податей, прибавляютъ въ каждой усадьбѣ 1,000 саж. земли, которая за неуплату отбирается, то г. Никифоровъ предлагаетъ принять эту мѣру и при переходѣ крестьянъ въ срочно-обязанное состояніе.

Предполагаемый авторомъ размѣръ усадебъ, основанный на свѣдѣніяхъ о нихъ принятою среднею пространствѣ ихъ, намъ кажется почти достаточнымъ; что же касается до прирѣзанія къ каждой усадьбѣ добавочнаго участка, то главное неудобство, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что если такъ или иначе выкупятся полевныя земли, состояція въ пользованіи крестьянъ и окружающія деревню со всѣхъ сторонъ, то эти мелкіе участки, данныя имъ для обезпеченія уплаты податей, но принадлежащія собственно помѣщику, будутъ находиться посреди крестьянской земли, и слѣдовательно образуютъ чрезполосное владѣніе.

Въ статью г. Персіанова „Оцѣнка вознагражденія за трудъ крестьянина въ барщинномъ помѣщицкѣмъ имѣніи Тульской губерніи“, авторъ дѣлаетъ расчетъ. по которому оказывается, что крестьянинъ, надѣленный на тягло 6 десятинами полевой земли, $1\frac{1}{2}$ десятины сѣнокоса и усадьбою въ $\frac{1}{4}$ дес., получаетъ примѣрнаго валоваго дохода 71 руб. 20 коп., а за исключеніемъ того, что стоитъ обработка земли по наемнымъ цѣнамъ—29-ти руб. 98-ми коп., остается чистой прибыли 41 руб. 22 коп., слѣдовательно вознагражденіе его землею составляетъ ровно половину дѣйствительной цѣнности его работы. Этотъ результатъ былъ бы поразителенъ, если бы изъ расчета г. Персіанова не было видно, что онъ принялъ за норму господской запанки $2\frac{1}{4}$ десят. на тягло въ каждомъ полѣ; мы не можемъ

не усомниться, чтобы въ большей части имѣній Тульской губерніи дѣйствительно существовали такіе огромныя запашки, требующія по самому расчету автора 200 мужскихъ и столько же женскихъ дней, а по нашему мнѣнію едва ли не болѣе, слѣдовательно по меньшей мѣрѣ 50 мужскими и 50 женскими днями болѣе дозволеннаго закономъ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 8.

Статья г. Кривцова „Мнѣніе Орловскаго и Саратовскаго помѣщика“ заключаетъ въ себѣ мысли автора по поводу нѣкоторыхъ §§ предложеній г. министра внутреннихъ дѣлъ начальника губерній объ открытіи комитетовъ для улучшенія быта крестьянъ; такъ наприимѣръ по поводу § 1, въ которомъ сказано: „устройство крестьянъ должно быть произведено не вдругъ, а постепенно, для того крестьяне должны быть въ переходномъ состояніи“, — авторъ говоритъ, что „ни въ какомъ случаѣ не должно допускать крестьянъ къ участию въ составленіи какихъ бы то ни было условій, ... такъ какъ отъ столкновенія интересовъ, по невѣжеству крестьянъ, могутъ произойти разныя неприятели и беспорядки“. Мы полагаемъ, что по Своду Законовъ только тѣ дѣла считаются правильно веденными, въ которыхъ одинаково выслушивались обѣ стороны, и только тѣ контракты признаются дѣйствительными, въ которыхъ условія не продиктованы одною стороною безъ согласія другой. Относительно натуральныхъ повинностей, которыми крестьяне должны быть обложены на землю, авторъ находитъ, что прежняго порядка трехдневной работы не должно измѣнять ни ограничивать никакими *инвентаріями*, развѣ только для того, чтобы *поровнять общіе интересы*, назначить въ тягла всѣхъ безъ исключенія крестьянъ и, заведя запашку по числу этихъ новыхъ тягелъ (которыхъ будетъ болѣе прежняго по крайней мѣрѣ въ полтора раза), отдѣлить половину земли для помѣщика, съ тѣмъ, чтобы изъ каждаго двухъ тягелъ одно постоянно находилось на барщинѣ, которая такимъ образомъ составитъ гораздо большее число рабочихъ дней, чѣмъ могло бытъ при прежнемъ порядкѣ (замѣтить должно при этомъ, что говорить помѣщикъ многоземельной губерніи Саратовской, гдѣ количество пашни большею частію ограничивается только числомъ рукъ), — и сверхъ того еще предоставить помѣщику право требовать на 12 дней каждый годъ всѣ тягла сгономъ, въ уплату долга за усадьбы, который такимъ образомъ долженъ бытъ платимъ въ теченіе 12-ти лѣтъ. Предоставляемъ читателямъ оцѣнить мысли г. Кривцова.

Статья г. Кичеева „Мысли по крестьянскому дѣлу“ заключаетъ въ себѣ почти тѣ же предположенія. Авторъ сверхъ того признаетъ справедливымъ обрабатывать господскія и крестьянскія поля сообща, и урожай дѣлить пополамъ, а въ оброчныхъ имѣніяхъ мѣру крестьянской повинности предоставить опредѣлять помѣщикамъ, съ правомъ измѣнять ее при каждой ревизіи и съ тѣмъ, чтобы даже тѣ изъ крестьянъ, которые уже выкупили свои усадьбы (выкупъ предполагается отдѣльный по семьямъ), не имѣли права отказываться отъ лежащихъ на нихъ повинностей, а за отказъ облагались двойнымъ оброкомъ. Эти предположенія, кромѣ ограниченія права прибавлять оброкъ, временемъ ревизій, ничѣмъ не разнятся отъ порядка, еуществующаго при крѣпостномъ правѣ.

Статья г. Балл „А что сдѣлать съ крестьянами нищими“ начинается описа-

нѣмъ состоянія двухъ имѣній, доведенныхъ до совершеннаго разоренія: одно небудуманными нововведеніями, бесполезными постройками и т. д., а другое постояннымъ выжиманіемъ изъ него крайнихъ возможныхъ выгодъ всѣми средствами, въ числѣ которыхъ была поголовная барщина по пяти дней въ недѣлю, съ вычетомъ ненастныхъ дней и наверстываніемъ ихъ въ хорошую погоду. Отъ положенія самыхъ имѣній авторъ переходитъ къ нравственному состоянію крестьянъ, которые, по его мнѣнію, такъ унижены и убиты духомъ, такъ сроднились съ своею нищетою, что не только по бѣдности своей не имѣютъ никакой возможности выкупить усадьбы, или безъ посторонняго пособія обзавестись всѣмъ нужнымъ для успѣшнаго хозяйства, но даже, и при оказаніи имъ помощи, неспособны употребить ее въ пользу, безъ учрежденія надъ ними строжайшей опеки. Въ примѣръ трудности, которую представляетъ улучшеніе состоянія подобныхъ крестьянъ, г. Баль приводитъ одно небольшое имѣніе въ Московской губерніи, которое послѣ нѣсколькихъ владѣльцевъ, разорившихъ его, наконецъ досталось благонамѣренному человѣку: несмотря на неуспѣшныя труды и значительныя пожертвованія помѣщика, едва въ десять лѣтъ удалось ему нѣсколько улучшить состояніе крестьянъ; а до тѣхъ поръ все, что онъ давалъ имъ для поправки ихъ хозяйства, пропивалось въ Москвѣ. Въ видѣ перваго шага къ улучшенію состоянія нищихъ крестьянъ и вознагражденія ихъ за понесенныя сверхъ законной мѣры труды, авторъ предлагаетъ отдать имъ усадьбы безвозмездно.

На это редакторъ „Журнала Землевладѣльцевъ“ въ сдѣланной имъ выноскѣ возражаетъ, что хотя конечно помѣщикъ, посредствомъ злоупотребленія крѣпостнаго права доведшій крестьянъ своихъ до нищенства, еще весьма немного вознаграждать ихъ, если отдастъ имъ усадьбы даромъ, но сдѣлать такое пожертвованіе обязательнымъ невозможно, по самой невозможности доказать, что разореніе крестьянъ произошло именно отъ этого злоупотребленія, а не отъ другихъ причинъ: относительно же имѣній, переходившихъ въ разныя руки, — доказать, что настоящій владѣлецъ разстроилъ имѣніе, а не одинъ изъ его предшественниковъ; и если бы даже это было вполне доказано, то какъ разувѣрить сосѣднихъ крестьянъ, что они не имѣютъ права на такое же снисхожденіе?

Отвѣта на это возраженіе, — сознаемся съ прискорбіемъ, — мы не находимъ, кромѣ того, который можетъ быть найденъ въ Сводѣ Законовъ, именно въ тѣхъ статьяхъ, которыя говорятъ о превышеніи и злоупотребленіи власти и о взысканіяхъ за то. Но единственнымъ средствомъ къ открытію истины могли бы быть показанія сосѣдей: можно ли ожидать отъ нихъ безпристрастія? Намъ кажется, что возможно, потому что было бы оскорбительно для помѣщиковъ предполагать въ большинствѣ сосѣднихъ помѣщиковъ расположеніе давать фальшивыя показанія: притомъ о фальшивыхъ показаніяхъ есть статьи въ XV томѣ „Свобода Законовъ“. Не забудемъ также, что и сосѣдніе крестьяне также сосѣди. Притомъ могутъ быть свидѣтелями разныя чиновники, купцы и разночинцы; въ каждомъ уѣздѣ можно найти множество людей разнаго званія, хорошо знакомыхъ съ бытомъ окрестныхъ деревень и хозяйствомъ помѣщиковъ. А по закону достаточно показаніе двухъ свидѣтелей. Можно бы также спросить: какъ, не говоря уже о лицахъ, *спокойно* умершихъ, — привлечь къ отвѣтственности тѣхъ, которые, выжавъ изъ крестьянъ послѣдній сокъ (техническое выраженіе) и составивъ иногда такимъ образомъ значительные капиталы, продали выгодно имѣнія, хотя и за нѣсколько меньшую цѣну

противъ благоустроенныхъ, и наслаждаются теперь плодомъ своихъ *праведныхъ* трудовъ? На это въ Сводѣ Законовъ также есть правила, которыя были бы достаточны для большей части подобныхъ случаевъ (о вознагражденіи лица, потерпѣвшаго убытокъ по взысканію съ имущества, проданнаго ему другимъ и подвергшагося взысканію). А если бы нѣкоторые неинногіе изъ лицъ, продавшихъ такіи имущества, и могли ускользнуть отъ взысканія, то эти исключенія не могли бы служить препятствіемъ дѣйствию общаго постановленія: нѣтъ такого проступка, по которому нѣкоторые виновные не успѣвали бы укрыться отъ дѣйствія закона. Надобно впрочемъ вообще сознаться, что еще не скоро могутъ быть излечены всѣ язвы, нанесенныя Россіи крѣпостнымъ состояніемъ. Но во всякомъ случаѣ излеченіе самой глубокой между этими язвами—нравственнаго униженія крестьянъ, подъ гнетомъ нищеты потерявшихъ сознание человѣческаго достоинства, — должно ожидать отъ благотворнаго дѣйствія времени и новыхъ, истинно человѣческихъ отношеній, въ которыя они будутъ поставлены, а не отъ предполагаемой г. Баземъ опеки, которая въ глазахъ крестьянъ составила бы продолженіе крѣпостнаго состоянія, въ то время, какъ вокругъ себя они видѣли бы другихъ свободными. Въ высокой степени желательно было бы, чтобы нашлось средство подкрѣпить этихъ несчастныхъ на пути къ исправленію только дѣйствительнымъ, хорошо рассчитаннымъ пособіемъ, а не опекою— да и кому поручить эту опеку? Лучше предоставить ихъ собственнымъ силамъ, предполагая конечно, что нить была бы дана въ ссуду, съ разсрочкою на извѣстное число лѣтъ, сумма, нужная на выкупъ усадебъ и необходимаго количества полевой земли, такъ какъ мы и вообще считаеиъ это единственнымъ хорошимъ способомъ къ прочному улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. При этомъ выкупѣ владѣльцамъ разоренныхъ имѣній, отъ которыхъ отошли бы во владѣніе крестьянъ разоренныя также усадьбы и иетощенныя поля, могло бы быть назначено вознагражденіе въ меньшемъ противъ другихъ помѣщиковъ размѣрѣ, и слѣдовательно крестьянамъ пришлось бы уплачивать меньшую сумму. Затѣмъ можно надѣяться, что сначала опомнятся между ними самыя энергичныя натуры и, при свойственной русскому крестьянину практичности, поймутъ, что положеше ихъ уже не безвыходно, а нашедши счастливый исходъ, покажутъ примѣръ и подадутъ руку помощи остальнымъ. Извѣстно на практикѣ, что иногда обогащеніе одного двора въ деревнѣ распространяло благотѣльное вліяніе на цѣлую общину, такъ что многіе помѣщики нарочно не отпускали на волю семейство, могущее заплатить за себя значительный выкупъ, чтобы съ удаленіемъ его не изсякъ источникъ выгодныхъ занятій для остальныхъ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 9.

Въ этомъ номерѣ между прочимъ находится статья г. Данилова „Практическія замѣчанія на статью о новыхъ условіяхъ сельскаго быта, помѣщенную въ февральской книжкѣ Современника“. Не желая вдаваться въ полемику, мы не станемъ въ подробности разбирать опроверженія, приводимыя г. Даниловымъ противъ выраженныхъ въ помянутой статьѣ мыслей, предоставивъ сужденіе объ нихъ читающей публикѣ, а ограничимся тѣмъ, что бросимъ взглядъ на самыя главныя изъ этихъ возраженій.

Г. Даниловъ находитъ несправедливымъ мнѣніе, что избранныя дворянствомъ

въ разныя должности по мѣстному управленію чиновники хотя и звали о происходящихъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, но большею частью не вступались, чтобы не возстановить противъ себя людей, отъ которыхъ зависитъ ихъ выборъ и въ зависимости отъ которыхъ они находятся постоянно, во все время отправленія своихъ должностей. Авторъ говоритъ, что зависимость этихъ чиновниковъ отъ избирателей съ окончаніемъ баллотирования ихъ также оканчивается, — вѣроятно потому, что отъ избирателей не зависитъ смѣнять чиновниковъ до окончанія срока ихъ службы. Смѣнять ихъ конечно избиратели не могутъ, но переставутъ посылать имъ почти окладныя пособия птицей, масломъ, овсомъ и пр., на которыя низшіе между выборными чиновниками привыкли также расчитывать, какъ на свое жалованье, а потомъ ни за что не выберутъ въ другой разъ: послѣднее опасеніе, равно какъ и увѣренность, за безпристрастный разборъ крестьянскихъ жалобъ быть поставленными на враждебную ногу не только съ лицами, злоупотребляющими помѣщичьею властью, но и съ большинствомъ другихъ дворянъ, которые по сословному самолюбію примутъ ихъ сторону, и имѣтъ вслѣдствіе того непріятности на слѣдующихъ выборахъ, удерживало и многихъ предводителей. Такия объясненія мы сами неоднократно слышали отъ благонамѣренныхъ, но слабыхъ характеромъ людей, служащихъ по выборамъ.

Не соглашается еще г. Даниловъ и съ тою мыслью, что практическая польза образованности наименѣ чувствительна для отца, оставляющаго своимъ дѣтямъ крѣпостное состояніе, — и дѣлаетъ для опроверженія ея сильнѣйшее нападеніе на людей (исключительно?) свѣтски образованныхъ и схоластически ученыхъ. Но спросимъ мы, если бы крѣпостное состояніе не существовало, то было ли бы возможно наше рутинное, невѣжественное хозяйство? не сдѣлалось ли бы для помѣщика необходимою знаніе науки сельскаго хозяйства, а слѣдовательно и другихъ естественныхъ наукъ? Наконецъ возможно ли предположить, чтобы человѣкъ, пріобрѣтшій основательныя познанія въ этихъ наукахъ, остался бы совершеннымъ невѣждой въ другихъ предметахъ?

Далѣе г. Даниловъ возстаетъ противъ того мнѣнія, что обязательный трудъ, или что то же, крѣпостное состояніе было одною изъ главныхъ, а можетъ быть и самую главную причину накопленія долговъ на дворянскихъ имѣніяхъ: авторъ приписываетъ это явленіе исключительно расточительной жизни помѣщиковъ и пренебреженію ихъ къ собственнымъ дѣлямъ. Но мы убѣждены, что ни при какой другой организаціи сельскаго труда это разстройство дѣлъ не могло сдѣлаться столь всеобщимъ. Или помѣщики сами вынуждены были бы болѣе или менѣе заниматься своими имѣніями и, встрѣчая постоянную нужду въ капиталахъ для затрачиванія ихъ на хозяйство, зная, что безъ чистыхъ денегъ и полученіе текущихъ доходовъ для нихъ невозможно, тѣмъ самымъ были бы останавливаемы отъ истощенія своихъ денежныхъ средствъ бесполезными издержками, — или можетъ быть водворился бы у насъ какой либо порядокъ, сходный съ фермерствомъ на западѣ: тогда строгая опредѣленность доходовъ, не увеличивающихся ни при какомъ урожаѣ, полагала бы предѣлъ расточительности. Между тѣмъ, при крѣпостномъ состояніи крестьянъ, помѣщикъ, имѣющій нормальнаго дохода, положимъ, около 5,000 р. сер., въ неурожайный годъ получалъ иногда менѣе трети — какихъ нибудь 1,500 р. — и долженъ былъ кормить 300 или 400 душъ. А по-

добныхъ годовъ бывало иногда въ течение пяти лѣтъ три. Прибавьте къ этому убѣжденіе, свойственное людямъ, не привыкшимъ расчитывать, и никогда впрочемъ не оправдывавшееся на дѣлѣ, что одинъ годъ хорошаго урожая все вознаграждаетъ, и что какъ бы ни были разстроены денежные дѣла владѣльца имѣнія, хозяйство, движущееся единственно обязательнымъ трудомъ, будетъ идти своимъ порядкомъ, — и вы получите цѣлый рядъ причинъ разоренія нашего дворянства, которыхъ общій корень крѣпостное право.

Опровергать одно за другимъ всё возраженія г. Данилова противъ статьи „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“, значило бы съ одной стороны доказывать давно признанныя всѣми истины, съ другой — далеко перейти за предѣлы настоящаго обозрѣнія. Скажемъ только, что цѣль этихъ доводовъ одна: доказать, во что бы то ни стало, необходимость, хотя относительную, обязательнаго труда. Не имѣя уже явно никакой возможности отстаивать этой мысли для цѣлаго государства, авторъ опирается на мнѣніе Тенгоборскаго, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ торговля и промышленность слабы, крестьянину удобнѣе отбывать свои повинности работой, нежели деньгами. Раздѣливъ подобныя мѣстности, обыкновенно называемыя глухими сторонами, на два вида: на хлѣбородныя, но очень удаленныя отъ торговыхъ пунктовъ, и на не хлѣбородныя и вмѣстѣ не мануфактурныя, авторъ говоритъ, что въ первыхъ хлѣбопашество, при отмигѣ обязательнаго труда, должно значительно уменьшиться въ размѣрѣ, а въ другихъ оно можетъ существовать только при этомъ условіи, и съ уничтоженіемъ его вовсе прекратится. Если бы это даже было справедливо, то кажется жалѣть не объ чемъ, такъ какъ уменьшиться при отмигѣ неестественныхъ условій можетъ только производство, искусственно развитое сверхъ должной мѣры, а уничтожиться совершенно излишнее; но мы и съ тѣмъ не согласны, такъ какъ мѣстности перваго рода съ улучшеніемъ путей сообщенія, которое мы надѣемся увидѣть въ весьма непродолжительномъ времени, перестанутъ быть глухими сторонами, а сдѣлаются житницами Россіи; въ краяхъ же, отнесенныхъ ко второму роду, гдѣ земледѣіе и теперь производится преимущественно женщинами для прокормленія ихъ самихъ, дѣтей и стариковъ, между тѣмъ какъ мужчины находятся на заработкахъ въ столицахъ, оно въ настоящемъ видѣ своемъ обусловливается не крѣпостнымъ правомъ, а необходимостью, и несмотря на уничтоженіе этого права, будетъ существовать въ томъ же видѣ.

Статья г. Клеофаса Дымши „О необходимости введенія ипотечарной системы“ заключаетъ въ себѣ, кромѣ доводовъ объ этой необходимости, въ которой всё болѣе или менѣе убѣждены, нѣкоторыя предположенія о самомъ способѣ введенія ипотеки. Для этого авторъ предлагаетъ:

1) Чтобы всё кредитныя учрежденія, правительственныя и судебныя мѣста и наконецъ частныя общества и лица въ назначенный срокъ дали знать надлежащимъ уѣзднымъ судамъ о всѣхъ числящихся на каждомъ имѣніи взыскаціяхъ и претензіяхъ, причемъ помѣщики, владѣющіе нѣсколькими имѣніями въ разныхъ уѣздахъ, должны указать, на которое изъ нихъ они желаютъ отнести обезпеченіе каждаго изъ своихъ долговъ, а если не пожелаютъ это сдѣлать, то немедленно бы уплатили долгъ.

2) Чтобы въ то же время всё помѣщики предъявили судамъ актовое право собственности, со всѣми относящимися къ нимъ нужными свѣдѣніями.

3) Чтобы судьи, заведя алфавитныя долговныя книги и внося въ нихъ полученныя свѣдѣнія, дополняли ихъ извлеченіемъ изъ дѣлъ своихъ и мѣстной гражданской палаты, внося въ эти книги выписки о всѣхъ производящихся по имѣніямъ спорахъ и тяжбахъ.

4 и 5) Чтобы впредь до составленія общей оцѣнки имѣніямъ владѣльцы не имѣли полнаго права отвѣтственной ипотеки, но получали изъ суда выписки, удостоверяющія только мѣру свободности ихъ имѣній; въ самой же капитальной цѣнности имущества частныя лица, желающія вступить въ какія либо сдѣлки съ владѣльцами, могутъ удостовѣряться сами, а казенныя мѣста и кредитныя учрежденія—принимать ее на основаніи установленныхъ правилъ.

Эти предположенія намъ кажутся совершенно соотвѣтствующими своей цѣли и вполне заслуживающими вниманія. Только введеніе ипотечарной системы можетъ положить твердое основаніе столь шаткому у насъ частному кредиту.

Въ двухъ статьяхъ своихъ „Земля въ пользованіе“ и „Назначеніе работъ по оцѣнкѣ за землю“ г. Н. Никифоровъ сначала доказываетъ, что при существовавшихъ до сихъ поръ условіяхъ хозяйства ни наемная, ни продажная цѣна земель не могутъ дать вѣрнаго понятія объ истинной цѣнности ихъ, которая можетъ быть выведена только изъ средняго дохода; потомъ, полагая, что чистый доходъ отъ хлѣбопашества можно съ нѣкоторою вѣрностью принять въ половину валоваго, такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи земли отдаются подъ обработку изъ половиннаго урожая, авторъ исчисляетъ, что помѣщичій крестьянинъ въ центральныхъ губерніяхъ, надѣленный на тягло $1\frac{1}{2}$ десят. въ ноль, $\frac{1}{4}$ десят. конопляника, 1 дес. луга и сверхъ того пользующійся выгономъ, получаетъ всего дохода съ пахатной земли 71 р. 64 коп., половина которыхъ составляетъ 35 р. 82 коп., а прибавивъ за лугъ наемной платы 3 р. 50 коп. и за выгонъ 1 р., всего 40 р. 34 коп. Принимая же во вниманіе, что къ цѣнѣ барщинныхъ работъ, которыя крестьянинъ отбываетъ за право пользованія этимъ доходомъ, слѣдуетъ прибавить стѣсненіе въ употребленіи свободныхъ дней, происходящее для него отъ необходимости работать на помѣщика въ назначенное время, авторъ считаетъ справедливымъ по примѣру Остзейскихъ губерній убавить за это одну шестую. вслѣдствіе чего изъ 40 р. 34 коп. слѣдуетъ отчислить 6 р. 62 коп., и останется 33 р. 62 коп. На основаніи этой цифры, считая мужской день

лѣтній конный въ	..	25 коп.
„ пѣшій „	.	20 „
зимній конный „	.	15 „
„ пѣшій „	.	10 „
Женскій день въ жниво „	.	20 „
лѣтній и весенній, кромѣ жнива, въ	.	10 „
зимній по короткости времени „	.	5 „

г. Никифоровъ полагаетъ справедливымъ обложить крестьянина, владѣющаго угодьями въ предположенномъ у него размѣрѣ, барщинной работой по 134 лѣтнихъ конныхъ дня, замѣняя нѣкоторое число этихъ дней пѣшими, зимними и женскими днями, соразмѣрно съ цѣнностью ихъ, такъ что выходитъ всего мужскихъ дней 120, въ томъ числѣ конныхъ 79, и женскихъ 123. Въ доказательство же справедливости своего расчета, г. Никифоровъ приводитъ нынѣ существующе-

въ Эстляндіи положеніе о барщинныхъ работахъ, исполняемыхъ крестьянами за землю, и, перевода употребляемые въ немъ размѣры угодій на руссіе, выводитъ, что отношеніе между количествомъ земли и числомъ рабочихъ дней въ немъ то-же самое.

Кромѣ нѣсколько уменьшенной оцѣнки крестьянскихъ рабочихъ дней (въ большей части мѣстностей центральной Россіи конный день въ рабочую пору стоитъ 35 коп.), расчетъ г. Никифорова кажется намъ не совсемъ вѣренъ уже и по своему главному основанію, полагающему чистый доходъ равнымъ цѣлой половинѣ валоваго. Извѣстно, что чѣмъ теплѣе климатъ, тѣмъ больше часть дохода, остающаяся на долю ренты. Въ Англіи и Франціи климатъ теплѣе, нежели въ Россіи. Но по де-Лаверню (*Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre*, 3-е изданіе. Парижъ, 1858, стр. 98) чистый доходъ составляетъ менѣ одной третьей части валоваго дохода, именно только 30%. Какимъ же образомъ у насъ можно считать его въ цѣлую половину? Одинъ изъ сотрудниковъ самого „Журнала Земле-владѣльцевъ“, г. Волковъ (Ж. З. № 12-й, отдѣленіе IV, стр. 99) находитъ, что одна только наемная плата за обработку, не считая процента и другія статьи оборотнаго капитала (т. е. не считая сѣмянъ, ремонта, амбаровъ, издержекъ по управленію) поглотитъ больше *двухъ третей* валоваго дохода: стало бытъ мы должны считать чистый доходъ менѣ чѣмъ въ одну треть валоваго. А если такъ, то расчетъ г. Никифорова совершенно измѣняется, и по его собственнымъ основаніямъ слѣдуетъ считать на крестьянинѣ вмѣсто 33 р. 82 в., только 23 р. 20 коп., или еще менѣ. Это значитъ, что и число рабочихъ надобно, по его же основаніямъ, уменьшить на третью долю. Изъ этого мы видимъ, что если увеличить крестьянскій надѣлъ, хотя до двухъ десятинъ въ полѣ, то все-таки, согласно съ замѣченою нами разницею въ цѣнѣ рабочаго дня, итогъ барщинной работы нужно уменьшить на третью часть противъ того, что кладетъ г. Никифоровъ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 10.

Изъ числа статей, помѣщенныхъ въ этомъ номерѣ, мы замѣтимъ статью г. Протасьева „Предположенія объ устройствѣ крестьянъ Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи“. За надѣлъ змлею, примѣрно по семи десятинъ на тягло, авторъ полагаетъ назначить барщинной работы 93 дня или 28 руб. сер. оброка, съ обезпеченіемъ помѣщика круговою порукою шіра, имѣющаго право принимать противъ неисправныхъ членовъ своихъ понудительныя мѣры, изъ которыхъ первая — принужденіе ихъ зарабатывать недоимочныя деньги въ свободное время, по опредѣленной таксѣ; сверхъ того авторъ считаетъ нужнымъ постановить, чтобы при рекрутскомъ наборѣ, на второй очереди послѣ штрафныхъ, состояли недоимщики, конечно за исключеніемъ тѣхъ, которые пострадали отъ какихъ нибудь несчастныхъ случаевъ: пожара, падежа скота и т. п., а совершенно неисправные отдаваемые были въ солдаты или въ распоряженіе правительства, съ продажей всего ихъ имущества на покрытіе недоимки, и чтобы отказывающіеся отъ установленной работы подвергались наказанію, какъ ослушники закона. Помѣщикамъ, по мнѣнію автора, слѣдуетъ по возможности устранять себя отъ столкновеній съ отдѣльными лицами, а стараться дѣйствовать на нихъ посредствомъ мірскаго управленія, котораго не должно безусловно подчиняться власти помѣщика, а только состоятъ подъ

его контролемъ, въ родѣ того, какъ пренеуственныя мѣста второй инстанціи подчинены начальнику губерніи; только въ важныхъ поступкахъ противъ своего лица помѣщикъ долженъ имѣть право представлять крестьянъ въ уѣздное присутственное мѣсто для отдачи въ рекруты или удаленія изъ имѣнія. Подати должны быть взыскиваемы особымъ, избраннымъ крестьянами, сборщикомъ, а помѣщикъ совершенно освобождается отъ отвѣтственности за нихъ. Въ случаѣ такого требованія ео стороны помѣщика, которое покажется крестьянину неправильнымъ, онъ можетъ обратиться въ мірское управленіе съ просьбою указать ему статью устава, на которой требованіе основано, и если статьи не окажется, то ему предоставляется жаловаться уѣздному правленію, а на опредѣленія этого присутствія апеллировать вышему начальству, но независимо отъ жалобы онъ долженъ исполнить требованіе, за неправильность котораго помѣщикъ отвѣчаетъ уплатою убытковъ втрое.

Крестьяне каждаго прихода составляютъ общество, подвѣдомственное одному мірскому или вотчинному правленію, состоящему, если въ приходѣ около 1,000 душъ, изъ трехъ, а если около 1,500, изъ пяти членовъ, избираемыхъ сходкою хозяевъ и носящихъ названіе старшинъ, которые при вступленіи въ должность приводятся къ присягѣ и изъяты на все время службы отъ рекрутства и тѣлеснаго наказанія, а жалованья получаютъ 30 руб. сер. въ годъ. Тому же правленію присвоивается и судебная власть: оно имѣетъ право подвергать крестьянъ за проступки наказанію розгами не свыше 40 ударовъ, налагать на нихъ штрафы работою или деньгами до 5 руб. и отдавать ихъ въ смирительные дома и арестантскія роты, срокомъ до 6 мѣсяцевъ. Впрочемъ дѣла, касающіяся собственно хозяйственнаго порядка, обсуживаются отдѣльно обществомъ крестьянъ каждаго помѣщика. Участіе въ дѣлахъ мірскаго управленія принадлежитъ изъ числа владѣльцевъ прихода только одному, избираемому прочими дворянами на три года и называемому помѣщикомъ-расправникомъ или вотчиннымъ начальникомъ, который утверждаетъ членовъ вотчиннаго правленія и обязанъ наблюдать за ходомъ дѣлъ, но безъ права рѣшительнаго голоса, такъ что, въ случаѣ его несогласія съ старшинами, дѣло переходитъ въ уѣздное правленіе, составляющее вторую инстанцію. Оно состоитъ изъ трехъ членовъ отъ крестьянъ, избираемыхъ на три года предварительно выбранными, по одному отъ каждаго прихода, представителями, а столькихъ же отъ дворянъ, и собирается, если нѣтъ особенно спѣшныхъ дѣлъ, разъ въ недѣлю; почему дворяне, не отвлекаясь этою службою отъ управленія своими имѣніями, могутъ служить безъ жалованья, а крестьяне получаютъ по пятидесяти руб. Если же по многочисленности дѣлъ признано будетъ нужнымъ установить ежедневныя засѣданія съ тѣмъ, чтобы члены жили въ городѣ, то дворянамъ назначается содержаніе по 500, а крестьянамъ по 120 руб. въ годъ. Въ порядкѣ судебномъ уѣздное правленіе никакому другому мѣсту не подчиняется и даетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только по требованію министерства внутреннихъ дѣлъ, по апелляціи же дѣла правленія переходятъ къ начальнику губерніи.

Дворовыхъ людей авторъ раздѣляетъ на три разряда. Къ первому относятся собственно слуги и должностные, никакому мастерству не обученные, которые могутъ быть или отпущены на волю безъ земли и безъ всякихъ ограниченій, или съ ихъ собственнаго согласія обращены въ крестьянъ. Ко второму—мастеровые, за обученіе которыхъ платилъ помѣщикъ: они должны оставаться въ обязанномъ состояніи, если помѣщикъ того пожелаетъ, пока не внесутъ уплаченной за нихъ

суммы или *соразмѣрно* съ нею выкупа; годъ службы, по выходѣ изъ ученія, зачисляется мужчинамъ за 25 руб., а женщинамъ за 15 руб. Дворовые третьяго разряда—земледѣльцы увольняются ва тѣхъ же условіяхъ, какъ крестьяне. Старики свыше 55 л. остаются на попеченіи владѣльцевъ, равно и сироты, которыхъ они обязаны стараться обучить ремесламъ безъ платежа денегъ, посредствомъ отдачи на года, съ тѣмъ, чтобы по выходѣ изъ ученія молодые люди могли приписаться въ иѣщанскіи или сельскіи общества.

Относительно всего этого мы должны замѣтить: за неуплату повинностей отдавать въ солдаты, съ продажею всего имущества, не мало ли такое наказаніе? Не лучше ли было колесовать или по крайней мѣрѣ ссылатъ въ каторгу? По мягкости сердца, мы готовы были бы согласиться на назначеніе каторги; но справедливость, какъ намъ кажется, требуетъ колесованія. Боже мой! неужели мы до сихъ поръ не совѣстимся не понимать, что по гражданскому иску уголовныя наказанія не могутъ быть назначаемы.

Для распространенія грамотности г. Протасевъ полагаетъ сначала обязать сельскихъ священниковъ принять на себя обученіе хотя двухъ мальчиковъ на каждыя 100 душъ въ приходѣ и обратить особенное вниманіе на трехъ, четырехъ изъ способнѣйшихъ съ тѣмъ, чтобы они могли со временемъ быть хорошими учительскими помощниками, а въ вознагражденіе назначить священникамъ около 60 руб. въ годъ. Авторъ не опредѣляетъ, изъ какихъ средствъ должны производиться эти расходы, но невидимому полагаетъ отнести ихъ на особый сборъ съ крестьянъ, такъ какъ далѣе онъ говоритъ, что черезъ семь или восемь лѣтъ, когда взносы крестьянъ облеγχатся, можно будетъ учредить училища въ большомъ размѣрѣ. На тотъ же источникъ повидимому предполагается отнести и расходъ по содержанию при каждомъ приходѣ богадѣльни, а въ каждомъ стану больницы: послѣдній долженъ простираться до 1,600 руб. сер. Хорошо, если все это дѣйствительно должно быть содержимо на счетъ крестьянъ. Мы, люди образованные, желаемъ просвѣтить ихъ,—такъ пусть они платятъ деньги. Кажется, прежде всего надобно бы сообразить: тяжелы или легки для нихъ повинности и подати и безъ этихъ прибавокъ.

Въ заключеніе своей статьи г. Протасевъ говоритъ, что тогда только быть крестьянъ можно будетъ считать приведенными въ удовлетворительное состояніе, когда:

- 1) въ каждомъ селѣ будетъ училище, въ которомъ всѣ безъ исключенія могутъ получать умственное и нравственное образованіе;
- 2) въ каждомъ приходѣ будетъ больница и богадѣльня;
- 3) застрахуются крестьянскія строенія отъ огня, скотъ отъ болѣзней. поля отъ града;
- 4) подъ рукою у крестьянъ будутъ фермы, гдѣ они могли бы научиться на опытѣ улучшенному хозяйству, и заведенія для обученія ремесламъ и мастерствамъ;
- 5) когда уничтожатъ кабаки, губящіе ихъ нравственно и матеріально. или по крайней мѣрѣ разрѣшатъ вольную продажу вина, которая доставитъ имъ средства безъ большихъ расходовъ удовлетворять столь сильной въ народѣ склонности къ пьянству, что она можетъ казаться врожденною. Въ доказательство пагубнаго вліянія кабаковъ можно указать на государственныхъ крестьянъ.

При всемъ нашемъ сочувствіи въ первымъ четырени желаніямъ г. Протасева,

мы однако же не можем раздѣлить мысль, выраженную въ нѣтомъ: по нашему мнѣнію, не кабакъ вреденъ, а происходящія въ продажѣ нитей злоупотребленія, и если съ отрицною откупной системы и введеніемъ вольной продажи вина онъ сдѣлается просто мѣстомъ розничной торговли хлѣбнымъ виномъ, гдѣ крестьянинъ будетъ имѣть возможность за сходную цѣну удовлетворять не страсти въ пьянству а естественной потребности сѣвернаго жителя, то пускай кабакъ продолжаетъ свое существованіе. Что же касается до упоминаемой авторомъ страсти, то она, при такомъ пониженіи цѣнъ на вино, которое даетъ возможность крестьянину употреблять его ежедневно, будетъ встрѣчаться гораздо рѣже, а при постепенномъ распространеніи въ народѣ образованія даже сдѣлается исключеніемъ.

Г. Протасьевъ, говоря о барщинной или оброчной повинности крестьянъ за занимаемую ими землю, ничего не говоритъ о выкупѣ усадебъ; вѣроятно онъ думаетъ, что при взиманіи платы за пахатную землю и полевыхъ угодья платежъ за усадьбу былъ бы двойнымъ взиманіемъ за одну дѣйность. Мы не можемъ не одобрить такого мнѣнія. Нѣкоторыя изъ его предположеній объ устройствѣ мірскаго управленія намъ кажутся довольно основательными. Тѣмъ не менѣе при этой организаціи, какъ и при всякой другой, крестьяне обрабатывающіе чужую землю не по добровольному, а по опредѣленному извѣстному договору, неминуемо будутъ поставлены въ непріязненныя отношенія къ землевладѣльцамъ; для этого не нужно ни особенныхъ притязаній со стороны помѣщика, ни большаго своеволія со стороны крестьянъ; враждебность отношеній явится необходимымъ послѣдствіемъ сложности и неопредѣленности ихъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно нѣсколько взглянуть, при разсмотрѣніи всевозможныхъ промаховъ такого рода, въ смыслъ статей, опредѣляющихъ степень зависимости мірскаго управленія крестьянъ отъ помѣщика. Единственное средство, могущее устранить эту запутанность отношеній—выкупъ земли, чрезъ посредство кредитной операціи погашеніемъ долга въ болѣе или менѣе продолжительное время, — который сразу обезпечитъ прочнымъ образомъ благосостояніе помѣщиковъ и поставитъ общину въ независимое и совершенно опредѣленное положеніе.

Къ статьѣ г. Протасьева приложено составленное имъ, по примѣненію къ мѣстнымъ условіямъ крал, урочное положеніе и дополнительная записка объ обработкѣ земли наймомъ, изъ которой видно, что наемный работникъ съ работницей, которые замѣняютъ собою два полныхъ мужскихъ и женскихъ тягла, со всѣми причитающимися расходами на содержаніе и ремонтъ лошадей, орудій, строеній и пр. будутъ стоить помѣщику 88 р. сер.; при поденномъ же наймѣ обработка полевой десятины съ обмолотомъ хлѣба и доставкой на пристань, принимая въ кругломъ счетѣ и паровую десятину, обойдется въ 5 р. 14 к., а уборка луговой въ 1 р. 60 к.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 11.

Статья г. П. Сумарокова „Данныя для поземельнаго кредита въ хлѣбородныхъ губерніяхъ Россіи“, въ числѣ разныхъ свѣдѣній объ иностранныхъ и русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, заключаетъ въ себѣ весьма любопытную таблицу курса закладныхъ листовъ, выданныхъ обществами Силезскимъ, Бранденбургскимъ, Померанскимъ, Западной Пруссіи, Восточной Пруссіи и Познанскимъ, съ 1807 по 1848 годъ. Изложивъ вообще недостатки нашей системы поземельнаго кредита,

авторъ обращается къ вопросу о выкупѣ крестьянской земли и указываетъ на удобства, представляемыя лучшею организаціею кредита, для пріобрѣтенія крестьянами, съ весьма незначительными чистыми деньгами, участковъ, достаточныхъ для обезпеченія ихъ благосостоянія.

Изъ другихъ статей этого нумера замѣтныя статью „По крестьянскому вопросу“, князя Шаховскаго. Авторъ, выразивъ свое полное сочувствіе въ мысли о выкупѣ земель, находящихся во владѣніи крестьянъ, въ собственность ихъ, съ немедленнымъ освобожденіемъ ихъ отъ власти помѣщиковъ, изъявляетъ сохвѣніе въ томъ, чтобы они, при многолѣтней привычкѣ въ постоянному за ними наблюденію и при недостаткѣ энергии, произведенной въ нихъ крѣпостнымъ состояніемъ, были способны настолько усвоить себѣ свое новое положеніе, чтобы, ведя свое хозяйство совершенно самостоятельно, безнедоимочно уплачивать проценты и капиталъ лежащаго на нихъ за выкупленную землю долга. Для избѣжанія недоимокъ и доставленія имъ возможности пріобрѣтать самостоятельность по мѣрѣ развитія въ нихъ трудолюбія и надлежащей расчетливости, князь Шаховской полагаетъ: оцѣнить всѣ состоящія въ пользованіи крестьянъ земли и угодья и составить подробную таксу на всѣ полевые работы, обложить сначала каждое тягло барщинными работами въ такомъ размѣрѣ, чтобы стоимость ихъ, считая не по днямъ, а по обработанной землѣ, составила на цѣнность состоящей въ пользованіи тягла земли семь процентовъ. Изъ числа этихъ семи процентовъ авторъ полагаетъ шесть собственно въ доходъ помѣщика, какъ нормальный размѣръ нынѣ получаемаго дохода съ населенныхъ имѣній, и одинъ на составленіе выкупнаго капитала. За работы, составляющія сѣдьмой процентъ, помѣщикъ обязанъ вносить приходящуюся сумму въ губернское присутственное мѣсто, которое будетъ учреждено для завѣдыванія крестьянскимъ дѣломъ. Между тѣмъ крестьянамъ должно быть объявлено что кто изъ нихъ желаетъ освободиться отъ барщинной работы, тотъ долженъ въ 1 марта внести сполна, впередъ за годъ, оброкъ, равный цѣнности причитающихся съ него работъ. Съ переходомъ на оброкъ соединяются всѣ права свободного состоянія; только за накопленіе значительной недоимки крестьянинъ опять переводится на барщину. Естественно, что первые воспользуются этимъ предложеніемъ самые зажиточные между крестьянами; но затѣмъ и другіе, побуждаемые ихъ примѣромъ, будутъ стараться также освободиться отъ барщины; а для того, чтобы въ имѣніяхъ, гдѣ много зажиточныхъ крестьянъ, отъ внезапнаго перехода слишкомъ большаго числа тяголъ на оброкъ, не произошло затрудненія въ работахъ, предоставляется помѣщику право перечислять съ каждымъ годомъ на оброкъ не болѣе одной двѣнадцатой полнаго числа: такимъ образомъ авторъ надѣется, что въ нѣсколько лѣтъ большая часть тяголъ перейдутъ на оброкъ, на барщинѣ же останутся только самые бѣдные и неспособные, но и тѣ, постоянно побуждаемые желаніемъ освободиться отъ нея, наконецъ найдутъ средства достигнуть этого. Изъ оброка, такъ же какъ изъ цѣны работъ, помѣщикъ обязуется вносить сѣдьмую часть на составленіе выкупнаго капитала, и изъ этихъ ежегодныхъ взносовъ, составляющихъ одинъ процентъ съ цѣнности всѣхъ крестьянскихъ земель, будутъ составляться значительныя суммы. Губернское мѣсто, завѣдывающее ими, будетъ ежегодно вызывать желающихъ къ полученію капитальной суммы. Если явится желающихъ больше противъ количества собранныхъ денегъ, то преимущество отдается тому, кто сдѣлаетъ противъ оцѣнки большую уступку. Получившій сполна

всю оцѣночную сумму теряетъ всякое право на крестьянъ и земли ихъ, а они продолжаютъ платить по прежнему до окончательнаго выкупа всѣхъ земель въ губерніи. Не разобранныя владѣльцами деньги могутъ быть отдаваемы для приращенія процентами въ Опекунскій Совѣтъ. При самыхъ благопріятныхъ для этого денежнаго оборота условіяхъ, то есть если вносимыя на выкупъ суммы будутъ каждый годъ разбираться, всѣ крестьянскія земли могутъ быть выкуплены черезъ 33 года, а при самыхъ худшихъ, предполагая приращеніе 3-мъ процентами, въ 47 лѣтъ. 4-мя въ 41 годъ. По окончаніи этого срока останутся невыкупленными только тѣ земли, которыхъ владѣльцы не захотятъ ихъ продать. Крестьяне такихъ имѣній могутъ или положить составившійся для нихъ капиталъ въ кредитное учрежденіе, тогда проценты будутъ почти достаточны для уплаты владѣльцу ренты, а при болѣе выгодномъ употребленіи даже превзойдутъ ее, или купить земли въ другомъ мѣстѣ и перейти на нихъ, причемъ имѣютъ право перенести съ собою всѣ свои постройки.

Если бы мы раздѣляли съ княземъ Шаховскимъ его недовѣріе къ практическимъ способностямъ русскаго крестьянина и если бы считали возможнымъ растягивать существованіе барщины и обременительныхъ уплатъ за выкупъ на 33 или болѣе года, то можетъ быть и нашли бы въ его проэктѣ какія нибудь стороны преимущества передъ нѣкоторыми другими проэкетами подобнаго рода; но и въ этомъ случаѣ мы признали бы необходимымъ сдѣлать уступку этихъ земель, за уплату стоимости ихъ по оцѣнкѣ изъ крестьянскаго капитала, обязательною для помѣщиковъ, такъ какъ крестьяне, выплативъ эту сумму деньгами или работою и сверхъ того платя столько лѣтъ на нее обременительный процентъ, неоспоримо приобрѣтаютъ право на воздѣлываемую ими землю, тѣмъ болѣе, что къ истеченію выкупнаго срока цѣны на землю должны значительно возвыситься, вслѣдствіе чего крестьяне съ своимъ капиталомъ не будутъ въ состояніи приобрѣсти тогда такое количество земли, какъ нынѣ, и сочтутъ себя (впрочемъ весьма справедливо) обиженными противъ сосѣдей.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 12.

Статья г. Селиванова „Объ усадьбахъ“. Авторъ начинается исчисленіемъ различныхъ неудобствъ, могущихъ оказаться при отводѣ усадебъ и полевыхъ земель крестьянамъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ домъ помѣщика и всѣ хозяйственныя строенія его находятся посреди деревни. До сихъ поръ, говоритъ г. Селивановъ, три поля, принадлежація крестьянамъ, располагались около деревни такимъ образомъ, чтобы къ каждому изъ нихъ можно было проѣхать, не переѣзжая другаго, и чтобы, во время нахождения его въ пару, скотъ могъ быть прогоняемъ безъ потравы другихъ полей. Но земли ближайнія къ деревнѣ, будучи ежегодно лучше другихъ удобряемы, приобрѣли большую цѣнность, и потому нельзя ожидать, чтобы помѣщикъ нашелъ возможнымъ эти земли отдать крестьянамъ, а вѣроятно будутъ отдѣлены имъ другія, болѣе отдаленныя. Такимъ образомъ не только уничтожится прежнее удобство особаго проѣзда къ каждому полю, но еще усадьбы крестьянъ будутъ отдѣляться отъ выдѣленныхъ имъ полевыхъ земель землями помѣщика, по которымъ они должны будутъ ежедневно и сами проѣзжать и прогонять скотъ.

Сверхъ того при слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ лицъ, ведущихъ совершенно различный образъ жизни, могутъ непрерывно отъ всевозможныхъ мелочей встрѣчаться поводы къ столкновешямъ, имѣющимъ чисто личный характеръ. Для избѣжанія этихъ неудобствъ авторъ предлагаетъ, чтобы въ подобныхъ имѣншихъ помѣщику предоставлено было право отвести крестьянамъ мѣсто для усадебъ внѣ деревни, гдѣ окажется удобнѣе, и непремѣнно къ тѣмъ полямъ, которыя будутъ отведены имъ въ пользованіе, — но за то безъ всякаго вознагражденія и съ принятіемъ на его счетъ всѣхъ издержекъ по переселенію. Принятіе этого пожертвованія, гдѣ помѣщикъ пожелаетъ его сдѣлать, авторъ полагаетъ признать для крестьянъ обязательнымъ, а самый выборъ мѣстъ предоставить добровольному соглашенію.

Мы должны едѣвать объ этомъ слѣдующія замѣчанія. Если слишкомъ близкое сосѣдство помѣщицкѣй усадьбы съ крестьянскими окажется для кого нибудь неудобнымъ, когда крестьяне будутъ освобождены, недовольному сосѣдствомъ будетъ полная воля переселяться куда ему угодно; разумѣтся, если онъ захочетъ, онъ будетъ имѣть полное право испытывать и другое средство: онъ можетъ убѣждать неприятныхъ ему сосѣдей переселиться отъ него, — разумѣтся, тутъ будетъ уже полюбовная сдѣлка, которая тогда будетъ дѣйствительно добровольною, — качество, котораго не имѣла бы она при переселеніи крестьянъ до освобожденія. Во всякомъ случаѣ, мы не находимъ, чтобы въ предполагаемой безденежной уступкѣ крестьянамъ мѣстъ для усадебъ заключалось дѣйствительное пожертвованіе, потому что помѣщикъ, взаимѣвъ приходившагося ему вознагражденія, которое за какія нибудь 1,400—1,600 кв. саж. полевой земля не можетъ быть слишкомъ значительно, прибрѣтаетъ не только старую селитьбу, составляющую нѣсколько десятинъ превосходно удобренной земли, которая стоитъ въ пять или шесть разъ дороже, чѣмъ такой же участокъ въ другомъ мѣстѣ, но еще сверхъ того лучшія изъ крестьянскихъ полей. Въ имѣншихъ, расположенныхъ такимъ образомъ, какъ описываетъ г. Селивановъ, обыкновенно принимаютъ къ селенію съ одной стороны господскія, съ другой крестьянскія поля, и потому намъ казалось бы что черезполосности тутъ еще нѣтъ. Невыгодность предполагаемаго авторомъ обмѣна видна уже и изъ того, что онъ предлагаетъ сдѣлать принятіе его для крестьянъ обязательнымъ. Вообще переселеніе крестьянъ съ воздѣланныхъ или мѣстъ на невоздѣланныя мы полагали бы допустить не иначе, какъ по освобожденіи крестьянъ. Если же дѣлать переселеніе принудительнымъ для крестьянъ при самомъ освобожденіи, крестьянскія хозяйства разстроится отъ принужденнаго переселенія.

Г. Башкатова „Предположенія о будущемъ устройствѣ помѣщицкихъ крестьянъ въ губерніяхъ хлѣбородныхъ и густо населенныхъ“. Авторъ находитъ, что для сохраненія хорошихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами надобно, чтобы они были какъ можно менѣе связаны неувеселеннымъ образомъ, и потому полагаетъ развязать настоящія отношенія ихъ способомъ простымъ, но невозможнымъ въ исполненіи, по своему рѣшительному несогласію съ національными обычаями и всѣмъ бытомъ нашимъ; а именно, онъ полагаетъ: надѣлать крестьянъ на душу такимъ количествомъ земли, которое бы вмѣстѣ съ усадебною составило на душу цѣнность въ 50 р. сер.; немедленно заложить эту землю на 33 года въ кредитномъ учрежденіи въ полную цѣну и удовлетворить за нее помѣщика, обязавъ крестьянъ уплачивать проценты и погашать долгъ; перевести ихъ на новыя мѣста,

гдѣ окажется нужнымъ, съ пособіемъ отъ владѣльца по назначенію комитета, и затѣмъ прекратить всѣ обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами. При этомъ авторъ полагаетъ цѣнить старую усадебную землю, гдѣ она останется за крестьянами, 50 процентами дороже полевой, и надѣется, что переходъ ихъ въ новое положеніе могъ бы быть совершенно оконченъ въ три года. Но если выкупается полевая земля, то за усадьбы уже не должно полагать еще особенной платы: вѣдь онѣ собственно не приносятъ никакого дохода помѣщику отдѣльно отъ земли, да и сами по себѣ не имѣютъ для него никакой продажной цѣнности. Сверхъ того, если надѣлъ по 50 р. на душу предполагается авторомъ менѣе настоящаго надѣла, такое освобожденіе было бы для крестьянъ хуже крѣпостнаго права; отбирать у крестьянъ часть той земли, которою они теперь пользуются, значило бы не улучшать, а сдѣлать худшимъ прежняго ихъ бытъ. Но бытъ можетъ авторъ полагаетъ, что и за настоящей надѣлъ вмѣстѣ съ усадьбами не надобно полагать болѣе 50 р. на душу? Если такъ, онъ дѣйствительно желаетъ пользы крестьянамъ, да и самимъ помѣщикамъ, которые останутся сами въ убыткѣ, если освобожденіе станетъ производиться невыгоднымъ для крестьянъ образомъ. Что касается его мысли о необходимости развязать всякія обязательныя отношенія между помѣщикомъ и крестьянами, этотъ взглядъ есть единственный справедливый и практичный взглядъ.

Статья г. С. Волкова „Объ отдачѣ земель въ аренду и о вольнонаемномъ трудѣ“ начинается весьма справедливыми соображеніями о невыгодахъ барщины, на которой, по мнѣнію автора, ежедневно пропадаетъ по крайней мѣрѣ четвертая часть употребляемыхъ на хлѣбопашество рабочихъ силъ, что составляетъ въ годъ ничѣмъ не вознаграждаемаго убытка до 28.600,000 р. сер. Затѣмъ авторъ исчисляетъ неудобства, могущія встрѣтиться при отдачѣ земель крестьянамъ въ аренду: изъ нихъ главное, по его мнѣнію, и служащее корнемъ всѣмъ прочимъ, есть отдаленность полей, нынѣ составляющихъ запашку помѣщика, отъ крестьянскихъ дворовъ, вслѣдствіе которой крестьяне не будутъ имѣть возможности уваживать ихъ, и земли, истощаемыя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, совершенно потеряютъ цѣну. Что же касается до обработки наймомъ, то она, по мнѣнію г. Волкова, не для всѣхъ возможна, потому что требуетъ затраты значительныхъ капиталовъ и независимо отъ того поглотитъ двѣ трети валоваго дохода, до 25 р. сер. съ десятины, — цѣна до такой степени огромная, что она можетъ относиться развѣ только къ самымъ промышленнымъ уѣздамъ Московской губерши. По всѣмъ этимъ причинамъ авторъ полагаетъ, что самымъ выгоднымъ способомъ хозяйства какъ для Московской губерши, такъ и для всего сѣвернаго края, слѣдуетъ признать половщину, или половничество, между прочимъ и потому, что при этой организаціи сельскаго труда работникъ, который долженъ получить половину урожая, имѣетъ прямой интересъ трудиться добросовѣстно. Стоимость этого способа обработки для землевладѣльца та же, что при наемной обработкѣ, такъ какъ кромѣ земли онъ даетъ и удобреніе; но за то онъ избавляется отъ большой части предварительныхъ расходовъ. Впрочемъ авторъ сознается, что въ настоящее время еще нѣтъ возможности безошибочно судить, какъ о стоимости наемной обработки вообще, такъ и о томъ, что будетъ выгоднѣе: содержаніе ли постоенныхъ батраковъ или наемъ поденщиковъ.

Половничество — система вовсе несправедливая въ нашихъ сѣверныхъ зем-

ляхъ; оно обременительно даже и въ Южной Франціи. У насъ чистый доходъ, какъ мы уже замѣчали, едва ли составляетъ и 30 процентовъ валоваго дохода. Какъ бы то ни было, въ промышленныхъ и сильно населенныхъ губерніяхъ, какъковы Московская, Владимірская и Ярославская, половничество, по нашему мнѣнію, можетъ быть только скоро переходящимъ фазисомъ сельскаго хозяйства, какъ бы переходомъ отъ обязательнаго труда къ совершеннѣйшимъ формамъ земледѣлія. Мы не сомнѣваемся, что съ измѣненіемъ условій сельскаго быта капитала, до сихъ поръ никогда почти не обращавшіеся у насъ къ хозяйству, въ числѣ другихъ путей исхода направятся и на этотъ, одинъ изъ самыхъ выгодныхъ; по самому признанію г. Волкова суммы, употребленныя имъ на хозяйственныя улучшения, приносятъ ему 15 процентовъ. Тогда указываемое авторомъ затрудненіе къ успѣшному арендованію крестьянами земель—отдаленность помѣщичьихъ полей отъ деревень уничтожится устройствомъ среди самыхъ отдаваемыхъ въ аренду земель нужнаго числа отдѣльныхъ дворовъ или фермъ, которыя конечно не останутся безъ съемщиковъ; съ другой стороны и самая обработка обширныхъ дачъ наймомъ, со введеніемъ улучшенныхъ способовъ хозяйства и при существующихъ уже теперь высокихъ цѣнахъ на всѣ естественныя произведенія, распространится повсемѣстно и будетъ, приносить значительныя выгоды предприимчивымъ капиталистамъ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 13-я.

Г. И. Сабурова „Соображенія, касающіяся до улучшенія быта крестьянъ“. Изъ этихъ соображеній мы узнали, что комитетамъ невозможно будетъ отчетливо окончить свое дѣло безъ точнаго объясненія того хозяйственнаго положенія, въ которомъ находятся помѣщики и крестьяне; что дворянство не должно считать этого дѣла легкимъ; что оно повсемѣстно будетъ имѣть самое сильное вліяніе на земледѣліе, и нѣсколько другихъ столь же несомнѣнныхъ истинъ. Изъ мыслей, не принадлежащихъ къ этому разряду, мы замѣтили одну, также весьма справедливую, что крѣпостное право, въ отношеніи къ земледѣльческимъ имѣніямъ, тягостно не столько по юридическому, политическому и хозяйственному своему значенію, сколько по тѣмъ злоупотребленіямъ, которымъ оно служитъ опорой. Дѣйствительно по злоупотребленіямъ крѣпостное право нерѣдко составляло зло рѣшительно *невыносимое*; а тамъ, гдѣ они не доходили до высшей степени, *могло* быть вынесено, что самымъ очевиднымъ образомъ доказывается огромнымъ числомъ людей, его выносившихъ.

Статья г. Н. Волкова „Соображенія объ устройствѣ крестьянъ въ Черниговской губерніи“. Эта статья начинается изображеніемъ, и должно отдать автору справедливость, весьма вѣрнымъ, безчисленныхъ неудобствъ и затрудненій, сопряженныхъ съ барщинною организаціей сельскаго труда во время переходнаго состоянія. „Положимъ, говоритъ авторъ, — крестьянинъ дурно пашетъ, не ровно сѣетъ, высоко коситъ, и т. д., — нужно тотчасъ бѣжать въ присутствіе, звать члена; иначе черезъ нѣсколько часовъ не будетъ уже никакой возможности поправить дѣло и взыскать съ виновнаго. Явится членъ, крестьянинъ станетъ оправдываться, отпѣкиваться, сваливать вину на другаго и т. д. Что тогда дѣлать?“ Если допустить безконтрольное право взыскивать по жалобѣ помѣщиковъ—это значитъ оста-

вить крестьянъ въ прежней или еще худшей зависимости; если же члены правленія будутъ находиться подъ вліяніемъ крестьянъ, помѣщикъ не только лишится всего, предоставленнаго ему по новому положенію, дохода, но постоянно будетъ играть жалкую и смѣшную роль человѣка, не получающаго удовлетворенія на свои справедливыя жалобы. Наконецъ, предположивъ даже невозможное, составъ присутствія изъ членовъ совершенно добросовѣстныхъ, какіи же взысканія установить за дурно исполненныя рабочіе уроки? Тѣлесное наказаніе можетъ быть допущено только за уголовныя преступленія по суду, а примѣнять его въ упущеніямъ въ исполненіи обязательной работы безчеловѣчно, безнравственно и несовременно. Денежный штрафъ также непримѣнимъ: у большей части крестьянъ, особенно у нерадивыхъ, нѣтъ гроша за душой. Объ арестѣ даже и говорить смѣшно: какого размѣра нуженъ былъ бы домъ, чтобы ввести систему одиночнаго заключенія? А ввести нужно было бы именно эту систему, иначе лѣнныя крестьяне будутъ стараться попасть подъ арестъ. Послѣдній способъ наказанія—принужденіе за дурно исполненную работу отработать лишнее число дней, надавалъ бы помѣщикамъ, при неизбѣжномъ вліяніи ихъ на присутствіе, столько штрафныхъ дней, что число ихъ далеко превзошло бы размѣръ трехдневной барщины, слѣдовательно улучшеніе быта крестьянъ осталось бы одною мечтой.

Единственнымъ средствомъ къ избѣжанію такихъ ложныхъ и неестественныхъ отношеній авторъ признаетъ выкупъ и, переходя къ опредѣленію слѣдующаго помѣщикамъ вознагражденія, говоритъ, что безразсудно было бы требовать уплаты, соразмѣрной съ количествомъ получавшагося, при крѣпостномъ правѣ я злоупотребленій его, дохода отъ имѣній, и потому расчетъ слѣдуетъ дѣлать единственно на основаніи продажной стоимости ихъ. Для примѣра г. Волковъ беретъ имѣніе въ 100 ревизскихъ душъ, съ 450 десятинами земли, которое, по настоящимъ среднимъ цѣнамъ—240 рубл. сер. за душу, стоитъ 24,000 рубл.; если въ этомъ имѣніи надѣлать крестьянъ по $1\frac{1}{2}$ десят. на душу, то у помѣщика останется 300 десят., цѣною по 40 руб., всего на 12,000 рубл., слѣдовательно, чтобы быть вознагражденнымъ за понесенную имъ потерю, онъ долженъ получить 12,000 рубл. или по 120 рубл. за ревизскую душу, вмѣсто которыхъ правительство можетъ выдать четырехпроцентныя облигаціи по 125 рубл. сер., съ погашеніемъ ихъ крестьянами по банковому расчету и съ выдачею капитала по тиражу. Для ускоренія уплаты авторъ полагаетъ даже на первое время употреблять на нее капиталы, взнесенные въ кредитныя установленія съ благотворительными цѣлями, и всѣ дворянскія суммы, съ возвратомъ израсходованныхъ денегъ изъ поступающаго съ крестьянъ сбора,—и сверхъ того предоставить помѣщикамъ облигаціями вносить установленный въ привилегированныхъ губерніяхъ акцизъ за винокуреше, и платить за работу крестьянамъ, для чего долженъ быть установленъ размѣръ облигацій на извѣстное число контрмарокъ.

Насколько вѣрна, по нашему мнѣнію, начертанная г. Н. Волковымъ картина затрудненій и безпорядковъ, сопряженныхъ съ барщиною во время срочно-обязаннаго состоянія, настолько же пристрастнымъ кажется намъ расчетъ вознагражденія помѣщикамъ. Хотя авторъ и говоритъ, что это вознагражденіе должно быть соображено не съ получаемыми при крѣпостномъ правѣ доходами, а съ продажною цѣною имѣній, но на чемъ основана эта продажная цѣна, если не на получавшихся до сихъ поръ доходахъ? Въ приведенномъ здѣсь примѣрѣ, владѣлецъ 450 дес..

стоящих по словамъ самого автора по 40 р. сер. за дес., за отходщій отъ него 150 дес. долженъ бы былъ получить, по цѣнности земли, не 12,000 р., какъ разсчитываетъ г. Волковъ, а 6,000 р. сер., съ нѣкоторою прибавкою за усадебныя земли, если только онѣ не заключаются въ предположенномъ надѣлѣ $1\frac{1}{2}$ дес. на душу, остальные же 6,000 р. составили бы выкупъ личности крестьянъ, котораго въ настоящее время перестали требовать и самые настойчивые приверженцы вѣрнопостнаго права. Притомъ и самый надѣлъ по $1\frac{1}{2}$ две. на душу, слѣдовательно $3\frac{3}{4}$ дес. примѣрно на тягло, слишкомъ малъ, чтобы обезпечить надлежащимъ образомъ не только благосостояніе крестьянъ, но и платежъ по 6 р. 25 коп. съ души, составляющій 5% на сумму, вдвое большую противъ цѣнности отведенныхъ имъ угодій. Что же касается до предположеній автора о платежѣ виннаго акциза въ казну облигациями и задѣльной платы крестьянамъ контриарками, то первое, кажется намъ, могло бы быть принято, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями и, въ особенности при повсемѣстной отмѣнѣ откупной системы, значительно бы ускорило непосредственное удовлетвореніе помѣщиковъ, а второе едва ли оказалось бы удобнымъ на практикѣ, по самому неудобству примѣненія къ мелкимъ суммамъ процентнаго разсчета, составляющаго главное условіе обращенія всякаго рода облигаций.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 14 - я.

А. Потулова „Общая формула для оцѣнки поземельныхъ угодій и крестьянскихъ повинностей“. Основною единицею, для опредѣленія поземельнаго дохода, авторъ принимаетъ доходъ съ десятины, засѣянной рожью, и сравнительно съ нимъ опредѣляетъ цѣнность сѣнокосовъ, вагоновъ, усадебной и огородной земли.

Отношеніе этихъ цѣнностей, также и цѣнности урожая яроваго хлѣба къ доходу отъ ржи, зависитъ отъ мѣстности имѣнія и отъ мѣстныхъ промысловъ, и авторъ, по разнообразію этихъ условій, раздѣляетъ имѣнія: во-первыхъ, на исключительно земледѣльческія, земледѣльческія и промышленныя; во-вторыхъ, на подгороднія, близгороднія и дальнія; и затѣмъ еще подраздѣляетъ промышленныя имѣнія на тавія, въ которыхъ крестьяне занимаютъ промыслами дома или по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ мѣстностяхъ, и такія, изъ которыхъ они для промысловъ отлучаются въ дальнія мѣста и на продолжительные сроки. Для каждаго изъ этихъ разрядовъ г. Потуловъ полагаетъ особую норму отношенія дохода отъ земель, состоящихъ подъ усадьбами, лугами и проч., къ доходу отъ ржи. Основная идея автора относительно оцѣнки усадебъ состоитъ въ томъ, что отъ какихъ бы промысловъ или занятій крестьянинъ ни получалъ свой доходъ, его всеже слѣдуетъ считать поземельнымъ доходомъ, такъ какъ полученіе его обуславливается владѣніемъ землею, или по крайней мѣрѣ усадьбою, а потому и часть, приходящая на долю помѣщика, должна быть принимаема за доходъ отъ земли. Какъ на самый яркій примѣръ осуществленія этой идеи, авторъ указываетъ на нѣкоторые имѣнія въ промышленныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне вовсе не занимаютъ земледѣліемъ, но живутъ весьма зажиточно, платя по 10, по 15 и болѣе рублей оброка съ тягла, такъ что, по получаемому съ него помѣщикомъ доходу, полудесятинный участокъ усадебной земли стоитъ отъ 400 до 600 руб. сер. Въ такихъ имѣніяхъ, считая валовой доходъ съ полудесятины ржи въ 10 рубл., ренту рав-

ною $\frac{1}{2}$ этой сунны—3 р. 33 к. сер., а оброкъ съ тягла въ 20 рубл., по расчету г. Потулова, доходъ съ усадебной земли въ 6 разъ болѣе получаемого отъ ржи—высшая мѣра этого дохода. Напротивъ въ селеніяхъ исключительно земледѣльческихъ и притомъ отдаленныхъ отъ городовъ, доходъ съ усадебной земли принимается только въ полтора раза противъ дохода отъ ржи, а остальные разряды селеній находятся между двумя крайностями.

Обращаясь затѣмъ въ распредѣленію валоваго дохода между владѣльцами въ крестьянами, авторъ говоритъ, что самой справедливой нормы для него надобно искать въ мѣстномъ обычаѣ относительно найма земель, съ нѣкоторымъ пониженіемъ цѣны въ пользу крестьянъ, платящихъ ренту деньгами. Такимъ образомъ въ мѣстностяхъ, гдѣ наемщики обрабатываютъ землю за $\frac{1}{8}$ произведеній, крестьяне должны быть обложены оброкомъ въ $\frac{4}{7}$ (не много менѣе $\frac{2}{3}$) получаемого ими дохода, а гдѣ наемщики отдають половину урожая, оброкъ долженъ быть $\frac{3}{7}$ (нѣсколько менѣе $\frac{1}{2}$).

Чтобы лучше объяснить примѣненіе этихъ положеній, авторъ беретъ въ примѣръ промышленное имѣніе въ оверстностяхъ Петербурга, гдѣ, по его мнѣнію, доходъ съ усадебной земли въ 6 разъ болѣе получаемого отъ ржи, отъ яроваго поля равенъ ему, а съ луга и выгона составляетъ $\frac{3}{4}$ его; крестьяне надѣлены $\frac{1}{2}$ дес. земли подъ усадьбами, 1 дес. въ важдонъ полѣ, и $\frac{1}{2}$ дес. луга съ выгономъ,—всего 5 дес. Урожай ржи, за исключеніемъ сѣмянъ по три четверти съ десятины, а цѣна ржи 4 руб. 50 коп., слѣдовательно доходъ съ ржаной десятины 14 руб., оброкъ съ тягловои земли предположенъ въ $\frac{1}{2}$ валоваго дохода.

Валовой доходъ съ тягловаго участка:

Съ $\frac{1}{2}$ дес. усадебной и огородной земли	42 р.
„ десятины ржи	14 „
„ десятины яроваго	14 „
„ $\frac{1}{2}$ десятины луга и выгона	15 „ 75 к.
Итого	85 р. 75 к.
Оброкъ съ тягла	28 р. 60 к.

Для опредѣленія стоимости исполняемыхъ крестьянами земледѣльческихъ работъ, авторъ предполагаетъ, что хотя она въ дѣйствительности менѣе дохода, получаемого отъ тягловои земли, но ее слѣдуетъ считать равною этому доходу, съ тѣмъ, чтобы крестьяне имѣли копѣйку на черный день и работали на помѣщика не по точному расчету стоимости работъ, а нѣсколькими процентами вынѣ; при этомъ условіи, по мнѣнію автора, трудъ ихъ во время переходнаго состоянія не будетъ ниже свободнаго труда. Согласно съ этимъ положеніемъ, г. Потуловъ считаетъ, что санал справедливая цѣна рабочаго дня получится, если цифру валоваго дохода, получаемого крестьяниномъ отъ тягловаго участка, раздѣлить на все число рабочихъ дней, необходимое ему для исполненія какъ барщинныхъ, такъ и своихъ домашнихъ работъ.

Мы не видимъ, къ чему бы послужило на практикѣ предположеніе автора объ опредѣленіи дохода съ каждаго рода земель по сравненію съ доходами отъ земли, находящейся подъ рожью, такъ какъ эти доходы могутъ быть всего лучше опредѣлены дѣйствительною цѣнностью средняго урожая; принятіе же особой, неизмѣнной формулы для каждаго рода имѣній невозможно, по безконечному разно-

образію мѣстныхъ хозяйственныхъ условій, и по невозможности провести опредѣленную черту раздѣла, напр. между илѣвными, исключительно земледѣльческими, и просто земледѣльческими, слѣдовательно заключающими въ себѣ нѣкоторые начатки промышленности, и между этими илѣвными и промышленными. Что же касается до огромной цѣнности земель тамъ, гдѣ крестьяне хлѣбопашествомъ вовсе не занимаются, основанной на получаемыхъ ими промысловыхъ выгодахъ отъ усадебъ, то эту цѣнность мы признаемъ дѣйствительно только въ такомъ случаѣ, если будетъ доказано, что посторонніе наемщики дали бы за эти усадьбы плату, равную получаемому отъ крестьянъ оброку, и притомъ эта плата приходилась бы не за возведенныя крестьянами, большею частію на свой счетъ, строенія, а собственно за мѣстныя выгоды. Если же оброкъ много превышаетъ могущую получиться съ постороннихъ наемщиковъ плату, то онъ есть налогъ на промышленныя способности крѣпостныхъ людей, подобный взыскиваемому нѣкоторыми помѣщиками оброку, по 100 и болѣе рублей серебромъ, съ особенно даровитыхъ крестьянъ или дворовыхъ людей, занимающихся ремеслами или торговлею въ столицѣ, ничего не получающихъ отъ своего владѣльца кромѣ освобожденія отъ полевыхъ или домашнихъ работъ, развѣ только обученныхъ ремеслу на его иждивеніи, и то большею частію посредствомъ отдачи на года, слѣдовательно почти бесплатно. Подобный оброкъ вовсе не можетъ быть принимаемъ въ соображеніе при опредѣленіи цѣнности крестьянскихъ угодій.

Способъ, придуманный авторомъ, для опредѣленія цѣнности рабочаго дня посредствомъ раздѣленія получаемого крестьянами дохода на сумму барщинныхъ и домашнихъ рабочихъ дней, намъ кажется весьма неудобнымъ, потому что домашнія работы крестьянъ исполняются кромѣ тягловыхъ людей и полурабочими, а при нѣсколько усиленной барщинѣ, почти исключительно лежатъ на полурабочихъ, которыхъ отношеніе къ числу тяглы во дворѣ совершенно случайное: такимъ образомъ въ одномъ дворѣ оказалось бы одно число рабочихъ дней, а въ другомъ совершенно иное.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Благопріятна ли для личной свободы теорія *laissez faire, laissez passer*? — Можетъ ли государство, если бы и захотѣло, не имѣть чрезвычайно сильнаго вліянія на экономическую дѣятельность частнаго лица?—При какихъ условіяхъ прямое вмѣшательство законодательства въ экономическія отношенія бываетъ полезно для личной свободы.

Мы бесѣдовали съ экономистами отсталой школы о ихъ философскихъ предубѣжденіяхъ противъ общиннаго владѣнія; теперь побесѣдуемъ съ ними о тѣхъ предубѣжденіяхъ, которыя проистекаютъ изъ основнаго принципа ихъ собственно экономической теоріи. Принципомъ этимъ служитъ, какъ извѣстно, знаменитый девизъ: „невмѣшательство государства, полнѣйшая свобода частной дѣятельности“. Они утверждаютъ, что, кто желаетъ прямого участія законодательства въ опредѣленіи эвономическихъ отношеній, тотъ отдаетъ личность въ жертву деспотизму общества. Мы постараемся показать, что ихъ собственная теорія именно и ведетъ къ этому, а потомъ изложимъ тѣ понятія объ отношеніяхъ государства къ экономической дѣятельности, которыя кажутся намъ болѣе благопріятными для личной свободы индивидуума и болѣе справедливыми.

Эта статья раздѣляется на двѣ половины. Въ первой мы бесѣдуемъ съ экономистами отсталой школы, пробуемъ принять ихъ теорію и смотримъ, къ чему она ведетъ. Убѣдившись въ томъ, что эта теорія повертывается рѣшительно въ невыгоду для личности, ищемъ для личности гарантій, болѣе практичныхъ и вѣрныхъ.

Счастливы люди, у вторыхъ есть „абсолютный принципъ“. Имъ не нужно ни наблюдать фактовъ, ни думать: у нихъ заранѣе готово лекарство для всякой болѣзни, и для всякой болѣзни одно и то же лекарство, какъ у знаменитаго доктора, каждому пациенту говорившаго: „принять слабительнаго и поставить клистиръ“, *purgare et clystirizare*. Иванъ сломилъ ногу, — дать ему слабительнаго, поставить клистиръ, онъ будетъ здоровъ, — другихъ средствъ не нужно. У Петра обнаружилась золотуха, — все-таки другихъ средствъ не нужно, пусть принимаетъ слабительное и ставитъ клистиръ, тоже выздоровѣетъ. Наконецъ у Павла нѣтъ никакой болѣзни, — нужды нѣтъ, пусть принимаетъ слабительное и ставитъ клистиръ: *purgare et clystirizare* — будетъ еще здоровѣе. *Purgare et clystirizare*. — какъ упрощается теорія медицины, какъ облегчается медицинская практика этимъ талисманомъ!

Подобными талисманами владѣютъ многіе. Для „значительнаго лица“, къ которому Акакій Анакіевичъ обратился по поводу пропажи своей шинели, талисманомъ было „распечь“. Для экономистовъ отсталой школы такимъ же талисманомъ служить прелестный девизъ „невмѣшательство государства“. Девизы противоположны, но съ равнымъ удобствомъ примѣняются во всему. Три четверти англійской націи состоятъ изъ бездомныхъ бѣдняковъ, — какъ помочь ихъ бѣдственному положенію? Экономисты отсталой школы говорятъ: „пусть государство перестанетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла, пусть уничтожить сборъ въ пользу бѣдныхъ“; значительное лицо гоголевской повѣсти говоритъ: „распечь ихъ!“ Французы увлеклись биржевыми спекуляціями до разорительной и безнравственной крайности, — какъ отвратить это зло? „Пусть государство не вмѣшивается въ экономическія отношенія“, говорятъ отсталые экономисты; „распечь ихъ!“ говоритъ значительное лицо.

Purgare et clystirizare, — какъ спокойна совѣсть при такомъ девизѣ! Золотуха у Петра мало по малу проходитъ, — это отъ того, что онъ ставилъ клистирь и принималъ слабительное. Нога Ивана, оставленная безъ леченія, подверглась гангрени, и бѣдняга умираетъ, — это отъ того, что онъ мало принималъ слабительнаго и недовольно часто ставилъ клистирь. Совѣсть доктора чиста, тишина его души невозмутима.

Мы не имѣемъ счастья обладать такимъ всеисцѣляющимъ средствомъ. Правда, есть у насъ общая норма для оцѣнки всѣхъ фактовъ общественной жизни и частной дѣятельности, „благо человѣка“, — но эта формула указываетъ только цѣль, а не даетъ готовыхъ средствъ къ ея достиженію; такъ для разсудительнаго медика есть одна общая норма дѣйствій, — „здоровье организма“, но она также указываетъ только цѣль, а еще не опредѣляетъ средствъ.

Какъ всѣ односторонніе люди, отсталые экономисты школы невмѣшательства государства очень полезны въ случаяхъ столкновенія съ какою нибудь другою односторонностью. Докторъ Санградо, имѣвшій универсальнымъ средствомъ кровопусканіе, могъ бы съ пользою для паціента найти сильное противорѣчіе своей нелѣпой исключительности въ другой столь же нелѣпой исключительности — *purgare et clystirizare*. Школа невмѣшательства государства оказывается очень благодѣтельною для общества въ спорахъ со школою, для которой универсальнымъ лекарствомъ служить гоголевское правило „распечь ихъ“.

Мы не отвергаемъ того, что въ старину принципъ *laissez faire, laissez passer* былъ чрезвычайно полезенъ, что и теперь во многихъ странахъ и во многихъ случаяхъ онъ является благотворнымъ, какъ ни одинъ разеудительный докторъ не отвергаетъ чрезвычайной пользы *purgandi et clystirizandi* въ очень многихъ случаяхъ. Мы только думаемъ, что не во всѣхъ болѣзняхъ пригодны и достаточны англійская соль и промывательное, что медицина не должна ограничивать своихъ средствъ ложкой кастороваго масла и бутылкою молока съ чеснокомъ; мы только думаемъ и постараемся доказать, что принципъ *laissez faire, laissez passer* не заключаетъ въ себѣ одинъ полный и готовый отвѣтъ на всевозможные экономическіе вопросы, не можетъ считаться исключительнымъ рѣшеніемъ всѣхъ общественныхъ задачъ.

Не легко удерживать другихъ и самому удерживаться отъ односторонности въ практикѣ, гдѣ часто одинъ какой нибудь фактъ, рѣзущій глаза своею нелѣ-

постью. заставляеть человѣка забывать обо всеѣхъ остальномъ, кромѣ средства. служащаго противоядіемъ именно противъ этого факта. Когда у васъ передъ глазами откупъ и пьянство, трудно вамъ удержаться отъ проклятія вину; и напирѣмъ французу или пруссаку, каждый шагъ котораго стѣсненъ нутами мелочной бюрократіи, трудно помнитъ въ столкновеніяхъ практической жизни, что только дурная и утрированная форма государственнаго вмѣшательства въ частныя дѣла должна быть отвергаема, а не самый принципъ, и что противная односторонность была бы не менѣе вредна и даже не менѣе стѣснительна. На практикѣ трудно бываетъ иногда щадить принципъ въ спорѣ противъ формы. Но теперь мы только пишемъ статью, вы, читатель, будете перелистывать ее; мы оба въ своей комнатѣ наединѣ. незаняты никакимъ практическимъ дѣломъ, никто намъ не мѣшаетъ. нѣтъ подлѣ насъ никакого ландрата или префекта, мы ушли на нѣсколько часовъ въ теоретическую жизнь, забыли о всѣхъ дразгахъ, которые ждутъ насъ за порогомъ нашей комнаты, или даже ворвутся въ нее черезъ часъ, черезъ два; мы заняты теперь только отвлеченною теоріею, а въ теоріи критика односторонностей чрезвычайно легка.

Въ теоріи критика односторонностей такъ легка, что не бываетъ даже надобности спорить съ противникомъ объ основаніяхъ его системы. Можно сказать ему для скорѣйшаго окончанія дѣла: я впередъ принимаю за истину всѣ ваши принципы, каковы бы они ни были; потрудитесь высказать ихъ, и тогда я попрошу васъ только не отказываться отъ того, что вы разъ сказали. Мы спорить не будемъ; я буду развивать только собственныя ваши мысли и вы увидите, что эти принципы ведутъ къ тому самому, противъ чего вы возстаете. Помните только одно условіе: мы предположимъ, что ваши слова совершенно справедливы и что принципы, вами высказанные, выше всякаго сомнѣнія. Я предоставляю вамъ право имѣть какой угодно образъ мыслей и требую только одного: считайте вашъ образъ мыслей справедливымъ и не отказывайтесь отъ него. Мы скоро увидимъ, захотите ли вы сами хвалить его.

Мы на время вполне принимаемъ за совершенную истину всю теорію *laissez faire, laissez passer* въ самомъ точномъ и безусловномъ ея выраженіи. Вотъ она:

„Экономической дѣятельности отдѣльнаго лица должна быть предоставлена совершенная свобода. Общество не имѣетъ права налагать на нее никакихъ стѣсненій. Государство не имѣетъ права заниматься ни однимъ изъ тѣхъ предметовъ дѣятельности, которые осуществляютъ или могутъ быть осуществлены силами отдѣльнаго лица. Государство существуетъ только для огражденія безопасности частныхъ лицъ и для отвращенія стѣсненій, которыя могли бы мѣшать полнѣйшему развитію частной дѣятельности. Иначе говоря, заботѣ государства подлежитъ только то, что не достигается и не можетъ быть достигнуто дѣятельностью частныхъ лицъ: иначе сказать, государство есть только стражъ безопасности частныхъ лицъ; безусловная свобода для дѣятельности частнаго лица есть верховный принципъ общества, и государство должно имѣть существованіе и дѣятельность только въ той мѣрѣ, какая нужна для осуществленія этого верховнаго принципа. Иначе сказать, идеаль государственной дѣятельности есть нуль, и чѣмъ ближе можетъ оно подойти къ этому идеалу, тѣмъ лучше для общества“.

Мы выразили теорію *laissez faire, laissez passer* съ такою полнотою и точ-

ностью, что всё отсталые экономисты отъ Бастіа до г. Воловскаго (мы надѣемся скоро сообщить читателю о томъ, до какой безумной крайности дошелъ г. Воловскій въ крестьянскомъ вопросѣ по ослѣпленію принципонъ *laissez faire, laissez passer*) обѣими руками готовы были бы подписать изложенную нами теорію и провозгласили бы ее чистѣйшей эссенціей своего собственнаго ученія.

Итакъ мы становимся послѣдователями системы *laissez faire, laissez passer*; постараемся же вникнуть въ мысль, нами безусловно принятую и поставленную выше всякаго спора.

„Экономической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ должна быть предоставлена совершенная свобода“. Напримѣръ, если бы я хотѣлъ открыть лавку, положимъ, для торговли стеклянною посудою, общество не должно мѣшать мнѣ открыть ее; и если кто нибудь захочетъ помѣшать мнѣ въ этомъ, государство обязано отстранить полагаемое моею свободою стѣсненіе. Быть можетъ, существуетъ корпорація, присвоившая себѣ монополію торговли стеклянною посудой. Государство обязано отмѣнить монополію и уничтожить привилегированную корпорацію. Но быть можетъ, корпорація придумала поддерживать монополію не привилегіею, этимъ грубымъ средствомъ простаковъ, а другими болѣе хитрыми и удачными способами. Напримѣръ, располагая огромными денежными средствами, она могла бы закупить на стеклянномъ заводѣ всю посуду, или, что еще вѣрнѣе, обязать хозяина завода контрактомъ, чтобы онъ не смѣлъ продавать посуду съ завода никому, кромѣ этой самой корпораціи,—тогда я также былъ бы лишень возможности открыть лавку стеклянною посудой; для моей экономической свободы было бы тоже стѣсненіе какъ и прежде, и государство также было бы обязано позаботиться о средствахъ возратить мнѣ свободу, уничтоженную коварнымъ дѣйствіемъ корпораціи. Быть можетъ, средства достаточныя и пригодныя для прекращенія монополіи, основанной на привилегіи, были бы непригодны и недостаточны противъ этого болѣе тонкаго образа дѣйствій; но мы здѣсь говоримъ не о томъ, каковы должны быть средства, употребляемыя государствомъ для исполненія своей обязанности, а только о томъ, какова обязанность государства: она остается одна и та же,—отстранить стѣсненіе, мѣшающее мнѣ заняться извѣстнымъ родомъ торговли. Вы скажете, можетъ быть, что вовсе нѣтъ средствъ отвратить монополію во второмъ случаѣ,—я этого пока не знаю; но если это такъ, я говорю, что бываютъ случаи, въ которыхъ государство не имѣетъ возможности исполнить свою обязанность; а неисполненіе обязанности есть ея нарушеніе,—и я говорю, слѣдовательно, что бываютъ случаи, когда государство вынуждается необходимостью нарушать приписанную нами ему обязанность. Итакъ одно изъ двухъ: или нельзя приписывать государству исключительной обязанности—охранять свободу экономической дѣятельности, или всегда могутъ быть найдены государствомъ средства для ея охраненія. Мы уже согласились приписать государству эту обязанность, потому должны предположить, что всегда могутъ быть найдены средства для ея исполненія.

Соглаены ли вы со мною? Если не согласны, то откажитесь, какъ отъ нелѣпой невозможности, отъ вашей первой мысли: „экономической дѣятельности отдѣльнаго лица должна быть предоставлена совершенная свобода“. Но мы уже поставили условіемъ, что ваши мысли безусловно справедливы и что вы не имѣете права отъ нихъ отказываться. Если вы не хотите соблюдать этого условія,—

опять-таки полная вамъ воля; но въ такомъ случаѣ я объявляю, что вы сами не знаете, что говорите, что у васъ нѣтъ прочнаго образа мыслей, что я не только не обращаю, но и не имѣю права обращать ровно никакого вниманія на ваши мнѣшя.

Разумѣется, вы этого не захотите. Вы думаете, что у васъ есть образъ мыслей, что онъ заслуживаетъ вниманія, что вы остаетесь ему вѣрны, и вы не откажетесь отъ вашихъ словъ. Помните же, въ чемъ мы теперь съ вами согласились: на государствѣ лежитъ обязанность охранять совершенную свободу экономической дѣятельности отдѣльнаго лица. Помните же, что какой ни представился бы намъ случай, мы должны будемъ отыскивать средства къ охраненію такой свободы, и если кто нибудь станетъ жаловаться на стѣсненіа, мы не можемъ отказать ему въ нашемъ содѣйствіи подѣ предложомъ, что нѣтъ способовъ устранить это стѣсненіе. Согласны ли? Я предчувствую, что васъ начинаеть коробить; но что дѣлать? Вѣдь мы сами объявили вашъ образъ мыслей справедливымъ; вы убѣдили меня принять его; вы не имѣете права жаловаться на непрактичность моихъ словъ: они только повтореніе вашихъ собственныхъ словъ, которыя мы съ вами уже признали совершенно истинными. Исслѣдуемъ же далѣе вашу истину.

„Общество не имѣетъ права налагать на экономическую дѣятельность отдѣльнаго лица никакихъ стѣсненій“. Вы не думайте, что я поступлю съ вами коварно, что я стану придавать вашей теоріи смыслъ, котораго она не имѣла въ вашемъ умѣ, на примѣръ выводитъ изъ нея, будто общество не имѣетъ права налагать податей и повинностей, или дѣлать полицейскихъ распоряженій для охраненія порядка. Я знаю, что вы хотѣли понимать вещи разеудительно и что вы друзья порядка, что, говоря „никакихъ стѣсненій“, вы подразумѣвали: „кромѣ стѣсненій, дѣйствительно нужныхъ для огражденія порядка и для избѣжанія другихъ болѣе неприятныхъ стѣсненій“. Правда-ли, я угадалъ вашу мысль? Но въ такомъ случаѣ къ чему мы пришли? Мы ужъ не можемъ отвергать какую нибудь мѣру однимъ восклицаніемъ: „она стѣснительна!“ Нѣтъ, мы ужъ обязаны всматриваться, не полагаетъ ли общество, что этимъ стѣсненіемъ оно предотвращаетъ какое нибудь другое стѣсненіе, болѣе тяжелое, или охраняетъ порядокъ. И если общество скажетъ, что оно такъ думаетъ, мы остаемся безгласны. Въ какое мы положеніе стали? Если бы, на примѣръ, обществу вздумалось постановить правиломъ, чтобы люди по улицамъ не могли ходить иначе, какъ заложивъ руки за спину, что могли бы мы возразить противъ этого? Общество сказало бы, что полагаетъ стѣснительнымъ для людей ходить не заложивъ руки за спину: во-первыхъ, когда руки болтаются или локти выставлены, прохожіе безпрестанно задѣваютъ друга друга, — это стѣснительно, и лучше заложить руки за спину, чтобы меньшимъ стѣсненіемъ избѣжать большаго; во-вторыхъ, когда руки заложены за спину, грудь выставляется впередъ, дыханіе становится легче и шире, легкія развиваются и укрѣпляются, и черезъ нѣсколько времени чловѣкъ освобождается отъ стѣсненія въ груди, которымъ всѣ городскіе жители болѣе или менѣе страдаютъ: стало быть опять таки меньшимъ стѣсненіемъ отвращается большее. Мы съ вами могли бы находить, что все это глупо, но не могли бы сказать, что общество превысило тѣ границы власти, которыя мы съ вами сами предписали ему. Да то ли еще? Общество тогда могло бы принуждать насъ съ вами рѣшительно ко всему.

чала одобрили догадку, потомъ мы съ вами увидѣли, что она нелѣпа, такъ бросимъ ее. Возвратимся къ вашей теоріи безъ всякихъ догадокъ о ея смыслѣ. Въ теоріи говорилось: „общество не имѣетъ права налагать на экономическую дѣятельность отдѣльнаго лица никакихъ стѣсненій“. Только этихъ словъ вы не можете брать назадъ по нашему уговору, отъ всякихъ дополненій вы можете отказываться. Итакъ — „никакихъ стѣсненій“. Ну, и прекрасно. Пусть такъ и будетъ, безъ всякихъ ограниченій и исключеній. Я чувствую наклонность къ огородничеству. Прохожу по Обводному Каналу, вижу огородъ, вижу заступъ у одной гряды, начинаю копать, душа моя въ восторгѣ, моя дѣятельность полезна обществу, намѣренія мои чисты. Но приходитъ сторожъ, видитъ незнакомаго человѣка, подозрѣваетъ во мнѣ намѣреніе воспользоваться его огурцами, призываетъ будочника и будочникъ соглашается съ нимъ, что я не смѣю заниматься работою на его огородѣ безъ его согласія. Что же мнѣ дѣлать? (Если меня не посадили подъ арестъ за подозрѣніе въ намѣреніи похитить чужую собственность). Общество говоритъ: „ты наймись въ работники у огородника“. Но если огородникъ предлагаетъ мнѣ условія стѣснительныя для моей свободы? Напримѣръ, если онъ требуетъ, чтобы я каждый день приходилъ работать къ нему? Я этого не могу. Итакъ, моя дѣятельность стѣснена. Я не встаю противъ огородника, онъ можетъ быть и правъ; но по нашей съ вами теоріи общество должно найти средство для меня заниматься огородничествомъ безъ стѣсненія моей свободы. Я предполагаю, что единственное средство къ тому: устроить общественный огородъ, въ которомъ работала бы каждый, когда хочетъ и сколько хочетъ. Можетъ быть, это неудобно-исполнимо; по нашей теоріи я не хочу и не долженъ знать этого. Вѣдь мы уже видѣли: теоріи ставятъ насъ въ необходимость предполагать, что способы къ доставленію полной свободы экономической дѣятельности отдѣльнаго лица всегда могутъ быть найдены. Мы съ вами вовсе не встаемъ противъ собственности, — сохрани насъ Богъ! — но примѣръ огородника показываетъ намъ, что принадлежность извѣстной собственности извѣстному одному лицу можетъ налагать стѣснительныя условія на экономическую дѣятельность другихъ лицъ, и наша теоріи показываетъ, что на обществѣ лежитъ обязанность прискать средства для отстраненія этихъ стѣсненій. Я предложилъ одно средство: завести общественный огородъ. Если оно вамъ не нравится, примѣните другія средства, но пожалуйста примѣните, потому что иначе вся наша теорія *laissez faire, laissez passer* разлетѣлась бы въ пыль, — а вѣдь мы уже согласились съ вами, что она безусловно справедлива. Продолжаемъ же выикать въ ея истины.

„Государство существуетъ только для огражденія безопасности частныхъ лицъ и для отвращенія стѣсненій, которыя могли бы мѣшать полнѣйшему развитію частной дѣятельности“. Только для этого, больше ни для чего. Но и тутъ хлопотъ ему будетъ довольно. „Огражденіе безопасности“, — въ старину, когда люди были глупы, они думали, что безопасность можетъ быть достаточно ограждена карательными средствами. (Это я говорю какъ отсталый экономистъ, а еслибъ и не быть связанъ уговоромъ держаться отсталыхъ мнѣній, я полагаю бы, что въ старину люди не были слишкомъ глупы, и никогда этого не думали); но теперь каждый знаетъ, что этого мало. Напримѣръ, экономическая дѣятельность чрезвычайно страдаетъ отъ поддѣлки бумажныхъ денегъ. Во всѣхъ государствахъ есть очень строгіе законы противъ этого преступленія. Но въ старину, когда наши де-

сигнаціи имѣли очень грубую гравировку, все-таки чуть ли не въ каждой губерніи находилось по нѣскольку артистовъ, успѣшно производившихъ поддѣлку при помощи деревянной доски, гвоздя и шила: болѣе замысловатыхъ орудій не было нужно, и рука набивалась къ этому дѣлу очень легко. Что-жъ вы думаете? Нашли противъ доморощенныхъ артистовъ средство болѣе дѣйствительное, нежели строгость наказаній: нынѣшніе кредитные билеты имѣютъ такую тонкую гравировку, что гвоздемъ и шиломъ нельзя ихъ поддѣлать, и развѣ самый искусный граверъ можетъ вырѣзать порядочную форму для нихъ; при томъ и бумага для кредитныхъ билетовъ употребляется совершенно особенная, такъ что мало быть отличнымъ граверомъ, нужно имѣть еще отличную бумажную фабрику, чтобы поддѣлывать бумажные деньги сноснымъ образомъ. Кому изъ отличныхъ граверовъ, получающихъ большія деньги за честную работу, прійдетъ охота рисковать собою, и какой хозяинъ отличной бумажной фабрики захочетъ помогать ему? Ремесло поддѣлки, сильно упавшее, исчезло бы совершенно, если бы не одно обстоятельство: есть много безграмотныхъ людей, которые не могутъ прочесть на оборотѣ кредитной бумажки бисернаго шрифта и не догадываются смотрѣть кредитный билетъ на свѣтъ, чтобы видѣть—имѣетъ ли бумага надлежащіе знаки. Ясно, что распространеніе грамотности убьетъ и послѣдніе слабые остатки ремесла, прежде процвѣтавшаго, несмотря ни на какія наказанія. Изъ этого мы видимъ, что для огражденія безопасности мало однихъ карательныхъ законовъ; нужно также, чтобы нарушеніе безопасности перестало быть выгоднымъ и нужнымъ для отдѣльныхъ лицъ. Для доморощенныхъ артистовъ, работающихъ гвоздемъ и шиломъ, поддѣлка бумажныхъ денегъ перестала быть выгодною, потому что прекратился сбытъ ихъ грубыми издѣліямъ; для отличныхъ граверовъ и хозяевъ бумажныхъ фабрикъ поддѣлка не нужна, потому что у нихъ и безъ того довольно денегъ. Приложимъ эти правила къ обыкновеннѣйшимъ случаямъ нарушенія безопасности: къ убійству, грабежу и воровству. Воровствомъ обыкновенно занимаются люди, дошедшіе до нищеты. Стало бытъ, если государство обязано ограждать безопасность, оно обязано заботиться, чтобы никто не доходилъ до нищеты. Какъ это сдѣлать? Я полагалъ бы, что слѣдовало бы принимать мѣры къ устройству такого общественнаго порядка, при которомъ каждый человѣкъ имѣлъ бы нѣкоторую собственность и находилъ бы всегда удобства зарабатывать безбѣдныхъ средства для жизни честнымъ трудомъ. Я полагалъ бы также, что нужно заботиться объ отнятіи привлекательности у пороковъ, доводящихъ до нищеты. Наконецъ, я полагалъ бы, что можно было бы позаботиться о смягченіи нравовъ. Согласны ли вы на это? Если такъ, государству будетъ очень много дѣла. Напримѣръ, возьмемъ изъ трехъ задачъ хоть только одну вторую: отнятіе привлекательности у пороковъ, и возьмемъ хотя только одинъ порокъ, напримѣръ расточительность. Каждый знаетъ, что она бываетъ причиною множества бѣдствій, а экономисты, всматривавшіеся въ жизнь поглубже отсталыхъ людей, мнѣнія которыхъ мы приняли на время, находятъ, что эта слабость производитъ гораздо болѣе бѣдствій, нежели самые ужасные пороки. Какъ же ослабить ее? Вы помните исторію Маши и ея мужа:

Бѣлый день занялся надъ столицей...

Конечно, грѣхъ и говорить о расточительности бѣдной молодой женщины, которая, какъ видно, не г... еты, ни даже ложи въ Итальянской Оперѣ,

хотя бы въ четвертомъ ярусѣ; но все-таки къ чему приходитъ дѣло? Чтобы не огорчать жену отказами, нужъ трудится выше силъ и скоро долженъ умереть отъ чохотки. Вотъ вамъ и великая бѣда. Что станетъ дѣлать несчастная вдова? Ее ожидаетъ нищета, быть можетъ, развратъ. Притомъ какъ хотите, а все-таки она—убійца мужа. Впрочемъ, такая развязка рѣдкій случай. Мужъ Маши—человѣкъ слишкомъ твердаго характера, слишкомъ высокаго нравственнаго развитія, какихъ немного:

Человѣкъ онъ былъ странной породы,
Исключительно честь понималъ.

Изъ цѣлой сотни людей развѣ двое имѣютъ такую твердость характера и мыслей; остальные, извѣстно, какъ поступаютъ для пріобрѣтенія нужныхъ денегъ: они не отвергають „прекраснаго средства“, представляемаго находящимся „подъ рукою казеннымъ сундукомъ“ и тому подобными источниками. Тутъ ужъ погибаетъ не одно семейство, а страдаетъ цѣлая нація. Какъ же ослабить расточительность? Что надобно сдѣлать, чтобы Маша не убивала мужа и не заставляла его подумывать о казенномъ сундукѣ? Надобно посмотрѣть, отчего происходитъ, чѣмъ поддерживается ея слабость къ нарядамъ.

Завтра Машѣ подруга покажетъ
Дорогой и красивый нарядъ.—
Ничего ему Маша не скажетъ,
Только взглянуть... убійственный взглядъ!

Значить, покуда не переведутся подруги, у которыхъ много лишнихъ денегъ на пустыне наряды, нельзя вылечить и Машу. Да эта ли одна бѣда? Мужъ думаетъ иногда поговорить съ Машей, что надобно жить скромнѣе,—

Да обидится гордая теща.

Нельзя жить скромно, иначе перессоришься съ родными. Значить, плохо будетъ дѣло, пока извѣстный размѣръ расходовъ считается обязанностью, налагаемою на человѣка его именемъ. Да и это еще не все. Въ самой Машѣ третья бѣда, съ которой всего труднѣе справиться—

Все бы вздоръ.... только съ Машей не сладись;
Не втолкуешь....

Маша дурно воспитана. Пока не измѣнится характеръ воспитанія, ничего порядочнаго нельзя ожидать.

Посмотрите же теперь: изъ одного случая, касающагося только одного изъ многихъ вопросовъ, представляемыхъ только одною изъ трехъ задачъ, какіи уже обширныя обязанности найдены нами для государства. Оно должно позаботиться объ уменьшеніи числа людей, имѣющихъ возможность сорить деньги, которымъ счета не знаютъ; оно должно позаботиться о прекращеніи чванства и иенами; оно должно позаботиться объ улучшеніи воспитанія. Какія мѣры оно приметъ къ тому, мы не знаемъ; теперь мы не даемъ совѣтовъ объ употребленіи власти, а разсматриваемъ только предѣлы власти, опредѣляемые обязанностію правительства заботиться о безопасности. Что бы ян предприняло государство для достиженія най-

денныхъ нами цѣлей; оно останется въ предѣлахъ своей власти, если мы будемъ принимать теорію, поставляющую исключительнымъ долгомъ правительства заботу объ одной безопасности. Можно было бы разсуждать о томъ, приведутъ ли къ желаемому результату, т. е. къ искорененію расточительности предпріятыя государствомъ мѣры, но нельзя было бы сказать, что оно превысило мѣру власти, предоставляемой ему теоріею отсталыхъ экономистовъ, предписывающихъ ему ограничиваться однимъ наблюденіемъ за общественной безопасностью. Нарушается ли безопасность преступленіями? Нарушается. Служить ли расточительность одною изъ причинъ преступленій? Служить. Въ правѣ ли государство принимать мѣры для отстраненія фактовъ вредныхъ для безопасности? Не только въ правѣ, но и обязано по принятой на время нами теоріи. После этого не остается никакихъ разсужденій. Мы говоримъ не о томъ, какия мѣры благоразумны, какия нѣтъ, какия человѣчны, какия безчеловѣчны, — мы говоримъ только о томъ, какия будутъ законны по нашей теоріи. Быть можетъ, вы теперь думаете, что напрасно мы допускали ее безусловно, что напрасно не сдѣлали мы оговорки о правахъ здраваго смысла и человѣческой личности. Быть можетъ, — но ужь выдержимъ на минуту характеръ, соблюдемъ свое обѣщаніе твердо держаться теоріи и просиотримъ всю ее до конца. А потомъ, когда пресытимся этою прелестью, посмотримъ, — много ли останется изъ нашей теоріи, если мы подчинимъ ее требованіямъ здраваго смысла и правамъ человѣческой личности. Быть можетъ, вы пресытились ею даже и теперь; но мы слышали о ней столько хорошаго, что непременно хотимъ разсмотрѣть всѣ ея красоты. Почему знать? можетъ быть въ концѣ найдется что нибудь новенькое.

Мы уже знаемъ, что государство существуетъ только для огражденія безопасности. Этотъ основной принципъ теоріи развивается и поясняется нѣсколькими перифразами, имѣющими, повидимому, тотъ же самый смыслъ. Первый перифразъ таковъ: „иначе говоря, заботѣ государства подлежить только то, что не достигается и не можетъ быть достигнуто дѣятельностью частныхъ лицъ“. Прекрасно; по этому правилу на обязанности государства лежитъ содержать армию и флотъ, безъ которыхъ нѣтъ безопасности и которые не могутъ быть содержимы частными лицами. Но что, если я скажу, что напимѣрь доставленіе каждому члену общества возможности жить честнымъ трудомъ (условіе также необходимое для общественной безопасности, потому что кто не можетъ жить честнымъ трудомъ, но необходимости берется за дурныя средства) также достигается только общественною волею (закономъ) и общественною дѣятельностью, а не дѣятельностью частныхъ лицъ? Вы предчувствуете, куда ведутъ такіа слова. Впрочемъ не бойтесь. Я имѣю въ виду пока не простолоудиновъ, не черныя работы, — нѣтъ, мы приняла теорію людей богатыхъ, и будемъ говорить прежде всего о такъ называемыхъ высокихъ потребностяхъ и занятіяхъ. Напимѣрь, при нынѣшнемъ состояніи мореходства нужна астрономія. Для астрономіи нужны между прочимъ каталоги звѣздъ. Можетъ ли составленіе каталога звѣздъ окунуться распродажею этой книги, какъ окупаются вздорныя повѣсточки и пустыя статейки? Составленію звѣзднаго каталога требуетъ многихъ годовъ, — чѣмъ будетъ жить составитель окончанія своей работы? По ея окончаніи книга разоидется въ 50 экзе и вмѣсто выгоды, ея напечатаніе даетъ страшный недочетъ. Что слѣдуетъ? Полезный трудъ долженъ обеспечивать жизнь труд

вѣздъ полезенъ. Но частные люди, въ отдѣльности каждый, не обезпечиваютъ должнаго вознагражденія за него. Ясно, что государство обязано дать средства для этого труда. Беремъ другой примѣръ. Предположимъ, что маленькому мальчику или человѣку страдающему помѣшательствомъ ума достался домъ; предположимъ, что у бѣдняжки нѣтъ близкихъ родственниковъ, или что они люди недобросовѣстные. Вы прерываете меня и говорите, къ чему тянуть дѣло? ясно, что домъ надобно взять въ опеку. Ясно ли? Предупреждаемъ, что выводы изъ этого довольно важны. Но ни одинъ изъ отсталыхъ экономистовъ не думалъ еще отвергать необходимость опеки въ подобномъ случаѣ. Стало бытъ, дѣло можно считать безспорнымъ. Теперь спрашивается, на чемъ основана необходимость опеки? На неспособности взятаго въ примѣръ человѣка управлять своими дѣлами. На чемъ же основана его неспособность? На недостаточномъ или болѣзненномъ развитіи его ума. Отчего же у маленькаго ребенка слабъ умъ? отчего помѣшанный лишился разсудка? „Какое мнѣ дѣло, отвѣчаете вы. Мы говоримъ не о физиологіи и занимаемся не сплетнями, мы рѣшаемъ практической вопросъ, для рѣшенія котораго все равно, каковы бы ни были причины слабоумія. Общество знаетъ только, что извѣстное лицо не имѣетъ способности управлять своимъ домомъ, и больше ничего знать не обязано, а обязано учредить опеку“. Помните же, до чего мы дошли: кто не способенъ оберегать свои выгоды, выгоды того должны оберегаться обществомъ. Такъ ли? Если не такъ, то общество не имѣетъ права учреждать опеки надъ дѣтьми и лишенными разсудка.

Подведемъ же итогъ къ результатамъ полученнымъ нами: общество должно доставить приличное вознагражденіе за трудъ человѣку, желающему и умѣющему заниматься честнымъ и полезнымъ трудомъ, если безъ вмѣшательства общества онъ не находитъ для себя вознагражденія. Общество обязано принимать на себя заботу о дѣлахъ такихъ людей, которые не могутъ сами охранять своихъ интересовъ.

Принимаете ли вы эти выводы? Если не принимаете, вы отказываетесь отъ собственной вашей теоріи, а мы уже согласились не отказываться отъ нея. Кромѣ того, вы не признаете за обществомъ такихъ правъ, или, лучше сказать, обязанностей, какъ напримѣръ учрежденіе опеки надъ дѣтьми-сиротами.

Если же вы принимаете эти выводы, ими разрушается вся первая половина вашей теоріи: на общество налагаются обязанности гораздо болѣе обширныя, нежели простая забота о безопасности. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нарушится безопасность, если жильцы дома, принадлежащаго ребенку, не станутъ ничего платить ему за квартиру, а просто возьмутъ его на прокормленіе себя, хоть бы съ цѣлью сдѣлать его своимъ слугою, когда онъ выростетъ? Безопасность лица тутъ неприкосновенна. — „Но страдаютъ его экономическіе интересы“. Вотъ именно о томъ мы и говоримъ: стало бытъ общество обязано оказывать защиту всякому, чьи интересы пострадали бы безъ вмѣшательства общества. Вѣдь это уже принципъ гораздо болѣе обширный, нежели охраненіе безопасности. Послѣ этого, значить, если я заключилъ невыгодный для меня контрактъ, то общество можетъ объявить этотъ контрактъ недействительнымъ? Вѣдь мои интересы пострадали бы безъ этого?

Въ самомъ дѣлѣ, удивительно, какимъ образомъ одни и тѣ же люди, т. е. отсталые экономисты, за одинъ пріемъ высказываютъ два правила, будто бы совершенно согласныя: „государство должно заботиться только объ огражденіи биз-

опасности“ и „государство обязано дѣлать то, что ве достигается дѣятельностью частныхъ лицъ“. Какъ не замѣчали они, что вторая обязанность несравненно обширнѣе первой? Вѣдь потребности общества и частныхъ лицъ не ограничиваются одной безопасностью; есть также потребности матеріальнаго благосостоянія, нравственнаго и умственнаго развитія, потребности сердца,—и мало ли какихъ другихъ законныхъ потребностей? Ясно, что кто говоритъ вторую фразу, тотъ въ первой фразѣ слово „только“ долженъ замѣнить словомъ „между прочимъ“.

Послѣ этого не нужно намъ и говорить о слѣдующемъ объясненіи „государство есть только стражъ безопасности частныхъ лицъ“; его смыслъ зависитъ отъ слова „только“, а мы сейчасъ видѣли, что оно должно замѣниться словомъ „между прочимъ“. Но любопытно послѣднее объясненіе. „Идеаль государственной дѣятельности есть нуль, и чѣмъ ближе можетъ она подойти къ этому идеалу, тѣмъ лучше для общества“. Опять какъ не видѣть, что это объясненіе совершенно разрушаетъ всю прежнюю теорію, по которой забота государства ограничивалась одною безопасностью. Вмѣшательство государства требуется тѣмъ чаще, чѣмъ больше совершается преступленій, чѣмъ чаще нарушается порядокъ. Каждому извѣстно, что бѣдность, невѣжество, грубость нравовъ и развратъ — главные источники преступленій и нарушеній порядка; слѣдовательно, чѣмъ больше заботъ, будетъ употреблять государство на искорененіе бѣдности, невѣжества, грубости нравовъ и разврата, тѣмъ менѣе будетъ ему хлопотъ, тѣмъ менѣе будетъ сумма его вмѣшательствъ.

Мы уже говорили объ этомъ, приводя въ принѣръ Машу и ея мужа. Если самостоятельность общества дѣйствительно должна быть цѣлью общественной теоріи, то очевидно, что этой цѣли можно достигнуть только покровительствомъ всему, что содѣйствуетъ развитію самостоятельности, — именно, заботою объ истребленіи бѣдности, распространеніи просвѣщенія, о смягченіи нравовъ и объ истребленіи тѣхъ причинъ, отъ которыхъ портится характеръ и получаютъ фальшивое направленіе человѣческія наклонности.

Въ странномъ видѣ излагается теорія невмѣшательства государства въ экономическія отношенія. Къ ней прилагаются объясненія, прямо ей противорѣчація. Мы не можемъ осуждать ученыхъ, бывшихъ первыми ея основателями: они жили въ другія времена, они не видѣли многихъ фактовъ, которые теперь передъ глазами у cadaго. Притомъ же Адамъ Смитъ и ближайшіе его послѣдователи вовсе не доходили до той односторонности, противъ которой возстаемъ мы. Но непροститительно нашимъ современникамъ не хотѣть замѣчать того, что каждому бросается нынѣ въ глаза; непροститительно исказать для поддержки ветхаго тѣ мысли, которыя въ свое время были двигателями прогресса.

Теорія, провозглашавшая невмѣшательство правительства въ экономическія отношенія, возникла въ тѣ времена, когда самая Англія, не говоря уже о континентальныхъ государствахъ, страдала больше всего отъ обветшалыхъ средневѣковыхъ регламентацій. Эти регламентаціи поддерживались общественною властью. Какъ же было не говорить тогда унынъ и честнынъ людямъ, что вмѣшательство общественной власти въ экономическія отношенія вредитъ развитію промышленныхъ силъ? Въ самомъ дѣлѣ, въ большей части случаевъ оно было вредно: въ самомъ дѣлѣ, первой потребностью общества было—избавиться отъ мелочной и неразумительной опеки. Съ той поры обстоятельства во многомъ переизмѣнились.

Какъ и въ чемъ именно, объ этомъ мы говорили уже много разъ, да я каждому это больше или меньше извѣстно. Замѣтинъ только одинъ общій результатъ перемѣны. Читатель знаетъ, что мы имѣемъ въ виду исключительно исторію Западной Европы. На чемъ основываются теперь почти всѣ стѣснительныя мѣры, принимаемыя западными правительствами? Для всѣхъ ихъ представляется исключительно оправданіемъ общественная безопасность. Зачѣмъ, напримѣръ нужны паспорта при въѣздѣ въ Папскую Область, въ Ломбардію, въ Богемію, въ Галицію? „Для общественной безопасности“. Значитъ нуженъ стѣснительный надзоръ за жизнью частнаго лица въ Вѣнѣ, въ Прагѣ, въ Миланѣ? „Для общественной безопасности“. Зачѣмъ содержится страшная армія въ Австріи, которая едва ли имѣетъ пять гульденовъ звонкой монеты? „Для общественной безопасности“. Словомъ сказать, какая бы прищипка ни задѣла васъ на континентѣ Западной Европы, нечего и спрашивать: откуда она и зачѣмъ она?—Знайτε напередъ, что отвѣтъ на все одинъ: „это нужно для поддержанія порядка и общественной безопасности“.

Поэтому намъ кажется, что теорія, поставляющая исключительно заботу правительства охраненіе общественной безопасности, не сообразна съ обстоятельствами настоящаго времени для Западной Европы. Фактическая сила правительства надъ обществомъ не зависитъ отъ теорій, она опредѣляется правами общества и его потребностями. Теорія можетъ только опредѣлять предметы, на которые слѣдуетъ обращаться этой силѣ. Каждому извѣстно, какое дѣйствіе производится сосредоточеніемъ силы въ извѣстномъ направленіи, обращеніемъ ея дѣятельности на меньшее число предметовъ: чѣмъ меньше будетъ ихъ, тѣмъ съ большею энергіею станеть охватывать ихъ данная сила. Отсталые экономисты совершенно ошибаются, воображая, что измѣняютъ пропорцію вообще между количествомъ правительственнаго вмѣшательства и количествомъ самодѣятельности общества, когда настаиваютъ на томъ, чтобы правительство занималось исключительно однимъ предметомъ, не касаясь другихъ: сумма административнаго вмѣшательства остается все та же самая, только прилагается къ одному предмету, Изъ пяти единицъ составляется одна цифра пять, только въ томъ и разница. Но нѣтъ, мы ошиблись, чрезмѣрнымъ и одностороннимъ сосредоточеніемъ силъ на одномъ предметѣ нарушается прежній общественный балансъ. На что бы ни была обращена дѣятельность правительства, все-таки она постепенно измѣняетъ своимъ влияніемъ нравы и потребности общества. Теперь спрашивается, одинаковы ли бывають результаты этого влияния, на какой бы предметъ ни была обращена главная масса дѣятельности? Само собою разумѣется, не все равно—гнутъ ли на ту сторону, на которую и безъ того искривленъ предметъ, или на ту, отъ которой онъ уклонился.

Недостатокъ инициативы со стороны частной дѣятельности, — вотъ, по словамъ всѣхъ экономистовъ, даже и отсталыхъ, главный порокъ всѣхъ обществъ. Въ какихъ же сферахъ этотъ порокъ наиболѣе силенъ и въ какихъ частная инициатива наиболѣе сильна? Всѣ мы жалуемся на недостатокъ самостоятельности, предприимчивости, неослабнаго контроля со стороны частныхъ лицъ въ экономической дѣятельности. Жалоба справедлива, но все-таки изъ десяти человѣкъ девятеро своею головою думаютъ о своихъ денежныхъ дѣлахъ, о своихъ экономическихъ расчетахъ. То ли въ административныхъ, судебныхъ, вообще политическихъ дѣлахъ? Какое влияние и какую заботу имѣетъ частный человѣкъ на континентѣ?

Европы относительно полицейскихъ распоряженій, административныхъ мѣръ, судебныхъ рѣшеній? Все это дѣлается безъ его воли, безъ его участія, да и вниманіе его пробуждается тутъ развѣ къ тѣмъ случаямъ, отъ которыхъ терпятъ его экономическіе интересы, да и то на минуту, безъ постоянства, безъ энергія. Поэтому надобно думать, что важнѣйшій недостатокъ общественныхъ нравовъ на континентѣ Западной Европы состоитъ именно въ отсутствіи самостоятельности по дѣлу общественной безопасности. Не будь полиціи, ни одинъ варталь не справился бы съ ворами; не будь своей арміи, вторженіе небольшого чужестраннаго войска было бы достаточно для покоренія огромной области. Говорятъ, будто когда-то, въ IV или V вѣкѣ, толпа изъ 300 германскихъ дикарей прошла всю нынѣшнюю Францію и чуть ли не всю Испанію, и всѣ города на дорогѣ платили ей дань; да кромѣ того перерѣзала она нѣсколько десятковъ тысячъ поселянъ. Теперь конечно не то; но однакоже послѣ Ватерлооской битвы цѣлая Франція покорилась нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ изнуренныхъ солдатъ Веллингтона и Блюхера. Величайшій негодяй, вредящій десяткамъ людей, подсмѣивается надъ ихъ негодовавіемъ, пока не попадетъ въ руки полиціи какимъ нибудь неловкимъ поступкомъ.

Не знаемъ, удалось ли намъ передать читателю нашу мысль. Но мы хотѣли сказать, что какова бы ни была степень инициативы частной дѣятельности въ экономической сферѣ, все же она безмѣрно больше, нежели та степень самостоятельности, какую внушаютъ нравы Западной Европы частнымъ людямъ относительно огражденія безопасности.

Поэтому надобно думать, что теорія, сосредоточивающая на одномъ огражденіи безопасности всю дѣятельность государства, ослабляя инициативу частной дѣятельности въ этомъ отношеніи, стремится отнять у частнаго человѣка возможность и надобность въ развитіи его силъ именно по тому направленію, въ которомъ онѣ наименѣе развиты. Говоря сравнительно, эта теорія связываетъ именно тѣ органы индивидуальной дѣятельности, которые и безъ того уже слишкомъ хилы отъ бездѣйствія.

Вмѣсто того, чтобы проповѣдывать индивидуальную инициативу въ экономическихъ дѣлахъ, при современномъ положеніи нравовъ, гораздо полезнѣе было бы говорить о необходимости ея по исполненію задачъ общественной безопасности. Усиливая опеку по этимъ задачамъ черезъ ограниченіе правительственной дѣятельности исключительно ими, теорія невмѣшательства государства въ экономическую дѣятельность отвлекаетъ отъ нихъ индивидуальную инициативу и безъ того слишкомъ слабую для нихъ.

Правда, самоуправленіе составляетъ предметъ желанія даже и отсталыхъ экономистовъ. Но они, обращая всѣ свои мысли на его усиленіе въ экономической дѣятельности, гдѣ оно и безъ того сильнѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ, поддерживаютъ апатію общества въ томъ направленіи, гдѣ она всего замѣтнѣе и вреднѣе.

Изъ этого читатель видитъ, что мы недовольны теоріею невмѣшательства власти въ экономическія отношенія вовсе не потому, чтобы были противниками личной самостоятельности. Напротивъ, именно потому и не нравится намъ эта теорія что приводитъ въ результатамъ совершенно противнымъ своему ожиданію. Желая ~~увеличить~~ дѣятельность государства одною заботою о безопасности, она между

тѣмъ предаеть на полный произволъ его всю частную жизнь, даетъ ему полное право совершенно подавлять личность. Въ самомъ дѣлѣ, чего нельзя оправдать подъ предлогомъ охраненія порядка, и какія мѣры изъ всѣхъ, кажущихся стѣснительными въ глазахъ просвѣщеннаго человѣка, не представляются нужными для охраненія общественной безопасности людямъ менѣе просвѣщеннымъ? Реакція всегда являлась для поддержанія общественной безопасности. Деспотизмъ, открытый нами въ теоріи, видѣнъ на практикѣ въ обществахъ Западной Европы: повсюду были найдены необходимыми террористическія мѣры для возстановленія порядка. Надобно только вспомнить о послѣдней половинѣ 1848 и слѣдующихъ годахъ во Франціи, Германіи, Италіи. Народныя массы были взволнованы, и оказалось, что нечѣмъ укротить ихъ, кромѣ физической силы. Почему же оказалось это? Потому что для удовлетворенія ихъ требованій нужно было энергическое вмѣшательство западныхъ правительствъ въ экономическія отношенія, а теорія отсталой экономической школы, господствовавшая въ образованныхъ классахъ, не допускала такого вмѣшательства.

При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Западной Европѣ, эта теорія ведетъ къ подавленію личности, къ замѣненію законнаго порядка произвольными мѣрами, въ превращенію всей законодательной и административной силы въ полицейскій п военный надзоръ для усмиренія и наказыванія. Кромѣ Англій, ни одно изъ государствъ Западной Европы не могло бы сохранить своего настоящаго устройства, если бы не опиралось на вооруженную силу. „Но по крайней мѣрѣ въ Англій общественное устройство поддерживается не вооруженною силою?“ Такъ, но за то англійскія понятія объ отношеніяхъ государства въ экономической дѣятельности частныхъ лицъ не похожи на теорію, которая господствуетъ на континентѣ. Обыкновенно говорятъ, что въ Англій правительство оставляетъ частному лицу гораздо болѣе самостоятельности, нежели на континентѣ. Это правда, но говоря о размѣрѣ власти, забываютъ о распредѣленіи ея дѣятельности между разными отраслями общественной жизни. Полиція, администрація, судъ, — во всемъ этомъ государство на Великобританскихъ островахъ имѣетъ гораздо менѣе власти, нежели на континентѣ. Но въ экономическихъ отношеніяхъ оно оставило за собою гораздо больше власти, нежели сколько оставляется ему теоріею *laissez faire, laissez passer* на континентѣ. Укажемъ одинъ фактъ, безусловно осуждаемый всѣми отсталыми экономистами, — налогъ для пособія бѣднымъ. Мы согласны, что форма употребленія этой подати нелѣпа; что же дѣлать? она сохранялась отъ среднихъ вѣковъ, а въ среднихъ вѣкахъ не было ничего соотвѣтствующаго нынѣшнимъ потребностямъ. Но мы говоримъ о принципѣ этой подати: „государство обязано давать средства для жизни каждому изъ своихъ членовъ“. Тамъ, гдѣ могъ сохраниться этотъ принципъ, несмотря даже на нелѣпость формы, въ которую облеченъ, тамъ конечно понятія объ отношеніи государства къ экономической дѣятельности должны быть совершенно не таковы, какъ теорія безусловнаго невмѣшательства. Въ самомъ дѣлѣ, англійскіе экономисты не совсѣмъ похожи на тѣхъ отсталыхъ французовъ, изъ которыхъ обыкновенно почерпаются наши понятія о политической экономіи. Эти англичане, въ своемъ государствѣ считающіеся людьми совершенно мирными, могутъ удивить человѣка, начитавшагося однихъ только книжекъ школы Сэ. Въ примѣръ мы укажемъ на Милля, который теперь считается первымъ экономистомъ въ Англій. Мы слышали, что сочиненіе Милля переводится

русскій языкъ и отъ души желаетъ скорого исполненія этой полезной мысли. Тогда русская публика увидитъ, что односторонній доктрины, противъ которыхъ ны вооружаемся, не составляютъ сущности строгой экономической науки и должны считаться принадлежностью не всѣхъ вообще экономистовъ, а только отсталыхъ французскихъ писателей. Милль человекъ совершенно спокойный, врагъ всякихъ фантазій и утопій, и никто въ Англии не считаетъ его ни врагомъ порядка, ни врагомъ науки, напротивъ каждый находитъ, что онъ оказалъ ей больше услугъ, нежели какой бы то ни было другой экономистъ настоящаго времени. Каковы же понятія этого спокойнаго и серьезнаго ученаго? Онъ говоритъ о рентѣ, о наслѣдствѣ такія вещи, которыя совершенно противорѣчатъ послѣдователямъ системы *laissez faire, laissez passer*. Онъ говоритъ, напримѣръ, что наслѣдство, даже по прямой линіи, можетъ быть ограничено закономъ безъ нарушенія собственности; онъ говоритъ, что рента составляетъ собственность государства, а не частныхъ лицъ, и если частныя лица пользуются ею, то это монополія, уступленная имъ государствомъ. Наконецъ, угодно ли знать, что говоритъ онъ вообще о нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ? Вотъ что. Мы переводимъ нѣсколько страницъ изъ 1-й главы 2-й книги его сочиненія.

„Противники принципа индивидуальной собственности могутъ быть раздѣлены на два класса: теорія однихъ предлагаетъ безусловное равенство въ распредѣленіи матеріальныхъ средствъ къ жизненнымъ наслажденіямъ; другіе допускаютъ неравенство, но только такое, которое было бы основано на принципѣ справедливости или общей пользы, а независѣло бы только отъ случая, какъ многія изъ нынѣшнихъ общественныхъ неравенствъ.

„Каковы бы ни были достоинства или недостатки этихъ различныхъ теорій, по справедливости нельзя назвать ихъ непрактичными. Обыкновенно представляютъ противъ системы общинной собственности и равнаго распредѣленія произведеній то выраженіе, что при ней каждый постоянно старался бы отвиливать отъ своей доли работы. Но люди, дѣлающіе такое возраженіе, забываютъ, въ какомъ громадномъ размѣрѣ существуетъ то же самое неудобство при системѣ, по которой производится нынѣ девять десятыхъ частей труда. Возраженіе предполагаетъ, что честнаго и плодотворнаго труда должно ожидать только отъ людей, которые лично сами пользуются результатомъ своихъ усилій. Но какая ничтожная часть всего труда, производимаго въ Англии, производится людьми трудящимися въ собственную свою пользу? Отъ человека, получающаго самое низкое, до человека получающаго самое высокое жалованье, отъ ирландскаго жнеца или носильщика до верховнаго судьи или государственнаго министра, почти всѣ люди трудящіеся въ обществѣ, вознаграждаются за работу подневной платой или опредѣленнымъ содержаніемъ. Фабричный рабочій имѣетъ въ своей работѣ менѣе личнаго интереса, нежели членъ ассоціаціи, потому что не трудится подобно ему для товарищества, въ которомъ самъ участвуетъ. Скажутъ, что хотя большая часть работниковъ и не имѣютъ личнаго интереса въ своемъ трудѣ, но за ними надзираютъ, управляютъ ихъ трудомъ и исполняютъ умственную часть труда люди, имѣющіе въ немъ личный интересъ. Нѣтъ, и это можно сказать далеко не обо всѣхъ дѣлахъ. Во всѣхъ общественныхъ и во многихъ, самыхъ большихъ и самыхъ успѣшныхъ, частныхъ предпріятіяхъ не только черная работа, но также контроль и управленіе вѣрены наемнымъ людямъ. Я высоко цѣню одушевленіе, придаваемое труду тою перспективою, когда вся выгода или значительная часть выгоды отъ усердія въ работѣ достается работнику. Но при настоящей системѣ производства это побужденіе не существуетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Если бы общинный трудъ и былъ менѣе энергиченъ, нежели трудъ поселяннина-собственника или ремесленника, трудящегося въ свою собственную выгоду, то вѣроятно онъ былъ бы болѣе энергиченъ, нежели трудъ наемнаго работника, вовсе неимѣющаго личной выгоды въ дѣлѣ. Небрежность работниковъ составляетъ самую рѣзкую черту въ нынѣшнемъ устроеннѣмъ обществѣ.

„Но недостовѣрно еще и то, чтобы трудъ общиннаго работника былъ менѣе энергиченъ, нежели трудъ челоуѣка, работающаго въ собственную выгоду, какъ полагаютъ люди, непривыкшіе простирать мысль въ гранвы того порядка вещей, который у нихъ подѣ глазами. Люди способны проникаться усердіемъ къ общему дѣлу въ гораздо большей степени, нежели какъ представляется возможнымъ въ настоящее время. Исторія свидѣтельствуеъ объ успѣхѣ, съ которыми огромныя массы людей могутъ быть направляемы къ тому, чтобы каждый изъ нихъ считалъ общественный интересъ своимъ собственнымъ. Самую удобную почву для развитія такого чувства была бы ассоціація: все честолюбіе, вся физическая дѣятельность, обращенныя теперь на эгонистическія цѣли, должны были бы тогда искать себѣ занятія въ другой сферѣ, и натурально нашли бы его въ заботѣ объ общественной пользѣ. И независимо отъ этого общественнаго побужденія, каждый членъ ассоціаціи возбуждался бы вліяніемъ самаго всеобщаго и самаго сильнаго изъ личныхъ побужденій—вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Нивто не отрицаетъ силу этого побужденія въ отвращеніи людей отъ поступковъ, положительно осуждаемыхъ обществомъ, и отъ пренебреженія правилами, соблюденія которыхъ оно требуетъ. Сила соревнованія возбуждающая къ самымъ энергическимъ усиліямъ для приобрѣтенія похвалы и удивленія отъ другихъ, также очень велика,—это свидѣтельствуется опытомъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, при которыхъ бываетъ публичное соревнованіе между людьми, даже и въ дѣлахъ пу-
стыхъ, или не приносящихъ пользы обществу.

Болѣе серьезнымъ затрудненіемъ представляется хорошее распределеніе труда между членами ассоціаціи. По какой норѣ будутъ соразмѣряться различные роды труда? Кто будетъ судить, напримѣръ, какое количество ткацкой работы будетъ равномѣрно извѣстному количеству пахотной работы? Да и въ одномъ родѣ трудно ввести равномѣрность. Номинальное равенство было бы въ сущности неравенствомъ, возмутительнымъ для справедливости. Не каждый одинаково способенъ ко всякому труду в одинаковое количество труда ложится неровнымъ бременемъ на слабого и сильнаго, бойкаго и медленнаго. Эти затрудненія дѣйствительно существовали бы, но можно побѣдить ихъ. Распределеніе труда соразмѣрно силѣ и способности каждаго отдѣльнаго лица, смятченіе общаго правила для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ оно было бы тяжело,—это не такія задачи, съ которыми не могъ бы справиться челоуѣческой умъ, руководимый чувствомъ справедливости. Притомъ самое неудачное и самое несправедливое разрѣшеніе этихъ задачъ при системѣ, стремящейся къ равномѣрности, было бы такъ далеко отъ того неравенства или несправедливости, съ которою нынѣ распределяется даже самый трудъ (не говоря уже о распределеніи вознагражденія), что сравнительно съ неудобствами нынѣшней системы объ этихъ несовершенствахъ не стоило бы и говорить“.

Онъ заключаетъ свой обзоръ слѣдующими словами:

„Даже изъ нашего краткаго очерка должно быть очевидно, что эта система не нарушаетъ ни одного изъ общихъ законовъ, которымъ подчиняется челоуѣческая дѣятельность, даже при настоящемъ несовершенствѣ нравственнаго и умственнаго развитія; и что было бы чрезвычайно опрометчиво сказать, будто она не можетъ имѣть успѣха. Или не можетъ осуществить значительной части надеждъ, основываемыхъ на ней ея послѣдователями“ *).

Мы привели этотъ довольно длинный отрывокъ только для того, чтобы показать, какъ далеко истинно современные экономисты расходятся въ своихъ понятіяхъ съ узколобою школою разныхъ отсталыхъ французиновъ, изъ книжонокъ которыхъ обыкновенно почерпаются пышныя рѣчи нашими доморощенными противниками общиннаго владѣнія. Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы отвергаемъ „научныя истины“: помилосердуйте надъ этимъ серьезнымъ терминомъ, милостивые государи, скажемъ мы въ отвѣтъ; не профанируйте его приложешемъ его ко вся-

*) *Principles of Political Economy by John Stuart Mill. London. 1857.* Часть первая, страницы 246—254 в 263.

кой ветхой дряни, которую провозглашает какойнибудь поверхностный или недоучившийся французский пустослов. Какой науки хотите вы искать у Коклена и Гильюмена? Какая наука согласится иметь своими представителями Бодрильра или Гарнье? Успокойтесь, милостивые государи! вовсе не надъ наукою мы смѣемся, а только надъ ветхою дребеденью, которая вовсе не пользуется одобрениемъ истинно ученыхъ экономистовъ, дунающихъ своею головою, а не головою стародавнихъ учителей, которые жили въ другія времена, были представителями другихъ обстоятельствъ и другихъ потребностей.

Если мы споримъ противъ теоріи *laissez faire laissez passer*, то споримъ противъ нея главнымъ образомъ, какъ противъ утопіи, недостижимой при нынѣшнемъ положеніи общественныхъ нравовъ, при которомъ государство по необходимости имѣетъ очень значительную силу надъ частною жизнью. Главнымъ источникомъ такой силы мы считаемъ непривычку частныхъ людей къ инициативѣ. Печальнѣе всего этотъ недостатокъ частной инициативы проявляется именно въ той отрасли жизни, которая отдается подъ безусловную опеку государства теоріей его невмѣшательства въ экономическія отношенія: частная инициатива слабѣе всего въ дѣлѣ охраненія безопасности. Мы думаемъ, что если государственная забота будетъ раздѣляться на всѣ отрасли жизни, а не сосредоточиваться на одной этой, частная инициатива будетъ имѣть болѣе побужденій къ развитію той своей функціи, которая до сихъ поръ оставалась особенно слаба. Мы думаемъ, что дѣятельность государства въ экономической сферѣ вовсе не такъ опасна для личной самостоятельности, какъ въ дѣлѣ охраненія безопасности, потому что въ экономической сферѣ частная инициатива чрезвычайно сильна и не можетъ быть подавлена никакимъ вмѣшательствомъ. Словомъ сказать, мы также сильно хлопочемъ о развитіи личной самостоятельности, какъ еяные рьяные приверженцы отсталой школы; мы думаемъ только, что нашъ принципъ для развитія личной самостоятельности благоприятнѣе, нежели система *laissez faire, laissez passer*. Мы уже показали, что въ теоріи она ведетъ къ поглощенію личности государствомъ, а въ практикѣ служить оправданіемъ для реакціоннаго терроризма. Именно поэтому мы отвергли ее, и теперь пора намъ заняться изложеніемъ тѣхъ понятій, которыя кажутся намъ менѣе опасными для личной самостоятельности и болѣе разсудительными.

Первое правило разсудительности—принимать въ соображеніе факты. И такъ, мы выходимъ отъ того факта, что государство существуетъ и пользуется огромной силой. Каковы наши идеалы, теперь не объ этомъ рѣчь. Мы только рассматриваемъ, какое распредѣленіе государственной власти по разнымъ отраслямъ жизни неизбѣжно при данномъ состояніи общественныхъ нравовъ; мы принимаемъ государство и его огромную силу, какъ фактъ, и должны только объяснить себѣ происхожденіе и смыслъ этого факта.

Для чего возникаетъ государство и правительство, служащее органомъ его? Нѣкоторые предполагаютъ для государства цѣль болѣе высокую, нежели потребности отдѣльныхъ лицъ,—именно осуществленіе отвлеченныхъ идей справедливости правды и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ такого принципа очень легко вывести для государства права болѣе обширныя, нежели изъ другой теоріи, которая говорить только о пользѣ частныхъ лицъ; но вообще мы держимся послѣдней, и ныне человеческой личности не принимаемъ на земномъ шарѣ ничего. Будемъ же говорить объ обязанностяхъ государства съ этой точки зрѣнія, которую принимаютъ

почти всё экономисты, и въ той числѣ всё экономисты отсталой школы. Государство, по нашему мнѣнію, существуетъ только для блага частныхъ лицъ; въ этомъ не стануть спорить съ нами люди, осуждающіе насъ за привязанность въ общинному владѣнію. Теперь предложимъ нѣсколько вопросовъ. Въ чемъ поставили мы источникъ и цѣль правительства? Въ пользахъ индивидуальнаго лица. Какихъ же именно мѣръ могутъ требовать эти пользы и къ какимъ отраслямъ жизни могутъ относиться обязанности содѣйствовать этимъ пользамъ? Само собою разумѣется, тутъ а priori ничего нельзя опредѣлить, все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Мало ли какъ измѣняются надобности и желанія человѣка! Тутъ границъ разнообразію не можетъ быть опредѣлено никакихъ, кромѣ самого слова „польза“. Какъ же теперь и опредѣлить обязанности государства какимъ нибудь другимъ терміномъ? Всякое другое опредѣленіе не будетъ соответствовать самому понятію о сущности государства: зачѣмъ оно существуетъ, если не для пользы людей? А если существуетъ оно для этой цѣли, то конечно должно удовлетворять всему, что требуется понятіемъ пользы.

Есть разныя теоріи о томъ, что полезно для людей. Смотря потому, какую теорію вы примете, будутъ измѣняться ваши понятія объ обязанностяхъ государства. Но разница между заслуживающими вниманія теоріями человѣческихъ потребностей состоитъ не въ томъ, чтобы одна исключала канія либо честныя средства или дѣятельности изъ сферы жизни, а другая принимала ихъ; нѣтъ, разница только въ томъ, что, перечисляя разныя потребности человѣка, одна теоріи выше ставитъ одиѣ, другая другія; напримѣръ, по одной теоріи на первомъ мѣстѣ стоитъ матеріальное благосостояніе, по другой нравственное развитіе, и такъ далѣе.

Намъ кажется, что теоретическіе споры объ этомъ не совсѣмъ разсудительны: есть довольно много потребностей одинаково важныхъ съ общей точки зрѣнія, и та или другая беретъ перевѣсъ надъ остальными только на время, по стеченію обстоятельствъ, а съ измѣненіемъ ихъ уступаетъ первенство какой нибудь другой: слѣдовательно рѣшеніе принадлежитъ уже только практикѣ, зависящей отъ обстоятельствъ, а вовсе не теоріи.

Но по крайней мѣрѣ въ практикѣ для настоящаго времени какую потребность считаете вы самой настоятельной? Едва ли разсудительно было бы сказать, что слѣдуетъ считать только одну: скорѣе можно думать, что при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ равно настоятельны три потребности: улучшение матеріальнаго быта массы, расширеніе просвѣщенія и увеличеніе индивидуальной самостоятельности. Однакоже, чтобы приблизиться къ желаніямъ экономической школы, отсталыя мнѣнія которой мы опровергаемъ, и чтобы показать необходимость нашего вывода даже при отправленіи съ точки зрѣнія невидимому самой невыгодной для него, мы согласимся, что потребность индивидуальной самостоятельности составляетъ главную черту нынѣшняго положенія дѣлъ.

Будемъ же разсуждать, основываясь на принципѣ развитія индивидуальной самостоятельности. Пусть кругъ дѣйствій государства будетъ опредѣляться преимущественно этою потребностью. Каково будетъ въ такомъ случаѣ отношеніе государства къ экономической дѣятельности? Будетъ ли отвергнута инициатива со стороны государства въ экономической сферѣ?

Нынѣ каждый говоритъ, что всё отрасли жизни тѣсно связаны. Открытіе сдѣланное ученымъ производитъ переворотъ въ матеріальномъ бытѣ; увеличеніе

благосостояніи поднимаетъ науку; постройка желѣзныхъ дорогъ измѣняетъ общественные нравы. Толковать объ этомъ даже скучно, потому что эту мудрость найдете вы въ каждомъ пустѣйшемъ фельетонѣ. Но изъ этого ясно, что какая бы сфера жизни ни должна была служить кореннымъ поприщемъ какойнибудь инициативы, все-таки не останется ни одной сферы жизни, которая могла бы укрыться отъ дѣйствія этой инициативы. Возьмемъ, на примѣръ, случай, относящійся прямо къ вопросу о личной юридической самостоятельности. Въ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія дѣло идетъ кореннымъ образомъ о возвращеніи гражданскихъ правъ людямъ, которые до сихъ поръ не признавались самостоятельными членами общества. Сомнѣніе тутъ невозможно: сущность дѣла состоитъ въ пріобрѣтеніи гражданскихъ правъ, въ пріобрѣтеніи самостоятельности бывшими крѣпостными крестьянами; основаніе вопроса чисто юридическое. Но что же мы видимъ? Съ переменною юридическихъ отношеній неразрывно соединена экономическая перемена: въ юридическомъ вопросѣ является экономическая сторона и оказывается столь важною, что совершенно заслоняетъ собою юридическую сторону отъ вниманія общества. И не думайте, чтобы одно это дѣло было таково; нынѣ во всѣхъ дѣлахъ экономическая сторона очень важна. На примѣръ, хотя бы дипломатическія отношенія. Никто не станетъ отнимать у правительства власти давать аудіенціи иностраннымъ посланникамъ и говорить съ ними; но десять словъ, сказанныхъ Наполеономъ III Губнеру на новый годъ, отняли у европейскихъ капиталистовъ въ одну недѣлю четыреста милліоновъ руб. Не двинулся еще ни одинъ французскій солдатъ къ австрійскимъ границамъ, произнесена была только одна фраза, — и курсы фондовъ понизились настолько, что тысячи людей сдѣлались богачами, десятки тысячъ разорились, сотни тысячъ потеряли пятидесятую, двадцатую или даже пятую часть своего состоянія. Не употребляйте тутъ, если не хотите, слово конфискація, но результатъ фразы, въ которой не было ни малѣйшаго намека о промышленности или торговлѣ, или о какомънибудь имуществѣ, равнялся результату, какой могла бы имѣть только самая колоссальная конфискація. — „Но это случай чрезвычайный“. — Обратимся въ обыденнымъ административнымъ и законодательнымъ мѣрамъ, которыя возникаютъ каждый день, — мы также увидимъ, что каждая изъ нихъ производитъ соответствующую перемену въ экономическихъ отношеніяхъ. Положимъ, на примѣръ, что въ Петербургѣ рѣшено ввести газовое освѣщеніе на всѣхъ улицахъ. Навѣрное ни одинъ экономистъ не скажетъ, что городское начальство или центральное правительство выйдетъ изъ круга прямыхъ своихъ обязанностей, заботясь объ освѣщеніи города. Но если освѣтятся газомъ Коломна и Выборгская сторона, безъ всякаго сомнѣнія цѣна квартиръ тамъ нѣсколько поднимется: полицейское распоряженіе подарило донохозяевамъ этихъ частей выигрышъ на доходѣ въ нѣсколько сотъ тысячъ, а на капиталѣ въ нѣсколько милліоновъ. Кончилось ли тѣмъ дѣло? Нѣтъ. Число квартиръ осталось прежнее, число жителей Петербурга также, слѣдовательно пропорція между запросомъ и предложениемъ квартиръ, по цѣлому городу, осталась одна и та же; но въ нѣкоторыхъ частяхъ запросъ усилился; очевидно, что онъ долженъ въ соответственной степени ослабѣть въ другихъ частяхъ. И дѣйствительно, каждый, вновь желающій поселиться въ Коломнѣ или на Выборгской сторонѣ, выбываетъ изъ числа желающихъ оставаться въ первой Адмиралтейской или въ Литейной части. Уменьшеніе запроса производитъ пониженіе цѣнности. Сумма уплатъ за

квартиры осталась въ цѣлонъ Петербурга прежняя. Ясно, что она уменьшилась въ нѣкоторыхъ частяхъ, если увеличилась въ другихъ. Освѣщеніе газомъ Коломны и Выборгской стороны имѣетъ тотъ же экономическій результатъ, какой имѣла бы передача домохозяевамъ этихъ частей нѣсколькихъ милліоновъ, ваятыхъ у домохозяевъ гѣхъ частей, которыя уже и прежде имѣли хорошее освѣщеніе. Другой примѣръ. Предположимъ, что правительство упрощаетъ формы дѣлопроизводства. Мы не говоримъ уже о томъ, что черезъ это уменьшается масса чиновниковъ: положимъ, что люди служащіе, по необходимости находясь въ прямой экономической зависимости отъ каждой административной мѣры, не должны приниматься въ расчетъ; но каково вліяніе упрощенія переписки на экономическій бытъ частныхъ людей, не находящихся въ службѣ? Вести дѣла стало легче, рѣшаются они еворѣе, ходъ ихъ понятнѣе, стало быть меньше расходовъ и меньше хлопотъ каждому, имѣющему какое нибудь дѣло съ полиціею, администраціею или судилищемъ. А изъ десяти человѣкъ девятеро имѣютъ въ годъ хотя одно какое нибудь дѣло до власти. Слѣдовательно веѣ они что нибудь вытравываютъ въ денежномъ отношеніи. Кончилась ли этимъ экономическая переимѣна? Опять такая нѣтъ. Если дѣла ведутся яснѣе, проще и короче, уменьшается надобность въ ходатаяхъ, слѣдовательно теряютъ всѣ тѣ, которые прежде жили запутанностью и медленностью дѣлопроизводства. Вы скажете: „это и прекрасно; пусть уменьшаются выгоды людей, живущихъ на счетъ другихъ“. Я согласенъ, но замѣчаю во-первыхъ, что именно таковъ смыслъ всѣхъ доктринъ, желающихъ разумнаго участія государства въ экономическихъ дѣлахъ и отвергающихъ формулу *laissez faire, laissez passer*. Во-первыхъ, какъ бы то ни было, а все-таки упрощеніемъ дѣлопроизводства передавалась бы одному разряду людей очень значительная масса доходовъ, теряемыхъ другимъ разрядомъ людей.

Но едва ли не напрасно мы говорили о томъ, что каждое дѣйствіе государственной власти, къ какой бы сферѣ ни относилось оно прямымъ образомъ, къ военной или дипломатической, къ полицейской или судебной, непременно производитъ соотвѣтствующую переимѣну въ экономическихъ отношеніяхъ, непременно сопровождается передачею извѣстной массы дохода и слѣдовательно капитала изъ рукъ однихъ частныхъ людей въ руки другихъ частныхъ людей, — напрасно выставляли мы эту сторону всѣхъ безъ исключенія правительственныхъ дѣйствій въ доказательство того, что экономическая сторона частной дѣятельности никакъ не можетъ не находиться въ огромной зависимости отъ правительства. Есть другой фактъ, прямымъ образомъ устанавлиющій эту зависимость. Никто еще никогда не сомнѣвался въ неизбѣжной связи идеи государства съ идеею налоговъ и податей. Формы государственной власти могутъ быть чрезвычайно различны, составъ бюджета также, но всегда и вездѣ государственная власть имѣла съ своимъ распоряженіемъ бюджетъ, вездѣ она опредѣляла налоги и подати, вездѣ опредѣляла предметы ихъ расходованія. Въ этомъ отношеніи все равно, — неограниченный ли монархъ, или конституціонный парламентъ, или собраніе всего народа называется государственной властью: во всякомъ случаѣ, каждый частный человѣкъ долженъ платить налоги и подвергаться пошлинамъ, кашія установитъ государственная власть. Надобно ли говорить, въ какую великую зависимость отъ государства ставится черезъ это имущество каждаго частнаго человѣка и вся его экономическая дѣятельность? Конфискація слово ненавистное; но что въ ней ненавистнаго п

несправедливаго? То, что извѣстное лицо подвергается исключительной мѣрѣ, не касающейся другихъ; ненавистно и несправедливо то, что съ однимъ поступаютъ не такъ, какъ со всѣми другими. Конфискація—обратная сторона привилегія. Но если государство поступить несправедливо, предоставивъ мнѣ одному право пользоваться выгодами, напримѣръ, торговли съ Англіею или съ Франціею, то поступаетъ ли оно дурно, предоставляя каждому своему подданному право вести заграничную торговлю и пользоваться ея выгодами? Ненавистны и несправедливы вѣянія исключительныя мѣры, обращенныя на одно лицо въ его выгоду, или невыгоду, все равно. Но когда налогъ одинаково ложится на всѣхъ, до кого можетъ касаться, въ немъ нѣтъ несправедливости, это всѣми признано. А между тѣмъ, что такое дѣлаетъ налогъ? Онъ беретъ у частнаго лица въ пользу государства извѣстную долю доходовъ, т. е. извѣстную долю капитала. Если у меня триста десятинъ земли, дающихъ каждая по четыре рубля дохода, до для меня все равно, будетъ ли учрежденъ налогъ въ одинъ рубль на десятину или прямо была бы взята у меня четвертая часть моей земли: за уплатою налога изъ 1,200 руб. у меня останется дохода девятьсотъ рублей; если бы у меня прямо было взято 75 десятинъ, результатъ былъ бы тотъ же: 225 десятинъ, оставшіяся у меня и избавленныя отъ налога, давали бы также 900 рублей. Доходъ былъ бы одинаковъ, слѣдовательно и капиталъ былъ бы одинаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, давая мнѣ такую цѣну, чтобы получать съ купленнаго имущества 5 процентовъ, покущикъ далъ бы мнѣ за каждую десятину только по 60 руб., когда остается дохода по 3 руб. съ десятины, т. е. за триста десятинъ далъ бы мнѣ только 18,000 руб.; а если съ десятины остаются всѣ 4 рубля дохода, овъ далъ бы за десятину по 80 руб., т. е. ноя 225 десятинъ имѣли бы ту же самую цѣнность, 18,000 руб. Въ экономическомъ отношеніи налогъ совершенно равняется тому, какъ если бы соответственная доля имущества была обращена изъ частной собственности въ государственную.

Если государство безпревословно пользуется правомъ присвоивать себѣ посредствомъ налога такую часть имущества, какую почтетъ удобнымъ, то возможно ли разсудительному человѣку, понимающему экономическую сущность налога, сомнѣваться въ правѣ государства обращать на экономическія отношенія дѣйствіе своей власти гораздо болѣе медленное, и далеко не столь рѣзкое, именно принимать законодательныя мѣры, кашія требуются улучшеніемъ быта массы?

Мы говорили о бюджетѣ доходовъ. Еще поразительнѣе экономическое дѣйствіе бюджета расходовъ. Многія лица, не имѣющія никакого состоянія, получаютъ изъ государственнаго бюджета богатыя средства для жизни. Мало того, что бюджетъ даетъ содержаніе по нѣскольку тысячъ, или по нѣскольку десятковъ тысячъ въ годъ тѣмъ лицамъ, которыхъ правительство считаетъ достойными такого содержанія, — бюджетъ во всѣхъ государствахъ служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ возникновенія наслѣдственныхъ колоссальныхъ богатствъ. Подрядчики, поставщики, — все это созданія бюджета. Въ Западной Европѣ, почти всѣ громадныя богатства приобрѣтены частными людьми или прямо отъ бюджета, или по крайней мѣрѣ благодаря покровительству государства. Почти вся безъ исключенія поземельная собственность въ Западной Европѣ произошла изъ пожалованій правительства. Но чтѣ говорить о недвижимой собственности, когда въ прямой зависимости стъ бюджета находится даже промышленная дѣятельность множества

лицъ? Возьмемъ въ примѣръ хотя суконныя фабрики. Что, если бы государству вздувалось одѣвать солдатъ вмѣсто суконнаго платья въ бумажное? Кажется, тутъ не можетъ быть спора о границахъ его власти: форма мундира конечно зависить отъ правительства. Но отъ замѣны суконной шинели плюсовою шинелью на ватъ прямо погибли бы многіе суконныя фабриканты. Возьмите какую угодно другую статью государственнаго расхода, и вы увидите, что на ней держится экономическая дѣятельность множества людей, и что перемѣна въ ней будетъ прямымъ уничтоженіемъ многочисленныхъ состояній, прямымъ превращеніемъ цѣлыхъ отраслей прежней экономической дѣятельности.

Если бы государство совершенно не хотѣло вмѣшиваться въ экономическія отношенія, оно никакъ не могло бы избѣжать чрезвычайно сильнаго вліянія на нихъ: бюджетъ расходовъ развиваетъ экономическую дѣятельность въ извѣстныхъ направленіяхъ, бюджетъ доходовъ ставить въ прямую зависимость отъ государства всѣ безъ исключенія частныя имущества и доходы, и наконецъ всякое законодательное постановленіе, всякое измѣненіе судоустройства, всякая административная или судебная мѣра имѣетъ своимъ послѣдствіемъ перенесеніе извѣстной суммы имущества изъ однихъ рукъ въ другія. Это фактъ неизбѣжный, неотвратимый никакою теоріею науки, никакими желаніями самаго правительства. Послѣ того люди, толкующіе о невмѣшательствѣ государства въ экономическія отношенія, не похожи ли на того господина, который толковалъ о букашкахъ, не замѣчалъ слона? Если государство имѣетъ право вести войну, выбирать источники для состоянія бюджета своихъ доходовъ, употреблять, какъ ему покажется нужнымъ, собираемыя имъ суммы, — если оно такимъ образомъ имѣетъ власть надъ сотнями и тысячами милліоновъ, то какал тутъ можетъ быть рѣчь о независимости частной экономической дѣятельности отъ государства? Будемъ говорить откровенно: значительнѣйшая часть всей экономической дѣятельности общества находится въ прямой зависимости отъ правительства. Будутъ ли понимать экономисты, будутъ ли думать само государство, что оно должно имѣть сильное вліяніе на частную экономическую дѣятельность, это все равно: во всякомъ случаѣ всѣ имущественныя отношенія частныхъ лицъ будутъ зависѣть, какъ всегда зависѣли, отъ государственной власти.

Но есть большая разница въ томъ, сознано ли значеніе факта, или онъ происходитъ безознательно. Если бы браминъ сознавалъ, что онъ въ каждомъ глоткѣ воды поглощаетъ милліоны живыхъ существъ, онъ вѣроятно не остановился бы опасеніемъ наступить на какую нибудь букашку своею ногою, когда нужно спѣшить, чтобы вытащить утопающаго изъ воды. Если бы экономисты отсталой школы понимали неизбѣжность вліянія государства на экономическія отношенія, они вѣроятно, вмѣсто пустыхъ толковъ объ утопической системѣ невмѣшательства, занялись бы опредѣленіемъ истинно полезныхъ предметовъ и дѣйствительно разумныхъ границъ для неизбежнаго вмѣшательства. Мы попробуемъ сдѣлать это, принимая за основу тотъ фактъ, что государство существуетъ для блага индивидуальной личности. Прежде всего мы разсмотримъ, въ какомъ направленіи должно производиться вліяніе государства на распредѣленіе имущества въ обществѣ для принесенія людямъ наибольшей выгоды.

Предположимъ, что у Ивана есть доходъ въ 50 рублей; предположимъ, что у Петра есть доходъ въ 500 рублей; предположимъ, что кто нибудь

поручить другому лицу дѣло, дающее 100 руб. дохода: кому изъ двухъ — Ивану или Петру, будетъ выгоднѣе такая прибыль? Черезъ прибавку 100 рублей доходъ Петра увеличится всего только на пятую долю, а доходъ Ивана увеличится въ три раза. Ясно, что поручить это дѣло Ивану — значитъ принести человѣку гораздо болѣе пользы, нежели поручить Петру. Беремъ другой случай. Предполагаемъ, что существуетъ десять человѣкъ, имѣющихъ каждый по 50 рублей дохода; предположимъ, что есть дѣло, дающее 500 рублей дохода; спрашивается, лучше ли будетъ сдѣлать участниками въ этомъ дѣлѣ всѣхъ десятерыхъ, или поручить его одному? Если поручить одному, онъ выиграетъ чрезвычайно много, но выиграетъ онъ одинъ; если сдѣлать участниками всѣхъ десятерыхъ, состояніе каждаго улучшится вдвое. Положимъ, что мы еще не можемъ изъ этого рѣшить, который способъ лучше, и поручили все дѣло одному. Но вотъ встрѣчается опять подобное дѣло: если мы поручимъ его одному тому, кому поручали прежде дѣло, его положеніе улучшится менѣе, нежели вдвое (онъ имѣлъ уже 550 рублей, теперь будетъ имѣть 1050); если же поручить дѣло остальнымъ девяти, состояніе каждаго изъ нихъ улучшится болѣе, чѣмъ вдвое (каждый имѣлъ по 50, теперь будетъ имѣть по $105\frac{1}{9}$ рублей). Ясно, что лучше дать девятерымъ слишкомъ вдвое, нежели дать одному менѣе, нежели чѣмъ вдвое; ясно, значитъ, что и въ первый разъ полезнѣе было бы призвать къ участию всѣхъ десятерыхъ, а не сосредоточивать выгоду на одномъ. Мы говорили о выгодахъ, теперь подумаемъ объ убыткахъ. Предположимъ опять Ивана съ 50 рублями дохода и Петра съ 150 рублей; предположимъ, что намъ нужно получить 100 рублей и что мы имѣемъ право взять ихъ съ того и съ другаго въ какой намъ угодно пропорціи. Если мы раздѣлимъ требованіе на обоихъ поровну, то оказалось бы, что, взявъ съ Ивана 50 рублей, мы оставили его рѣшительно безъ копѣйки, а между тѣмъ у Петра взяли только одну девятую часть его доходовъ. Тутъ явная неравномѣрность въ обремененіи. Справедливѣе будетъ взять съ обоихъ въ равной пропорціи, т. е. съ Ивана только 10, а съ Петра 90 рублей. Быть можетъ, если бы мы ближе всмотрѣлись въ необходимыя надобности того и другаго, мы увидѣли бы, что можно найти пропорцію еще болѣе справедливую; но пока довольно для насъ и того: мы уже видимъ, каково должно быть вообще вліяніе государственнаго участія на экономическія отношенія. Оно должно стремиться къ тому, чтобы выгоды общественной жизни распредѣлялись между членами общества какъ можно равномернѣе, а убытки ложились на тѣхъ, кто легче можетъ вынести. Только въ этомъ направленіи можно доставлять людямъ, при данномъ размѣрѣ національнаго богатства, наибольшую сумму благосостоянія.

Въ этомъ согласны съ нами даже экономисты отсталой школы; но теперь мы должны перейти къ предмету, въ которомъ расходимся съ ихъ теоріей. Опредѣливъ направленіе непосредственнаго участія государства въ частныхъ дѣлахъ, надобно рѣшить вопросъ: нуждается ли экономическая дѣятельность частныхъ людей въ прямомъ содѣйствіи государственной власти?

„Какъ это можно? кричатъ экономисты отсталой школы: — такое вмѣшательство нарушило бы естественный ходъ вещей. Пусть вещи идутъ естественнымъ порядкомъ. Насиловать природу нельзя. Всякая искусственность вредна. Искусственными средствами вы ничего не достигнете. Оставьте дѣйствовать природу вещей;

~~сидеть~~ васъ знаетъ, какъ и что дѣлать. Неужели вы хотите свой огра-

ниченый уиъ поставить судьео природы и передѣлывать ее по вашимъ теоріямъ?”

Слова эти очень громки и милы, а главное—очень успокоительны. Смысль ихъ таковъ: будьте людьми, которые, по выраженію Гоголя, смотрятъ на міръ, ковыряя пальцемъ въ носу. Но дѣло въ томъ, что они основаны на гипотезѣ, которую мы не обязаны принимать безъ провѣрки. „Невозможно и вредно передѣлывать природу вещей“. Почему же такъ? „Потому, что въ природѣ все устроено наилучшимъ образомъ, такъ что потребности человѣческой природы находятъ себѣ наилучшее возиожное удовлетвореніе въ случайномъ сдѣленіи обстоятельствъ, такъ что разсудку не остается надобности и хлопотать объ измѣненіи этихъ обстоятельствъ для приведенія ихъ въ лучшее соотвѣтствіе съ потребностями человѣка“. Мы поснотримъ, вѣрна ли эта гипотеза.

Все въ природѣ устроено наилучшимъ образомъ,—не знаю, съ какой точн зрѣнія это справедливо; а съ точки зрѣнія человѣческихъ потребностей и удобствъ оказывается вовсе не то. Напримѣтъ, теперь хлопочуть о прорытіи Суэзкаго и Панамскаго перешейковъ,—ясно, что эти перешейки чему-то мѣшаютъ. Французы сверлить въ южной половинѣ Алжиріи артезианскіе колодцы,—надобно полагать, что воды въ тѣхъ мѣстахъ меньше, нежели нужно человѣку. Да что говорить о такихъ мелочахъ! Риттеръ и Гумбольдтъ давно доказали, что расположеніе Алтайскихъ горъ на югѣ Сибири вовсе неудобно для Сибиряковъ, которымъ было бы лучше защищаться горами отъ полюса; они же говорятъ, что если бы море раздробляло Азію на такіе же мелкіе куски, какъ раздроблена Европа, то для Азіатцевъ было бы гораздо лучше. Африкою они рѣшительно не довольны: и еслибъ только дать имъ волю, они всю бы ее исполосовали длиннѣйшими и широчайшими заливами, устроили бы въ ней по крайней мѣрѣ два или три Средиземныхъ и Балтійскихъ моря. Нельзя сказать, чтобы они во всемъ были довольны и Европой: по ихъ мнѣнію, жаль, что горы у ней на югѣ, а не на сѣверѣ. Еслибъ ихъ воля, они перенесли бы Балканы въ Олонецкую губернію. Это конечно не скоро удастся сдѣлать; но что могутъ, то дѣлають люди, чтобы переработать природу по своему. Гдѣ могутъ, они стараются осушать болота, поправлять теченіе рѣкъ, очищать ихъ устья, строить плотины, проводить каналы,—и мало ли чего они не дѣлають. Имъ, видите ли, безъ этихъ передѣлокъ неудобно жить. Да и что такое вся экономическая дѣятельность, какъ не переработка природы для удовлетворенія человѣческихъ потребностямъ? Надобно человѣку ѣсть,—ему приходится пахать землю; да еще мало того что пахать, надобно удобрять ее, надобно передѣлывать почву. Хочется человѣку укрыться отъ непогоды, опять оказывается, что природа не приготовила для него ничего, кромѣ пещеръ, и приходится опять таки передѣлывать природу, строить себѣ жилище. И до чего доходить человѣкъ!—отвратительно и подумать: даже тѣ вещи, которыя въ природномъ видѣ могли бы быть для него полезны, онъ находитъ все еще неудовлетворительными и старается улучшить ихъ по своимъ узкимъ соображеніямъ. Напримѣръ, есть на овцѣ натуральное руно, онъ эту шерсть не доволенъ: говорить, будто она груба; начинаетъ перевоспитывать овецъ, разводитъ искусственную породу мериносовъ. Можно пытаться говядиной,—онъ опять такъ находитъ, что надобно передѣлать коровью породу, чтобы мяса было больше и чтобы оно было вкуснѣе. Словомъ сказать, до чего ни дотронется человѣкъ, во-

не но немъ, все не такъ, все надобно передѣлывать. Одно изъ двухъ: или весь родъ человѣчекій, съ той поры, какъ началъ пахать землю, сумасбродствуетъ и куралеситъ, или въ самомъ дѣлѣ внѣшняя природа неудобна для его потребностей, и надобно ему сильно ее передѣлывать. Вотъ вамъ уже и создается „искусственный порядокъ вещей“, котораго не хотятъ допускать отсталые экономисты. По нашему, если вооружаться противъ искусственности, пусть бы воевали не противъ системы Овэна или Луи-Блана, а противъ утопистовъ, удобряющихъ свои поля, или хотя бы и безъ удобренія пашущихъ землю, — вѣдь это тоже „насиле-ваше натурального порядка“.

Человѣческое общество развилось подъ вліяніемъ внѣшней природы. Мы уже видѣли, что устройство внѣшней природы не совсѣмъ удовлетворительно для человѣческихъ потребностей; изъ этого прямо слѣдуетъ, что развитіе, происшедшее подъ вліяніемъ невыгодной обстановки, не можетъ вполне удовлетворять потребностямъ человѣка и нуждается въ исправленіяхъ, предписываемыхъ разеудкомъ. Самымъ общимъ слѣдствіемъ неполной сообразности устройства природы съ потребностями человѣка является недостаточность средствъ, предлагаемыхъ природою для удовлетворенія его потребностей. По натурѣ своей человѣкъ склоненъ къ доброжелательству относительно другихъ людей; но себя каждый любитъ болѣе всего на свѣтѣ. Каждый хочетъ удовлетворить своимъ потребностямъ; а средства, предлагаемая природою, для удовлетворенія всѣхъ людей не окажутся достаточными; изъ этого возникаетъ вражда между людьми, разстройство лежащаго въ человѣческой природѣ взаимнаго доброжелательства. Столкновеніе интересовъ приводитъ къ необходимости установить, съ общаго согласія, правила, опредѣляющія отношенія между людьми въ разныхъ сферахъ ихъ дѣятельности. Въ каждомъ обществѣ необходимы правила для государственнаго устройства, для отношеній между частными людьми, для огражденія тѣхъ и другихъ правилъ. Такимъ образомъ возникаютъ законы политическіе, гражданскіе и уголовные. Духъ и размѣръ этихъ законовъ могутъ быть, при различныхъ состояніяхъ общества, чрезвычайно различны; но безъ законовъ, въ томъ или другомъ духѣ, въ томъ или другомъ размѣрѣ устанавливаемыхъ разеудкомъ и измѣняющихся сообразно съ обстоятельствами, не можетъ обойтись общество, пока существуетъ несоразмѣрность между средствами удовлетворенія человѣческихъ потребностей и самими потребностями.

Для каждой сферы общественной жизни существуютъ свои особенные законы: есть правила, опредѣляющія семейную жизнь (законы о бракѣ, объ отношеніяхъ мужа и жены, родителей и дѣтей); есть правила для развитія умственной жизни (законы о воспитаніи и преподаваніи); есть правила для отношеній между независимыми людьми въ государственной ихъ дѣятельности (законы о правахъ личности и о степени ея участія въ государственной жизни); есть законы для политической дѣятельности (законы о государственныхъ учрежденіяхъ, о формахъ законодательства и администраціи). Каждая изъ этихъ сферъ жизни имѣетъ свои особенные законы, устанавливаемые разеудкомъ, зависящіе отъ воли общества, измѣняющіеся сообразно перемѣнѣ обстоятельствъ: какъ же не имѣть такихъ законовъ самой важной изъ всѣхъ дѣятельностей, какъ не имѣть ихъ экономическому производству? Еслибъ она не имѣла ихъ, этимъ нарушилась бы аналогія ея съ другими дѣятельностями, нарушался бы основной принципъ существованія об-

щества, который одно и то же съ существованіемъ законовъ. Мы видѣли, что для каждой дѣятельности не только должны существовать законы, но именно должны существовать спеціальныя законы, относящіяся только къ ней и не касающіяся другихъ дѣятельностей. Для семейнаго быта неудовлетворительны законы, опредѣляющіе вообще отношенія между частными людьми по ихъ политическимъ правамъ; и наоборотъ, для политическихъ отношеній между независимыми людьми неудовлетворительны семейныя законы. Опять было бы страннымъ нарушимъ и аналогію съ другими дѣятельностями, и основнаго общественнаго принципа, если бы экономическая дѣятельность не нуждалась въ своихъ спеціальныхъ законахъ, могла бы удовлетвориться тѣми правилами, какія существуютъ для другихъ дѣятельностей.

Мы видѣли первую причину для необходимости экономическихъ законовъ — несоразмѣрность средствъ, предлагаемыхъ внѣшнею природою, съ потребностями человѣка. Дисгармонія между условіями общей планетной жизни и частными нуждами человѣческой жизни представляется первымъ обстоятельствомъ, требующимъ вмѣшательства разсудка для облегченія этой дисгармоніи, для смягченія этихъ столкновеній. Вторымъ источникомъ является дисгармонія въ самой человѣческой природѣ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что по сущности своей природы человѣкъ есть существо стройное и согласное въ своихъ частяхъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и аналогія съ другими животными организмами, которые не носятъ въ себѣ противорѣчій, и самый принципъ единства органической жизни въ каждомъ организмѣ. Но подъ влияніемъ противныхъ потребностямъ человѣка условій внѣшней природы самая жизнь человѣка подвергается уклоненіямъ и развиваются въ ней самой противорѣчія. Различныя потребности, разжигаемыя недостаткомъ нормальнаго удовлетворенія, достигаютъ крайностей, вредныхъ для самого человѣка. Всѣ эти крайности еще болѣе искажаются и преувеличиваются влияніемъ тщеславія, составляющаго искаженіе основнаго чувства человѣческой природы, чувства собственнаго достоинства. Такимъ образомъ человѣкъ подвергается внутреннему разстройству отъ пороковъ и экзальтированныхъ страстей. Условія, въ которыхъ мы живемъ, такъ неблагоприятны для коренныхъ потребностей человѣческой природы, что самый лучший изъ насъ страдаетъ этими недостатками. Не забудемъ, что коренной источникъ ихъ — несоразмѣрность средствъ къ удовлетворенію съ потребностями, имѣеть чисто экономическій характеръ; изъ этого уже легко сообразить, что пороки и экзальтированныя страсти должны самымъ прямымъ образомъ отражаться въ экономической дѣятельности, да и самыя дѣйствительныя средства противъ нихъ должны заключаться въ экономической области: вѣдь надобно обращаться противъ зла въ самомъ его корнѣ, иначе не истребишь зла. Теперь, если эти противныя человѣческой природѣ элементы усиливаютъ необходимость законовъ для каждой сферы общественныхъ отношеній, то какимъ же образомъ могли бы оставаться чужды подобной необходимости экономическія отношенія?

Такимъ образомъ, если мы взглянемъ на вопросъ съ общей теоретической точки зрѣнія, то мнѣше, будто бы экономическая дѣятельность не нуждается ни въ какихъ положительныхъ законахъ, когда остальные дѣятельности нуждаются въ нихъ, представится намъ чистою нелѣпостью, нарушимъ всякой аналогію

тельные издержки по производству своих опытов; но всё мои расходы были уплачены правительством, когда оно испытало годность моей пушки. Я долженъ сказать, что генералъ Пиль, лордъ Пвмюръ, герцогъ Ньюкастль, словомъ сказать, всё люди, бывшіе военными министрами, когда я производил свои опыты, постоянно оказывали мнѣ всякое содѣйствіе, какого только я могъ желать. Тоже я долженъ сказать обо всѣхъ несмѣняющихся начальствахъ военного вѣдомства. Въ началѣ прошлаго года былъ назначенъ комитетъ для полнаго изслѣдованія вопроса о наръзныхъ пушкахъ. Комитетъ состоялъ изъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ съ обширными знааніями и съ опытностью въ артиллеріекомъ дѣлѣ и, употребивъ большую часть своего времени, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, на изслѣдованіе пушекъ, ядеръ и бомбъ, представленныхъ мною, они дали единодушное рѣшеніе въ пользу моей системы.

„Относительно вѣрности и дальности выстрѣловъ изъ этихъ пушекъ, я могу мало прибавить въ тою, что было сказано генераломъ Пилемъ; но замѣчу, что съ той поры, какъ онъ говорилъ, мы успѣли достигъ значительно улучшенныхъ результатовъ. На дистанціи 600 ярдовъ (255 сажень) предметъ, не превосходящій своею величиною дуло неприятельской пушки, можетъ быть поражаемъ почти каждымъ выстрѣломъ. На 3,000 ярдовъ (2 версты 300 саж.) мишень, имѣющая въ квадратѣ 9 футовъ и кажущаяся на этомъ разстояніи маленькимъ платнышкомъ, въ тихій день была поражена девятью ядрами изъ десяти. Корабль на гораздо большей дистанціи представляетъ гораздо большую цѣль, а въ городъ или въ цитадель ядра могутъ быть бросаемы съ разстоянія болѣе 5 миль (около 8 верстъ). Но чтобы орудіе приносило всю свою пользу на далекихъ дистанціяхъ, артиллерійскіе солдаты должны получать гораздо лучшее научное образованіе, чѣмъ нынѣ. И я полагаю, что морское и военное министерства примутъ необходимыя мѣры для надлежащаго образованія офицеровъ и солдатъ. Интересенъ вопросъ о томъ, каково было бы вліяніе общаго введенія этихъ орудій на различныя условія военныхъ дѣйствій. Если встрѣтятся простые деревянные корабли на открытой морѣ, то, мнѣ кажется, они должны быстро уничтожить другъ друга. Прошло то время, когда люди одѣвались въ латы; но мнѣ кажется, что подходит время одѣвать въ латы корабли. Къ нашему счастью, нѣтъ страны, которая могла бы выдержать въ этомъ уровеньъ съ Англіею. Мы имѣемъ безграничныя средства производить и употреблять въ дѣло желѣзо, изъ котораго будутъ дѣлаться корабельныя латы. Если будетъ простой корабль противъ батареи, большая выгода будетъ на сторонѣ батареи, потому что она имѣетъ для пушекъ неподвижную платформу и сдѣлана изъ матеріала болѣе прочнаго, чѣмъ деревянный корабль. Напротивъ при бомбардированія крѣпостей, арсеналовъ и верфей, представляющихъ цѣль большаго размѣра, корабли могутъ дѣйствовать съ очень далекой дистанціи, на которой будутъ пренебрегать выстрѣлами сухопутныхъ укрѣпленій. Въ случаѣ высадки (этотъ случай, быть можетъ, самый интересный для насъ) для защищающагося важность такихъ пушекъ безмѣрна. Надобно полагать, что невозможно было бы произвести высадку, если бы обороняющійся дѣйствовалъ даже только полевыми батареями изъ такихъ пушекъ; а если бы высадка была произведена, то отступающее войско вообще могло бы дѣйствовать подъ какимъ нибудь прикрытіемъ, между гѣмъ какъ нападающіе должны были бы двигаться по открытой мѣстности, на которой подверглись бы страшному истребленію.

„Теперь я скажу нѣсколько словъ о личныхъ условіяхъ, заключенныхъ между мною и правительствомъ. Съ самаго начала я рѣшительно не думалъ брать съ правительства какое нибудь вознагражденіе за усовершенствованія, которыя надѣялся произвести. Потому сначала я и не бралъ привиллегіи. Но скоро я увидѣлъ надобность взять привиллегію, не для того, чтобы присвоить себѣ монополію, но чтобы оградить себя отъ узурпаціи. Наконецъ, когда рапортъ комитета былъ представленъ, я написалъ къ правительству письмо, въ которомъ предоставлялъ въ распоряженіе службы ея величества всѣ сдѣланныя мною усовершенствованія. На это письмо правительство отвѣчало мнѣ объясненіемъ, что оно готово сдѣлать мнѣ денежное вознагражденіе; я отказался брать его. Но возникли два вопроса: во-первыхъ, какимъ образомъ правительство выучится дѣлать такія пушки; во-вторыхъ, какимъ образомъ поступать относительно будущихъ моихъ усовершенствованій, потому что все это дѣло находится еще въ развитіи и нельзя предполагать, чтобы оно остановилось въ нынѣшнемъ своемъ видѣ. Для устраненія затрудненій я предложилъ, что если правительство будетъ платить мнѣ жалованье по 2,300 фунтовъ въ годъ, начиная за три года до настоящаго времени, и потомъ еще въ теченіе слѣдующихъ семи лѣтъ, то я отдаю въ его пользу всѣ свои знанія и опытность и предоставлю ему всѣ свои будущія усовершенствованія. Это совершенно не то, что полученіе вознагражденія, отъ котораго я отказался. Это договоръ, относящійся къ службѣ, и если моя служба прекратится смертью или другимъ образомъ, то и жалованье прекратится. Я глубоко цѣню милостивое признаніе моихъ заслугъ ея величествомъ, но договоръ свой съ правительствомъ цѣню только какъ средство успѣшнѣе заниматься своимъ дѣломъ для государственной пользы и моего собственнаго удовольствія; и если бы правительству раньше или позже показалось, что моя служба не стоитъ получаемаго мною жалованья, мнѣ будетъ довольно самаго легкаго намека, чтобы освободить правительство отъ этого условія. Конечно, я никогда и не думалъ отказываться отъ своихъ нынѣшнихъ занятій; напротивъ, въ условіи положительно сказано, что мнѣ оставляется свобода вести промышленныя предпріятія, какія хочу я. Не знаю, согласно ли это съ прежними примѣрами: но я увѣренъ, что по моему образу дѣйствій публика можетъ быть увѣрена, что я имѣю въ виду не свои собственные выгоды. Мое честолюбіе состоитъ только въ томъ, чтобы усовершенствовать дѣло, которымъ я занимаюсь; о денежныхъ выгодахъ отъ него я мало думаю“.

Эрмстронгъ ссылался на слова, сказанныя объ его изобрѣтеніи генераломъ Пилемъ, тогдашнимъ военнымъ министромъ. Мы переведемъ этотъ отрывокъ изъ рѣчи, произнесенной Пилемъ въ Палатѣ Общинъ 4 марта, при обсужденіи бюджета военнаго министерства.

„Палата много слышала о новой пушкѣ сэра Уильяма Эрмстронга. Невозможно и предсказать, какія огромныя послѣдствія будетъ имѣть общее введеніе этого орудія въ нашу армію. Прoшедшимъ лѣтомъ былъ назначенъ комитетъ для изслѣдованія разныхъ нарѣзныхъ пушекъ, представленныхъ правительству. Заключение комитета было рѣшительно въ пользу орудія изобрѣтеннаго сэромъ Уильямомъ Эрмстронгомъ. Эта пушка заряжается съ казенной части, сдѣлана изъ кованаго желѣза по особенному способу и бросаетъ снарядъ, который употребляется какъ плотное ядро, какъ бомба или какъ картечь. Онъ примѣняется также къ употребленію на кораблѣхъ и имѣетъ чрезвычайную силу при разрывѣ. Пушка

эта очень прочна. Я самъ видѣлъ такую, изъ которой было сдѣлано 1,300 выстрѣловъ и которая послѣ того не представляла ни малѣйшихъ поврежденій. Важныя преимущества этой пушки—ея легкость, дальность ея выстрѣла и вѣрность стрѣльбы. Эрмстронгова пушка, стрѣляющая 18-ти фунтовыми ядрами, вѣситъ въ три раза легче обыкновенной пушки, имѣющей ядро такого же калибра. 32-хъ фунтовая пушка при зарядѣ въ 5 фунтовъ пороха бросаетъ ядро на $5\frac{1}{4}$ миль. Вѣрность ея стрѣльбы еще болѣе удивительна. На 3,000 ярдовъ она стрѣляетъ въ 7 разъ вѣрнѣе, чѣмъ обыкновенная пушка стрѣляетъ на 1,000 ярдовъ; а на дистанціи 1,000 ярдовъ она попадаетъ каждымъ ядромъ въ такую мишень, въ которую обыкновенная пушка попадаетъ только однимъ ядромъ изъ 57; итакъ можно сказать, что по вѣрности стрѣльбы она превосходитъ обыкновенную пушку въ 57 разъ“.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ X.

БИБЛИОГРАФІЯ ЖУРНАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“, НОЯВРЬ, КНИЖКА ВТОРАЯ.

Въ этой книжкѣ между прочимъ находится статья Поворскаго-Жоравко, предводителя дворянства Мглинскаго уѣзда, Черниговской губерніи: „Что стоило намъ крѣпостное право“. Авторъ, не признавая безправности крѣпостнаго состоянія, котораго законность, по мнѣнію его, родилась въ Россіи велѣніемъ Бориса Годунова, рассматриваетъ это учрежденіе сначала съ нравственной стороны, и весьма справедливо выводитъ изъ него почти все, что мы находимъ дурнаго, какъ въ существующихъ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, такъ и въ отдѣльномъ характерѣ обоихъ сословій: съ одной стороны ложное пониманіе цѣнности труда и безотчетное употребленіе его; затѣмъ раздражительность, презрѣніе къ подвластному сословію и жестокость; съ другой стороны, вслѣдствіе отсутствія права распоряжаться своимъ трудомъ и непрочности самой собственности, отвращеніе отъ работы, всевозможные обманы для уклоненія отъ нея и лѣнь. не оставляющая крестьянина и на домашней работѣ. Затѣмъ, обращаясь къ цѣнѣ, въ которую обходился помѣщику трудъ крѣпостнаго крестьянина, г. Поворскій-Жоравко говоритъ, что за эту цѣну мы бы могли купить правильный, честный и хорошо вознагражденный трудъ, и распоряжаться имъ съ чистымъ сердцемъ и неповинными руками, а въ подтвержденіе такого сужденія дѣлаетъ слѣдующій расчетъ.

Въ имѣніи, состоящемъ изъ 200 дунгъ, поселенныхъ въ 75 дворахъ, и представляющаго ежедневно на господскую работу 50 мужчинъ и 50 женщинъ, помѣщикъ даетъ крестьянамъ:

- 1) Топливо.
- 2) По двѣ десятины на дворъ (то-же, что въ великороссійскихъ губерніяхъ тягло) пахотной земли.
- 3) По двѣ десятины сѣнокосной земли, и
- 4) По одной десятинѣ огорода.

Помѣщику это вознагражденіе стоитъ:

Топливо на 75 печей, по 1 сажени въ мѣсяцъ, цѣною въ 2 руб. сереб.	1800 руб.
Пахатная змля по 2 р. 50 к. за десятину, принимая плату только за четыре десятины изъ шести	750 —
Сѣнокосная земля по 6 р. 70 к. за десятину	1005 —
Огородная земля по 30 р. сер. за десятину	2250 —
<hr/>	
Итого	5805 руб.

Между тѣмъ, по существующимъ цѣнамъ для вольнаго найма, 50 работниковъ и 50 работницъ стоили бы, полагая на мужчину платы по 30 руб., а на женщину по 20 руб. сер. въ годъ, и на харчи каждому лицу по 18 руб. сер., не болѣе 4300 руб. сер., такъ что по этому разсчету помѣщикъ переплачиваетъ за крѣпостной трудъ, сравнительно съ свободнымъ, 1505 руб., т. е. по 15 руб. на каждого работника и работницу. Отъ этого излишка платы, по мнѣшю автора, происходитъ убыточность большей части промышленныхъ предпріятій нашего дворянства, основанныхъ на крѣпостномъ правѣ, такъ какъ въ хозяйствѣ земледѣльческомъ дефицитъ маскируется невыдачею денегъ, а въ фабричномъ выражается очевиднымъ убыткомъ и вслѣдствіе того упадкомъ заведенія.

При внимательномъ разсмотрѣніи разчета, сдѣланнаго г. Покорскимъ-Жоравко, оказывается, что не только его нельзя признать правильнымъ выраженіемъ стоимости крѣпостнаго труда вообще въ земледѣльческихъ имѣніяхъ Россіи, но и для Черниговской губерніи сомнительно, чтобы принятія въ немъ основанія могли быть признаны вѣрными. Конечно, въ имѣніи, подобномъ приведенному авторомъ, хотя и было бы по великороссійской нормѣ отъ 70 до 90 тятлъ, изъ которыхъ ежедневно исправляла бы пригонъ только половина, но съ лишними или стоновыми днями, существовавшими во всѣхъ почти хазяйствахъ, составилось бы кругомъ немногимъ менѣе 50 человекъ рабочихъ каждого пола; за то въ другихъ цифрахъ, выражающихъ получаемое крестьянами вознагражденіе за обязательный трудъ, при сравненіи приводимыхъ авторомъ условій съ существующими въ другихъ краяхъ, оказывается огромная разница. Снабженіе крестьянъ дровами, по сажени на дворъ пли на тятло въ мѣсяцъ, авторъ оцѣниваетъ въ огромную сумму 1800 р. сер., между тѣмъ какъ въ большей части имперіи 900 саж. дровъ полѣнныхъ могутъ быть куплены на городскихъ рынкахъ, слѣдовательно со включеніемъ въ продажную цѣну стоимости привоза, — за сумму отъ 500 до 800 руб. сер. Весьма сомнительно, чтобы въ Черниговской губерніи отопленіе крестьянскихъ избъ производилось столь цѣнными дровами, такъ какъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ для этого употребляется валежникъ, сухіе сучья, въ совершенно безлѣсныхъ — солома, бурьянъ и приготовляемые изъ навоза кирпичи. Равнымъ образомъ и за луговую землю авторъ полагаетъ такую наемную плату, которая за пустошные луга, какими болѣею частію владѣютъ крестьяне, почти нигдѣ не получается, и едва не доходить до платы за поемные луга. Наконецъ за десятину огородной земли и наемъ усадьбы г. Покорскій-Жоравко назначаетъ примѣрную плату по 30 руб. сер. на томъ основаніи, что за огороды, отдаваемые въ наемъ постороннимъ лицамъ, землевладѣльцы получаютъ иногда до 60 рублей серебромъ съ десятины; но въ настоящее время почти всѣ согласны съ тѣмъ, что огородныя земли крестьянъ, какъ по-

лучившія высшую противъ полевыхъ земель цѣнность единственно отъ потребленнаго ими труда и удобрения, безъ всякаго участія помѣщика, должны быть цѣнными по размѣру пространства наравнѣ съ полевыми, — слѣдовательно, и при оцѣннѣ вознагражденія за крѣпостной трудъ огороды должны быть принимаемы съ тою только цѣнностью, которую они имѣли, когда были отведены крестьянамъ. Что же касается до строеній, то ихъ можно было бы считать полною собственностью помѣщика, отдаваемою крестьянамъ въ наемъ, только въ такомъ случаѣ, если бы помѣщикъ прежде заплатилъ крестьянину за употребленный на возведеніе ихъ трудъ, — чего, разумѣется, никогда не бывало, — или по крайней мѣрѣ на соотвѣтствующее число дней уволилъ его отъ барщины, — что хотя и встрѣчалось, но весьма рѣдко.

Измѣнивъ, согласно съ этими замѣчаніями, выведенныя авторомъ цифры, мы нашли бы итогъ получаемого крестьянами вознагражденія за крѣпостной трудъ несравненно меньшій противъ цѣнности самого труда, и этотъ итогъ подтвердилъ бы мнѣшіе, нынѣ всѣми принятое, что при крѣпостномъ состояніи крестьяне, даже въ хорошо управляемыхъ имѣніяхъ, давали работою несравненно болѣе цѣнности отведенныхъ имъ угодій. Въ извѣстной степени равновѣсіе могло возстановиться обязанностью помѣщика кормить своихъ крестьянъ въ неурожайные годы, но мы знаемъ, какъ эта обязанность исполнялась: въ такіе годы, благодаря всеобщей безрасчетливости, помѣщикъ большею частію находился въ невозможности даже удовлетворить нуждамъ своего семейства — и только разрѣшаемыя правительствомъ ссуды выручали бѣдствующій край, вовлекая его въ то же время въ неоплатимыя недоимки на будущіе годы. Если, кромѣ вредныхъ нравственныхъ послѣдствій, крѣпостное состояніе имѣло вредное вліяніе и на матеріальное благосостояніе класса помѣщиковъ, то это произошло черезъ посредство нравственныхъ причинъ, такъ какъ возможность вести хозяйства почти безъ всякихъ расходовъ и растрчивать безрасчетно время и трудъ человѣческой произвела въ помѣщикахъ безопасность и расточительность, а эти пороки, какъ естественное послѣдствіе, привели за собою почти всеобщее разстройство денежныхъ дѣлъ и самыхъ имѣній.

Во второй декабрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ помѣщена между прочимъ статья г. Ржевскаго: „Опытъ разрѣшенія вопроса о выкупѣ земли“. Прежде изложенія своего проекта, авторъ считаетъ необходимымъ разрѣшить четыре вопроса:

1) Желаютъ ли крестьяне купить, а помѣщики согласны ли продать землю, предоставляемую крестьянамъ въ пользованіе?

2) Какимъ образомъ опредѣлить размѣръ и цѣну этой земли?

3) Гдѣ взять капиталовъ на ссуду крестьянамъ для покупки земли?

Чѣмъ можно обезпечить возвратъ этой ссуды, то есть, какимъ образомъ устроить, чтобы крестьяне исправно уплачивали проценты и капиталъ въ тѣ сроки, которые будутъ назначены?

Обращаясь сначала къ первому изъ этихъ вопросовъ, авторъ говоритъ, что крестьяне будутъ желать приобрѣтенія въ собственность предоставленной имъ въ пользованіе земли только въ такомъ случаѣ, если отъ этого не увеличатся сумма ежегодныхъ повинностей или платежей, и если они увидятъ на самомъ дѣлѣ удобства подобной сдѣлки. Помѣщики же будутъ желать продажи крестьянскихъ означенныхъ земель въ такомъ только случаѣ, если имъ будетъ

талъ, относящійся къ получаемому отъ этихъ земель доходу такъ, какъ относится обыкновенно покупной капиталъ къ получаемымъ въ видѣ дохода процентамъ. На основаніи этихъ соображеній, г. Ржевскій полагаетъ необходимымъ поставить правиломъ, чтобы за основаніе расчета, какъ постоянная величина, была принимаема та сумма, которую крестьяне могутъ безъ затрудненія вносить ежегодно въ видѣ уплаты процентовъ и капитала, чтобы эта сумма могла быть уменьшаема только въ такомъ случаѣ, если они пожелаютъ купить земли менѣе, нежели сколько предоставлено имъ будетъ въ пользованіе, чтобы ни покупка, ни продажа не были обязательны.

Въ опредѣленіе размѣра и цѣны земель, имѣющихъ перейти въ собственность крестьянъ, правительству, по мнѣнію автора, вступаться не слѣдуетъ: оно должно только удостовѣриться въ томъ, что договоръ дѣйствительно заключается съ полного согласія обѣихъ сторонъ, для чего г. Ржевскій предлагаетъ постановить, чтобы повѣрка производилась на мѣстѣ нѣсколькими лицами, другъ отъ друга независящими, и чтобы утвержденныя условія публиковались и могли быть обсуживаемы въ журналахъ.

Затрудненіе въ приисканіи капиталовъ для уплаты помѣщикамъ за крестьянскія земли, по мнѣнію автора, частію устранится тѣмъ, что выкупъ будетъ производиться постепенно, и потому однѣ и тѣ же деньги, оборотившись, могутъ послужить къ выкупу болѣе нежели одного селенія, — или можетъ быть избѣгнуто выдачею помѣщикамъ, вмѣсто денегъ, свидѣтельствъ, по которымъ они будутъ получать проценты до уплаты капитала. Для доставленія же помѣщикамъ возможности удобнѣйшимъ образомъ продавать выданныя имъ свидѣтельства, которыя г. Ржевскій называетъ выкупными листами, онъ полагаетъ раздробить ихъ на небольшія суммы въ 1,000 или 500 р. сер., принимать ихъ въ залоги по казеннымъ подрядамъ и допустить залогъ ихъ въ мѣстныхъ банкахъ и приказахъ общественаго призрѣнія въ $\frac{4}{5}$ номинальной цѣны.

Обращаясь наконецъ къ 4 вопросу—о томъ, чѣмъ можетъ быть обезпеченъ возвратъ ссуды, г. Ржевскій сначала опровергаетъ примѣръ, на которомъ многіе основываютъ свое убѣжденіе, что крестьяне неспособны исправно уплачивать проценты на ссужаемый имъ капиталъ, а именно: накопленіе недоимокъ на крестьянахъ государственныхъ имуществъ. По мнѣнію автора, недоимки накаплиются неизбѣжно въ слѣдующихъ случаяхъ: а) если мѣста и лица, обязанныя взскивать срочные платежи, не исполняютъ своей обязанности, или по какимъ бы то ни было причинамъ находятъ для себя выгоднымъ допускать накопленіе недоимокъ; б) если сроки платежей слишкомъ отдалены одинъ отъ другаго, а потому и суммы, требуемыя къ уплатѣ въ одинъ срокъ, слишкомъ значительны; и наконецъ с) если взсканіе производится по правиламъ круговой поруки, который представляетъ какъ бы премію за несостоятельность въ платежѣ податей, и притомъ можетъ служить болѣе или менѣе дѣйствительнымъ обезпеченіемъ исправнаго поступленія только въ соединеніи съ временнымъ рабствомъ — кабалой, или съ крѣпостнымъ состояніемъ.

По нашему мнѣнію, круговая порука, въ особенности при предстоящей нынѣ опасности разстройства сельскихъ мірскихъ обществъ, не можетъ имѣть того вида, который предлагается отъ г. Ржевскій. На первый взглядъ кажется, что онъ предлагаетъ одинъ для каждаго сдѣльнаго крестьянина, чтобы

другіе уплачивали за него подати; но въ дѣйствительности положеніе недоимщика до такой степени незавидно, что едва ли кто, за исключеніемъ людей совершенно порочныхъ, которыхъ не исправитъ и никакая личная отвѣтственность, себя поставитъ въ это положеніе, если только имѣетъ какую нибудь возможность его избѣгнуть. Обмануть помѣщика притворною бѣдностью было возможно, и во многихъ случаяхъ даже легко; но обмануть нирѣ, знающій о каждомъ приходѣ и расходѣ своихъ членовъ, невозможно. Притомъ дѣйствительный, безвозвратный платежъ исправныхъ крестьянъ за недоимщиковъ можетъ встрѣтиться лишь весьма рѣдко: въ большинствѣ случаевъ нирѣ безъ сомнѣнія найдетъ возможнымъ принудить неплательщиковъ какими нибудь общественными работами, напримѣръ отбываніемъ за все селеніе дорожной повинности и т. п., вознаградить сдѣланное для нихъ пожертвованіе, а между тѣмъ отъ подобнаго обязательнаго труда по мірскому приговору весьма далеко до кабалы. Самъ авторъ, считая необходимымъ устранить круговую поруку, говоритъ, что ее должно замѣнить нѣсколько усиленною личною отвѣтственностью, не прибѣгая однакоже ни къ мѣрамъ жестокости, ни къ такимъ, которыя могли бы привести въ пролетаріату; но при полной личной отвѣтственности, съ человѣкомъ, накопившимъ неоплатныя недоимки и не старающимся объ очищеніи ихъ, невозможно принять другую окончательную мѣру, кромѣ лишенія его поземельнаго участка и слѣдовательно обращенія въ пролетаріатъ, или, что почти тоже, насильственнаго переселенія. Предположить же, какъ дѣлаетъ г. Ржевскій, отдѣльную отъ мірскаго управленія власть, которая имѣла бы право распорядиться принятіемъ строгихъ мѣръ противъ неплательщика или взятіемъ въ свое вѣдѣніе его поземельнаго участка, — неизбѣжное послѣдствіе отиѣны круговой поруки, — значило бы окончательно уничтожить всякую надежду на самостоятельное развитіе сельскихъ обществъ. Впрочемъ и г. Ржевскій, такъ горячо возстающій противъ круговой поруки, не могъ обойтись безъ того, чтобы не ввести въ свой проектъ, какъ мы увидимъ ниже, нѣкоторыя мѣры, отчасти основанныя на этомъ началѣ.

Самый проектъ г. Ржевскаго состоитъ въ слѣдующемъ:

По введеніи срочно-обязаннаго положенія, крестьянамъ и помѣщикамъ предоставляется заключать между собою добровольныя условія о цѣнѣ и количествѣ покупаемой земли. Совершеніе подобныхъ сдѣлокъ ни для той, ни для другой стороны не обязательно. Условіе излагается на бумагѣ, по возможности въ краткихъ и понятныхъ крестьянамъ выраженіяхъ, и рассматривается уѣзднымъ и губернскимъ предводителями дворянства, начальникомъ губерніи, предсѣдателемъ палаты государственныхъ имуществъ и наконецъ приказомъ общественнаго призрѣнія. Получивъ условія и планы къ 1-му сентября, приказъ, не позже 1-го декабря, объявляетъ, согласенъ ли онъ сдѣлать ссуду или нѣтъ, и по какимъ причинамъ; затѣмъ, рассчитавъ ссуду съ 1-го января наступающаго года, выдаетъ помѣщику слѣдующее ему вознагражденіе пыкупными листами въ 500 р. сер. каждый, а сумму, меньшую 500 р., деньгами; если имѣніе заложено въ кредитномъ учрежденіи, то приказъ уплачиваетъ долгъ и удерживаетъ соответствующую часть выкупныхъ листовъ. Срокъ займа — 33-лѣтній; крестьяне платятъ 4% интереса, 1½% на погашеніе капитала и ½% въ пользу приказа, на усиленіе его состава. При самомъ заключеніи условія, крестьяне обязаны представить въ обезпеченіе сумму, равняющуюся годовому платежу, а затѣмъ вносятъ проценты помѣсячно.

за каждый мѣсяцъ впередъ; по окончаніи же заемнаго срока внесенная предварительно сунна зачитается въ уплату послѣдней части капитала. Наблюденіе за платежѣмъ крестьянами процентовъ возлагается ближайшимъ образомъ на самый приказъ общественнаго призрѣнія, который, между тѣмъ, независимо отъ поступающихъ къ нему платежей, ежегодно послѣ 1-го января выдаетъ по 4⁰/₁₀₀ предъавителямъ закладныхъ листовъ, и сверхъ того, изъ полученныхъ имъ процентовъ погашенія уплачиваетъ по извѣстному числу этихъ листовъ капиталъ, руководствуясь старшинствомъ номеровъ, а для предварительнаго извѣщенія владѣльцевъ публикуетъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ списокъ номеровъ, назначеннымъ къ уплатѣ; такой же списокъ выставляется и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ губерніи. Проценты на билеты, заложенные владѣльцами въ приказѣ (какъ выше сказано за ⁴/₁₀₀ капитальной суммы), зачисляются въ пользу приказа, а когда эти листы поступятъ на очередь къ уплатѣ, то приказъ доплачиваетъ на нихъ владѣльцамъ остальные сто рублей.

Слѣдующіе отъ крестьянъ взносы распредѣляются помѣсячно и зачисляются приказомъ по каждому селенію отдѣльно, сначала въ уплату процентовъ до составленія полной годовой суммы ихъ, а потомъ въ погашеніе капитала; въ самыхъ же селеніяхъ назначаются изъ крестьянъ, по выбору общества и съ утвержденія окружнаго начальника, особые сборщики, которымъ черезъ окружное правленіе выдаются ежегодно контромарки для раздачи лицамъ, внесшимъ причитающіяся съ нихъ части платежа; о неплательщикахъ окружной начальникъ обязываетъ сельскій сходъ сдѣлать приговоръ, для побужденія ихъ къ платежу зависящими отъ него мѣрами. Приказъ ежемѣсячно сообщаетъ палатѣ о вѣсѣхъ недоимкахъ по сбору, и если къ 1-му января наступающаго года на какомъ либо селеніи останется за истекшій годъ недоимка, то онъ пополняетъ ее изъ суммы обезпеченія, а когда она истощится, то увѣдомляетъ объ этомъ палату, для принятія болѣе строгихъ мѣръ взысканія. Палата предписываетъ волостному начальству отдать наиболѣе неисправныхъ плательщиковъ въ заработки къ частнымъ лицамъ, которыя пожелаютъ ихъ ваять, съ уплатою всей условленной за работу суммы впередъ. Срокъ отдачи въ заработки не долженъ быть болѣе одного года, а за побѣгъ отъ хозяина до окончанія срока работникъ наказывается по военнымъ законамъ, о чемъ ему объявляется при самой отдачѣ. Въ случаѣ недостаточности этой мѣры въ пополненіи недоимки, палатѣ предоставляется отдать часть угодій селенія въ наемъ постороннимъ лицамъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки, а если количество недоимокъ накопится до общей суммы сдѣланной первоначально ссуды, то приказъ имѣетъ право назначить половину всей земли въ продажу съ публичнаго торга, которая признается дѣйствительною и утверждается только тогда, когда предложенная сумма будетъ равняться двумъ третямъ всей ссуды; остальная же часть обезпечивается остальною половиною земли, и платежи за нее назначаются прежнимъ порядкомъ. Если наконецъ за продажей половины земли селеніе окажется слиткомъ малоземельно, то палата государственныхъ имуществъ дѣлаетъ распоряженіе о выселеніи въ дальнія губерніи тѣхъ изъ крестьянъ, которые были наиболѣе виновны въ накопленіи недоимокъ.

На первый изъ предлагаемыхъ авторомъ настоящей статьи вопросовъ — желаютъ ли помѣщики продать, а крестьяне купить землю, г. Ржевскій отвѣчаетъ

за обѣ участвующія стороны: „да, если только цѣна будетъ безобидная“. Мы полагаемъ, что согласіе, кромѣ справедливаго назначенія цѣны, можетъ зависѣть и отъ другаго обстоятельства, по вліянію котораго или помѣщикъ можетъ быть вынужденъ взять за извѣстное количество земли гораздо менѣе дѣйствительной стоимости его, или крестьяне могутъ согласиться дать гораздо болѣе. Это обстоятельство есть будущая организація срочно-обязаннаго положенія. Смотри по тому, въ пользу которой стороны на самомъ дѣлѣ сложится эта организація, та или другая сторона будетъ имѣть явное преимущество въ переговорахъ объ окончательной сдѣлкѣ. Далѣе авторъ говоритъ, что за основаніе расчета, какъ постоянная величина, должна быть принята сумма, которую крестьяне могутъ безъ затрудненія ежегодно платить, въ видѣ уплаты процентовъ и капитала,—и хотя онъ не договариваетъ, но какъ мысль безъ этого добавленія не полна, то мы полагаемъ, что означенная сумма, въ мысли г. Ржевскаго, должна быть признаваема нормою справедливаго вознагражденія за количество земли, вполне обезпечивающее благосостояніе крестьянъ. По нашему мнѣнію, эта норма слишкомъ неопредѣленна, понятіе о затрудненіи совершенно относительное (въ нѣкоторыхъ, богатыхъ промышленностью, мѣстностяхъ, крестьяне могутъ, безъ слишкомъ большаго стѣсненія, платить ежегодно, какъ и платятъ нынѣ, суммы, далеко превосходящія цѣнность отведенныхъ имъ угодій) и по невозможности во всѣхъ тѣхъ краяхъ, которыхъ населеніе живетъ не исключительно земледѣліемъ, опредѣлить, какое именно количество земли составитъ достаточное обезпеченіе. Проще было бы принять за основаніе доходъ, дѣйствительно получающійся отъ отдачи внаймы разнаго рода земель и по расчету процентовъ, какъ говорятъ нѣсколько выше самъ г. Ржевскій, вычислить продажную цѣну,

Относительно денежныхъ средствъ, необходимыхъ для выкупа, г. Ржевскій полагаетъ, что сумма ихъ должна значительно уменьшиться отъ того, что выкупъ будетъ не понудительный, а основанный на добровольныхъ сдѣлкахъ, и слѣдовательно даетъ время возврату и обороту капиталовъ. Намъ кажется, что подобный оборотъ могъ бы произойти въ такомъ только случаѣ, если бы назначеніе ссудъ раздѣлено было на нѣсколько десятковъ лѣтъ; но такое предположеніе едва ли возможно допустить, а надобно полагать, напротивъ, что если только сопряжены съ выкупомъ повинности не будутъ слишкомъ стѣснительны, и въ особенности, если онѣ, какъ вѣроятно и будетъ, не превысятъ установленныхъ по срочно-обязанному положенію, то въ теченіе какихъ нибудь трехъ или четырехъ лѣтъ во всѣхъ имѣніяхъ крестьяне, обязанные и безъ того выкупить усадьбы и пробыть 12 лѣтъ въ срочно-обязанномъ состояніи, изъявятъ желаніе выкупить землю, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ исключительно промышленныхъ селеній, которыхъ жители и теперь не занимаются земледѣліемъ, да и тѣ, если бы отказались отъ выкупа земли, то сдѣлали бы весьма вредную для будущности ихъ самихъ и ихъ потомства ошибку. Къ изъявленію этого желанія побудитъ крестьянъ даже и самое, сопряженное съ полученіемъ ссуды, освобожденіе отъ личной зависимости. Конечно могутъ быть, и дѣйствительно есть, въ селеніяхъ отдѣльныя личности, которымъ, по особенной способности ихъ къ ремесламъ или торговлѣ, вообще къ промысламъ городскимъ, выгодно какъ можно скорѣе и проще разорвать связь, прикрѣпляющую ихъ къ землѣ; но чтобы цѣлому селенію могло быть полезно отказаться отъ выкупа земель, могущаго положить прочное основаніе благосогтоя-

нiю его на нѣсколько поколѣнiй, — мы никакъ допустить не можемъ. Весьма трудно также предположить, чтобы крестьяне, отказавшись отъ выкупа той земли, которая имъ была отведена въ пользованiе, безъ пособiя кредита, приобрѣли землю въ другомъ, болѣе выгодномъ для нихъ мѣстѣ; такъ что вопросъ заключается единственно въ томъ: выкупить ли эти земли, или остаться вовсе безъ поземельной собственности? Между тѣмъ даже въ тѣхъ враяхъ, гдѣ теперь земля имѣетъ весьма малую цѣнность и гдѣ хлѣбопашество почти исключительно производится женщинами и дѣтьми, приобретене земли весьма важно для крестьянъ, такъ какъ оно доставить имъ возможность, отправляясь на заработки въ столицу, самымъ дешевымъ образомъ обезпечивать свои семейства, которыхъ содержанiе въ городѣ стоило бы несравненно дороже, а со временемъ, при увеличенiи населенiя, земля должна приобрести еще большую цѣнность; разумѣется, однакоже, что въ этихъ краяхъ выкупная цѣна ея будетъ несравненно ниже, чѣмъ въ губернiяхъ земледѣльческихъ.

На сколько, по нашему мнѣнiю, крестьянамъ выгоденъ въ настоящее время выкупъ отводимыхъ имъ полевыхъ земель, — конечно за умѣренную цѣну, — настолько же выгодно было бы помѣщикамъ оставить ихъ за собою, совершенно независимо отъ той цѣны, которая можетъ быть за нихъ получена. Удержанiе земель въ рукахъ помѣщиковъ, въ особенности въ густо населенныхъ губернiяхъ, и если бы на это рѣшились нѣсколько самыхъ значительныхъ владѣльцевъ, совершенно измѣнило бы то отношенiе, которое должно образоваться между сословiями помѣщиковъ и крестьянъ, и поставило бы послѣднихъ въ столько же почти стѣснительную зависимость отъ произвола первыхъ, какая существовала при крѣпостномъ состоянiи. Поэтому, хотя конечно отъ выкупа земель стало бы уклоняться только меньшинство помѣщиковъ, но во всякомъ случаѣ, чтобы произволъ одного лица, движимаго своекорыстными расчетами, не могъ лишить нѣсколько семей, а можетъ быть и нѣсколько тысячъ человекъ, тѣхъ прочихъ основъ благосостоянiя, которыя доставляются всему сословiю, намъ казалось бы справедливымъ сдѣлать уступку полевыхъ земель въ какомъ нибудь опредѣленномъ размѣрѣ, составляющемъ минимумъ надѣла, и за опредѣляемую посредниками изъ обѣихъ сословiй цѣну обязательною для помѣщика.

Для удержанiя предполагаемыхъ г. Ржевскимъ выкупныхъ листовъ въ надлежащей цѣнности, онъ между прочимъ считаетъ возможнымъ допустить залогъ ихъ въ приказахъ общественаго призрѣнiя, съ выдачею чистыхъ денегъ, въ $\frac{4}{5}$ нарицательной ихъ цѣны, но едва ли средства приказовъ окажутся достаточными какъ для этого оборота, такъ и для уплаты другимъ кредитнымъ установленiямъ за всѣ заложенные въ нихъ имѣнiя. Впрочемъ и безъ этого права, если только взиманiе процентовъ на выкупной капиталъ будетъ хорошо организовано и платежи будутъ поступать беззастенчиво, нѣтъ причины предполагать, чтобы выкупные листы, принимаемые въ залогъ правительствомъ, не сохранили своей цѣны и въ сдѣлкахъ между частными лицами, подобно облигацiямъ разныхъ земскихъ банковъ въ Германiи, въ числѣ которыхъ многiя выпущены были для той же цѣли, т. е. для выкупа крестьянскихъ повинностей.

Главную черту въ предполагаемой г. Ржевскимъ организацiи взысканiя съ крестьянъ выкупныхъ платежей составляетъ непосредственное участiе въ дѣлахъ сельской общины мѣстнаго управленiя государственныхъ имуществъ. Намъ кажется,

что при образованіи общины болѣе всего надобно стараться о томъ, чтобы поставить ее по возможности въ самостоятельное положеніе и оградить ее не только отъ произвола помѣщика, у котораго для нея выкупаются земли, но и отъ всякаго излишняго вмѣшательства мѣстной администраціи. Что такого рода self-government у насъ возноженъ, доказываются примѣрами многихъ оброчныхъ имѣній, въ которыхъ владѣльцы и управители не бываютъ по нѣскольку лѣтъ, а между тѣмъ крестьяне, подъ управленіемъ выбираемыхъ ими самими старостъ, которые только для формы утверждаются помѣщикомъ, безнедоумочно уплачиваютъ какъ подати, такъ и лежащій на нихъ оброкъ, иногда довольно тяжелый, и сверхъ того не рѣдко достигаютъ значительной степени благосостоянія. Особенно счастливынъ обстоятельствомъ для подобныхъ имѣній бываетъ то, если владѣлецъ занимаетъ болѣе или менѣе значительное мѣсто въ службѣ или носить особенное громкое имя, такъ какъ въ этомъ случаѣ имя его ограждаетъ крестьянъ отъ притѣвленія чѣстныхъ властей, которымъ иногда бывало довольно одного какого нибудь повода, — совершеннаго въ деревнѣ преступленія или даже найденнаго на землѣ ед мертваго тѣла, — чтобы обременить всю деревню. Если при крѣпостномъ состояніи крестьяне, предоставленные самимъ себѣ, умѣли такъ хорошо вести свои дѣла тамъ, гдѣ имъ никто не мѣшалъ, то тѣмъ болѣе можно ожидать счастливаго результата отъ самоуправленія ихъ, когда, сдѣлавшись членами самостоятельной общины, они почувствуютъ свое достоинство и поймутъ, что лица, ими избранныя въ представители, назначаются не къ тому, чтобы быть безответными орудіями въ рукахъ непосредственно надъ ними стоящей власти и въ случаѣ нужды отвѣчать за міръ спиною или карманомъ, а къ тому, чтобы дѣйствительно управлять мірскими дѣлами для общей пользы. Это убѣжденіе заставитъ крестьянъ совершенно иначе смотрѣть на право выбора должностныхъ лицъ, чѣмъ до сихъ поръ смотрѣли тѣ изъ нихъ, которымъ это право было предоставлено. Старшинами, старостами, вообще подъ какимъ бы то ни было названіемъ представителями общины — будутъ самые умные и дѣятельные люди ея, и если бы даже міръ когда нибудь ошибся въ выборѣ, то необходимость отдавать отчетъ мірской сходкѣ, и въ важнѣйшихъ случаяхъ дѣйствовать съ ея утвержденія, пресѣчетъ въ самомъ началѣ иогушія произойти злоупотребленія. Слишкомъ близки всѣмъ этимъ людямъ интересы, которые будутъ поручены выборнымъ, чтобы можно было предположить равнодушіе общины къ дурному управленію ими. Такое равнодушіе является только тогда, когда или дѣла, поручаемыя избраннымъ лицамъ, не до всѣхъ избирателей равно касаются, или когда избиратели увѣрены, что кого ни назначъ, никто не будетъ въ состояніи принести истинную пользу; а это убѣжденіе вселяется въ нихъ только тогда, когда надъ выборными лицами слишкомъ близко стоитъ другая, чуждая общинѣ власть. Конечно, для самоуправленія, по крайней мѣрѣ при томъ положеніи, въ которое будутъ поставлены наши сельскія общины, необходимо существованіе въ томъ или другомъ видѣ круговой поруки; но мы старались доказать, что это начало въ дѣйствительности не имѣетъ тѣхъ дурныхъ сторонъ, которыя въ немъ находятъ нѣкоторые теоретики. Болѣе того, мы даже убѣждены, что при хорошей организаціи мірскаго управленія, — а первою чертою такой организаціи мы признаемъ самостоятельность его внутри самой общины, — и при умѣренной размѣрѣ платежей за выкупъ земли, вовсе не представится надобности въ тѣхъ крайнихъ мѣрахъ, кація предполагаетъ г. Ржевскій относительно селеній, на которыхъ

накопятся значительныя недоимки, и что міръ самъ съумѣетъ справиться съ недоимщиками. Необходимо только, чтобъ ему не мѣшали.

„БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ“ 1858, ДЕКАБРЬ.

Въ декабрьской книжкѣ „Библиотеки для Чтенія“ оконченъ начавшійся еще въ ноябѣ рядъ статей г. Тернера, подъ заглавіемъ „Очерки современныхъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ“. Въ этихъ очеркахъ, раздѣленныхъ на 13 отдѣловъ, авторъ сначала обзрѣваетъ и обсуживаетъ по каждому изъ частныхъ вопросовъ, на которые распадается общій вопросъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, мнѣніе другихъ писателей, а потомъ излагаетъ свои мысли о спорномъ предметѣ. Мы не будемъ слѣдовать за г. Тернеромъ въ этомъ обзрѣвнн, заключающемъ въ себѣ довольно полный сводъ всего, что было писано въ послѣднее время о крестьянскомъ вопросѣ, а ограничимся извлеченіемъ изъ всего ряда очерковъ главныхъ его мнѣній.

Необходимую предварительную мѣрою къ освобожденію крестьянъ отъ крупостной зависимости г. Тернеръ признаетъ введеніе ерочно-обязаннаго состоянія, которое, по его мнѣнію, должно имѣть весьма важное нравственное значеніе: оно прнучитъ объ участвующія въ немъ стороны къ почитанію взаимныхъ правъ и исполненію своихъ обязанностей, увеличитъ приверженность крестьянина къ отводимой ему землѣ и сдѣлаетъ его достойнымъ предстоящаго ему новаго положенія. Независимо отъ того, срочно-обязанное состояніе предотвратитъ—какъ необходимость въ единовременномъ выкупѣ, такъ и недостатокъ рабочихъ рукъ, могущій произойти отъ внезапнаго превращенія барщины.

Необходимую принадлежность этого положенія составляетъ выкупъ усадебъ и отводъ крестьянамъ полевыхъ земель въ пользованіе; для достиженія же при томъ и другомъ должной правильности, нужны справедливыя оцѣнки—какъ съ одной стороны усадебъ и полевыхъ земель, такъ съ другой стороны и самой работы. Относительно оцѣнки усадебъ, г. Тернеръ полагаетъ, что строенія должны быть включаемы въ нее только въ такомъ случаѣ, если они возведены съ помощью денежной ссуды отъ помѣщика, если на купленный имъ за свои деньги лѣсъ—тогда къ оцѣнкѣ усадебной земли можетъ быть прибавлено отъ 30 до 90%; самую же землю авторъ считаетъ нужнымъ цѣнить значительно выше полевой, уже и потому, что она на дѣлѣ въ настоящее время стоитъ гораздо дороже. Въ тѣхъ краяхъ, гдѣ усадьбы имѣютъ промышленное значеніе, по мнѣнію г. Тернера, для правильной оцѣнки слѣдуетъ отдѣлнить отъ получаемаго нынѣ помѣщиками оброка часть, приходящуюся на полевые земли,—она будетъ большею частію весьма незначительна,—а остальное капитализировать, или даже, для сокращенія расчетовъ, капитализировать вмѣстѣ весь оброкъ, и обязать крестьянъ, примѣрно въ теченіе 30 лѣтъ, платежи свѣрхъ оброка или процентовъ интереса одного процента погашенія, выплатить составившійся капиталъ. (Хорошо улучшеніе быта: заставить крестьянина, платящаго нынѣ 25 руб. въ годъ, платить въ продолженіе тридцати лѣтъ—цѣлаго поколѣнія—по 29 рублей!). Для оцѣнки полевыхъ земель авторъ считаетъ лучшимъ способомъ исчислять три главные элемента, а именно: 1) продажную цѣну десятины или наемную плату при неприяужденномъ договорѣ; 2) могущій получаться съ десятины доходъ натурою, и 3) средній об-

рокъ или среднюю норму барщинной повинности; средній результатъ, выведенный изъ всѣхъ трехъ исчисленій, будетъ ближе всѣхъ къ дѣйствительной цѣнѣ земли. Что касается до оцѣнки барщиннаго труда, то г. Тернеръ для исчисленія ея предлагаетъ употребить слѣдующій способъ: взять цифру платимаго въ извѣстной мѣстности средняго оброка и раздѣлить ее на число барщинныхъ дней,—отъ этого получится оцѣнка самая низкая; потомъ — цифру средней наемной платы въ той же мѣстности и умножить ее на дробь, выражающую отношеніе работы барщинника къ наемной работѣ (такъ напр. если 5 барщинниковъ въ день сдѣлаютъ столько же, сколько 3 наемныхъ работника, а поденная плата каждому батраку 40 коп., то на каждого изъ первыхъ приходится въ день $40 \times \frac{3}{5} = 24$); наконецъ сложить это произведеніе съ прежде полученною цифрою и суммы раздѣлить на 2, — послѣдняя цифра и будетъ приблизительно вѣрная цѣна барщиннаго дня.

Независимо отъ этихъ исчисленій, г. Тернеръ признаетъ заслуживающимъ уваженія и предлагаемый многими писателями способъ оцѣнки земель и причитающагося за нихъ вознагражденія по сравненію съ цѣнностью четверти ржи (одно изъ подобныхъ предположеній мы рассмотрѣли въ библиографіи, помѣщенной въ февральской книжкѣ „Современника“) — и сверхъ того, совѣтуетъ комитетамъ обратить особенное вниманіе на произведенный министерствомъ государственныхъ имуществъ, при переложеніи податей съ душъ на землю, такъ называемый народный кадастръ. Этотъ способъ, составляющій нѣчто среднее между ученою кадастраціею и эмпирическими средствами оцѣнки, при весьма значительной стоимости — по 8 коп. сер. съ десятины — далъ возможность министерству оцѣнить весьма скоро и довольно вѣрно всѣ земли государственныхъ имуществъ въ 13 губерніяхъ.

Обращаясь въ конечной цѣли настоящаго преобразованія, г. Тернеръ говорить, что при совершеніи его необходимо преимущественно имѣть въ виду:

- 1) Не развивая бродяжничества — облегчить переселеніе;
- 2) Развить классъ крестьянъ-собственниковъ.

Для достиженія первой цѣли авторъ считаетъ совершенно достаточнымъ средствомъ выкупъ усадебныхъ осѣдлостей, который, привязавъ въ извѣстной степени крестьянъ къ землѣ, заставитъ ихъ рѣшиться на переселеніе только при очевидной и весьма вѣрной выгодѣ, а притомъ еще даетъ имъ возможность, чрезъ продажу усадебъ, пріобрѣтать денежные средства на подъемъ. Что же касается до второй цѣли, то г. Тернеръ, признавая, какъ мы видѣли выше, весьма полезнымъ, чтобы въ мѣстностяхъ исключительно промышленныхъ, гдѣ полевая земля имѣютъ весьма малую цѣнность, выкупъ ихъ начался одновременно съ выкупомъ усадебъ, для другихъ краевъ считаетъ достаточнымъ въ настоящее время ограничиться послѣднимъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ, когда экономическое состояніе крестьянъ улучшится, выкупъ полевыхъ земель былъ ими произведенъ или на собственные средства, или съ помощью мѣстныхъ банковъ. Относительно существующаго нынѣ почти повсемѣстно общиннаго владѣнія землями, мнѣнія г. Тернера, какъ онъ ихъ кратко выразилъ въ въ 13-мъ отдѣлѣ своихъ очерковъ, слѣдующія:

1) Общинное владѣніе (отъ котораго впрочемъ совершенно независимо общинное устройство) не имѣетъ въ себѣ элементовъ постепеннаго развитія, и потому постепенно должно перейти въ частную собственность.

- 2) Этотъ переходъ долженъ совершиться естественнымъ путемъ постепеннаго

преобразования, а потоку нельзя и думать о насильственномъ превращеніи общиннаго владѣнія въ личную собственность.

3) Также вредно было бы сдерживать общинное владѣніе насильственными законодательными мѣрами тамъ, гдѣ оно по мѣстнымъ обстоятельствамъ уже стало выражаться въ личную собственность.

4) Въ большей части мѣстъ переходъ этотъ начнется нескоро и будетъ совершаться цѣлымъ рядомъ переходовъ; но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ уже теперь показываются симптомы перехода къ личной собственности.

5) Сдерживать эти переходы значило бы сдерживать естественное развитіе Россіи, потому что производительность земли при общинномъ владѣніи не можетъ быть такъ сильна, какъ при личной собственности; между тѣмъ богатство жителей страны прямо пропорціонально ея производительности, распределеніе же богатствъ играетъ только вторую роль, слѣдующую за производствомъ.

Согласно съ этими убѣжденіями г. Тернеръ предлагаетъ, для примѣненія ихъ на практикѣ, принять слѣдующія правила:

1) Поля должны быть выкупаемы тамъ, гдѣ существуетъ общинное владѣніе, сообща всѣмъ міромъ.

2) По совершеніи выкупа, общинники могутъ переходить постепенно, по собственному желанію, къ системѣ личной собственности на землю;—такой постепенный переходъ можетъ совершиться и до окончательной уплаты долга, если помѣщикъ или кредитное учрежденіе изъявитъ на то согласіе, замѣнивъ круговую поруку поземельною ипотекою.

3) Усадьбы, съ принадлежащею къ нимъ землею, должны выкупаться въ личную собственность крестьянъ, по состоянію ихъ въ настоящее время большею частью въ личномъ потомственномъ владѣніи крестьянскихъ семей.

4) Въ случаѣ, если выкупъ усадебъ происходитъ при посредствѣ кредитнаго учрежденія, при встрѣтившемся неплатежѣ со стороны собственника, круговая порука опять возлагается на міръ; но затѣмъ міру отдается половина огородовъ, коноплянниковъ и вообще всей усадьбы должника на пользованіе, пока доходы съ нея не окупятъ его долга, причеиъ эта половина можетъ оставаться въ пользованіи міра или того крестьянина, который внесъ деньги за несостоятельнаго должника, и послѣ окончательнаго выкупа земли отъ помѣщика, до уплаты частнаго долга міру за внесенные имъ помѣщику или банку выкупныя за нее деньги (на уплату этого долга идетъ только половина усадьбы, чтобы никогда не оставить крестьянина безъ крова и безъ всякихъ средствъ къ существованію).

5) По окончательномъ выкупѣ усадебъ, собственники имѣютъ право продать ихъ даже постороннему лицу, но только съ согласія міра (впрочемъ произвольные отказы должны быть ограничены) и при согласіи со стороны покупателя подчиниться всѣмъ условіямъ общиннаго устройства и жизни, связаннымъ съ этими клочками земли.

За исходную точку своихъ предположеній объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ г. Тернеръ взялъ введеніе срочно-обязаннаго состоянія, о неудобствахъ котораго мы уже неоднократно высказывали свое мнѣніе и потоку не считаеиъ нужнымъ его здѣсь повторять. Относительно оцѣнки усадебныхъ земель мы полагаемъ, что включать въ нее стоимость строенія, на томъ основаніи, что помѣщикъ на свои деньги купилъ дѣсь, изъ котораго они построены, было бы то же самое, что взыскивать съ крестьянъ при освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости

всё деньги, употребленные на прокормление ихъ въ неурожайные годы, или отъ дворовыхъ людей требовать возвращенія суммъ, истраченныхъ на содержаніе ихъ во все время ихъ службы. Помѣщикъ въ той же мѣрѣ былъ обязанъ помогать крестьянамъ въ обстройкѣ усадебъ, какъ и кормить ихъ во время голода, или содержать дворовыхъ людей. Равнымъ образомъ не имѣетъ онъ никакого права на особое вознагражденіе за пріобрѣтенную усадебными землями, безъ всякаго труда и пожертвованія съ его стороны, высшую цѣнность противъ полевыхъ. Что же касается до опредѣленія цѣнности усадебъ въ промышленныхъ краяхъ посредствомъ капитализаціи получаемаго нынѣ оброка, то о невѣрности этого мѣрила не стоитъ и говорить. Не упоминая уже о томъ, что въ этихъ именно вралхъ и взимаются тѣ чудовищные оброки, которые мы иначе не можемъ характеризовать, какъ назвавши ихъ *налогомъ на способности*, и слѣдовательно составились бы по многимъ имѣніямъ громадныя оцѣнки: — но чѣмъ виноватъ помѣщикъ, который при крѣпостномъ состояніи, не желая стѣснить своихъ крестьянъ, довольствовался умѣреннымъ оброкомъ, а теперь долженъ быть наказанъ за свою умѣренность получешемъ меньшаго вознагражденія? Чѣмъ виноваты съ другой стороны крестьяне, платившіе до сихъ поръ оброкъ въ преувеличенномъ размѣрѣ и осужденные именно за это заплатить несоразмѣрный выкупъ, — развѣ только потому, что за освобожденіе отъ большаго зла и заплатить можно дороже?

Объ русской сельской общинѣ авторъ говоритъ, что она не имѣетъ въ себѣ элементовъ постепеннаго развитія, а потому должна перейти въ личную собственность, и будто бы даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это преобразование началось. По нашему мнѣнію, это заключеніе весьма преждевременно: если до сихъ поръ община не выказала на самомъ дѣлѣ таящихся въ ней началъ высокаго развитія, то это нисколько не доказываетъ, что по снятіи тяготящихъ ее оковъ, она не пойдетъ къ этому развитію быстрыми шагами. При томъ не очень блистательны вообще и результаты стоящаго рядомъ съ общиной помѣщичьяго хозяйства, которое однако же имѣетъ основу совершенно отдѣльную, личную собственность. Если намъ укажутъ на нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ помѣщичьихъ хозяйствъ, доведенныхъ до высокой степени процвѣтанія, то мы съ своей стороны готовы назвать ве мало деревень, въ которыхъ, при общинномъ владѣніи землею, хозяйство крестьянъ находится въ такомъ положеніи, какого только можно желать при настоящихъ экономическихъ условіяхъ земледѣлія. Скажемъ болѣе, — почти вездѣ, гдѣ бремя крѣпостнаго состоянія замѣтно облегчалось, крестьяне, если они только не были совершенно убиты духомъ отъ предшествовавшаго угнетенія, въ скоромъ времени приводили свое хозяйство въ порядокъ и достигали весьма удовлетворительныхъ результатовъ: общинное владѣніе землею невидимому имъ не мѣшало. Почему же невозможно было бы дальнѣйшее развитіе общины въ этомъ направленіи? Если теперь, при мало-мальски благоприятныхъ условіяхъ, хозяйство крестьянъ-общинниковъ не уступаетъ помѣщичьему, то почему съ развитіемъ вообще экономическихъ понятій въ нашемъ народѣ не могли бы привиться къ его хозяйству и дальнѣйшія улучшенія, въ особенности если бы крестьяне увидѣли вокругъ себя примѣры удачнаго примѣненія этихъ улучшеній? Общинное владѣніе совсѣмъ не требуетъ такихъ частыхъ передѣловъ земли, какъ хотятъ доказать противники его; во всякомъ случаѣ они не могутъ быть довольно часты, чтобы служить препятствіемъ къ тому, чтобы крестьянинъ хорошо унавоживалъ и тщательно обрабатывалъ свою

о тѣхъ чувствахъ, кашія внушаетъ намъ восхитительное зрѣлище подвиговъ нашей литературы за прошлый годъ. Проницательные люди опять таки не замедлили понять истинный смыслъ нашего грустнаго сарказма. Мы говорили, что литература едва-едва, да и то спотыкаясь на каждомъ шагу, плелась вслѣдъ за людьми, не видящими, куда они идутъ, но желающими по возможности идти назадъ, и въ этомъ шествіи получила нѣсколько изрядныхъ пинковъ; проницательные люди тотчасъ сообразили, что мы не желаемъ добра литературѣ. Мы говорили, что обсужденіе важныхъ вопросовъ, умалчивающее о существенной сторонѣ ихъ, касающееся только мелочей, да и то съ какою-то вялою слабостью, никакъ не можетъ назваться удовлетворительнымъ обсужденіемъ, ничего не разъясняетъ, ни къ чему, вромѣ пошлостей и нелѣпостей, не приводитъ; проницательные люди тотчасъ сообразили, что мы не сочувствуемъ свободѣ печатнаго слова (терминъ „гласность“ мы не рѣшаемся употреблять, — до того онъ опошлился). Былъ въ вашихъ словахъ и тотъ смыслъ, что каково бы наконецъ ни было безотносительное достоинство совѣтовъ и объясненій, нечего ожидать отъ нихъ никакой пользы дѣлу, когда совѣтниковъ и объяснителей просто считаютъ злонамѣренными, презираютъ ихъ, гнушаются ими; проницательные люди тотчасъ же поняли, въ чемъ дѣло, и сильно обидѣлись: они сообразили, что мы уважаемъ ихъ менѣе, нежели людей, чувства которыхъ изобличали передъ ними; они сообразили также, что мы хвалимъ обскурантовъ и глушцовъ, и вознегодовали на насъ.

Какъ вы полагали, читатель: можно ли было ожидать, чтобы люди умные, ученые и отчасти знаменитые, оказались одаренными такою проницательностью?

Но къ чему это предисловіе? А хотя бы, на первый разъ, къ тому, чтобы доказать необходимость еще другаго предисловія.

Мы хотимъ быть строгими къ г. Чичерину. Для васъ, читатель, для васъ, человѣкъ обыкновенный, не одаренный изумительною проницательностью, причины строгости ясны сами по себѣ, безъ всякихъ объясненій. Г. Чичеринъ пользуется громкою извѣстностью, а люди, пользующіеся извѣстностью, должны быть разбираемы строго; когда рѣчь идетъ о нихъ, общественная польза требуетъ не комплиментовъ, а серьезной критики. Г. Чичеринъ человѣкъ умный и ученый. Отъ умнаго и ученаго человѣка надобно требовать многого; если онъ говоритъ пустяки, его можно по всей справедливости упрекать за это, — снисходительность, на которую имѣютъ право простяки, была бы относительно его неумѣстна. Это все ясно для васъ, читатель, для васъ, человѣкъ съ обыкновеннымъ здравымъ смысломъ. Вы сами догадались бы, что мы строги въ г. Чичерину потому, что онъ знаменитость, и успокоились бы на этомъ, и не осудили бы насъ за строгость порицанія, если бы оказалось, что порицаніе основательно.

Но люди проницательные тотчасъ сообразятъ, что этими простыми причинами не слѣдуетъ ограничиваться ихъ догадливости. Г. Чичеринъ знаменитость, стало быть, если его порицаютъ, то порицаютъ по какимъ нибудь личнымъ разсчетамъ; вѣдь безъ особыхъ личныхъ побужденій нельзя порицать знаменитостей, по мнѣнію проницательныхъ людей. И они нападутъ на насъ за г. Чичерина съ такимъ же восхитительнымъ негодованіемъ, какъ за Поэрію, и за статью о прошлогодней литературѣ.

Нечего дѣлать, надобно покаяться передъ проницательными людьми, отъ догадливости которыхъ никогда не утаишь самыхъ сокровенныхъ своихъ мыслей.

Да, наша строгость къ г. Чичерину происходитъ изъ личныхъ побужденій. Какъковы эти побужденія, мы должны объяснить,—не ради васъ, читатель, человекъ обыкновенный, а ради людей проницательныхъ.

Г. Чичеринъ считаетъ себя непогрѣшительнымъ мудрецомъ. Онъ все обдумалъ, все взвѣсилъ, все рѣшилъ. Онъ выше всякихъ заблужденій. Этого мало. Онъ одинъ имѣетъ эту привилегію на мудрую непогрѣшимость. Кто пишетъ и такъ, какъ приказываетъ онъ, тотъ человекъ вредный для Россіи. Онъ приказываетъ смотрѣть на все его глазами, говорить обо всемъ въ его тонѣ, подъ страхомъ политической казни. Если вы осмѣлитесь замѣтить ему, что онъ напрасно принялъ на себя трудъ приказывать и наказывать, онъ пожинаетъ плечами и отвѣчаетъ вамъ: „Вы, другъ мой, человекъ прекрасной души, но вы глупы. Я одинъ понимаю вещи, вы всё ничего не смыслите; слушайтесь, слабоумные друзья мои, меня, единственнаго умнаго человека между вами“.

Изъ этого факта родилась наша статья. Безъ этого факта, не только бытъ строгими къ г. Чичерину, но и говорить о немъ мы не захотѣли бы, потому что не стоило бы труда разбирать его книгу. Положимъ, что она наполнена странными понятіями, но мало ли у насъ книгъ, наполненныхъ странными понятіями. Почему же именно ему мы стали бы вѣнчать въ упрекъ то, въ чемъ столько я виноваты десятки другихъ писателей, также пользующихся извѣстностью умныхъ и ученыхъ людей? Его книга не хуже многихъ другихъ, такъ пусть бы оставалъ онъ съ своимъ авторитетомъ, довольно безвреднымъ по ограниченности круга людей, имѣющихъ охоту соглашаться съ нимъ.

Но онъ взялъ на себя высокоуміе приказывать и наказывать, онъ началъ въ себя высокоуміе объявлять вредными людьми или глупцами тѣхъ, кто не покоряется ему,—а это уже другое дѣло. Надобно посмотрѣть, что это такой мудрецъ и владыка появился между нами. Онъ предписываетъ намъ, какія понятія должны мы имѣть. Посмотримъ, имѣетъ ли онъ самъ понятіе о томъ, чему учить взялся васъ.

Во-первыхъ, онъ учить, каковъ долженъ быть публицистъ. Это любопытно. Кстати же, онъ и самъ публицистъ. Посмотримъ, какъ понимаетъ онъ дѣло, за которое взялся.

„Когда вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ государства развивается въ ущербъ другимъ, тогда общественное мнѣніе, чувствуя невыгоды исключительнаго направленія, естественно влечется въ противоположную сторону. Рѣдко при этомъ сохраняется должное чувство мѣры. Болѣзненный омытъ, ежечасно ощущаемый гнетъ дѣлаютъ болѣе живыми представленія о тенныхъ сторонахъ въѣства порядка и заставляютъ забывать его существенныя и благія послѣдствія. Общественное мнѣніе, заходя за предѣлы разумныхъ требованій, идетъ къ полному отрицанію тяготящаго надъ нимъ элемента. Такъ, при анархическомъ разгулѣ свободы, общество водвигаетъ надъ собою власть, которая стѣсняетъ дѣятельность гражданъ даже въ саяхъ умѣренныхъ ея проявленіяхъ, и на оборотъ, когда рука сдерживающей власти чувствуетъ слишкомъ сильно, общество естественно видитъ себѣ спасеніе только въ возможномъ болѣшею ограниченніи вѣдомства правительственныхъ органовъ.“

„Публицистъ, который не старается лстить современному увлеченію умовъ, который имѣетъ въ виду не усѣхъ, основанный на поклоненіи современному кумиру, а безпристрастное изслѣдованіе истинныхъ началъ обществя, не долженъ подчиняться подобачъ требованіямъ. Онъ за случайнымъ не забываетъ существеннаго; злоупотребленія не скрываютъ отъ него благихъ началъ, на которыхъ основывается то или другое учрежденіе.“

И взгляд свой, добытый внимательным изучением истории современной жизни, онъ обязанъ высказать прямо и откровенно, хотя бы онъ противорѣчилъ временному настроенію общества. Могутъ говорить о такъ называемыхъ практическихъ цѣляхъ, о необходимости ярче выставить недостающую сторону общежитія и не дать противоположному мяѣшю орудія, которое можетъ быть употреблено во зло. Не думаю, чтобы практическія цѣли должны были вести къ намѣренному искаженію истины. Извѣстный порядокъ можно исправить не утаеніемъ существенныхъ его сторонъ, не стараніемъ наложить слишкомъ густыя краски на невыгодныя его послѣдствія, а разумнымъ его пониманіемъ и безпристрастнымъ изслѣдованіемъ естественныхъ его границъ. Одностороннее отряпаніе ведетъ со стороны противоположнаго начала къ отрицанію столь же одностороннему. вмѣсто правильного развитія, основаннаго на взаимномъ пониманіи, на взаимномъ уваженіи различныхъ общественныхъ силъ, въ обществѣ водворяется борьба, и чѣмъ рѣзче высказывается каждое направленіе, чѣмъ болѣе оно вдается въ крайности, тѣмъ упорнѣе взаимное недоброжелательство, тѣмъ болѣзненнѣе столкновения, тѣмъ болѣе жертвъ и страданій въ общественномъ организмѣ. Повинуясь безусловно временному влеченію, общество быстро приходитъ къ разочарованію; слишкомъ напряженныя силы преждевременно ослабѣваютъ, и люди съ грустью окидываютъ взоромъ свое прошедшее, жалѣя о неудавшихся попыткахъ, объ утраченныхъ силахъ, объ обманутыхъ надеждахъ“. (Предисловіе, стр. IX и X).

Все это будетъ совершенно вѣрно, если вмѣсто слова публицистъ поставимъ слово ученый: мы часто слыхивали, что главнымъ достоинствомъ ученаго должно быть служеніе наукѣ, неподдающейся минутнымъ увлеченіямъ общественнаго мнѣнія. Но въ этомъ ли должно состоять главное качество публициста? на его ли спеціальная обязанность лежитъ изслѣдованіе истинныхъ началъ общежитія? Нѣтъ, онъ выражаетъ и поясняетъ тѣ потребности, которыми занято общество въ данную минуту. Служеніе отвлеченной наукѣ не его дѣло; онъ не профессоръ, а трибунъ или адвокатъ. Г. Чичеринъ не имѣетъ понятія о качествахъ той роли, какую беретъ на себя. Онъ не замѣчаетъ, что публицистъ, воображающій себя профессоромъ, также страненъ, какъ профессоръ, воображающій себя фельетонистомъ.

Въ каждомъ человѣкѣ, для котораго главное дѣло живые люди, а не отвлеченная наука, главнымъ качествомъ должна быть способность понимать, въ какомъ положеніи находится его публика, его слушатели или читатели. Если онъ начнетъ проповѣдывать истины, которыя вовсе не относятся къ его слушателямъ, онъ будетъ смѣшонъ. Лѣность — дурной порокъ; но предположимъ, что въ Англіи или въ Сѣверной Америкѣ является господинъ, начинающій ораторствовать противъ лѣности: онъ будетъ нелѣпъ, потому что изъ его слушателей, вся жизнь которыхъ неутомимая дѣятельность, ни одинъ не нуждается въ предостереженіяхъ противъ лѣности. Но еще смѣшнѣе, когда ораторъ начинаетъ предостерегать отъ исключительнаго увлеченія какимъ нибудь хорошимъ качествомъ, которое едва-едва, самымъ слабымъ образомъ, начинаетъ возникать въ его слушателяхъ. Что мы подумали бы о человѣкѣ, который сталъ бы говорить о вредѣ исключительнаго пристрастія къ общественной тишинѣ въ кругу нынѣшнихъ мексиканцевъ, каждый годъ сочиняющихъ по три революціи? Отвлеченныя истины могутъ быть умѣстны въ ученомъ трактатѣ, но слова публициста должны прежде всего сообразоваться съ живыми потребностями извѣстнаго общества въ данную минуту. Что же мы слышимъ отъ г. Чичерина? Онъ предостерегаетъ насъ отъ односторонняго увлеченія какимъ-то отрицаемъ чего-то будто бы хорошаго, существующаго у насъ, — чего именно, предоставляемъ читателю отыскать въ отрывкѣ, нами вы-

писаннонъ изъ него. Вѣроятно наше общество страдаетъ необыкновенною живостью и силою чувствъ, кажущихся г. Чичерину вредными. Вѣроятно мы похожи на какихъ нибудь сѣверо-американцевъ, непризнающихъ вмѣшательства центральной власти въ ихъ дѣла? Вѣроятно большинство читателей г. Чичерина ужасные анархисты, которымъ надобно проповѣдывать о необходимости нѣкотораго сохранения государственной власти, совершенно ими отвергаемой? Кажется, г. Чичеринъ былъ бы готовъ доказывать готтентотамъ вредъ односторонняго увлеченія учеными занятіями, доказывать рыбажъ опасность излишней болтливости, предостерегать бѣлаго медвѣдя отъ пристрастія къ тропическому климату.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что г. Чичеринъ проникнуть прекраснѣйшими намѣреніями, но насъ изумляетъ прелесный тактъ, съ которымъ онъ берется за дѣло, -- изумляетъ вѣрность его взгляда на коренные недостатки нашего общества. Онъ пашеть по русски и ему кажется нужнымъ объяснять, что онъ не намѣренъ потворствовать анархическимъ стремленіямъ. Ему кажется, будто наше общество до излишества живо чувствуетъ вредную сторону принциповъ, господствующихъ въ немъ. Мы, видите ли, страдаемъ избыткомъ односторонняго отрицанія и насъ надобно предостерегать отъ расположенія къ борьбѣ, къ упорству въ столкновеніяхъ. Странное понятіе о нашемъ обществѣ.

Для публициста, кромѣ знанія потребностей общества, нужно также пониманіе формъ, по которымъ движется общественный прогрессъ. До сихъ поръ исторія не представляла ни одного примѣра, когда успѣхъ получался бы безъ борьбы. Но, по мнѣнію г. Чичерина, — борьба вредна. До сихъ поръ мы знали, что крайность можетъ быть побѣждаема только другою крайностью, что безъ напряженія силъ нельзя одолѣть сильнаго врага; по мнѣнію г. Чичерина, слѣдуетъ избѣгать напряженія силъ: онъ не знаетъ, что, одержавъ побѣду, войско всегда бываетъ утомлено, и что если оно боится утомленія, то не зачѣмъ ему выходить въ поле.

Еще одно любопытное понятіе. Г. Чичеринъ говоритъ объ искаженіи истины въ угодность современному кумиру общественнаго мнѣнія. Боже ты мой милостивый! Мы, русскіе писатели, по мнѣнію г. Чичерина, можемъ исказить истину изъ раболѣпства передъ общественнымъ мнѣніемъ! Въ какомъ удивительномъ положеніи онъ видитъ насъ! Читатель! знали ли вы до сихъ поръ, кто заставляетъ меня часто лгать передъ вами? Вы сами, читатель. Я, видите ли, могъ бы говорить съ вами обо всемъ, что хочу и какъ хочу, но вы, читатель, связываете мнѣ языкъ вашимъ деспотизмомъ. Нѣтъ, книга г. Чичерина написана не по-русски, издана не въ Москвѣ: онъ вѣроятно имѣлъ въ виду сѣверо-американскую публику, которая дѣлаетъ все, что захочетъ, и заставляетъ всѣхъ преклоняться передъ своею волею. Надобно полагать, что г. Чичерину нуженъ былъ необыкновенный запасъ мужества, чтобы защищать бюрократію и централизацію, эти драгоценности совершенно изгнанныя изъ нашего общества и безпощадно преслѣдуемыя въ немъ. Надобно предполагать, что онъ писалъ для общества, надъ которымъ владычествуютъ ультра-республиканцы, сажающіе въ тюрьму каждого, кто замолвитъ слово въ пользу монархическаго порядка.

Итакъ главный порокъ нашего общества состоитъ въ томъ, что оно слишкомъ страстно, слишкомъ непреклонно, слишкомъ круто проводитъ свои стремленія, и публицистъ, пишущій по-русски, обязанъ говорить намъ, что мы должны соблюдать умѣренность въ борьбѣ, которую ведемъ такъ энергически. По его мнѣнію.

надобно нублнсту вразумлять насъ, чтобы ны оставили хотя ваше нибудь слѣды старинныхъ нашихъ учреждений;—главное, чего долженъ остерегаться публицистъ,—это потворство „современному кумиру нашего временнаго увлеченія“. Изумительно, изумительно!

„Изъ всего предъидущаго выходитъ, что публицистъ долженъ становиться на точку зрѣнія безорнстрасшнаго наблюдателя, который изучаетъ исторію и современную жизнь во всей ихъ многосторонности, не исключая и не осуждая безусловно ни одного изъ элементовъ, входящихъ въ ихъ составъ. Такое требованіе, выраженное въ видѣ общей формулы, конечно не встрѣтитъ возраженій; но нельзя скрывать отъ себя, что какъ скоро дѣло доходить до частныхъ, такъ неизбѣжны не только разногласія, но и прямыя увлоненія отъ прнятаго начала. Людямъ, которые увлекаются извѣстнымъ направлениемъ, или слишкомъ живо ощущаютъ на себѣ бремя общественныхъ недостатковъ, не нравится всякое слово, сказанное въ пользу того, что болѣзненно на нихъ отзывается. Признавая въ теоріи необходимость безорнстрасшнаго воззрѣнія, они ропщутъ на него, когда оно является передъ ними въ осязательной формѣ. Это можно ожидать въ особенности у насъ, гдѣ гражданская жизнь мало развита и общественные вопросы до сихъ поръ не обсуждалась гласно. Мы не привыкли еще обозрѣвать ихъ съ различныхъ сторонъ; мы даже не умѣемъ еще подлѣчать въ сужденія мѣру и границы. Слышн похвалу или порпцаніе, мы склонны считать ихъ за выраженіе мнѣнія безусловнаго, и не обращаемъ вниманія на то, что они высказываются въ извѣстныхъ предѣлахъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Еще хуже, когда эта непривычка къ теоретическимъ преніямъ соединяется съ недостаткомъ общественной дѣятельности. Практическія столкновенія лучше всего показываютъ естественныя границы того или другаго общественнаго начала и необходимость восполнить одно другимъ. Тамъ, гдѣ граждане не принимаютъ живаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, неизбѣжно господствуетъ односторонность взглядовъ, и это ведетъ иногда къ прискорбнымъ явленіямъ. Нѣтъ ничего печальнѣе общества, которое, чувствуя себя не въ силахъ исправить гнетущее его зло, тратитъ время въ безплодныхъ воздыханіяхъ, въ ожесточенной критикѣ, которое, оставаясь въ бездѣйствіи, ожидаетъ, чтобы чужая рука сняла тяготящее надъ нимъ бремя. Общество, которое хочетъ что нибудь сдѣлать, должно глядѣть на вещи прямо и трезво. Первый признакъ разумной силы есть спокойствіе, а спокойствіе ведетъ къ ясному и всестороннему пониманію жизненныхъ явленій, безъ прикрасъ, безъ утайки и безъ раздраженія“. (Предисловіе, стр. XVIII, XIX и XX).

На все это объясненіе въ пользу безорнстрасшнн мы будемъ отвѣчать только сближеніемъ двухъ мыслей самого г. Чичерина. Онъ совѣтуетъ нашему обществу имѣть всесторонній взглядъ, чуждый раздраженія, а между тѣмъ самъ говоритъ, что въ немъ „неизбѣжно“ должна господствовать односторонность взглядовъ. Не бесполезенъ ли совѣтъ удерживаться отъ того, что неизбѣжно? И если кто нибудь станетъ совѣтовать человѣку не быть раздраженнымъ, когда самъ признаетъ раздраженіе неизбѣжнымъ, не показываетъ ли онъ самъ своимъ совѣтомъ, что лишены способности понимать условія дѣйствительной жизни? Очень жаль, что эти совѣты не обращены, напримѣръ, къ французамъ, сардинцамъ и австрійцамъ: они ведутъ войну, въ войнѣ неизбѣжны сраженія, въ сраженіяхъ неизбѣжны выстрѣлы; но мы думали бы посовѣтовать имъ, чтобы они сражались, не стрѣлая изъ пушекъ. Дѣло другое, если вы совѣтуете имъ кончить войну и разойтись по домамъ; но нѣтъ. г. Чичеринъ не противъ развитія, онъ только хочетъ, чтобы развитіе совершалось безорнстрасшнымъ образомъ, по рецепту спокойствія и всесторонности. Къ сожалѣнію, этого никогда не бывало. Человѣка душитъ разбойникъ, и по рецепту г. Чичерина этотъ человѣкъ въ то самое время, когда старается отбиться отъ разбойника, долженъ спокойно разсуждать о томъ, что разбойникъ возникаетъ изъ

исторической необходимости, имѣть историческое право существованія; что великая римская имперія была основана разбойниками; что если должно уважать римское право, то должно уважать и разбойниковъ, безъ которыхъ его не было бы, — помилуйте, до того ли человѣку, чтобы помнить обо всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещахъ.

Изъ этихъ совѣтовъ, быть холодными, безстрастными, подавлять въ себѣ всякое раздраженіе, мы заключаемъ, что г. Чичеринъ знаетъ только, какъ пишутся ученныя книги, но не знаетъ, какими силами развивається общественная жизнь. Онъ думаетъ быть публицистомъ, но является школьнымъ учителемъ. у котораго главная забота та, чтобы ученики смиренно сидѣли по своимъ мѣстамъ и слушали его наставленія. Первымъ дѣломъ у него выставляется то, чтобы общество отказалось отъ всякихъ живыхъ чувствъ изъ боязни нарушить теоретическое безстрастіе.

Мы думаемъ, что г. Чичеринъ напрасно взялся быть публицистомъ, если нѣтъ у него въ груди живаго сердца. Намъ кажется, что въ немъ слишкомъ сильна наклонность къ схоластикѣ. Быть можетъ мы ошибаемся, и дай Богъ, чтобы мы ошиблись; но намъ кажется, что живой человѣкъ, при нынѣшнемъ положеніи нашего общества, не вздумалъ бы говорить противъ „нечтательныхъ отрицателей существующаго порядка“, противъ „слишкомъ отважныхъ нововводителей“, противъ „болѣзненнаго нетерпѣнія“. Быть можетъ въ этихъ неумѣстныхъ усиліяхъ подавить то, что, право, вовсе не нуждается въ подавленіи со стороны г. Чичерина, виновата не натура его, а случайная односторонность его развитія; но какъ бы то ни было, г. Чичеринъ въ настоящее время рѣшительно не понимаетъ, какому обществу онъ даетъ свои совѣты, не умѣетъ судить о томъ, что умѣстно и что неумѣстно въ статьяхъ, имѣющихъ претензію руководить нашею общественною жизнью. Только человѣкъ одержимый схоластикой можетъ воображать, что русскому публицисту надобно быть защитникомъ бюрократіи.

Но если г. Чичеринъ неспособенъ теперь быть публицистомъ, которому нужно живое сочувствіе къ современнымъ потребностямъ общества, то быть можетъ онъ имѣетъ качества, нужныя для школьнаго учителя. Будемъ сидѣть смиренно, по его приказанію, и слушать его лекціи.

Обязывалъ школьниковъ сидѣть смиренно, школьный учитель самъ обязанъ по крайней мѣрѣ быть порядочно знакомъ съ тѣмъ предметомъ, о которомъ читаетъ онъ лекцію. Главные предметы въ лекціяхъ г. Чичерина: демократія, централизація и бюрократія. Посмотримъ, какое понятіе онъ имѣетъ объ этихъ вещахъ.

„.... относительно гражданскаго устройства и урораженія абсолютизмъ и демократія пшнно потому и сходятся между собою, что въ этой сферѣ прочтѣ всего утвердились результаты всей новѣйшей исторіи Западной Европы, независимо отъ боренія партій, независимо отъ того, куда переносится источникъ власти. Уничтоженіе самостоятельныхъ союзовъ, корпораціонныхъ правъ, сословныхъ привилегій, вообще уничтоженіе средне-вѣковыхъ формъ жизни, основанныхъ на дробности общественнаго быта, и создаше еди-наго государственнаго тѣла—вотъ великое дѣло, начало которому положили абсолютные государи и которое преемственно перешло и къ новой демократіи. Въ этой системѣ народъ представляетъ единую, естественно расчленяющуюся массу, въ которой ни одна часть искусственнымъ образомъ не перевѣшиваетъ другой, въ которой ни одинъ членъ не вытягиваетъ изъ другаго жизненныхъ соковъ. Государственныя учрежденія съ цѣлюю системою чиновниковъ составляютъ общую связь этого тѣла, общее его строеніе, по которому совершаются его общественныя отправления, а централизація сводитъ это устрой-

ство къ единству, уставовляя центральный пунктъ, отъ котораго исходить и къ которому првтекаетъ правительственное движеніе. Конечно, и здѣсь могутъ быть невыгодныя стороны, злоупотребленія; неоживленная народнымъ духомъ, эта форма можетъ превратиться въ мертвую машину. Но что касается до самой сущности этихъ установленій, то нѣтъ сомнѣній, что они придаютъ народной жизни такое единство, какого бы она безъ того никогда не имѣла. Въ ней создается общая среда, господствующая надъ всѣми частными стремленіями и интересами; въ ней чувствуется единое біеніе пульса, разливающего кровь по всѣмъ членамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждая часть свободно занимаетъ то мѣсто, къ которому она тяготѣетъ по своей природѣ. Народъ перестаетъ быть собраніемъ разнородныхъ частей; онъ дѣлается общественною единицею, онъ становится особью, которая живетъ единою жизнью“ (Стр. 7 и 8).

Въ дополненіе къ этому мѣсту приводимъ еще слѣдующее:

„Демократическія начала проникаютъ и во внутреннее управленіе Англіи. Здѣсь они являются въ видѣ усиленія центральной власти на счетъ мѣстныхъ. Независимость послѣднихъ основана на преобладаніи аристократическаго элемента въ государствѣ. Поэтому всѣ мѣры, которыя клонятся къ уменьшенію ихъ значенія, къ замѣнѣ даровыхъ должностей, замѣщаемыхъ богатыми землевладѣльцами, бюрократіею, доступно всѣмъ и каждому, ведутъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ уничтоженію общественнаго неравенства и преобладанію одного элемента надъ другимъ. Конечно, успѣхи централизація и бюрократіи въ Англіи чрезвычайно медленны; однако они не подлежатъ сомнѣнію. Въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія очевидныя злоупотребленія показали необходимость преобразовать и подчинить высшему правительству управленіе общественнымъ призрѣніемъ, поставить подъ надзоръ центральной власти медицинскую полицію, тюрьмы, воспитательныя заведенія, наконецъ въ недавнее время и самую полицію городовъ. Каждый новый законъ объ администраціи, представляемый парламенту, имѣетъ цѣлью усилить центральную власть. Правда, это стремленіе встрѣчаетъ себѣ сильное противодѣйствіе, но тѣмъ не менше оно существуетъ, какъ въ правительствѣ, такъ и въ народѣ. Вопросъ о бюрократіи поднятъ былъ въ послѣднее время съ особенною силою. Война выказала въ яркомъ свѣтѣ недостатки управленія, основаннаго на привилегіяхъ одного сословія. Въ то самое время, какъ раздались вопли общественнаго мнѣнія по случаю бѣдствій англійской арміи въ Крыму, составилаь лига въ пользу административной реформы. Цѣль ея — уничтожить въ управленіи преобладаніе аристократіи и сдѣлать его доступнымъ способностямъ и талантамъ, въ какой бы сферѣ они ни проявлялись. Сами государственные люди Англіи признаютъ въ нѣкоторой степени необходимость преобразования, вслѣдствіе чего этотъ вопросъ стоитъ теперь на первомъ планѣ въ дѣлахъ внутренней политики“. (Стр. 24 и 25).

Пусть насъ извинятъ г. Чичеринъ, но мы должны сказать, что его понятія о формахъ государственнаго устройства чрезвычайно сбивчивы. Основнымъ принципомъ его понятій оказывается бюрократическое устройство, и ему представляется, будто демократія похожа на абсолютизмъ въ томъ отношеніи, что очень любитъ бюрократію и централизацію. Но какую централизацію и бюрократію найдетъ онъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ или въ Швейцаріи? По существенному своему характеру демократія противоположна бюрократіи; она требуетъ того, чтобы каждый гражданинъ былъ независимъ въ дѣлахъ, касающихся только до него одного; каждое село и каждый городъ независимы въ дѣлахъ, касающихся его одного; каждая область — въ своихъ дѣлахъ. Демократія требуетъ полного подчиненія администратора жителямъ того округа, дѣлами котораго онъ занимается. Она хочетъ, чтобы администраторъ былъ только повѣреннымъ той части общества, которая поручаетъ ему извѣстныя дѣла, и ежеминутно можетъ требовать у него отчета о веденіи каждаго дѣла. Демократія требуетъ самоуправленія и доводитъ его до федераціи. Демократическое государство есть союзъ республикъ, или, лучше

сказать, образуется изъ нѣсколькихъ поstepенныхъ наслоеній республиканскихъ союзовъ, такъ что каждый довольно значительный союзъ состоитъ въ свою очередь изъ союза нѣсколькихъ округовъ, — таково устройство Соединенныхъ Штатовъ. Въ нихъ каждая деревенька есть особенная республика; изъ соединеніи нѣсколькихъ деревень образуется приходъ, который опять-таки составляетъ самостоятельную республику; изъ соединенія нѣсколькихъ приходовъ образуется новая республика — графство; изъ нѣсколькихъ графствъ — республиканскій штатъ; изъ союза штатовъ — государство. Неужели это сколько нибудь похоже на бюрократію? Въ Швейцаріи каждый кантонъ можетъ имѣть у себя даже особенное войско. Откуда же взялось у г. Чичерина инѣніе о бюрократіи, какъ формѣ демократическаго устройства? Это просто слѣдствіе той путаницы, какую слишкомъ довѣрчивый ученый можетъ цѣлыми ковшами черпать изъ великихъ мыслителей французской мнимо-либеральной, а въ сущности реакціонной школы. Есть на свѣтѣ разные мелкіе французы, которые многимъ изъ насъ кажутся великими людьми и которые разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: Англія страна аристократическая. и въ ней нѣтъ ни централизаціи, ни бюрократіи; Франція страна демократическая, и въ ней есть централизація и бюрократія. слѣдовательно централизація и бюрократія суть принадлежности демократіи. Это умозаключеніе точно такого же рода, какъ напримѣръ; ученые греки, пріѣхавшіе въ Римъ, были развратные трусы: слѣдовательно просвѣщеніе ведетъ къ разврату и трусости. Франція болѣе 200 лѣтъ имѣла абсолютное правительство; въ теченіе этого долгаго времени абсолютизмъ успѣлъ выработать соотвѣтствующія себѣ формы управленія, бюрократію и централизацію, и успѣлъ пріучить въ нихъ французовъ. Вѣковыя привычки исчезаютъ нелегко и нескоро. Демократія не имѣетъ такой волшебной силы, чтобы одинъ звукъ этого слова могъ перерождать нравы народовъ въ нѣсколько лѣтъ; потому французы до сихъ поръ не успѣли отдѣлаться отъ бюрократіи и централизаціи, введенной у нихъ стариннымъ порядкомъ дѣлъ, какъ не успѣли отдѣлаться отъ многихъ другихъ привычекъ, привитыхъ въ нихъ тою же стариною. Французы, напримѣръ, до сихъ поръ мечтаютъ о завоеваніяхъ, до сихъ поръ страшно любятъ щегольство, франтовство, блескъ и тому подобныя пошлости: неужели все это принадлежности демократіи? — нѣтъ, это просто догнивающіе остатки того порядка дѣлъ, какой былъ у нихъ 100 и 200 лѣтъ тому назадъ. Именно потому, что эти старинныя привычки еще не достаточно ослабѣли между французами, демократическая форма до сихъ поръ не могла утвердиться у нихъ. Наполеонъ I и реставрація старались воскресить аристократію; Орлеанская династія всячески старалась поддержать ее; Наполеонъ III въ третій разъ старается воскресить ее. У французовъ еще недостаетъ привычки къ демократическому устройству, и всѣ ихъ правительства, возникавшія изъ гибели кратковременныхъ попытокъ къ созданію демократическаго устройства, ни мало не могутъ служить образцами приверженности къ тѣмъ новымъ формамъ, на подавленіи которыхъ основывали они свою власть. Наполеонъ I, Бурбоны, Луи-Филиппъ, Луи-Наполеонъ, всѣ они одинаково держались опорою партіи застоя, или даже чистой реакціи. Удивительно ли, что при всѣхъ этихъ управленіяхъ поддерживалась форма администраціи, принадлежащая французской старинѣ? Но всѣ тѣ французы, которые дѣйствительно, а не на словахъ только, привязаны къ демократическому принципу, — всѣ они до одного враждебны теперь бюрократіи и централизаціи. Въ ненависти къ этимъ формамъ они не усту-

пять самому завлѣтому англійскому аристократу. Правда, до сихъ поръ не успѣли они водворить во Франціи того устройства, какое желали бы дать своему отечеству; но изъ этого слѣдуетъ только, что Франція до сихъ поръ не успѣла получить учреждений, соотвѣствующихъ ея демократическимъ стремленіямъ, а вовсе не то, чтобы централизація и бюрократія были принадлежностями демократическаго принципа. Французы похожи на гражданина, недавно переселившагося въ деревню и прогуливающагося по полю въ палевыхъ перчаткахъ и лакированныхъ сапогахъ. Должны ли мы заключать по этимъ принадлежностямъ его костюма, что палевыя перчатки и лакированные сапоги составляютъ принадлежность истинно-деревенскаго образа жизни? Надобно полагать, что, поживши въ деревнѣ, онъ отвыкнетъ отъ этой великосвѣтской дряни.

Г. Чичеринъ, воображающій себѣ демократію по неразвившимся французскимъ ея формамъ, искаженнымъ сильною примѣсью старыхъ учреждений, которыя уцѣлѣли со временъ абсолютизма, имѣетъ самое фальшивое понятіе о демократіи. Не менѣе фальшиво его понятіе о существенномъ характерѣ абсолютизма, который представляется ему чѣмъ-то столь же враждебнымъ аристократіи, какъ демократическій принципъ. Такой взглядъ опять-таки почерпнулъ онъ изъ французскихъ книжекъ, восхваляющихъ Мазарини или Ришельё, будто бы благодѣтелей Франціи. Штука въ томъ, что французскіе короли старались завоевать области, принадлежавшія могущественнымъ феодальнымъ правителямъ, и наконецъ успѣли покорить ихъ. Разумѣется, пока шла война—была и вражда. Разумѣется, обѣ воевавшія стороны прибѣгали ко всякимъ ередствамъ, чтобы достичь побѣды. Но если теперь австрійское правительство было бы радо произвести революцію въ Парижѣ, лишь бы сбрызнуть съ рукъ Наполеона III и сохранить Миланъ и Венецію, изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы австрійское правительство отличалось сочувствіемъ къ республиканскому устройству и ненавидѣло деспотизмъ. Напротивъ, можно думать, что по своимъ принципамъ оно очень мало разнится отъ своего противника. Точно такъ герцогъ бургундскій, герцогъ бретанскій ничѣмъ не разнились въ своихъ принципахъ отъ короля французскаго, съ которымъ враждовали. Вражда шла только изъ-за того, что разнымъ герцогамъ и графамъ не хотѣлось потерять своихъ владѣній, а королю французскому хотѣлось пріобрѣсти эти области. Чтобы склонить къ измѣнѣ подданныхъ своего врага, король французскій могъ покровительствовать притѣсненнымъ горожанамъ его областей, но за то и какой-нибудь герцогъ бургундскій помогать учрежденію демократической республики въ Парижѣ. Все это было военною тактикою въ родѣ того, какъ монголы могли для упроченія своего господства поднимать рязанскихъ князей противъ московскихъ, или московскихъ противъ тверскихъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь Мамай или Узбекъ огорчались отъ притѣсненій, которымъ какой-нибудь Всеволодъ или Георгій подвергалъ сосѣднее княжество?

Но вотъ побѣда была рѣшена, вся Франція соединилась подъ властью короля, отдѣльныхъ владѣній не осталось. Каковъ принципъ извѣстнаго учрежденія, мы можемъ видѣть, когда оно одержитъ побѣду и получить полную силу перестроить жизнь по своему духу. Являются ли французскіе абсолютные короли, начиная съ Людовика XIII, или даже Генриха IV, сколько нибудь расположенными къ „уничтоженію сословныхъ привилегій“, какъ думаетъ г. Чичеринъ? Напротивъ, они устраиваютъ цѣлое государство такимъ образомъ, чтобы весь

народъ жилъ исключительно для содержанія двора и придворной аристократіи. Всѣ подати лежатъ на простолюдинахъ, почти вся масса простолюдиновъ обязана сверхъ того личными повинностями дворянству. Одни дворяне имѣютъ значеніе, они одни пользуются покровительствомъ государственной власти. Съ Людовика XI или, пожалуй, съ Филиппа Прекраснаго до самаго конца XVIII вѣка ни одна изъ привилегій дворянства не была отмѣнена королевскою властью; напротивъ съ каждымъ поколѣніемъ расширяется ихъ покровительство дворянству, и въ администраціи, и въ богатствѣ, и во всѣхъ отношеніяхъ официальной жизни. Центръ всей жизни есть дворъ; дворъ состоитъ исключительно изъ аристократовъ, — какая же тутъ противоположность принципа между абсолютизмомъ и аристократіею? Напротивъ, французскій король есть представитель и глава аристократическаго принципа. Онъ все государство устраиваетъ въ духѣ самой исключительной аристократіи. Не понимать этого можетъ только тотъ, кто не имѣетъ правильнаго понятія ни объ одномъ изъ фактовъ французской исторіи XVI, XVII и XVIII столѣтій.

Но отъ Франціи г. Чичеринъ переходитъ къ Англіи. Онъ видитъ, что въ послѣднее время замѣтно стала падать въ ней аристократія и быстро усиливается демократическій элементъ. Какъ вы думаете, въ чемъ полагаетъ онъ сущность этого движенія? Онъ до того занятъ своею теоріею неразрывной связи бюрократіи съ демократіею, что воображаетъ, будто бы сущность развитія англійскихъ государственныхъ учрежденій въ наше время состоитъ въ развитіи бюрократическаго начала, которое до сихъ поръ было въ Англіи слабо, къ великому сожалѣнію г. Чичерина. Это просто забавно. Изъ 28 милліоновъ англійчанъ, шотландцевъ и ирландцевъ найдется ли хотя одинъ человѣкъ, отъ самаго отсталаго ультра-тори до самаго горячаго хартиста, который бы не гнушался бюрократіею, не пришелъ въ неистовство отъ одной мысли, что бюрократія когда-нибудь можетъ быть введена въ Англію? Англійскіе аристократы очень щедро осыпаютъ своихъ враговъ демократовъ всяческими упреками, но никто въ цѣлой Еврѳюгѣ никогда не слыхивалъ, чтобы они приписывали имъ склонность къ бюрократіи. Каждому ребенку извѣстно, что англійскіе демократы съ состраданіемъ и презрѣніемъ смотрятъ на французское бюрократическое устройство, и если сочувствуютъ какому нибудь учрежденію, то единственно австралійскимъ и сѣверо-американскимъ, въ которыхъ бюрократіи еще гораздо меньше, нежели въ англійскихъ. Разсужденія г. Чичерина объ усиленіи бюрократіи въ Англіи отъ усиленія демократіи могутъ служить самымъ восхитительнымъ примѣромъ того, до какого уклоненія отъ очевидной истины можетъ доводить схоластика, отправляющаяся отъ фальшиваго основанія и безбоязненно шагающая кривыми силлогизмами съ полнымъ пренебреженіемъ къ смыслу фактовъ. „Бюрократія есть принадлежность демократіи. Въ Англіи развивается демократія, слѣдовательно Англія вводитъ у себя бюрократію“. Отъ Пальмерстона до Эрнеста Джонса, отъ Росселя до Ферджуса О'Коннора, всѣ нововводители, — и умѣренные либералы, и радикалы, п хартисты Англіи кричатъ въ одинъ голосъ: „мы гнушаемся бюрократіею“: но г. Чичеринъ мужественно поучаетъ ихъ: „я лучше васъ знаю, кто вы таковы: всѣ вы отчаянные бюрократы“. Начитавшись его книги, мы думали даже предложить Пальмерстону должность исправника въ городѣ Туруханскѣ: это мѣсто совершенно соотвѣтствовало бы его склонностямъ, по изображенію г. Чичерина:

съ какимъ удовольствіемъ писалъ бы онъ: „На отношеніе вашего высокородія за № 15,217 имѣю честь отвѣтствовать, что безпаспортной солдатской жонки Авдотьи Никитиной на жительствѣ въ Туруханскомъ уѣздѣ не оказалось“.

Впрочемъ очень можетъ быть, что г. Чичеринъ воображаетъ себѣ бюрократію не въ такомъ видѣ, какъ представляется она намъ. Быть можетъ и абсолютизмъ, и аристократія, и демократія представляются ему вовсе не въ томъ видѣ, въ какомъ привыкли представлять ихъ себѣ мы. Дѣйствительно, это очень можетъ быть: по крайней мѣрѣ надобно предполагать, что если бы эти понятія не представлялись ему совершенно различнымъ отъ обыкновеннаго пониманія способомъ, то онъ не наговорить бы объ нихъ такихъ странныхъ вещей, какими наполнена его книга.

Мы вполнѣ выписывали изъ книги г. Чичерина длинныя отрывки, на которыхъ основываемъ свое заключеніе, что онъ дѣйствительно не имѣетъ понятія о существенной смыслѣ тѣхъ формъ государственнаго устройства, объясненію которыхъ посвящена вся его книга. Читатели могли убѣдиться, что мы не взводимъ на него небылицъ, когда говоримъ, что онъ не знаетъ ни демократіи, ни абсолютизма, ни аристократіи, ни бюрократіи, ни централизаціи. Получивъ такіе результаты, мы можемъ прекратить выписки, потому что вся остальная запутанность понятій въ его книгѣ составляетъ уже естественное слѣдствіе отсутствія правильнаго взгляда на эти основные предметы его разеуждешій. Пересмотримъ же коротко содержаніе его книги.

Первая статья, „О политической будущности Англіи“, написанная по поводу книги Монталябера, начинается утѣшительнымъ увѣреніемъ, что вопросы, волнующіе Западную Европу, „не имѣютъ для насъ жизненнаго значенія“. Утѣшительно это потому, что очень благопріятствуетъ смотрѣть намъ на событія Западной Европы „безъ гнѣва и пристрастія“. Мы готовы были бы думать, что это увѣреніе просто избитая мысль, употребляющаяся многими изъ насъ по условному правилу, имѣющему свою внѣшнюю выгоду; но отрывки о роли публициста, выписанные нами изъ предисловія, убѣждаютъ насъ, что г. Чичеринъ въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, будто это такъ и будто это очень утѣшительно. Это удивительно. Кому неизвѣстно, что вотъ уже очень много лѣтъ наша судьба связана съ судьбою Западной Европы и каждое важное событіе въ ней отражается на насъ? Фридрихъ II ограбилъ Марію Терезію, — и вотъ мы были запутаны въ семилѣтнюю войну. Европа стала поклоняться Вольтеру, и у насъ началась конедія гуманныхъ возгласовъ въ угодность Вольтеру, лицемѣрное хвастовство либерализмомъ; но Вольтеръ имѣлъ у насъ много и такихъ приверженцевъ, которые не были лицемѣрами. Вспыхнула французская революція, и характеръ администраціи у насъ сдѣлался рѣшительнѣе, прямѣе и пружины дѣйствія перестали прикрываться философскими украшеніями. Изъ революціи вышелъ Бонапарте, и мы были запутаны въ продолжительныя войны, кончившіяся удачно, но разорившія Россію и присоединившія къ ней Варшаву. Потомъ Меттернихъ основалъ Священный Союзъ, и кому не извѣстно вліяніе этого учрежденія на судьбу Россіи? Продолжать ли этотъ перечень? Намъ кажется, перечисленныхъ фактовъ довольно, чтобы отказаться намъ отъ возможности равнодушно смотрѣть на западно-европейскія событія. „Перевѣсъ либерализма или демократіи, успѣхи революціи или удача диктатуры въ Западной Европѣ, — все это вопросы, не имѣю-

ще для нас жизненнаго значенія“, — этихъ словъ уже достаточно, чтобы показать совершенное отсутствіе способности поникать положеніе Россіи. Впрочемъ, напрасно мы останавливались на этомъ: мы уже знали, что г. Чичеринъ способенъ быть публицистомъ, а способенъ быть только ученымъ схоластикомъ. Для схоластика нѣтъ надобности понимать отношенія своего общества къ фактамъ, которыми онъ занимается; ему только нужно знать факты.

Но и фактовъ г. Чичеринъ не знаетъ самъ, а принимаетъ ихъ на вѣру отъ другихъ, которые не заслуживали его довѣрія. Гнилая оппозиція французскихъ академикомъ называетъ Монталамбера великимъ ораторомъ, а его книгу замѣчательнымъ произведеніемъ; г. Чичеринъ смотритъ на вещи не такъ, какъ французскіе академики, потому могъ бы думать о Монталамберѣ и его книгѣ иначе. Но онъ принимаетъ этого реакціоннаго болтуна очень серьезно за защитника свободы, за представителя либерализма, и серьезно разсуждаетъ о его понятіяхъ, будто бы о мысляхъ дѣльнаго человѣка. Монталамберъ говоритъ объ Англіи вздорныя общія мѣста, въ родѣ того, что „привязанность къ старинѣ составляетъ отличительную черту англійскаго народа“, что англичане „отличаются отъ другихъ народовъ любовью къ разоблаченію своихъ собственныхъ недостатковъ“. что англійская аристократія „невраждебна никакому прогрессу“; г. Чичеринъ очень серьезно повторяетъ эти пустыя слова, или несправедливыя, или ровно ничего не выражающія: по всему видно, что Монталамберъ для него кажется драгоценнымъ источникомъ свѣдѣній объ Англіи. Человѣкъ ученый не долженъ былъ бы принимать дрянную брошюру за что нибудь значительное. Онъ спорить съ Монталамберомъ очень важно, какъ будто бы съ противникомъ, заслуживающимъ уваженія.

Такое же чрезмѣрное уваженіе къ пустымъ репутаціямъ видно въ слѣдующей его статьѣ „Промышленность и государство въ Англіи“, составленной по поводу книги Леона Фоше. Леонъ Фоше былъ человѣкъ довольно трудолюбивый, но вовсе не даровитый. Либерализмъ его всегда былъ очень узокъ и сильно отзымался консерватизмомъ. Г. Чичерину кажется, что онъ испортился только съ 1848 года. Онъ думаетъ, что только тогда Леонъ Фоше „покинулъ точку безпристрастнаго наблюдателя и сдѣлался членомъ партіи“, что только тогда „примкнулъ онъ къ тому близорукому большинству французскаго законодательнаго собранія, которое не умѣло основать новыхъ учреждений“. Напрасное прискорбіе. Леонъ Фоше всегда принадлежалъ къ близорукимъ людямъ, которые враждовали противъ новыхъ учрежденій. Г. Чичеринъ не имѣетъ вѣрныхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ партій при Орлеанской династіи; онъ не знаетъ характера той оппозиціи, которая признавала своимъ предводителемъ Тьера, и характера той экономической школы, которая называлась тогда либеральною, но либерализмъ которой ограничивался хлопотами о пониженіи тарифа. Впрочемъ книга Леона Фоше не есть пустая болтовня, какъ памфлетъ Монталамбера: въ ней собрано много фактовъ. Мы не осуждаемъ г. Чичерина за то, что онъ вздумалъ серьезно пользоваться ею. Но любопытенъ выводъ, къ которому клонятся всѣ его выписки изъ Леона Фоше и Лаверья. Мы уже говорили объ этомъ выводѣ. Г. Чичеринъ воображаетъ, что сущность реформъ, произведенныхъ парламентомъ въ экономическомъ устройствѣ Англіи, ведетъ въ усиленію бюрократіи; а между тѣмъ изъ этихъ реформъ всѣ важнѣйшія состоятъ въ робкомъ, неполномъ, иногда нелѣпомъ удовлетвореніи нѣкоторымъ изъ экономп-

ческих потребностей английских простолюдинов; и если эти реформы принадлежат къ какой нибудь системѣ понятій, то разиѣ въ системѣ тѣхъ экономистовъ, которые думаютъ прикрасить ветхое рубище своей теоріи нѣкоторыми лоскутками социализма. Напримѣръ, въ Англіи запретили держать дѣтей на фабричной работѣ болѣе 12 часовъ въ день; потомъ запретили нанимать женщинъ для работы въ рудникахъ; потомъ предписали, чтобы дѣти, работающія на фабрикахъ, непременно посѣщали школу; потомъ запретили держать женщинъ на фабричной работѣ болѣе 12 часовъ въ сутки. По мнѣнію г. Чичерина, это—бюрократія и централизація, а по мнѣнію каждаго экономиста эти постановленія принадлежатъ къ тому, что г. Чичеринъ называетъ „безумными проявленіями социализма“. Такихъ недоразумѣній въ статьѣ о промышленности Англіи находится множество. Но вотъ мѣсто, которое повазываетъ, что г. Чичеринъ не знаетъ не только того, къ какому порядку идей принадлежатъ перечисляемые имъ факты, но не знаетъ даже того, къ какому порядку идей принадлежатъ его собственныя мысли. Онъ начинаетъ говорить о томъ, что расширеніе центральной власти или вмѣшательство правительства должно въ Англіи усилиться еще значительноѣ, нежели насколько усилилось всѣми произведенными реформами. Тутъ мы читаемъ между прочимъ слѣдующее соображеніе:

„Правительству должны подлежать, говорить г. Чичеринъ, всѣ тѣ общественныя установленія, которыя не требуютъ личной предприимчивости и энергіи. Таково, напримѣръ, застрахованіе. Въ наше время оно производится частными компаніями, но нѣтъ сомнѣнія, что оно съ такимъ же успѣхомъ можетъ быть предпринято правительствомъ. Настоящее мѣсто частнаго капитала тамъ, гдѣ онъ является орудіемъ личной дѣятельности; здѣсь же капиталъ цѣлаго общества служитъ обезпеченіемъ риска, которому подвергается каждый изъ его членовъ. Потому мы думаемъ, что съ большимъ и большимъ развитіемъ системы застрахованія, оно поступитъ наконецъ въ вѣдомство правительственной власти. Самое государство можно въ нѣкоторомъ отношеніи разсматривать, какъ общество взаимнаго застрахованія, составленное цѣлымъ народомъ: каждый гражданинъ удѣляетъ часть своего достоянія въ общую кассу для того, чтобы получить отъ государства обезпеченіе личной своей дѣятельности“.

Мы не станемъ разбирать, самъ ли г. Чичеринъ написалъ это мѣсто, или заимствовалъ его изъ Милля; онъ не отрицаетъ, что заимствовалъ его, слѣдовательно представляетъ какъ свою собственную мысль. Намъ остается только поздравить централизацію съ приобрѣтеніемъ такого новаго характера. Встарину подобныя вещи назывались регалиями или монополіями казны, но никакъ не централизаціею или бюрократіею; нынѣ называются онѣ иначе; какъ именно называются нынѣ онѣ и къ какому порядку идей принадлежатъ, мы не станемъ говорить. Но скажемъ, что присвоеніе государству страхованія, до понятій нынѣшнихъ экономистовъ, ничѣмъ не отличается отъ присвоенія государству исключительнаго права имѣть жетѣзныя дороги, отъ наложенія на него обязанности давать работу рѣшительно каждому неизбѣющему работы, принимать на общественное содержаніе каждаго бѣднаго и т. д. Если мы не ошибаемся, всѣ эти мысли составляютъ принадлежность теоріи, которая заслужила отъ г. Чичерина названіе безумной. Намъ остается только жалѣть, что г. Чичеринъ повидимому незнакомъ съ этою теоріею, а лишь слыхивалъ о ней отъ людей подобныхъ Монталамберу, Токвилю, Сюдру, Луи-Ребо. Не дурно было бы ему замѣтить вредъ, происходящій отъ этого про-

бѣла въ знакомствѣ его съ произведеніями современной мысли: онъ украшаетъ свои статьи лоскутками той самой теоріи, которую унрекаетъ въ безумствѣ.

Точно также онъ имѣлъ бы совершенно другое понятіе о смыслѣ демократическаго движенія въ Англіи, если бы изучалъ его по достовѣрнымъ источникамъ, напримѣръ по парламентскимъ преніямъ, по рѣчамъ и сочиненіямъ представителей этого движенія, а не по книжкамъ, писаннымъ отсталыми людьми, въ родѣ Леона Фоше, или реакціонерама, въ родѣ Монталамбера.

Третья статья, „Старая французская монархія и революція“, написана по поводу книги Токвиля. Начинается она объясненіемъ, что дурно поступаютъ тѣ историки, которые пишутъ подъ вліяніемъ современныхъ политическихъ событій, что историкъ не долженъ вносить страстей настоящаго въ изображеніе прошедшаго. Словомъ сказать, г. Чичеринъ очень подробно и хорошо перефразируетъ извѣстную характеристику лѣтописца въ „Борисѣ Годуновѣ“:

Такъ точно дыкъ, въ приказахъ поспѣлымъ.
Спокойно зрѣтъ на правыхъ и вивонныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пушкинъ, былъ вѣроятно правъ, изображая такими нашихъ лѣтописцевъ, людей чуждыхъ всякаго понятія о жизни, сунухъ книжниковъ и притомъ чрезвычайно мало образованныхъ; но г. Чичеринъ напрасно хочетъ, чтобы нынѣшніе историки подражали имъ. Онъ, невидимому, не знаетъ истиннаго смысла тѣхъ возгласовъ объ историческомъ безпристрастїи, которыми наполнены всѣ реакціонныя книги. Реакціонеры называютъ историка безпристрастнымъ тогда, когда онъ доказываетъ, что старинный порядокъ вещей былъ хорошъ. Напротивъ, напримѣръ книгу г. Чичерина „Областные учрежденія“ всѣ реакціонеры называютъ пристрастною и несправедливою за то, что авторъ совершенно справедливо изобразилъ въ ней старинную систему управленія не въ розовомъ свѣтѣ. Живой человекъ не можетъ не имѣть сильныхъ убѣжденій. Отъ этихъ убѣжденій неотдѣляется онъ, что бы ни сталъ дѣлать: писать исторію или статистику, фельетонъ или повѣсть; все написанное имъ будетъ написано для оправданія и развитія какой-нибудь мысли, кажущейся ему справедливою. Если вы раздѣляете эту мысль, вамъ будетъ казаться, что писатель изображаетъ жизнь безпристрастно; если вы враждуете противъ его образа мыслей, вамъ будетъ казаться, что онъ изображаетъ жизнь пристрастно и несправедливо. Слѣдовательно дѣло не въ томъ, проводить ли историкъ свои убѣжденія въ своей книгѣ. Не проводить убѣжденій могутъ только тѣ, которые не имѣютъ ихъ; а не имѣть убѣжденій могутъ только вля люди необразованные, или люди неразвитые, или люди тупые, или люди безсовѣстные; дѣло только въ томъ, хороши ли убѣжденія, проводимыя историкомъ, т.е. возникаютъ ли они изъ желанія добра, справедливости и благосостоянія людямъ, или изъ какихъ-нибудь принциповъ, противныхъ благосостоянію общества, и ясно ли понимаетъ историкъ, какія учрежденія и событія содѣйствовали, какія мѣшали осуществленію такого порядка дѣлъ, который пользуется его сочувствіемъ. Если убѣжденія историка честны и если онъ понимаетъ вліяніе изображаемыхъ имъ событій и учрежденій на судьбу народа, тогда заслуживаетъ онъ уваженіе; и кромѣ честности убѣжденій, другаго безпристрастія никогда не бывало ни въ какомъ

историкъ, если онъ былъ одаренъ человѣческимъ смысломъ, а не писалъ какъ бессмысленная машина. Откуда же вышло у г. Чичерина мнѣше, что историкъ долженъ походить на пушкинсваго лѣтописца? Опять-таки оно возникло отъ необдуманнаго принятія чужихъ словъ на вѣру. Если бы онъ самъ подумалъ о томъ, были ли равнодушны Оукидидъ, Тацитъ, Маккиавели, де-Ту, Тьерри, Шлоссеръ, Гиббонъ, или даже хотя такіе историки, какъ Гизо, Тьеръ, Макодей, къ тѣмъ событіямъ и людямъ, о которыхъ писали, онъ увидѣлъ бы, что ни одинъ, сколько нибудь сносный историкъ, не писалъ иначе, какъ для того, чтобы проводить въ своей исторіи свои политическія и общественныя убѣжденія.

Но, принявъ на вѣру чужія слова, лишенные положительнаго смысла, г. Чичеринъ вздумалъ, будто бы Токвиль пишетъ дурно только потому, что проводитъ въ своей книгѣ политическія убѣжденія извѣстной партіи, а не потому, что его убѣжденія во многомъ реакціонны, во многомъ вздорны. Мы сочувствуемъ Токвилю гораздо меньше, нежели г. Чичерину, но должны сказать, что и въ его нападеніяхъ на Токвиля такъ же мало яснаго понятія о вещахъ, какъ въ книгѣ Токвиля, и притомъ главныя нападенія обращены именно на ту сторону, которая одна только и хороша у Токвиля. Среди множества разнаго вздора, въ книгѣ Токвиля проводится одна вѣрная мысль, что абсолютизмъ надѣлалъ Франціи несравненно больше вреда, нежели пользы. Но абсолютизмъ учредилъ бюрократію, а по мнѣнію г. Чичерина бюрократія — вещь очень хорошая, и вотъ онъ считаетъ своею обязанностью вступить за французскій абсолютизмъ противъ Токвиля. Онъ надѣется защитить дѣло французевыхъ королей, взявъ образцовымъ временемъ ихъ принципа періодъ раньше того, къ которому относится характеристика Токвиля. Въ XVIII вѣкѣ, говорятъ онъ, абсолютный принципъ уже испортился; чтобы оцѣнить его, надобно посмотрѣть, каковъ онъ былъ прежде. Но сколько мы ни смотримъ, никакъ не можемъ замѣтить, чтобы когда нибудь защищаемый г. Чичеринимъ принципъ не былъ точно таковъ же, какъ въ XVIII вѣкѣ. Нравственные и политическіе принципы Екатерины Медичи очень хорошо извѣстны; чловѣкъ безъ сильнаго воображенія никакъ не предположить, чтобы она могла сдѣлать сама или допустила другихъ дѣлать что-нибудь дѣйствительно полезное для государства. Съ того времени до XVIII вѣка господствовала та же самая политика. Ришелье и Мазарини навѣрное не много принесли пользы націи, хотя быть можетъ, что они умѣли хорошо вести дипломатическія интриги и выбирать хорошихъ генераловъ. Но быть можетъ и въ концѣ XVI, и въ XVII вѣкѣ принципъ, защищаемый г. Чичеринимъ, былъ уже „испорченъ“. Если такъ, очень жаль, потому что и Карлъ VIII и Людовикъ XII ничѣмъ не отличались въ своихъ тенденціяхъ отъ Генриха II или Людовика XIV. Но г. Чичеринъ смотритъ на дѣло, вѣроятно, съ иной точки зрѣнія. Главнымъ благодѣяніемъ для французской націи онъ считаетъ то, что она получила политическое единство. О, если завоевывать области и по возможности увеличивать свои владѣнія значить быть благодѣтелемъ, то почему же не предполагать, что Аттила и Батый были представителями благодѣлительнѣйшаго принципа: они хотѣли доставить всему европейскому чловѣчеству то благо, которымъ обязаны были французы Филиппу Прекрасному, Людовику XI и другимъ собирателямъ земли французской. Результатъ завоевательной политики, правда, оказался недуренъ въ томъ отношеніи, что французская нація соединилась въ одно государство. Но людей, занимавшихся этимъ дѣломъ,

не стоять называть благодѣтелями націи, потому что они имѣли въ виду вовсе не пользу націи, а только удовлетвореніе собственному эгоизму, и одинаково вели всевозможныя войны, не разбирая того, полезны ли эти войны для національнаго единства, или нѣтъ. Походы на Бургундію, на Бретань происходили изъ того же самаго принципа, какъ и походы Карла VIII въ Италію или Людовика XIV въ Германію; разница была не въ мысли, а только въ томъ, что одни походы кончались удачно, другіе — нѣтъ. Нѣмецкій Эльзасъ былъ покоренъ на томъ же самомъ основаніи какъ и французская Нормандія. Если завоеваніе Страсбурга не было внушено высокою идеею народнаго блага, то не было внушено ею и завоеваніе Днжона.

Но все-таки надобно же благодарить кого-нибудь за то, что Франція собла-лась въ одно цѣлое изъ раздробленныхъ герцогствъ, графствъ и вивонствъ. Чтобы узнать, кого должно благодарить за это, надобно только сдѣлать себѣ вопросъ, почему Шампань осталась во владѣніи французскихъ королей, а Италія, нѣсколько разъ завоеванная французами, все-таки постоянно отрывалась отъ французскаго государства. Отвѣтъ ясенъ: Шампань была населена французами, которые стремились составить одно цѣлое съ остальными французами, а въ Италіи жили итальянцы, которымъ не было охоты присоединяться къ французамъ. Теперь, кажется, не трудно сообразить, какой силѣ обязаны французы гвмъ обстоятельствомъ, что соединились въ одно государство. Надобно предполагать, что они были обязаны этимъ своему собственному стремленію соединиться въ одно государство. Потому надобно думать, что если французы должны кого благодарить за могущество, пріобрѣтенное Франціею, то должны благодарить за это только самихъ себя, и больше никого. Тотъ или другой эгоистъ, тотъ или другой честолюбецъ могъ находить выгоднымъ для себя стремленіе въ національному единству, врожденное французамъ, но не онъ создалъ его, онъ только пользовался имъ и пользовали почти всегда вреднымъ для самихъ французовъ образомъ. За что же французамъ благодарить его, называть представителемъ какихъ-то высокихъ идей, когда все, что было въ результатъ хорошаго, произошло благодаря только ихъ собственному національному чувству? Если мы станемъ благодарить французскихъ Валуа за то, что при нихъ произошло воссоединеніе французскихъ провинцій, всегда стремившихся къ единству, то не должны ли мы благодарить Елизавету англійскую за то, что при ней Шекспиръ написалъ Гамлета? Намъ кажется, что за Гамлета слѣдуетъ благодарить Шекспира, за французское единство французы должны благодарить самихъ себя.

Такимъ образомъ надобно смотрѣть на степень заслуги абсолютнаго принципа въ дѣлѣ соединенія французской земли. Этотъ принципъ только эгоистически пользовался силою, существовавшею независимо отъ него; и если оцѣнивать достоинство этого принципа, надобно смотрѣть не на то, что пріобрѣталъ онъ, потому что пріобрѣтенія дѣлялись не его заслугами, а национальнымъ чувствомъ, — нѣтъ, надобно смотрѣть только на то, что онъ дѣлалъ съ пріобрѣтенными провинціями. Тутъ отвѣтъ опять коротокъ: искони вѣковъ, съ самаго Гуго-Капета до Людовика XIV, главною заботою представителей абсолютнаго принципа было полученіе возможно большаго количества доходовъ, какими бы то ни было средствами, начиная съ постояннаго разоренія всей націи законными и незаконными поборами до нарушенія контрактовъ, продажи должностей и дѣланія фальшивой монеты. Начиная съ X и кончая XVII или XVIII вѣкомъ принципъ, защищаемый г. Чичеринымъ,

бралъ съ французской націи все, что только могъ взять, и почти постоянно только этимъ да веденіе войнъ ограничивалась вся государственная дѣятельность этого принципа. Само собою разумѣется, что безъ исключеній ничего на свѣтѣ не бываетъ. Въ теченіе 800 лѣтъ Франція имѣла двухъ государей, дѣйствительно думавшихъ о благѣ народа: Людовика Святого и Генриха IX, и нѣсколько гениальныхъ министровъ. Но далѣе Генрихъ IV былъ занятъ своею Габріэлью и военными пладами гораздо больше, нежели народными нуждами, а Людовикъ IX не имѣлъ успѣха ни въ одно изъ своихъ предприятий, конечно потому, что его характеръ и его нравственныя правила совершенно не соответствовали качествамъ, каковыхъ требуетъ положеніе, доставшееся ему на долю. Что же касается до великихъ французскихъ министровъ, то мы знаемъ, что Сюлли былъ отосланъ въ деревню за неуживчивость характера, а Кольберъ долженъ былъ всѣ свои усилія напрягать къ тому, чтобы доставлять Людовику XIV какъ можно болѣе денегъ на веденіе войнъ. И такъ остаются только Ришельё и Мазарини. Они дѣйствительно управляли государствомъ, какъ хотѣли; но при извѣстныхъ качествахъ этихъ людей кто отважится сказать, чтобы когда-нибудь приходила тому или другому изъ нихъ въ голову мысль о пользѣ націи?

Мы не надѣемся, чтобы г. Чичеринъ удостоилъ прочтеніемъ нашу статью; мы даже не думаемъ, чтобы это было нужно, потому, какъ непогрѣшительный мудрецъ, онъ, конечно, не могъ бы извлечь никакой пользы изъ нашихъ замѣчаній; но если бы онъ прочелъ эту статью, онъ сказалъ бы, что мы смотримъ на исторію французскаго абсолютизма и предшествовавшего ему феодальнаго королевства очень пристрастными образомъ, забываемъ все хорошее и выставляемъ на видъ только дурное. Мы точно также говоримъ о его взглядѣ, что онъ преувеличиваетъ все хорошее, приписываетъ своему любимому принципу многое такое, чѣмъ Франція вовсе не ему обязана. Г. Чичеринъ скажетъ, что мы пристрастны, а онъ безпристрастенъ; мы, наоборотъ, говоримъ, что мы безпристрастны, а онъ пристрастенъ. Какъ разобратъ — кто изъ насъ правъ, кто нѣтъ? Каждый читатель рѣшитъ это сообразно своему образу мыслей. Кому нашъ образъ мыслей кажется справедливымъ, тотъ скажетъ, что и взглядъ нашъ на французскую исторію безпристрастенъ. Кто, напротивъ, раздѣляетъ убѣжденія г. Чичерина, тотъ назоветъ наши понятія о французской исторіи чрезвычайно пристрастными. Но мы и не претендуемъ казаться безпристрастными въ глазахъ cadaго. Г. Чичеринъ претендуетъ, но можетъ быть увѣренъ, что изъ 10 человекъ едва ли хотя одинъ признаетъ за нимъ то безпристрастіе, о которомъ онъ такъ хлопочетъ. Какую же выгоду передъ нами, прямо говорящими, что любимъ однихъ, не любимъ другихъ историческихъ дѣятелей, доставила ему его забота казаться равнодушнымъ ко всѣмъ и ко всему? Этою фальшивою претензіею можетъ каждый изъ насъ обольщать самъ себя, но другіе все-таки не будутъ обмануты его самообольщеніемъ. И напримѣръ о г. Чичеринѣ каждый говоритъ, что любовь къ бюрократіи и централизаци заставляеть его страннымъ образомъ преувеличивать все хорошее и уменьшать все дурное въ исторіи французскаго абсолютизма.

Четвертая и послѣдняя статья въ книгѣ г. Чичерина, „О французскихъ крестьянахъ“, была гораздо менѣе замѣчена публикою, нежели три первыя статьи. Это даетъ намъ возможность не говорить о ней подробно. Замѣтимъ только одно мѣсто, интересное для опредѣленія нынѣшняго направленія симпатій г. Чичерина.

Изъ трехъ книгъ, выставленныхъ въ заглавіи этой статьи, г. Чичеринъ обращаетъ вниманіе особенно на двѣ, Дареста и Боннера. Онъ характеризуетъ ту и другую. Дарестъ самъ объясняетъ свое направленіе слѣдующими довольно странными словами: „Тамъ, гдѣ поверхностные историки видѣли между рабочими классами и высшими сословіями противоборство, существовала, напротивъ, гѣсная связь, скажу болѣе, полное почти общеніе чувствъ и интересовъ“. Изъ этого видно, что книга Дареста написана съ цѣлью доказать, что мятежи французскихъ крестьянъ противъ дворянъ и страшная ненависть поселянъ къ феодальнымъ господамъ была явленіемъ мимолетнымъ, неосновательнымъ, и, собственно говоря, жалобы крестьянъ были неосновательны. Самъ г. Чичеринъ прибавляетъ: „Авторъ представляетъ многія средневѣковыя учрежденія съ слишкомъ выгодной стороны. Онъ нерѣдко старается объяснить общественною пользою таяніа права, которыя были явнымъ послѣдствіемъ права сильного“. Бонмеръ, напротивъ того, живо раскрываетъ всю тяжесть положенія поселянъ и постоянно сочувствуетъ имъ, не оказывая потворства средневѣковымъ гнусностямъ. Г. Чичеринъ сочувствуетъ даже французскому абсолютизму, который кажется ему союзникомъ демократіи, и не любитъ самоуправленія за то, что въ Англіи имѣетъ оно аристократическій характеръ. Послѣ этого можно было бы ожидать, что къ Бонмеру у него будетъ больше сочувствія, нежели къ Даресту, защитнику феодализма. Но нѣтъ: Дареста онъ не лишаетъ своей милости, но Боннера казнить онъ нещадно.

„Г. Дарестъ и г. Бонмеръ могутъ служить представителями двухъ противоположныхъ направленій науки: одинъ слишкомъ старается оправдать все прошедшее, другой слишкомъ старается его унизить. Нельзя не сказать, однако, что первый показалъ несравненно болѣе историческаго и критическаго такта, нежели послѣдній. И не мудрено: несмотря на нѣкоторую односторонность, онъ стоитъ на истинной дорогѣ и смотритъ на исторію не съ точки зрѣнія современной страсти, а какъ ученый наблюдатель, который изучаетъ лежащія передъ нимъ явленія. Книга его можетъ служить лучшимъ руководствомъ для изученія исторіи французскихъ крестьянъ“ (Стр. 281).

„...Сочиненіе Боннера написано съ крайне-односторонней точки зрѣнія. Г. Бонмеръ, невидимому, принадлежитъ къ тому разряду французскихъ демократовъ-соціалнстовъ, которые, подводя всѣ эпохи подъ исключительную мѣрку настоящихъ своихъ требованій, видятъ въ исторіи не постепенное развитіе народа, а постоянную несправедливость, отъ которой слѣдуетъ отдѣлаться. Это — направленіе вполнѣ отрицательное. Автору нельзя отказать въ начитанности, во пріобрѣтенный матеріалъ употребленъ имъ безъ всякой критики и съ явнымъ пристрастіемъ. Книгу его можно назвать не столько исторіею крестьянъ, сколько повѣствованіемъ объ испытанныхъ ими притѣсненіяхъ. Къ несчастью, даже и эта одна сторона далеко не удовлетворяетъ читателя. Весь разговоръ преисполненъ декламаціею, риторическими выходками и преувеличеніемъ, которыя невольно заставляютъ заподозрѣвать самую фактическую вѣрность изображеній, и т. д.“ (Стр. 280).

Изъ этого мы можемъ видѣть, что, несмотря на всѣ свои разсужденія о прогрессѣ, несмотря на всю нелюбовь къ англійскимъ аристократическимъ учрежденіямъ, г. Чичеринъ не колеблется отдавать преимущество приверженцамъ старинныя надъ людьми, которые кажутся ему слишкомъ живо сознающими вредную сторону старинныхъ учрежденій. Дарестъ оставляетъ безъ вниманія жизненную сторону учрежденій и вноситъ въ средневѣковыя учрежденія понятія новаго времени съ цѣлью показать законность беззаконія, пользу насилія; изъ этого, невидимому, надобно было бы г. Чичерину заключить, что онъ лишенъ всякой способности быть историкомъ; но нѣтъ, „онъ стоитъ на истинной дорогѣ и книга его можетъ слу-

жить лучшимъ руководствомъ, показывая въ немъ историческій и критическій тактъ“. Изъ всего заключенія г. Чичеринъ самъ на себя можетъ видѣть, что такое скрывается подъ фразою объ историческомъ безпристрастїи, которою онъ обольстился: подъ нею просто скрывается требованіе, чтобы историкъ старался оправдывать беззаконіе и выставлать хорошія качества феодальныхъ и тому подобныхъ учреждений.

Мы кончили разборъ, и намъ остается объяснить странныя качества, найденныя нами въ книгѣ г. Чичерина. Мы сначала будемъ говорить вообще.

Демократія, готовая скорѣе согласиться на оправданіе феодализма, нежели на его порицаніе, либерализмъ, состоящій въ пристрастїи къ бюрократїи, публицистика, равнодушная къ вопросамъ ею излагаемымъ, ученость, не знающая характера событій и людей, извѣстныхъ каждому, — какимъ образомъ объяснить эти сочетанія каждаго качества съ признаками рѣшительно неумѣстными въ немъ, эту холодность жара, обскурантизмъ просвѣщенія, реактивность прогресса, бессмыслие мысли? Мы приведемъ сначала общія причины, не относящіяся къ лицу. Мы видѣли, почему французская демократія является съ формами бюрократїи: она еще слишкомъ слаба, чтобы отвергнуть въѣвшуюся въ нее старину, противную ея собственной натурѣ. Она похожа на одного изъ недавно уволенныхъ нашихъ кантонистовъ, которые все еще по старой привычкѣ дѣлаютъ подъ козырекъ проходящему офицеру, хотя человекъ, уволенный изъ военной службы, не долженъ уже дѣлать подъ козырекъ. Всѣ мы воспитаны обществомъ, въ которомъ владычествуетъ обскурантизмъ и застой; потому, какими понятїями ни пропитываемся мы потомъ изъ книгъ, все-таки большая часть изъ насъ сохраняютъ привычное расположеніе къ обскурантизму и застою. Мы похожи на ту ворону, обращенную въ соловья, которая часто, по разсѣянности, каркала по вороньему. Если бы мы всѣ были таковы, нельзя было бы ожидать обществу ничего хорошаго при нашемъ поколѣнїи.

Но есть и въ западной Европѣ люди, у которыхъ подъ либерализмомъ скрывается обскурантизмъ; ихъ образъ мыслей нельзя и дурень, но онъ имѣетъ нѣкоторую связность, въ немъ нѣтъ рѣжущихъ глаза логическихъ несообразностей. Монталамберъ, напримѣръ, не станетъ хвалить Робеспьера, не будетъ восхищаться Кроувелемъ. Зачѣмъ же у нашихъ просвѣщенныхъ обскурантовъ такая путаница въ понятїяхъ? Почему русскій человекъ способенъ на одной и той же страницѣ восхищаться Жанною Д'Аркъ и хвалить руанскій трибуналъ, который сжегъ ее за сношенія съ бѣсами? Это происходитъ отъ двухъ причинъ. Наши либеральные обскуранты набираются, напримѣръ, своихъ понятій изъ отсталыхъ французскихъ книжекъ; въ этихъ книжкахъ все такъ хорошо, гладко, связано; но онѣ набиты узкими національными предубѣжденїями, нелѣпость которыхъ слишкомъ замѣтна каждому иностранцу. Русскій ученикъ по необходимости отбрасываетъ этотъ вздоръ въ родѣ того, что Наполеонъ въ 1812 году не былъ побѣжденъ, что бюллетени его не содержали безстыдной лжи, что французы — единственная великая нація въ свѣтѣ, и въ этомъ качествѣ никогда не грабили Германію и Италію, а должны, для счастья самихъ нѣмцевъ, владѣть всѣмъ лѣвымъ берегомъ Рейна, и т. д. Отъ этихъ выпусковъ оказываются въ системѣ большіе пробѣлы, и русскій ученикъ наполняетъ ихъ, какъ умѣетъ, доскутами фактовъ и понятій, набран-

ными откуда Богъ даетъ. Но пало того, что онъ самъ надѣлалъ пробѣловъ въ ходившихъ выпускахъ: и въ полномъ своемъ иностранномъ видѣ отсталая теория не касалась многихъ вопросовъ, специально важныхъ для русской жизни и вообще безусловно представляющаея мысли русскаго ученика. Онъ также старается привлекать для нихъ отвѣты, ввести ихъ въ чужую систему. По этимъ двумъ причинамъ жилетъ изъ французскаго атласа покрывается нашивками изъ англійскаго сукна, ленкора, сѣро-пѣвецкаго сукна и русской выбойки. Всѣ эти заплаты не пригодились бы арлекинскаго вида, если бы цвѣтовъ своихъ подходили въ общую ткань. Но главная нелѣпость состоитъ именно въ томъ, что цвѣтъ заплатъ совсѣмъ не тотъ, какой нуженъ для гармоніи. Первоначальная теорія была составлена, какъ мы сказали, людьми застоя или реакціи съ цѣлью охраненія и защиты старины. Намъ, русскимъ, нечего жалѣть въ нашей старинѣ и неохоты защищать ее. Потому приставки наши имѣютъ обыкновенно говорившій не ту тенденцію, какъ первоначальная теорія. До сихъ поръ мы говорили вообще, теперь сошлемся въ частности на дѣятельность самого г. Чичерина въ подтвержденіе послѣднему обстоятельству. Мы видѣли, какого оттѣнка иностранные писатели, изучаеиъ которыхъ онъ занятъ, изъ которыхъ онъ черпаетъ основныя понятія свои о европейской жизни, съ которыми онъ, если считать, то не какъ съ противниками своими по принципу, а какъ съ людьми имѣющими только частныя недостатки. Эти люди: Токвиль, Леонъ Фоме, Гегель, Герберштервервъ, Гизо, Маволей и т. п. господа, то есть все это люди такъ называемаго умѣреннаго и спокойнаго прогресса, иначе сказать, люди, которымъ замѣтно гораздо милѣ всякаго смѣлаго историческаго движенія. Онъ споритъ съ ними, но и въ спорахъ видно, что онъ чрезвычайно уважаетъ ихъ, и вообще, какъ мы сказали, ихъ книги, ихъ теоріи служатъ ему главнымъ резервуаромъ мысли и роста. Но есть отрасль знаній, о которой они, къ несчастію, не писали и на которую занимается г. Чичеринъ. Эта отрасль—русская исторія. И г. Чичеринъ написалъ превосходную книгу о русской администраціи въ Московскій періодъ. Прочтите эту книгу, и вы почувствуете надобность протерѣть глаза и не заглядывать на обертку, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли эта книга написана тѣмъ же г. Чичеринымъ, который написалъ „Очерки Англіи и Франціи“. Тотъ ли это человѣкъ, который предпочитаетъ Дареста Боннеру? Въ отвѣтъ его „Областныхъ учрежденійхъ“ всѣ умѣренныя западно-европейцы безусловно сказали бы то самое, что сказалъ онъ о книгѣ Боннера:

„Направленіе г. Чичерина вполне отрицательное. Автору нельзя отказать въ честности, но приобрѣтенный матеріалъ употребленъ имъ безъ всякой критики и съ полнымъ пристрастіемъ. Книгу его можно назвать не столько исторіею русской администраціи, сколько повѣствованіемъ о притѣсненіяхъ, ею оказывавшихся. Къ несчастію, даже и одна сторона далеко не удовлетворитъ читателя. Весь разсказъ преисполненъ предубѣжденіемъ, которое невольно заставляетъ заподозрѣвать самую фактическую вѣрность изображеній. Авторъ тщательно выбираетъ изъ источниковъ всякую частность, которая можетъ сгустить краски на его картинѣ, и тѣмъ мрачнѣе событіе, хотя бы оно случилось въ какомъ-нибудь углу государства, тѣмъ ярче оно представляется на видѣ, какъ характеристическая черта цѣлой эпохи“.

Эти слова списаны нами съ 280—281 стр. книги г. Чичерина; читатель можетъ сравнить ихъ съ отрывкомъ, который представили мы выше изъ сужденій о Дарестѣ и Боннерѣ. Нужно было только перевернуть фаянсовыя

пустить два-три слова, относящихся къ характеристикѣ слога,—и то самое, должно служить осужденіемъ Бонмеру, буквально примѣнилось къ самому Чичерину, которому впрочемъ мы вовсе не ставимъ въ упрекъ всѣхъ тѣхъ ествъ, какими можетъ возбуждаться подобный отзывъ о его книгѣ со стороны умѣренныхъ прогрессистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ легко г. Чичерину овергнуть ихъ упрекъ! Онъ можетъ сказать, и дѣйствительно говорилъ: вы дозрѣваете фактическую вѣрность моихъ изображеній. Провѣрьте цитаты, и найдете, что я пользовался источниками совершенно добросовѣстно. Вы говорите, что я выбралъ одиѣ мрачныя черты,—пересмотрите источники, я предую вамъ найти канія нибудь другія черты, кромѣ найденныхъ мною. Вы говорите, что я преувеличиваю. Я прошу васъ показать хотя одно мѣсто, въ которомъ я сказала бы что нибудь, кромѣ того, о чемъ единогласно свидѣствуютъ всѣ источники. Г. Чичеринъ говорилъ это, и оказалось, что онъ ршенно правъ, оказалось, что не онъ, а самые источники, самая жизнь нашихъ предковъ виновата въ томъ, если все содержаніе его изслѣдованія своя къ однообразному результату: что дѣлала администрація въ XIII вѣкѣ?—била. Что дѣлала она въ XV вѣкѣ?—Грабила. Что дѣлала она въ XVII вѣкѣ?—Грабила. Что жъ было дѣлать г. Чичерину, если такъ говорили источники? Онъ былъ честегъ, добросовѣстенъ, и если у него не вышла идиллія, онъ виноватъ.

И вотъ эта примѣсь собственной честной мысли, собственнаго доброеовѣстнаго взгляда къ цѣлой массѣ понятій, на вѣру принятыхъ изъ теоріи застоя, ции, изъ теоріи, отвергающей всѣ тѣ живыя силы, безъ которыхъ невозможенъ прогрессъ, изъ теоріи людей, думающихъ взойти на гору безъ труда, щихъ въ болотѣ, чтобы не подвергнуться одышкѣ отъ усилій выйти изъ га,—вотъ эта смѣсь собственной честности и собственнаго благородства съ ю пошлостью производить тотъ безсвязный хаосъ не клеящихся одно съ имъ понятій, который отпечатлѣлся на каждой страницѣ „Очерковъ Англіи анціи“. Это сочетаніе противоестественно, разнородные элементы хаоса лѣпрочь одинъ отъ другаго. Нельзя долго служить Еговѣ и Ваалу вмѣстѣ, можно отказаться отъ Еговы или сжечь Ваала. Мы смѣло предсказываемъ, что Чичеринъ скоро выйдетъ изъ той путаницы понятій, въ которой находится теперь.

Но въ какую сторону онъ выйдетъ изъ нея? Онъ человекъ честный,—это видимъ, и потому слѣдовало бы ему, когда онъ двинется съ распутія, на ючь стоять теперь, пойти по той дорогѣ, по которой идутъ честные люди, природа не обдѣлила ихъ умомъ, какъ не обдѣлила г. Чичерина. Быть гинкомъ притѣсняемыхъ, или защитникомъ притѣсненій,—выборъ тутъ не для честнаго человека.

Но мы начали съ того, что г. Чичеринъ считаетъ себя непогрѣшительнымъ цомъ. Ему трудно будетъ сознаться,—ни передъ нами, ни передъ публикой—для людей съ благородной гордостью не трудно сознаваться въ своихъ кахъ передъ другими,—нѣтъ, передъ самимъ собою ему трудно будетъ соглася, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе обманчивымъ благозвучіемъ ложсловъ; что именемъ безпристрастія прикрывалась вражда противъ новаго охраненія старинныхъ бѣдствій, именемъ справедливости прикрывалось эго-

истическое равнодушіе къ чужинъ страданіанъ. Успѣеть ли онъ одержать эту побѣду надъ самолюбіемъ, успѣеть ли онъ стать тѣмъ, чѣмъ долженъ бы стать по своей честной натурѣ, — этого мы не знаемъ. А если г. Чичеринъ не успѣетъ одержать побѣды надъ чуждыми его благородству понятіями, онъ не замедлитъ сдѣлаться жертвымъ схоластикомъ, и будетъ философскими построеніями доказывать историческую необходимость каждаго предписанія земской полиціи, сообразно теоріи безпристрастія. Потому историческая необходимость можетъ обратиться у него и въ разумность.

ВУЛЬВИЧСКИЙ АРСЕНАЛЬ И ПУНІА ЭРМСТРОНГА.

Говорятъ, что нейтральныя державы, предвидя изгнаніе австрійцевъ изъ Ломбардіи въ нынѣшнюю вѣлпавію, приготовились настаивать и въ Парижѣ и въ Вѣнѣ о начатіи ярныхъ переговоровъ тотчасъ же по вступленіи французовъ въ Миланъ. Трудно полагать, чтобы эти усилія прекратить войну имѣли успѣхъ, пока силы враждующихъ сторонъ еще не истощены до послѣдней крайности. А если война не кончится однимъ походомъ, то при нынѣшней дипломатической системѣ она не можетъ не вовлечь въ свой водоворотъ тѣ государства Западной Европы, которыя имѣютъ претензію возвышать голосъ во всѣмъ политическихъ столкновеніяхъ. Пруссія очевидно желала бы не начинать войны; но она такъ тѣсно связана съ Нѣмецкимъ Союзомъ, а Нѣмецкій Союзъ такъ тѣсно связанъ съ Австріею, что каждая новая побѣда французовъ приближаетъ минуту, когда Германія подъ предводительствомъ Пруссіи вступится за Австрію. Когда же война вспыхнетъ на Рейнѣ, Англія въ свою очередь не удержится отъ участія въ ней. Силы континентальныхъ державъ измѣряются очень легко: нужно только заглянуть въ какія нибудь статистическія таблицы, чтобы сосчитать количество солдатъ, которыхъ можетъ поставить подъ ружье Пруссія, Нѣмецкій Союзъ, Австрія, Франція. Нужно вычесть изъ нихъ то число, какое должно остаться дома для охраненія внутренняго порядка, и мы знаемъ силу, какую каждое изъ этихъ государствъ можетъ выказать въ войнѣ. Могущество Англіи опредѣляется не такъ легко. По числительности ея арміи передъ началомъ войны нельзя судить о томъ, сколько людей будетъ имѣть она подъ знаменами во время войны. Можно только знать по примѣрамъ всѣхъ прежнихъ войнъ, что съ каждымъ новымъ годомъ армія Англіи на театрѣ войны увеличивается въ числѣ, между тѣмъ какъ числительность другихъ армій обыкновенно уменьшается съ каждымъ походомъ. Но количество солдатъ, которымъ можетъ располагать Англія, вовсе не составляетъ главнаго элемента ея военной силы. Давно извѣстно, что деньги, въ которыхъ она никогда не будетъ чувствовать недостатка, придавали ей военное могущество гораздо болѣе значительное, нежели какого слѣдовало бы ожидать, судя только по числу ея солдатъ. Но теперь есть еще третій источникъ военной силы, которымъ особенно превосходитъ Англія всѣ другія государства. Технические усовершенствованія въ оружіи, развивающіяся

передъ нашими глазами, утраиваютъ силу того войска, которое располагаетъ ими. Теперь сознали вездѣ необходимость вооружить штуцерами всю пѣхоту. Но ни Австрія, ни Франція, ни Пруссія не имѣютъ средствъ дать хорошіе штуцера каждому своему пѣхотинцу; эту возможность имѣетъ только Англія. Еще важнѣе соответственное измѣненіе въ устройствѣ артиллерійскихъ орудій. Поелѣ крымской войны найдено средство дѣлать нарѣзные пушки, какъ незадолго передъ тѣмъ было придумано средство дать воину нарѣзное ружье, которымъ прежде пользовался только охотникъ. Какъ простое ружье безеильно противъ штуцера, такъ артиллерія, употреблявшаяся до сихъ поръ, становится безеильна противъ нарѣзныхъ орудій. У французовъ есть теперь нѣсколько пушекъ нарѣзной системы, и хотя онѣ очень малы калибромъ и очень дурны по своему устройству, онѣ уже были одною изъ главнѣйшихъ причинъ побѣды при Монтебелло. Каково же должно быть дѣйствіе нарѣзныхъ орудій несравненно лучшаго устройства и несравненно большаго калибра, которыми владѣютъ теперь одни только англичане? Арсеналы и литейные заводы всегда обнаруживали очень сильное вліяніе на ходъ войны, но только теперь начинается эпоха совершеннаго перевѣса артиллерійскихъ средствъ государства надъ всѣми другими элементами военного могущества. Поэтому, чтобы знать, какую роль будетъ играть въ начинающейся войнѣ Англія, надобно познакомиться съ положеніемъ ея артиллерійскихъ средствъ. Съ этою цѣлью мы переводимъ изъ Times'a двѣ статьи: во-первыхъ, описаніе Вульвичскаго арсенала; во-вторыхъ, рассказъ Эрмстронга, изобрѣтателя знаменитой новой пушки, объ устройствѣ и дѣйствіи его орудія. По прочтеніи этихъ статей остается неизгладимое впечатлѣніе, что всѣ военныя дѣйствія до вмѣшательства англичанъ будутъ только прелюдіею къ тѣмъ событіямъ, которыя должны произойти въ случаѣ вмѣшательства англичанъ. Англія не желаетъ воевать, но если ошибки континентальныхъ дипломатовъ принудятъ ее воевать, страшное истребленіе ждетъ тѣ несчастныя арміи, которыя вызовутъ противъ себя англійское войско съ его энфильдскими штуцерами и эрмстронговыми баттареями. И что страннѣе всего, это справедливая увѣренность англичанъ, что источникъ ихъ военного могущества ограждаетъ отъ всякаго соперничества со стороны другихъ націй не какииъ нибудь секретомъ, а просто тѣмъ, что другія націи не могутъ сьумѣть приготовить для себя тѣ ужасныя орудія, передъ которыми всѣ континентальныя ружья и пушки ничтожны, какъ дубина дикаря передъ штыкомъ европейца.

Мы помѣщаемъ сначала описаніе Вульвичскаго арсенала, напечатанное въ Times'ѣ, 12 мая. Въ нѣмецкихъ и нашихъ газетахъ были нѣкоторыя извлеченія изъ этой статьи, но намъ кажется, что съ нею стоитъ познакомиться вполне.

„Въ Вульвичѣ, великомъ центрѣ производства разрушительныхъ оружіи и военныхъ запасовъ всякаго рода, всѣ отдѣленія арсенала кипятъ чрезвычайной дѣятельностью, которая отличается отъ дѣятельности, бывшей во время самаго разгара крымской войны, только тѣмъ, что работа еще не производится по ночамъ. Въ Вульвичѣ думаютъ, и можетъ быть справедливо, что эта дѣятельность болѣе направлена заботою о сохраненіи мира, нежели намѣреніемъ вести войну. Но каковъ бы ни былъ предметъ, средства для его достиженія одинаковы, и мы увѣрены, что публикѣ пріятно будетъ узнать объ этой дѣятельности, которая съ

каждымъ днемъ укрѣпляетъ оборонительное положеніе нашей страны, такъ что червѣзъ два или три мѣсяца Англія будетъ въ состояніи съ совершеннымъ равнодушіемъ снотрѣть на вопросъ о войнѣ и мирѣ, на сколько онъ зависить отъ степени подготовленности къ войнѣ. Вульвичскій арсеналь есть самое огромное депо и самая огромная мануфактура своего рода не только въ Англіи, но и въ цѣломъ мірѣ, и то, что происходитъ въ немъ теперь, можетъ служить вѣрнымъ образцомъ того, что происходитъ на всѣхъ арсеналахъ и верфяхъ Великобританскаго королевства.

„Новая пушечная литейная въ Вульвичѣ пока не участвуетъ въ общихъ приготовленіяхъ. Недѣли двѣ тому назадъ работа на ней остановлена для того, чтобы пристроить добавочные горны. По первоначальному плану, эту литейную предназначалось устроить на пять паръ горновъ; но во вивзапномъ припадѣ бдительности рѣшено было построить на первое время только двѣ пары горновъ. Въ этихъ четырехъ горнахъ въ прошедшемъ году было отлито 197 пушекъ 32-фунтоваго и 68-фунтоваго калибра; средній числомъ пушка обходилась въ 50 ф. . (320 рублей). Недѣли двѣ или три тому назадъ получено было приказаніе построить еще два прибавочные горна и теперь новая пушечная литейная можетъ готовить каждую недѣлю по 10 пушекъ 68-фунтоваго калибра; но въ случаѣ надобности, работая день и ночь, она легко можетъ изготовлять вдвое болѣе, то есть, до 1000 орудій въ годъ.

„Въ прошедшемъ финансовомъ году правительство заказало частнымъ заводчикамъ 1335 чугунныхъ орудій, вѣсившихъ вмѣстѣ 4800 тоннъ (300,000 пудовъ). Изъ этихъ орудій было 312 пушекъ 68-фунтоваго калибра; 460 мортиръ 10-дюймоваго калибра; 300 пушекъ 32-фунтовыхъ; 10 гаубицъ 10-дюймовыхъ; 44 гаубицы 8-дюймовыхъ; 200 пушекъ 10-дюймовыхъ и 19 полевыхъ гаубицъ 10-дюймовыхъ. Эти орудія обошлись отъ 19 до 21 фунта за тонну (почти ровно 2 рубля за пудъ). Въ нынѣшнемъ году заказано на частныхъ заводахъ около 1000 чугунныхъ пушекъ разныхъ калибровъ, перечисленныхъ выше; но заводчики легко сдѣлають, въ случаѣ надобности, тройное количество орудій. Такимъ образомъ при помощи новой казенной литейной пушечной въ Вульвичѣ, Англія безъ малѣйшаго затрудненія можетъ готовить отъ 4 до 5 тысячъ самыхъ лучшихъ орудій самаго большаго калибра.

„Но и безъ прибавки этого громаднаго производства, Англія даже въ настоящую минуту достаточно снабжена орудіями на цѣлые годы европейской войны. Въ вульвичскихъ кладовыхъ находится теперь около 12,000 чугунныхъ орудій; и если мы выключимъ изъ этого числа старыя и 24-фунтовыя орудія, которыя теперь не употребляются ни на корабляхъ, ни въ вѣрпостяхъ, все-таки останется болѣе 7000 пушекъ самой лучшей новой системы и самаго тяжелаго калибра, для употребленія хотя нынѣ же. Въ этотъ счетъ, разумѣется, не входятъ запасы на нашихъ большихъ верфяхъ, въ каждой изъ которыхъ хранится отъ 1000 до 1500 тяжелыхъ орудій новѣйшей системы. Вульвичскій арсеналь можетъ теперь готовить къ выпуску по 200 орудій въ недѣлю, а въ случаѣ надобности это число могло бы быть увеличено почти до 500. Въ настоящее время приказано готовить къ отправленію на службу по 100 этихъ тяжелыхъ орудій въ недѣлю; и они отправляются въ Мальту, на Корфу, въ Гибралтаръ и на другіе посты Средиземнаго моря съ чрезвычайною быстротою. Орудія самаго тяжелаго

калибра отправляются также въ канадскіе форты и перевозятся моремъ для замѣщенія малыхъ пушекъ въ прибрежныхъ укрѣпленіяхъ самой Великобританіи, особенно на восточномъ берегу Англій. Въ Четемскихъ и Ширнесскихъ фортахъ прежніи орудія старой системы и малаго калибра также со всевозможною быстротою замѣняются новыми орудіями самаго тяжелаго калибра. То же происходитъ въ Тяльбѣрійскомъ фортѣ, гдѣ кроиѣ того устраивается нѣсколько новыхъ батарей 68-фунтоваго калибра. Работы въ Тильбѣрійскомъ фортѣ можно считать примѣромъ чрезвычайной предусмотрительности правительства, потому что едва ли какой нибудь флотъ можетъ дойти до этой цитадели *). Намъ было бы пріятно видѣть такую же заботливость объ укрѣпленія Портсмута и Плимута. Особенно о Портсмутѣ надобно замѣтить, что большая часть орудій въ немъ очень стары и многіи батареи вооружены только короткими 18 и 24-фунтовыми пушками 1800 года. Вооруженіе Плимутскихъ укрѣпленій не такъ дурно, но и они нуждаются въ орудіяхъ болѣе тяжелаго калибра, а главное, число ихъ должно быть больше.

„По старой системѣ подрядовъ, всѣ ядра и артиллерійскіе снаряды дѣлались частными заводчиками по цѣнѣ около 13 фунтовъ за тонну (около 1 руб. 25 коп. за пудъ). Въ крымскую войну страшный расходъ на эти матеріалы заставилъ наконецъ правительство заняться этимъ предметомъ, и была устроена въ Вульвичѣ литейная для приготовления артиллерійскихъ снарядовъ. Успѣхъ, которымъ сопровождался этотъ опытъ, повелъ къ постепенному его расширенію, и теперь наконецъ всѣ ядра и бомбы, которыя понадобились бы въ войнѣ самаго волосального размѣра, могли бы легко быть доставлены текущимъ производствомъ въ Вульвичскомъ арсеналѣ и притомъ со сбереженіемъ для націи отъ 6 до 7 фунтовъ на тонну. Теперь это отдѣленіе арсенала работаетъ съ чрезвычайной дѣятельностью, производя въ недѣлю по 26,000 снарядовъ,—ядръ, бомбъ и картечи. Работая день и ночь, литейная можетъ производить до 40,000 снарядовъ въ недѣлю. Въствѣ съ нѣсколькимистами тысячъ запасныхъ снарядовъ, находящихся въ кладовой, этого количества достаточно на покрытіе всѣхъ надобностей въ случаѣ войны, въ чемъ легко можно убѣдиться, сравнивъ размѣръ недѣльнаго Вульвичскаго производства съ размѣромъ потребленія артиллерійскихъ снарядовъ во время Севастопольской осады. По официальнымъ отчетамъ, представленнымъ артиллерійскому департаменту, въ бомбардировку, начавшуюся 17 октября 1854 года, дѣйствовали 72 осадныя орудія, которыя выпустили всего 21,381 снарядъ; въ бомбардировку, начавшуюся 9 апрѣля 1855 г., 123 орудія выпустили 30,633 снаряда; въ бомбардировку, начавшуюся 6 июня, 155 орудій выпустили 32,883 снаряда; въ бомбардировку, начавшуюся 17 июня, 166 орудій израсходовали 22,684 снаряда; бомбардировка 17 августа, произведенная 196 орудіями, потребовала 26,270 снарядовъ. Въ послѣднюю бомбардировку 8 сентября, 208 орудій сдѣлали 28,472 выстрѣла. Кроиѣ того было сдѣлано 88,640 выстрѣловъ случайно или для отраженія ночныхъ нападеній, и 405 выстрѣловъ было сдѣлано свѣтящимися ядрами. Такимъ образомъ во все продолженіе осады, съ перваго до послѣдняго ея дня, англичане израсходовали 251,872 артиллерійскихъ снаряда; а эта цифра даетъ средний расходъ по 6000 выстрѣловъ

*) Онъ лежитъ на берегу Темзы на восточномъ концѣ Лондона.

въ недѣлю, т. е. менѣе чѣмъ одну шестую часть того количества, какое можетъ еже-недѣльно приготовляться въ одномъ Вульвичевомъ арсеналѣ. Надобно, однакоже, замѣтить, что расходъ артиллерійскихъ снарядовъ въ морской войнѣ почти удваиваетъ цифру выстрѣловъ, какую нашли мы въ осадѣ Севастополя. Такъ въ бомбардировку 17 октября, когда союзные флоты содѣйствовали сухопутнымъ баттареямъ, „Агамемнонъ“ въ продолженіе 4 часовъ выпустилъ болѣе 3000 снарядовъ, а „Родни“, „Sanspareil“ и „Bellerophon“ израсходовали почти по столбу.

„Подлѣ новой пушечной литейной устраивается теперь другая, еще болѣе новая, для выдѣлки пушекъ сэра Уильяма Эрмстронга. Новая постройка не будетъ очень велика, потому что для этой литейной передается также обширный рядъ мастерскихъ, построенныхъ для выдѣлки ланкастеровыхъ пушекъ и ядеръ, которыя теперь оказываются ненужными. Ланкастерская литейная, имѣющая 13 большихъ горновъ и 9 паровыхъ молотовъ и стоившая 250,000 фунтовъ, теперь, наконецъ, будетъ употреблена съ пользою, и менѣе чѣмъ въ годъ Вульвичъ получитъ средства производить ежегодно по крайней мѣрѣ 300 этихъ великолѣпныхъ орудій. Разумѣется, мы никакъ не захотимъ сказать, чтобы военное начальство нашего королевства казалось намъ когда нибудь смѣшнымъ: но если бы могло оно казаться смѣшнымъ, то всего скорѣе смѣшно было бы оно въ своей претензіи щеголять тѣмъ видомъ, какъ будто бы оно содержитъ нѣ тайнѣ какое нибудь новое изобрѣтеніе и будто бы эта тайна можетъ быть сохранена. Такъ оно дѣйствуетъ съ эрмстронговой пушкой: оно бережетъ ее, прячетъ ее, какъ будто бы каждый праздношатающійся, взянувшій на эту пушку, можетъ не только отгадать всѣ таинства ея чрезвычайно сложной выдѣлки, но тотчасъ же и самъ будетъ способенъ приготовить такія пушки для иностранныхъ державъ. Въ эрмстронговой пушкѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ секретовъ, которыми бы стоило дорожить, кромѣ одного того великаго секрета, котораго нельзя ни продать, ни разгласить; этотъ секретъ—наше великое превосходство въ механическихъ работахъ. Если бы въ каждый изъ иностранныхъ арсеналовъ послать по эрмстронговой пушкѣ, иностранные артиллеристы и литейщики, разумѣется, могли бы и захотѣли бы дѣлать такія пушки, но ихъ усилія кончались бы только тѣмъ, что они, истративъ много времени и громадныя суммы денегъ, наконецъ прислали бы къ намъ заказы дѣлать для нихъ эти орудія. Очень распространено изъ публикѣ ошибочное мнѣніе, что если устройство дѣлаемаго нами оружія станетъ извѣстно за границу, то во французскихъ, русскихъ, австрійскихъ или прусскихъ арсеналахъ можно будетъ въ какомъ угодно количествѣ дѣлать такое же оружіе; но это совершенная ошибка. Въ доказательство надобно только вспомнить о судьбѣ штуцера Минье. Его великое превосходство давно извѣстно, но все-таки ни одна армія, кромѣ нашей, не вооружена въ полномъ своемъ составѣ штуцерами. Читатели наши очень удивятся, когда мы скажемъ, что во Франціи, Россіи, Пруссіи и Австріи штуцерами вооружены только отдѣльныя стрѣлковые команды, а линейная пѣхота остается при старыхъ ружьяхъ. Притомъ девять десятыхъ того количества штуцеровъ, какое находится въ австрійской, прусской и русской арміяхъ, сдѣлано для нихъ въ Люттихѣ, а люттихскія мастерскія могутъ выдѣлывать штуцера въ количествѣ 500 въ недѣлю. Французы сами дѣлаютъ себѣ штуцера; но невозможно представить себѣ оружія столь тяжелаго и столь

затруднительнаго въ дѣлѣ, какъ штуцера ихъ стрѣлковъ, хотя дальностью и вѣрностью выстрѣла они почти равняются штуцерамъ Минье. Эти факты показываютъ, что мы не должны бояться ни того, чтобы иностранныя державы быстро вводили усовершенствованное оружіе въ своихъ арміяхъ, ни того, чтобы онѣ могли принимать даже тѣ усовершенствованія, польза которыхъ хорошо извѣстна. Императоръ французовъ дѣлалъ великій секретъ изъ своихъ полевыхъ яръзныхъ пушекъ, но какъ ни велики его средства охранять секретъ, все-таки наше правительство имѣло свѣдѣнія о каждой пушкѣ, которую онъ дѣлалъ. Мы полагаемъ, что не ошибаемся, утверждая, что у него не сдѣлано еще и ста наръзныхъ пушекъ, и что эти пушки—маленькія полевыя орудія съ четырьмя наръзами и что они стрѣляютъ цилиндрическими ядрами, обернутыми свинцомъ, чтобы плотно входить въ наръзы. Конечно, ихъ слѣдуетъ назвать усовершенствованіемъ сравнительно съ обыкновенными пушками, но онѣ на столько же ниже эрмстронговой пушки, на сколько карманный пистолетъ ниже энфильдскаго штуцера.

„Но возвратимся въ эрмстронговую пушкѣ. Принципъ, по которому она построена, и способъ ея постройки, — все это хорошо извѣстно въ сосѣдствѣ съ мастерскою сэра Уильяма въ Ньюкэстлѣ, и кажется навѣрно можно сказать, что хорошіе рисунки этого изобрѣтенія уже находятся въ Парижѣ и въ Петербургѣ; — но что касается практическаго употребленія, какое могутъ извлечь изъ нихъ въ тѣхъ странахъ, пользы отъ рисунковъ будетъ столько же, какъ еслибы они оставались въ Англии. Сэръ Уильямъ Эрмстронгъ въ нынѣшнемъ году долженъ сдѣлать 200 полевыхъ пушекъ 9-ти фунтоваго, 12-ти фунтоваго и 18-ти фунтоваго калибра; этого числа совершенно достаточно для снабженія ими одними всѣхъ баттарей нашей полевой артиллеріи. Скоро мы надѣемся видѣть эрмстронговы пушки вѣсомъ въ 50 центнеровъ (150 пудовъ), которыя будутъ стрѣлять 90-фунтовымъ или 100 фунтовымъ ядромъ на разстояніе 5 миль (7½ верстъ). Каждая пушка дѣлается изъ кусковъ длиною въ три фута, по тому же самому способу, какъ дѣлаются ружейные сволы изъ проволоки. Тонкія полосы лучшаго кованаго желѣза, толщиною въ два дюйма, разогрѣваются до бѣлаго каленія и въ этомъ состояніи онѣ сковываются спиральными свивками около стального стержня, діаметръ котораго нѣсколько меньше предполагаемаго калибра пушки. Когда этотъ слой остываетъ, онъ покрывается другимъ слоемъ, спираль котораго идетъ въ противномъ направленіи, и такимъ образомъ кладется другъ на друга три или четыре слоя, смотря по калибру пушки и требуемой толстотѣ ея стѣнокъ. Потомъ весь этотъ цилиндръ снова разогрѣвается и въ послѣдній разъ куется паровымъ молоткомъ. Послѣ того концы трехъ-футовыхъ цилиндровъ срѣзываются такъ, какъ нужно для ихъ соединенія; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соединяются цилиндры, пушка связывается толстыми кольцами изъ кованаго желѣза, которые надѣваются на нее раскаленные до бѣла, и охлаждаясь сжимаютъ связи цилиндра такъ сильно, что пушка выходитъ крѣпче того, чѣмъ былабы изъ цѣльнаго куска. Въ казенной части прорѣзывается отверстіе въ камору. Сана казенная часть отдѣляется отъ пушки и соединяется съ ней сильнымъ винтомъ. Когда пушку надобно заряжать, задняя часть отводится, и вкладывается зарядъ, который вталкивается въ пушку поворотомъ большаго винта, приводящаго заднюю часть вполоть къ пушкѣ. Это соединеніе задней части съ пушкою производится однимъ

оборотомъ рукоятки, и пушка готова къ выстрѣлу. Операція заряжанія и выстрѣла, сколько мы знаемъ, можетъ производиться три раза въ минуту. Кромѣ этого простого, но вѣрнаго механизма, устроеннаго для заряжанія, великое достоинство пушкѣ придается способомъ ея составленія изъ спиральныхъ кованыхъ полостей, который увеличиваетъ крѣпость стѣны до такой степени, что онѣ имѣютъ только половину обыкновенной толщины. Такъ, напримѣръ, обыкновенная 32-фунтовая пушка вѣситъ 57 центнеровъ и требуетъ 10-ти фунтоваго заряда, чтобы бросить ядро на дальнѣйшее, возможное для нея разстояніе— 3,000 ярдовъ ($2\frac{1}{2}$ версты); 32-фунтовая пушка Эрмстронга вѣситъ только 26 центнеровъ (81 пудъ), и зарядъ въ 5 фунтовъ пороха бросаетъ ея ядро на $5\frac{1}{2}$ миль ($8\frac{1}{4}$ версты), или почти на 10,000 ярдовъ. Въ этой 32-фунтовой пушкѣ дѣлается не менѣе 41 нарѣза; нарѣзы эти имѣютъ полный оборотъ въ 10-ти футовъ, т. е. для того, чтобы нарѣзъ описалъ полный кругъ, стволъ пушки долженъ былъ бы имѣть десять футовъ длины. Если бы оборотъ нарѣза былъ круче, то безъ сомнѣнія ядро пріобрѣтало бы большую силу полета, но опасность, что свинцовая одежда ядра не выдержитъ такого тренія, была бы очень велика, и потому дѣлать нарѣзы круче признали неудобнымъ. Ядра эрмстронговой пушки желѣзныя, имѣющія форму цилиндра, и сначала изобрѣтатель совершенно покрывалъ ихъ свинцомъ; но теперь эта система измѣнена и снарядъ имѣетъ только два свинцовыя кольца, каждое толщиною въ одну четверть дюйма и шириною въ полтора дюйма; одно кольцо идетъ по заднему концу цилиндра, а другое въ той мѣстѣ, гдѣ соединяется съ цилиндромъ вонусъ, составляющій переднюю часть ядра. Оба эти кольца врѣзаны такъ сказать въ желѣзную массу ядра, такъ что наружу выступаютъ на одну десятую дюйма, для того чтобы входить въ нарѣзы. Такимъ образомъ, когда зарядъ воспламеняется, онъ вталкиваетъ ядро изъ каморы впередъ въ стволъ орудія, который нѣсколько тѣснѣе для свинцовыхъ колець, и они врѣзаются въ нарѣзы такъ плотно, что ни малѣйшая часть газа не можетъ пролетать мимо ядра и вся сила заряда обращается на выталкиваніе ядра.

„Пушка, которая нѣсколько мѣсяцевъ испытывалась правительствомъ, въ Публическѣ, выдержавъ 3,500 выстрѣловъ, осталась столь же невредимою, какъ вышла изъ мастерской. Точность выстрѣла изъ орудія этой системы такова, что на дистанціи 4,000 ярдовъ (3 версты 200 сажень) мишень, имѣющая по 10 футовъ въ ширину и высоту, получаетъ изъ 100 выстрѣловъ 90.

„Таковы артиллерійскія средства Вульвичскаго арсенала. Относительно ручнаго огнестрѣльнаго оружія запасы его имѣютъ такой же размѣръ. Въ кладовыхъ арсенала находится отъ 80 до 90 милліоновъ зарядовъ для штуцера Минье, и машины изготовляютъ коническія пули для этого штуцера въ количествѣ двухъ милліоновъ въ недѣлю; если на этихъ машинахъ будутъ работать и ночью, онѣ легко стануть готовить по 3 милліона. О томъ, сколько милліоновъ пистоновъ находится въ запасѣ и сколько сотенъ тысячъ можно дѣлать ихъ каждый день, въ случаѣ надобности, мы не будемъ говорить,—цифры эти покажутся невѣроятны читателю.

„Даже изъ этого краткаго перечня запасовъ и средствъ, находящихся въ одномъ Вульвичскомъ арсеналѣ, читатели могутъ видѣть, что наши приготовленія имѣютъ довольно почтенный размѣръ и что если говорить о средствахъ нашихъ къ оборонѣ, то характеръ этихъ средствъ можетъ внушить спокойный сонъ самому

робкому человѣку. Но оборонительную или наступательную войну мы будем вести, все равно, и успокоительно, и ново для публики будетъ знать, что въ настоящее время мы приготовлены ко всему, что бы ни случилось, и что если по несчастію Англія будетъ принуждена принять участіе въ войнѣ, она будетъ воевать, имѣя такія силы и запасы, которые изумятъ міръ. Крымская кампанія была суровымъ и горькимъ урокомъ; но если этотъ опытъ купленъ нами дорого, то онъ остался не бесполезенъ въ своемъ родѣ“.

Итакъ важнѣйшимъ залогомъ своей безопасности въ оборонительной войнѣ и ручательствомъ за успѣхъ въ наступательной войнѣ съ какою бы то ни было державою, англичане считаютъ пушку Эрмстронга и увѣрены, что никакой другой народъ не въ состояніи сдѣлать для себя подобныхъ орудій. Чтобы ближе познакомиться съ этимъ новымъ изобрѣтеніемъ, мы переводимъ рѣчь, которую изобрѣтатель произнесъ на обѣдѣ, данномъ ему въ началѣ мая въ Ньюкэстлѣ-на-Тайнѣ его согражданами. Читатели наши конечно знаютъ, что Эрмстронгъ членъ фирмы, которая имѣетъ пушечный заводъ, что за свое изобрѣтеніе онъ возведенъ въ баронеты, что его литейному заводу сдѣланъ заказъ приготовить 200 новыхъ пушекъ и что самъ Эрмстронгъ, продолжающій управлять своимъ заводомъ, съ тѣмъ вмѣстѣ назначенъ начальникомъ литейной, которая устраивается теперь въ Вульвичѣ для выдѣлки новыхъ пушекъ и о которой упоминаетъ переведенная нами статья Times'a. Вотъ рѣчь Эрмстронга.

„Трудно, невозможно мнѣ выразить чувство, съ какимъ я смотрю на честь, оказанную мнѣ вашимъ приглашеніемъ на этотъ обѣдъ. Эту честь, сдѣланную мнѣ жителями города, въ которомъ я родился, въ которомъ я провелъ почти всю свою жизнь, я считаю выраженіемъ не одного общественнаго сочувствія, но и личнаго добраго расположенія ко мнѣ; и во всю свою жизнь я буду вспоминать о немъ съ гордостью и благодарностью. Благодарю васъ всѣхъ отъ всей души. Предметъ, вызвавшій эту деюстрацію отъ васъ, можетъ считаться предметомъ, имѣющимъ направленіе къ увеличенію кровопролитія; и если бы я думалъ, что сдѣланное мною благопріятствуетъ вѣрнѣ или можетъ вредить интересамъ человѣчества, то а горько жалѣлъ бы о своей дѣятельности. Но я не имѣю такого опасенія. Могущество, даваемое знаменемъ, будетъ ли употреблено оно въ войнѣ или въ мирѣ, всегда будетъ на сторонѣ цивилизаціи; а распространеніе цивилизаціи необходимо должно уменьшать войну и дѣлать ее менѣ свирѣпою. Наша нація имѣетъ мало лишнихъ людей, чтобы тратить ихъ на войну. Намъ нужны всѣ пособія, какія можетъ дать знаніе, чтобы оградить насъ отъ нашествій. О моей пушкѣ, возбудившей столько толковъ, нелѣпо было бы предполагать, что есть какой нибудь секретъ въ ея общемъ устройствѣ, которое уже извѣстно сотнямъ лицъ и которое приблизительно уже описано во множествѣ изданій. Но есть въ ней много подробностей, которыя не легко сдѣлаются общезвѣстными и которыми надобно вполне овладѣть другимъ націямъ прежде, чѣмъ съумѣютъ онѣ сдѣлать такую пушку. Не раскрывая такихъ подробностей, я могу въ достовѣрной формѣ сообщить вамъ общія свѣдѣнія объ этомъ орудіи.

„Начну съ того, что моя пушка вся сдѣлана изъ кованаго желѣза. Первоначально я дѣлалъ ее отчасти изъ стали; но теперь я не употребляю ничего, кромѣ кованаго желѣза. Она составная, т. е. составляется изъ отдѣльныхъ частей такой умѣренной величины, чтобы каждую изъ нихъ можно было удобно выковывать безъ

нутреннихъ пустотъ. Таковой способъ построения придаетъ ей большую прочность слѣдовательно большую легкость. Были слухи, что двѣ изъ моихъ пушекъ разорвались, но это не имѣетъ никакого основанія, подобно многимъ другимъ разказами объ этомъ предметѣ. Говоря о томъ, что пушка заряжается съ казенной асти, всѣ писавшіе о ней упоминали о большонъ винтѣ, дѣйствующемъ въ задней части пушки и нажимающемъ поршень для закрытія отверстія. Но они или не знали, что этотъ винтъ имѣетъ внутри пустоту, или не понимали цѣли такого устройства. Операция, ежедневно производимая теперь артиллеріею, не составляетъ секрета и потому я могу сказать, что моя пушка и заряжается, и чистится черезъ тотъ пустой винтъ, и что было бы большою ошибкою предполагать, будто бы возможно вкладывать ядро или зарядъ въ разрѣзъ, гдѣ находится поршень. Поршень этотъ имѣетъ небольшой размѣръ, совершенно не похожій на изображеніе той части орудія въ разныхъ фантастическихъ рисункахъ его, которые сообщались публикѣ; онъ прикованъ къ пушкѣ, чтобы какъ нибудь не потерялся. Есть шого особенностей въ лафетахъ, въ прицѣлахъ и въ другихъ принадлежностяхъ тихъ пушекъ. Не наскучалъ вамъ подробностями, замѣчу только, что въ станкѣ юрской или крѣпостной пушки есть наклонная плоскость, по которой пушка откатывается при выстрѣлѣ и потомъ приходитъ въ первоначальное положеніе дѣйствіемъ тяжести. Это приспособленіе имѣетъ много важности при пушкахъ тяжелаго калибра, потому что избавляетъ отъ надобности въ большомъ количествѣ прислуги для подкатыванія пушки послѣ каждого выстрѣла.

„Теперь скажу вамъ о снарядахъ. Они во всѣхъ случаяхъ дѣлаются изъ лигааго чугуна, одѣтаго тонкимъ слоемъ свинца, и будучи діаметромъ нѣсколько больше, нежели калибръ орудія, снарядъ съ свинцовой одеждою вдавливается въ налѣзы, чѣмъ и производится необходимое вращеніе снаряда, а съ тѣмъ вмѣстѣ устраняется всякое колебаніе его и зазоръ. Снарядъ для полевыхъ орудій можетъ лужить и плотнымъ ядромъ, и бобою, и картечнымъ выстрѣломъ. Онъ состоитъ изъ раздѣльныхъ частей, которыя такъ крѣпко сплочены, что снарядъ пролетаетъ черезъ дубовую стѣну въ девять футъ толщины, не разбиваясь. Если онъ упребляется какъ бомба, онъ разрывается на 49 правильныхъ частей и около 100 неправильныхъ обломковъ. Онъ соединяетъ въ себѣ качества шрапнели и ударной бомбы, то есть можетъ разрываться или при приближеніи къ предмету или отъ удара о предметъ. Между друзьями онъ такъ безопасенъ, что упадетъ съ кровли дома на землю не разрываясь; но среди враговъ онъ такъ чувствителенъ и злобенъ, что разрывается отъ прикосновенія къ нему пальцемъ. Причина разницы та, что толчокъ, получаемый имъ въ пушкѣ при выстрѣлѣ, приводитъ ударную машинку при снарядѣ въ особенное положеніе, все равно, какъ бы сказать, взводитъ курокъ ружья, и тогда снарядъ становится такъ чувствителенъ, что разрывается отъ удара въ мѣшокъ съ опилками, какъ было испытано въ Шуберинессѣ. Кроме того можно сдѣлать, что онъ будетъ разрываться въ минуту вылета изъ пушки, и тогда куски разлетаются въ видѣ вѣера и производятъ дѣйствіе картечи. Словомъ сказать, снарядъ можетъ разрываться по произволу на далекой или близкой дистанціи, отъ удара о предметъ или отъ дѣйствія гильзы, а когда разрывается, то дѣйствуетъ подобно картечи. Я могъ бы представить вамъ сотни причѣтвовъ того, какъ дѣйствовали эти бомбы на опытахъ, произведенныхъ комитетами нарѣзныхъ пушекъ; но я ограничусь однимъ примѣромъ, который выбираю

собственно потону, что тутъ присутствовало чрезвычайное множество лицъ, въ томъ числѣ герцогъ Кембриджскій со многими извѣстными офицерами. Двѣ мишени, каждая въ девять футовъ вышины и ширины, были поставлены въ дистанціи 1,500 ярдовъ (650 сажень) отъ пушки и было брошено въ нихъ 7 бомбъ. Дѣйствіе этихъ 7 бомбъ было таково, что въ двухъ мишеняхъ оказалось 596 пробоинъ. Подобное дѣйствіе въ другихъ случаяхъ было производимо на дистанціяхъ до 3,000 ярдовъ (болѣе $2\frac{1}{2}$ версты); потому предоставляю вамъ судить, съ какою успѣхою эти бомбы могли бы держать непріятеля въ должномъ отдаленіи.

„Для дѣланія брешей, для разрушенія зданій, для пробиванія стѣгъ корабля употребляется другое устройство бомбы, цѣль котораго та, чтобы вложить въ нее какъ можно больше пороха. Почти всѣ писатели, хотѣвшіе объяснять публикѣ качества моей пушки, говорили, будто бы большой недостатокъ моего снаряда то, что онъ вмѣщаетъ мало пороха. Нѣтъ, если бы эти писатели сказали, что большая выгода моего снаряда въ томъ, что онъ вмѣщаетъ много пороха, они были бы гораздо ближе къ истинѣ. Да, бомба моей 32-фунтовой пушки содержитъ вдвое больше пороха, чѣмъ бомба обыкновенной 32-фунтовой пушки. Ставили также въ недостатокъ моему снаряду то, что проходя сквозь стѣну корабля, онъ дѣлаетъ слишкомъ малую дыру. Если говорить о дѣйствіи плотнаго ядра, тутъ была бы нѣкоторая правда; но что касается до бомбы, то именно того и нужно отъ нея, чтобы дыра была мала. Моя бомба разрывается въ тотъ моментъ, когда проходитъ черезъ дерево, и чѣмъ меньше дыра ею пробиваемая, тѣмъ стѣсненіе будетъ взрывъ, стало бытъ тѣмъ сильнѣе будетъ его разрушительное дѣйствіе. Вообще о моей пушкѣ надобно судить не столько по отношенію къ плотному ядру, сколько по отношенію къ бомбѣ, снаряду несравненно болѣе страшному, которымъ мои пушки и будутъ дѣйствовать почти исключительно.

„Но возвращусь къ самому началу своихъ опытовъ. Я долженъ сказать вамъ, что они начались болѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ. Я началъ дѣлать свою первую пушку въ декабрѣ 1854 и кончилъ ее рано весною слѣдующаго года; хотя она была устроена по тому же самому принципу, какъ нынѣшніи мои пушки, но сначала не давала удовлетворительныхъ результатовъ. Тѣ изобрѣтатели, открытія которыхъ остаются только на бумагѣ, не знаютъ всѣхъ трудностей, встрѣчаемыхъ людьми, приводящими мысль въ дѣло. Я вполне испыталъ всѣ эти затрудненія и мнѣ понадобилось около трехъ лѣтъ постояннаго труда, чтобы побѣдить ихъ. Лѣтомъ опыты мои производились болѣею частію на морскомъ берегу между тремя и шестью часами утра, потому что позднѣе люди просыпаются и ихъ движеніе могло бы мѣшать дѣлу. Зимой я пользовался пустынными болотами въ Олленгедѣ, принадлежащими моему другу мистеру Бомонту; тамъ у меня была изба, построенная на горѣ въ 2,000 футахъ надъ уровнемъ моря. Мишени свои я ставилъ на противоположной сторонѣ глубокой долины, гдѣ выстрѣлы не могли никому вредить. Я построилъ инструментъ для поддержанія огня по предмету, погрузившемуся въ ночную темноту, и будилъ дичь этой пустыни, стрѣлая по своей далекой мишени среди ночи, и замѣчу мимоходомъ, что когда этотъ инструментъ былъ доведенъ до надлежащаго совершенства, онъ далъ мнѣ средства въ самую темную ночь поражать отдаленный предметъ съ такою же вѣрностью, какъ при дневномъ свѣтѣ. Въ концѣ трехъ лѣтъ я успѣлъ довести до хорошаго устройства и пушку и ядро. На свой счетъ я сдѣлалъ нѣсколько новыхъ пушекъ и вошелъ въ значи-

тельные издержки по производству своихъ опытовъ; но всё нон расходы были уплачены правительствомъ, когда оно испытало годность моей пушки. Я долженъ сказать, что генералъ Пиль, лордъ Пэньюръ, герцогъ Ньюкастль, словомъ сказать, всё люди, бывшіе военными министрами, когда я производилъ свои опыты, постоянно оказывали мнѣ всякое содѣйствіе, какого только я могъ желать. Тоже я долженъ сказать обо всѣхъ несмѣняющихся начальствахъ военнаго вѣдомства. Въ началѣ прошлаго года былъ назначенъ комитетъ для полнаго наслѣдованія вопроса о нарѣзныхъ пушкахъ. Комитетъ состоялъ изъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ съ обширными знаніями и съ опытностью въ артиллерійской дѣлѣ и, употребивъ большую часть своего времени, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, на изслѣдованіе пушекъ, ядеръ и бомбъ, представленныхъ мною, они дали единодушное рѣшеніе въ пользу моей системы.

„Относительно вѣрности и дальности выстрѣловъ изъ этихъ пушекъ, я могу мало прибавить къ тому, что было сказано генераломъ Пилемъ; но замѣчу, что съ той поры, какъ онъ говорилъ, мы успѣли достигъ значительно улучшенныхъ результатовъ. На дистанціи 600 ярдовъ (255 сажень) предметъ, не превосходящій своею величиною дуло неприятельской пушки, можетъ быть поражаемъ почти каждымъ выстрѣломъ. На 3,000 ярдовъ (2 версты 300 саж.) мишень, имѣющая въ квадратѣ 9 футовъ и кажущаяся на этомъ разстояніи маленькимъ пятнышкомъ, въ тихій день была поражена девятью ядрами изъ десяти. Корабль на гораздо большей дистанціи представляетъ гораздо большую цѣль, а въ городъ или въ цитадель ядра могутъ быть бросаемы съ разстоянія болѣе 5 миль (около 8 верстъ). Но чтобы орудіе приносило всю свою пользу на далекихъ дистанціяхъ, артиллерійскіе солдаты должны получать гораздо лучшее научное образованіе, чѣмъ нынѣ. И я полагаю, что морское и военное министерства примутъ необходимы мѣры для надлежащаго образованія офицеровъ и солдатъ. Интересенъ вопросъ о томъ, каково было бы вліяніе общаго введенія этихъ орудій на различныя условія военныхъ дѣйствій. Если встрѣтятся простые деревянные корабли на открытомъ морѣ, то, мнѣ кажется, они должны быстро уничтожить другъ друга. Прошло то время, когда люди одѣвались въ латы; но мнѣ кажется, что подходит время одѣвать въ латы корабли. Къ нашей счастію, нѣтъ страны, которая могла бы выдержать въ этомъ уровень съ Англією. Мы имѣемъ безграничныя средства производить и употреблять въ дѣло желѣзо, изъ котораго будутъ дѣлаться корабельныя латы. Если будетъ простой корабль противъ батареи, большая выгода будетъ на сторонѣ батареи, потому что она имѣетъ для пушекъ неподвижную платформу и сдѣлана изъ матеріала болѣе прочнаго, чѣмъ деревянный корабль. Напротивъ при бомбардированіи крѣпостей, арсеналовъ и верфей, представляющихъ цѣль большаго размѣра, корабли могутъ дѣйствовать съ очень далекой дистанціи, на которой будутъ пренебрегать выстрѣлами сухопутныхъ укрѣпленій. Въ случаѣ высадки (этотъ случай, быть можетъ, самый интересный для насъ) для защищающагося важность такихъ пушекъ безмѣрна. Надобно полагать, что невозможно было бы произвести высадку, если бы обороняющійся дѣйствовалъ даже только полевыми батареями изъ такихъ пушекъ; а если бы высадка была произведена, то отступающее войско вообще могло бы дѣйствовать подъ какимъ нибудь прикрытіемъ, между тѣмъ какъ нападающіе должны были бы подвигаться по открытой мѣстности, на которой подверглись бы страшному истребленію.

„Теперь я скажу нѣсколько словъ о личныхъ условіяхъ, заключенныхъ между мною и правительствомъ. Съ самаго начала я рѣшительно не думалъ брать съ правительства какое нибудь вознагражденіе за усовершенствованія, которыя вѣдѣлся произвести. Потому сначала я и не бралъ привиллегіи. Но скоро я увадѣлъ надобность взять привиллегію, не для того, чтобы присвоить себѣ монополію, но чтобы оградить себя отъ узурпаціи. Наконецъ, когда рапортъ комитета былъ представленъ, я написалъ къ правительству письмо, въ которомъ предоставлялъ въ распоряженіе службы ея величества всѣ сдѣланныя мною усовершенствованія. На это письмо правительство отвѣчало мнѣ объясненіемъ, что оно готово сдѣлать мнѣ денежное вознагражденіе; я отказался брать его. Но возникли два вопроса: во-первыхъ, какимъ образомъ правительство выучится дѣлать такія пушки; во-вторыхъ, какимъ образомъ поступать относительно будущихъ моихъ усовершенствованій, потому что все это дѣло находится еще въ развитіи и нельзя предполагать, чтобы оно остановилось въ нынѣшнемъ своемъ видѣ. Для устраненія затрудненій я предложилъ, что если правительство будетъ илатить мнѣ жалованье по 2,300 фунтовъ въ годъ, начиная за три года до настоящаго времени, и потомъ еще въ теченіе слѣдующихъ семи лѣтъ, то я отдамъ въ его пользу всѣ свои знанія и опытность и предоставлю ему всѣ свои будущія усовершенствованія. Это совершенно не то, что полученіе вознагражденія, отъ котораго я отказался. Это договоръ, относящійся въ службѣ, и если моя служба прекратится смертью или другимъ образомъ, то и жалованье превратится. Я глубоко цѣню милостивое признаніе моихъ заслугъ ея величествомъ, но договоръ свой съ правительствомъ цѣню только какъ средство успѣшнѣе заниматься своимъ дѣломъ для государственной пользы и моего собственнаго удовольствія; и если бы правительству раньше или позже показалось, что моя служба не стоитъ получаемаго мною жалованья, мнѣ будетъ довольно самаго легкаго намека, чтобы освободить правительство отъ этого условія. Конечно, я никогда и не думалъ отказываться отъ своихъ нынѣшнихъ занятій; напротивъ, въ условіи положительно сказано, что мнѣ оставляется свобода вести промышленныя предпріятія, какія хочу я. Не знаю, согласно ли это съ прежними примѣрами; но я увѣренъ, что по моему образу дѣйствій публика можетъ быть увѣрена, что я имѣю въ виду не свои собственные выгоды. Мое честолюбіе состоитъ только въ томъ, чтобы усовершенствовать дѣло, которымъ я занимаюсь; о денежныхъ выгодахъ отъ него я мало думаю“.

Эрмстронгъ ссылался на слова, сказанныя объ его изобрѣженіи генераломъ Пилемъ, тогдашнимъ военнымъ министромъ. Мы переведемъ этотъ отрывокъ изъ рѣчи, произнесенной Пилемъ въ Палатѣ Общинъ 4 марта, при обсужденія бюджета военнаго министерства.

„Палата много слышала о новой пушкѣ сэра Уильяма Эрмстронга. Невозможно и предсказать, какія огромныя послѣдствія будетъ имѣть общее введеніе этого орудія въ нашу армію. Прошедшимъ лѣтомъ былъ назначенъ комитетъ для изслѣдованія разныхъ нарѣзныхъ пушекъ, представленныхъ правительству. Заключение комитета было рѣшительно въ пользу орудія изобрѣтеннаго сэромъ Уильямомъ Эрмстронгомъ. Эта пушка заряжается съ казенной части, сдѣлана изъ кованаго желѣза по особенному способу и бросаетъ снарядъ, который употребляется какъ плотное ядро, какъ бомба или какъ картечь. Онъ примѣняется также къ употребленію на корабляхъ и имѣетъ чрезвычайную силу при разрывѣ. Пушка

эта очень прочна. Я самъ видѣлъ такую, изъ которой было сдѣлано 1,300 выстрѣловъ и которая послѣ того не представляла ни налѣйшихъ поврежденій. Важныя преимущества этой пушки—ея легкость, дальность ея выстрѣла и вѣрность стрѣльбы. Эрмстронгова пушка, стрѣляющая 18-ти фунтовымъ ядромъ, вѣситъ въ три раза легче обыкновенной пушки, имѣющей ядро такого же калибра. 32-хъ фунтовая пушка при зарядѣ въ 5 фунтовъ пороха бросаетъ ядро на $5\frac{1}{4}$ миль. Вѣрность ея стрѣльбы еще болѣе удивительна. На 3,000 ярдовъ она стрѣляетъ въ 7 разъ вѣрнѣе, чѣмъ обыкновенная пушка стрѣляетъ на 1,000 ярдовъ; а на дистанціи 1,000 ярдовъ она попадаетъ каждымъ ядромъ въ такую мишень, въ которую обыкновенная пушка попадаетъ только однимъ ядромъ изъ 57; итакъ можно сказать, что по вѣрности стрѣльбы она превосходитъ обыкновенную пушку въ 57 разъ“.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ X.

БИБЛИОГРАФІЯ ЖУРНАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“, НОЯБРЬ, КНИЖКА ВТОРАЯ.

Въ этой книжкѣ между прочимъ находится статья Покорскаго-Жоравко, предводителя дворянства Мглинскаго уѣзда, Черниговской губерніи: „Что стоило намъ крѣпостное право“. Авторъ, не признавая безправности крѣпостнаго состоянія, котораго законность, по мнѣнію его, родилась въ Россіи вѣлніемъ Бориса Годунова, разсматриваетъ это учрежденіе сначала съ нравственной стороны, и весьма справедливо выводитъ изъ него почти все, что мы находимъ дурнаго, какъ въ существующихъ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, такъ и въ отдѣльномъ характерѣ обоихъ сословій: съ одной стороны ложное пониманіе цѣнности труда и безотчетное употребленіе его; затѣмъ раздражительность, презрѣніе къ подвластному сословію и жестокость; съ другой стороны, вслѣдствіе отсутствія права распоряжаться своимъ трудомъ и непрочности самой собственности, отвращеніе отъ работы, всевозможные обманы для уклоненія отъ нея и лѣньность, не оставляющая крестьянина и на домашней работѣ. Затѣмъ, обращаясь къ цѣнѣ, въ которую обходился помѣщику трудъ крѣпостнаго крестьянина, г. Покорскій-Жоравко говоритъ, что за эту цѣну мы бы могли купить правильный, честный и хорошо вознагражденный трудъ, и распоряжаться имъ съ чистымъ сердцемъ и непорочными руками, а въ подтвержденіе такого сужденія дѣлаетъ слѣдующій расчетъ.

Въ имѣніи, состоящемъ изъ 200 душъ, поселенныхъ въ 75 дворахъ, и представляющемъ ежедневно на господскую работу 50 мужчинъ и 50 женщинъ, помѣщикъ даетъ крестьянамъ:

- 1) Топливо.
- 2) По двѣ десятины на дворъ (то-же, что въ великороссійскихъ губерніяхъ тягло) пахотной земли.
- 3) По двѣ десятины сѣнокосной земли, и
- 4) По одной десятинѣ огорода.

Помѣщику это вознагражденіе стоятъ:

Топливо на 75 печей, по 1 сажени въ нѣсацъ, цѣною въ 2 руб. сереб.	1800 руб.
Пахатная змла по 2 р. 50 к. за десятину, принимая плату только за четыре десятины изъ шести	750 —
Сѣнокосная земля по 6 р. 70 в. за десятину	1005 —
Огородная земля по 30 р. сер. за десятину	2250 —
<hr/>	
Итого	5805 руб.

Между тѣмъ, по существующимъ цѣнамъ для вольнаго найма, 50 работниковъ и 50 работницъ стоили бы, полагая на мужчину платы по 30 руб., а на женщину по 20 руб. сер. въ годъ, и на харчи каждому лицу по 18 руб. сер., не болѣе 4300 руб. сер., такъ что по этому разсчету помѣщикъ переплачиваетъ за крѣпостной трудъ, сравнительно съ свободнымъ, 1505 руб., т. е. по 15 руб. на каждого работника и работницу. Отъ этого излишка платы, по мнѣшю автора, происходитъ убыточность большей части промышленныхъ предпріятій нашего дворянства, основанныхъ на крѣпостномъ правѣ, такъ какъ въ хозяйствѣ земледѣльческомъ дефицитъ маскируется невыдачею денегъ, а въ фабричномъ выражается очевиднымъ убыткомъ и вслѣдствіе того упадкомъ заведенія.

При внимательномъ разсмотрѣніи разчета, сдѣланнаго г. Покорскимъ-Жоравко, оказывается, что не только его нельзя признать правильнымъ выраженіемъ стоимости крѣпостнаго труда вообще въ земледѣльческихъ имѣніяхъ Россіи, но и для Черниговской губерніи сомнительно, чтобы принятія въ немъ основанія могли быть признаны вѣрными. Конечно, въ имѣніи, подобномъ приведенному авторомъ, хотя и было бы по великороссійской нормѣ отъ 70 до 90 тяглъ, изъ которыхъ ежедневно исправляла бы пригонъ только половина, но съ лишними или сгоновыми днями, существовавшими во всѣхъ почти хазайствахъ, составилось бы кругомъ немногимъ менѣе 50 человекъ рабочихъ каждого пола; за то въ другихъ цифрахъ, выражающихъ получаемое крестьянами вознагражденіе за обязательный трудъ, при сравненіи приводимыхъ авторомъ условій съ существующими въ другихъ краяхъ, оказывается огромная разница. Снабженіе крестьянъ дровами, по сажени на дворъ пли на тягло въ мѣслцъ, авторъ оцѣниваетъ въ огромную сумму 1800 р. сер., между тѣмъ какъ въ большей части имперіи 900 саж. дровъ полѣнныхъ могутъ быть куплены на городскихъ рынкахъ, слѣдовательно со включеніемъ въ продажную цѣну стоимости привоза, — за сумму отъ 500 до 800 руб. сер. Весьма сомнительно, чтобы въ Черниговской губерніи отопленіе крестьянскихъ избъ производилось столь цѣнными дровами, такъ какъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ для этого употребляется валежникъ, сухіе сучья, въ совершенно безслѣсныхъ — солома, бурьянъ и приготовляемые изъ навоза кирпичи. Равнымъ образомъ и за луговую землю авторъ полагаетъ такую наемную плату, которая за пустошные луга, какими болѣею частію владѣютъ крестьяне, почти нигдѣ не получается, и едва не доходитъ до платы за поемные луга. Наконецъ за десятину огородной земли и наемъ усадьбы г. Покорскій-Жоравко назначаетъ примѣрную плату по 30 руб. сер. на томъ основаніи, что за огороды, отдаваемые въ наемъ постороннимъ лицамъ, землевладѣльцы получаютъ иногда до 60 рублей серебромъ съ десятины; но въ настоящее время почти всѣ согласны съ тѣмъ, что огородныя земли крестьянъ, какъ по-

лучившія высшую противъ полевыхъ земель цѣнность единственно отъ потребляемаго ими труда и удобренія, безъ всякаго участія помѣщика, должны быть цѣнными по размѣру пространства наравнѣ съ полевыми, — слѣдовательно, и при оцѣнкѣ вознагражденія за крѣпостной трудъ огороды должны быть принимаемы съ тою только цѣнностью, которую они имѣли, когда были отведены крестьянамъ. Что же касается до егрозій, то ихъ можно было бы считать полною собственностью помѣщика, отдаваемою крестьянамъ въ наемъ, только въ такомъ случаѣ, если бы помѣщикъ прежде заплатилъ крестьянину за употребленный на возведеніе ихъ трудъ, — чего, разумѣется, никогда не бывало, — или по крайней мѣрѣ на соотвѣтствующее число дней уволилъ его отъ барщины, — что хотя и встрѣчалось, но весьма рѣдко.

Измѣнивъ, согласно съ этими замѣчаніями, выведенныя авторомъ цифры, мы нашли бы итогъ получаемого крестьянами вознагражденія за крѣпостной трудъ несравненно меньшій противъ цѣнности самого труда, и этотъ итогъ подтвердилъ бы мнѣніе, нынѣ всѣми принятое, что при крѣпостномъ состояніи крестьяне, даже въ хорошо управляемыхъ имѣніяхъ, давали работою несравненно болѣе цѣнности отведенныхъ имъ угодій. Въ извѣстной степени равновѣсіе могло возстановиться обязанностью помѣщика кормить своихъ крестьянъ въ неурожайные годы, но мы знаемъ, какъ эта обязанность исполнялась: въ такіе годы, благодаря всеобщей безрасчетливости, помѣщикъ болѣею частію находился въ невозможности даже удовлетворить нуждамъ своего семейства — и только разрѣшаемыя правительствомъ ссуды выручали бѣдствующій край, вовлекая его въ то же время въ неоплатимыя недоимки на будущіе годы. Если, кромѣ вредныхъ нравственныхъ послѣдствій, крѣпостное состояніе имѣло вредное вліяніе и на матеріальное благосостояніе класса помѣщиковъ, то это произошло черезъ посредство нравственныхъ причинъ, такъ какъ возможность вести хозяйства почти безъ всякихъ расходовъ и растрчивать безрасчетно время и трудъ человѣческой произвела въ помѣщикахъ безопасность и расточительность, а эти пороки, какъ естественное послѣдствіе, привели за собою почти всеобщее разстройство денежныхъ дѣлъ и самыхъ имѣній.

Во второй декабрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ помѣщена между прочимъ статья г. Ржевскаго: „Опытъ разрѣшенія вопроса о выкупѣ земли“. Прежде изложенія своего проекта, авторъ считаетъ необходимымъ разрѣшить четыре вопроса:

1) Желаютъ ли крестьяне купить, а помѣщики согласны ли продать землю, предоставляемую крестьянамъ въ пользованіе?

2) Какимъ образомъ опредѣлить размѣръ и цѣну этой земли?

3) Гдѣ взять капиталовъ на ссуду крестьянамъ для покупки земли?

Чѣмъ можно обезпечить возвратъ этой ссуды, то есть, какимъ образомъ устроить, чтобы крестьяне исправно уплачивали проценты и капиталъ въ тѣ сроки, которые будутъ назначены?

Обращаясь сначала къ первому изъ этихъ вопросовъ, авторъ говоритъ, что крестьяне будутъ желать приобрѣтенія въ собственность предоставленной имъ въ пользованіе земли только въ такомъ случаѣ, если отъ этого не увеличится сумма ежегодныхъ повинностей или платежей, и если они увидятъ на самомъ дѣлѣ примѣры удобства подобной сдѣлки. Помѣщики же будутъ желать продажи крестьянамъ означенныхъ земель въ такомъ только случаѣ, если имъ будетъ предложенъ кашп-

талъ, относящійся къ получаемому отъ этихъ земель доходу такъ, какъ относится обыкновенно покупной капиталъ къ получаемымъ въ видѣ дохода процентамъ. На основаніи этихъ соображеній, г. Ржевскій полагаетъ необходимымъ поставить правиломъ, чтобы за основаніе разсчета, какъ постоянная величина, была принимаема та сумма, которую крестьяне могутъ безъ затрудненія вносить ежегодно въ видѣ уплаты процентовъ и капитала, чтобы эта сумма могла быть уменьшаема только въ такомъ случаѣ, если они пожелаютъ купить земли менѣе, нежели сколько предоставлено имъ будетъ въ пользованіе, чтобы ни покупка, ни продажа не были обязательны.

Въ опредѣленіе размѣра и цѣны земель, имѣющихъ перейти въ собственность крестьянъ, правительству, по мнѣнію автора, вступаться не слѣдуетъ: оно должно только удостовѣриться въ томъ, что договоръ дѣйствительно заключается съ полного согласія обѣихъ сторонъ, для чего г. Ржевскій предлагаетъ постановить, чтобы повѣрка производилась на мѣстѣ нѣсколькими лицами, другъ отъ друга независящими, и чтобы утвержденныя условія публиковались и могли быть обсуживаемы въ журналахъ.

Затрудненіе въ присканіи капиталовъ для уплаты помѣщикамъ за крестьянскія земли, по мнѣнію автора, частію устранится тѣмъ, что выкупъ будетъ производиться постепенно, и потому однѣ и тѣ же деньги, оборотившись, могутъ послужить къ выкупу болѣе нежели одного селенія, — или можетъ быть избѣгнуто выдачею помѣщикамъ, вмѣсто денегъ, свидѣтельствъ, по которымъ они будутъ получать проценты до уплаты капитала. Для доставленія же помѣщикамъ возможности удобнѣйшимъ образомъ продавать выданныя имъ свидѣтельства, которыя г. Ржевскій называетъ выкупными листами, онъ полагаетъ раздробить ихъ на небольшія суммы въ 1,000 или 500 р. сер., принимать ихъ въ залоги по казеннымъ подрядамъ и допустить залогъ ихъ въ мѣстныхъ банкахъ и приказахъ общественаго призрѣнія въ $\frac{4}{5}$ номинальной цѣны.

Обращаясь наконецъ къ 4 вопросу—о томъ, чѣмъ можетъ быть обезпеченъ возвратъ ссуды, г. Ржевскій сначала опровергаетъ примѣръ, на которомъ многіе основываютъ свое убѣжденіе, что крестьяне неспособны исправно уплачивать проценты на ссужаемый имъ капиталъ, а именно: накопленіе недоимокъ на крестьянахъ государственныхъ имуществъ. По мнѣнію автора, недоимки накаплиются неизбѣжно въ слѣдующихъ случаяхъ: а) если мѣста и лица, обязанныя взыскивать ерочные платежи, не исполняютъ своей обязанности, или по какимъ бы то ни было причинамъ находятъ для себя выгоднымъ допускать накопленіе недоимокъ; б) если сроки платежей слишкомъ отдалены одинъ отъ другаго, а потому и суммы, требуемыя къ уплатѣ въ одинъ срокъ, слишкомъ значительны; и наконецъ с) если взысканіе производится по правиламъ круговой поруки, которая представляетъ какъ бы премію за несостоятельность въ платежѣ податей, и притомъ можетъ служить болѣе или менѣе дѣйствительнымъ обезпеченіемъ исправнаго поступленія только въ соединенія съ временнымъ рабствомъ—кабалой, или съ крѣпостнымъ состояніемъ.

По нашему мнѣнію, круговая порука, въ особенности при предстоящей нынѣ самостоятельной организаціи сельскихъ мірскихъ обществъ, не можетъ имѣть того вреднаго вліянія, котораго ожидаетъ отъ нея г. Ржевскій. На первый взглядъ можетъ показаться весьма выгоднымъ для каждаго отдѣльнаго крестьянина, чтобы

другіе уплачивали за него подати; но въ дѣйствительности положеніе недоимщика до такой степени незавидно, что едва ли кто, за исключеніемъ людей совершенно порочныхъ, которыхъ не исправить и никакая личная отвѣтственность себя поставитъ въ это положеніе, если только имѣетъ какую нибудь возможность его избѣгнуть. Обмануть помѣщика притворною бѣдностью было возможно, и во многихъ случаяхъ даже легко; но обмануть міръ, знающій о каждомъ приходѣ и расходѣ своихъ членовъ, невозможно. Притомъ дѣйствительный, безвозвратный платежъ исправныхъ крестьянъ за недоимщиковъ можетъ встрѣтиться лишь весьма рѣдко: въ большинствѣ случаевъ міръ безъ сомнѣнія найдетъ возможнымъ принудить неплательщиковъ какими нибудь общественными работами, напримѣръ отбываніемъ за все селеніе дорожной повинности и т. п., вознаградить сдѣланное для нихъ пожертвованіе, а между гѣмъ отъ подобнаго обязательнаго труда по мірскому приговору весьма далеко до кабалы. Самъ авторъ, считая необходимымъ устранить круговую поруку, говоритъ, что ее должно замѣнить нѣсколько усиленною личною отвѣтственностью, не прибѣгая однакоже ни къ мѣрамъ жестокости, ни къ такимъ, которыя могли бы привести къ пролетариату; но при полной личной отвѣтственности, съ человѣкомъ, навопившимъ неоплатныя недоимки и не старающимся объ очищеніи ихъ, невозможно принять другую окончательную мѣру, кромѣ лишенія его поземельнаго участка и слѣдовательно обращенія въ пролетариатъ, или, что почти тоже, насильственнаго переселенія. Предположить же, какъ дѣлаетъ г. Ржевскій, отдѣльную отъ мірскаго управленія власть, которая имѣла бы право распорядиться принятіемъ строгихъ мѣръ противъ неплательщика или взятіемъ въ свое вѣдѣніе его поземельнаго участка, — неизбѣжное послѣдствіе отмѣны круговой поруки, — значило бы окончательно уничтожить всякую надежду на самостоятельное развитіе сельскихъ обществъ. Впрочемъ и г. Ржевскій, такъ горячо возстающій противъ круговой поруки, не могъ обойтись безъ того, чтобы не ввести въ свой проектъ, какъ мы увидимъ ниже, нѣкоторыя мѣры, отчасти основанныя на этомъ началѣ.

Самый проектъ г. Ржевскаго состоитъ въ слѣдующемъ:

По введеніи срочно-обязаннаго положенія, крестьянамъ и помѣщикамъ предоставляется заключать между собою добровольныя условія о цѣнѣ и количествѣ покупаемой земли. Совершеніе подобныхъ сдѣлокъ ни для той, ни для другой стороны не обязательно. Условіе излагается на бумагѣ, по возможности въ краткихъ и понятныхъ крестьянамъ выраженіяхъ, и разсматривается уѣзднымъ и губернскимъ предводителями дворянства, начальникомъ губерніи, предсѣдателемъ палаты государственныхъ имуществъ и наконецъ приказомъ общественнаго призрѣнія. Получивъ условія и планы къ 1-му сентября, приказъ, не позже 1-го декабря, объявляетъ, согласенъ ли онъ сдѣлать ссуду или нѣтъ, и по какимъ причинамъ; затѣмъ, рассчитавъ ссуду съ 1-го января наступающаго года, выдаетъ помѣщику слѣдующее ему вознагражденіе выкупными листами въ 500 р. сер. каждый, а сумму, меньшую 500 р., деньгами; если имѣніе заложено въ кредитномъ учрежденіи, то приказъ уплачиваетъ долгъ и удерживаетъ соответствующую часть выкупныхъ листовъ. Срокъ займа — 33-лѣтній; крестьяне платятъ 4% интереса, 1 $\frac{1}{2}$ % на погашеніе капитала и 1 $\frac{1}{2}$ % въ пользу приказа, на усиленіе его состава. При самомъ заключеніи условія, крестьяне обязаны представить въ обезпеченіе сумму, равняющуюся годовому платежу, а затѣмъ вносятъ проценты помѣсячно.

за каждый нѣсадъ впередъ; по окончанія же заеннаго срока внесенная предварительно сунна зачитается въ уплату послѣдней части капитала. Наблюденіе за платежѣмъ крестьянами процентовъ возлагается ближайшимъ образомъ на самый приказъ общественнаго призрѣнія, который, между тѣмъ, независимо отъ поступающихъ къ нему платежей, ежегодно послѣ 1-го января выдаетъ по 4% предъавителямъ закладныхъ листовъ, и сверхъ того, изъ полученныхъ имъ процентовъ погашенія уплачиваетъ по извѣстному числу этихъ листовъ капиталъ, руководствуясь старшинствомъ номеровъ, а для предварительнаго извѣщенія владѣльцевъ публикуетъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ списокъ номеровъ, назначеннымъ къ уплатѣ; такой же списокъ выставляется и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ губерніи. Проценты на билеты, заложенные владѣльцами въ приказѣ (какъ выше сказано за $\frac{1}{8}$ капитальной суммы), зачисляются въ пользу приказа, а когда эти листы поступить на очередь къ уплатѣ, то приказъ доплачиваетъ на нихъ владѣльцамъ остальные сто рублей.

Слѣдующіе отъ крестьянъ взносы распредѣляются помѣсячно и зачисляются приказомъ по каждому селенію отдѣльно, сначала въ уплату процентовъ до составленія полной годовой суммы ихъ, а потомъ въ погашеніе капитала; въ самыхъ же селеніяхъ назначаются изъ крестьянъ, по выбору общества и съ утвержденія окружнаго начальника, особые сборщики, которымъ чрезъ окружное правленіе выдаются ежегодно контромарки для раздачи лицамъ, внесшимъ причитающіяся съ нихъ части платежа; о неплательщикахъ окружной начальникъ обязываетъ сельскій сходъ сдѣлать приговоръ, для побужденія ихъ къ платежу зависящими отъ него мѣрами. Приказъ ежемѣсячно сообщаетъ палатѣ о всѣхъ недоимкахъ по сбору, и если къ 1-му января наступающаго года на какомъ либо селеніи останется за истекшіи годъ недоимка, то онъ пополняетъ ее изъ суммы обезпеченія, а когда она истощится, то увѣдомляетъ объ этомъ палату, для принятія болѣе строгихъ мѣръ взысканія. Палата предписываетъ волостному начальству отдать наиболѣе неисправныхъ плательщиковъ въ заработки къ частнымъ лицамъ, которыя пожелаютъ ихъ взять, съ уплатою всей условленной за работу суммы впередъ. Срокъ отдачи въ заработки не долженъ быть болѣе одного года, а за побѣгъ отъ хозяина до окончанія срока работникъ наказывается по военнымъ законамъ, о чемъ ему объявляется при самой отдачѣ. Въ случаѣ недостаточности этой мѣры къ пополненію недоимки, палатѣ предоставляется отдать часть угодій селенія въ наемъ постороннимъ лицамъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки, а если количество недоимокъ накопится до общей суммы сдѣланной первоначально ссуды, то приказъ имѣетъ право назначить половину всей земли въ продажу съ публичнаго торга, которая признается дѣйствительною и утверждается только тогда, когда предложенная сумма будетъ равняться двумъ третямъ всей ссуды; остальная же часть обезпечивается остальною половиною земли, п платежъ за нее назначаются прежнимъ порядкомъ. Если наконецъ за продажей половины земли селеніе окажется слишкомъ малоземельно, то палата государственныхъ имуществъ дѣлаетъ распоряженіе о выселеніи въ дальшія губерніи тѣхъ изъ крестьянъ, которые были наиболѣе виновны въ накопленіи недоимокъ.

На первый изъ предлагаемыхъ авторомъ настоящей статьи вопросовъ — желаютъ ли помѣщики продать, а крестьяне купить землю, г. Ржевскій отвѣчаетъ

за объ участвующія стороны: „да, если только цѣна будетъ безобидная“. Мы полагаемъ, что согласіе, кромѣ справедливаго назначенія цѣны, можетъ зависѣть и отъ другаго обстоятельства, по вліянію котораго или помѣщикъ можетъ быть вынужденъ взять за извѣстное количество земли гораздо менѣе дѣйствительной стоимости его, или крестьяне могутъ согласиться дать гораздо болѣе. Это обстоятельство есть будущая организація срочно-обязаннаго положенія. Смотря по тому, въ пользу которой стороны на самомъ дѣлѣ сложится эта организація, та или другая сторона будетъ имѣть явное преимущество въ переговорахъ объ окончательной сдѣлкѣ. Далѣе авторъ говоритъ, что за основаніе расчета, какъ постоянная величина, должна быть принята сумма, которую крестьяне могутъ безъ затрудненія ежегодно платить, въ видѣ уплаты процентовъ и капитала,—и хотя онъ не договариваетъ, но какъ мысль безъ этого добавленія не полна, то мы полагаемъ, что означенная сумма, въ мысли г. Ржевскаго, должна быть признаваема нормою справедливаго вознагражденія за количество земли, вполне обеспечивающее благосостояніе крестьянъ. По нашему мнѣнію, эта норма слишкомъ неопредѣленна, понятіе о затрудненіи совершенно относительное (въ нѣкоторыхъ, богатыхъ промышленностью, мѣстностяхъ, крестьяне могутъ, безъ слишкомъ большаго стѣсненія, платить ежегодно, какъ и платятъ нынѣ, суммы, далеко превосходящія цѣнность отведенныхъ имъ угодій) и по невозможности во всѣхъ тѣхъ краяхъ, которыхъ населеніе живетъ не исключительно земледѣліемъ, опредѣлить, какое именно количество земли составитъ достаточное обезпеченіе. Проще было бы принять за основаніе доходъ, дѣйствительно получающійся отъ отдачи внаймы разнаго рода земель и по расчету процентовъ, какъ говоритъ нѣсколько выше самъ г. Ржевскій, вычислить продажную цѣну,

Относительно денежныхъ средствъ, необходимыхъ для выкупа, г. Ржевскій полагаетъ, что сумма ихъ должна значительно уменьшиться отъ того, что выкупъ будетъ не понудительный, а основанный на добровольныхъ сдѣлкахъ, и слѣдовательно даетъ время возврату и обороту капиталовъ. Намъ кажется, что подобный оборотъ могъ бы произойти въ такомъ только случаѣ, если бы назначеніе ссудъ раздѣлено было на нѣсколько десятковъ лѣтъ; но такое предположеніе едва ли возможно допустить, а надобно полагать, напротивъ, что если только сопряженные съ выкупомъ повинности не будутъ слишкомъ стѣснительны, и въ особенности, если онѣ, какъ вѣроятно и будетъ, не превнеятъ установленныхъ по срочно-обязанному положенію, то въ теченіе какихъ нибудь трехъ или четырехъ лѣтъ во всѣхъ имѣніяхъ крестьяне, обязанные и безъ того выкупить усадьбы и пробыть 12 лѣтъ въ срочно-обязанномъ состояніи, изъявятъ желаніе выкупить землю, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ исключительно промышленныхъ селеній, которыхъ жители и теперь не занимаются земледѣліемъ, да и тѣ, если бы отказались отъ выкупа земли, то сдѣлали бы весьма вредную для будущности ихъ самихъ и ихъ потомства ошибку. Къ изъявленію этого желанія побудитъ крестьянъ даже и самое, сопряженное съ полученіемъ ссуды, освобожденіе отъ личной зависимости. Конечно могутъ быть, и дѣйствительно есть, въ селеніяхъ отдѣльныя личности, которымъ, по особенной способности ихъ къ ремесламъ или торговлѣ, вообще къ промысламъ городскимъ, выгодно какъ можно скорѣе и проще разорвать связь, прикрѣпляющую ихъ къ землѣ; но чтобы цѣлому селенію могло быть полезно отказаться отъ выкупа земель, могущаго положить прочное основаніе благосостоя-

нiю его на нѣсколько поколѣнiй, — мы никакъ допустить не можемъ. Весьма трудно также предположить, чтобы крестьяне, отказавшись отъ выкупа той земли, которая имъ была отведена въ пользованiе, безъ пособiя кредита, приобрѣли землю въ другомъ, болѣе выгодномъ для нихъ мѣстѣ; такъ что вопросъ заключается единственно въ томъ: выкупить ли эти земли, или остаться вовсе безъ поземельной собственности? Между тѣмъ даже въ тѣхъ краяхъ, гдѣ теперь земля имѣетъ весьма малую цѣнность и гдѣ хлѣбопашество почти исключительно производится женщинами и дѣтьми, приобретене земли весьма важно для крестьянъ, такъ какъ оно доставитъ имъ возможность, отправляясь на заработки въ столицу, самымъ дешевымъ образомъ обезпечивать свои семейства, которыхъ содержанiе въ городѣ стоило бы несравненно дороже, а со временемъ, при увеличенiи населенiя, земля должна приобрести еще большую цѣнность; разумѣется, однакоже, что въ этихъ краяхъ выкупная цѣна ея будетъ несравненно ниже, чѣмъ въ губернiяхъ земледѣльческихъ.

На сколько, по нашему мнѣнiю, вѣстьянцѣмъ выгоденъ въ настоящее время выкупъ отводимыхъ имъ полевыхъ земель, — конечно за умѣренную цѣну, — настолько же выгодно было бы помѣщикамъ оставить ихъ за собою, совершенно независимо отъ той цѣны, которая можетъ быть за нихъ получена. Удержанiе земель въ рукахъ помѣщиковъ, въ особенности въ густо населенныхъ губернiяхъ, и если бы на это рѣшились нѣсколько самыхъ значительныхъ владѣльцевъ, совершенно измѣнило бы то отношенiе, которое должно образоваться между сословiями помѣщиковъ и крестьянъ, и поставило бы послѣднихъ въ столько же почти стѣснительную зависимость отъ произвола первыхъ, какая существовала при крѣпостномъ состоянiи. Поэтому, хотя конечно отъ выкупа земель стало бы уклоняться только меньшинство помѣщиковъ, но во всякомъ случаѣ, чтобы произволъ одного лица, движимаго своекорыстными расчетами, не могъ лишить нѣсколько семей, а можетъ быть и нѣсколько тысячъ человекъ, тѣхъ прочихъ основъ благосостоянiя, которыя доставляются всему сословiю, намъ казалось бы справедливымъ сдѣлать уступку полевыхъ земель въ какомъ нибудь опредѣленномъ размѣрѣ, составляющемъ минимумъ надѣла, и за опредѣляемую посредниками изъ обѣихъ сословiй цѣну обязательною для помѣщика.

Для удержанiя предполагаемыхъ г. Ржевскимъ выкупныхъ листовъ въ надлежащей цѣнности, онъ между прочимъ считаетъ возможнымъ допустить залогъ ихъ въ приказахъ общественнаго призрѣнiя, съ выдачею чистыхъ денегъ, въ $\frac{4}{5}$ нарицательной ихъ цѣны, но едва ли средства приказовъ окажутся достаточными какъ для этого оборота, такъ и для уплаты другимъ кредитнымъ установленiямъ за всѣ заложенные въ нихъ имѣнiя. Впрочемъ и безъ этого права, если только взиманiе процентовъ на выкупной капиталъ будетъ хорошо организовано и платежи будутъ поступать безнедоимочно, нѣтъ причины предполагать, чтобы выкупные листы, принимаемые въ залогъ правительствомъ, не сохранили своей цѣны и въ сдѣлкахъ между частными лицами, подобно облигацiямъ разныхъ земскихъ банковъ въ Германiи, въ числѣ которыхъ многiя выпущены были для той же цѣли, т. е. для выкупа крестьянскихъ повинностей.

Главную черту въ предполагаемой г. Ржевскимъ организацiи взысканiя съ крестьянъ выкупныхъ платежей составляетъ непосредственное участiе въ дѣлахъ сельской общины мѣстнаго управленiя государственныхъ имуществъ. Намъ кажется,

что при образованіи общины болѣе всего надобно стараться о томъ, чтобы поставить ее по возможности въ самостоятельное положеніе и оградить ее не только отъ произвола помѣщика, у котораго для нея выкупаются земли, но и отъ всякаго излишняго вмѣшательства мѣстной администраціи. Что такого рода self-government у насъ возможенъ, доказывается примѣрами многихъ оброчныхъ имѣній, въ которыхъ владѣльцы и управители не бываютъ по нѣскольку лѣтъ, а между тѣмъ крестьяне, подъ управленіемъ выбираемыхъ ими самими старостъ, которые только для формы утверждаются помѣщикомъ, безнедоимочно уплачиваютъ какъ подати, такъ и лежащій на нихъ оброкъ, иногда довольно тяжелый, и сверхъ того не рѣдко достигаютъ значительной степени благосостоянія. Особенно счастливыиъ обстоятельствомъ для подобныхъ имѣній бываетъ то, если владѣлецъ занимаетъ болѣе или менѣе значительное мѣсто въ службѣ или носить особенное громкое имя, такъ какъ въ этомъ случаѣ имя его ограждаетъ крестьянъ отъ притѣсненія мѣстныхъ властей, которымъ иногда бывало довольно одного какого нибудь повода, — совершеннаго въ деревнѣ преступленія или даже найденнаго на землѣ ел мертваго тѣла, — чтобы обременить всю деревню. Если при крѣпостномъ состояніи крестьяне, предоставленные самимъ себѣ, умѣли такъ хорошо вести свои дѣла тамъ, гдѣ ихъ никто не мѣшалъ, то тѣмъ болѣе можно ожидать ечастливаго результата отъ самоуправленія ихъ, когда, сдѣлавшись членами самостоятельной общины, они почувствуютъ свое достоинство и поймутъ, что лица, ими избранныя въ представители, назначаются не въ тому, чтобы быть безответными орудіями въ рукахъ непосредственно надъ ними стоящей власти и въ случаѣ нужды отвѣчать за ширъ спиною или карманомъ, а къ тому, чтобы дѣйствительно управлять мирскими дѣлами для общей пользы. Это убѣжденіе заставитъ крестьянъ совершенно иначе смотрѣть на право выбора должностныхъ лицъ, чѣмъ до сихъ поръ смотрѣли тѣ изъ нихъ, которымъ это право было предоставлено. Старшинами, старостами, вообще подъ какимъ бы то ни было названіемъ представителями общины — будутъ самые умные и дѣятельные люди ея, и если бы даже миръ когда нибудь ошибся въ выборѣ, то необходимость отдавать отчетъ мирской сходкѣ, и въ важнѣйшихъ случаяхъ дѣйствовать съ ея утвержденія, пресѣчетъ въ самомъ началѣ mogućія произойти злоупотребленія. Слишкомъ близки всѣмъ этимъ людямъ интересы, которые будутъ поручены выборнымъ, чтобы можно было предположить равнодушіе общины къ дурному управленію ими. Такое равнодушіе является только тогда, когда или дѣла, поручаемыя избраннымъ лицамъ, не до всѣхъ избирателей равно касаются, или когда избиратели увѣрены, что кого ни назначъ, никто не будетъ въ состояніи принести истинную пользу; а это убѣжденіе вселяется въ нихъ только тогда, когда надъ выборными лицами слишкомъ близко стоитъ другая, чуждая общинѣ власть. Конечно, для самоуправления, покрайней мѣрѣ при томъ положеніи, въ которое будутъ поставлены наши сельскія общины, необходимо существованіе въ томъ или другомъ видѣ круговой поруки; но мы старались доказать, что это начало въ дѣйствительности не имѣетъ тѣхъ дурныхъ сторонъ, которыя въ немъ находятъ нѣкоторые теоретики. Болѣе того, мы даже убѣждены, что при хорошей организациіи ширскаго управленія, — а первую чертою такой организациіи мы признаемъ самостоятельность ея внутри самой общины, — и при умѣренномъ размѣрѣ платежей за выкупъ земли, вовсе не представится надобности въ тѣхъ крайнихъ мѣрахъ, какія предполагаетъ г. Ржевскій относительно селеній, на которыхъ

накопятся значительныя недоимки, и что нѣръ самъ съумѣетъ справиться съ недоимщиками. Необходимо только, *чтобъ ему не мѣшали.*

„БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ“ 1858, ДЕКАБРЬ.

Въ декабрьской книжкѣ „Библиотеки для Чтенія“ оконченъ начавшійся еще въ юнѣ рядъ статей г. Тернера, подъ заглавіемъ „Очерки современныхъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ“. Въ этихъ очеркахъ, раздѣленныхъ на 13 отдѣловъ, авторъ сначала обобщаетъ и обсуяваетъ по каждому изъ частныхъ вопросовъ, на которые распадается общій вопросъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, чьиіе другихъ писателей, а потомъ излагаетъ свои мысли о спорномъ предметѣ. Мы не будемъ слѣдовать за г. Тернеромъ въ этомъ обзорѣ, заключающемъ въ себѣ довольно полный сводъ всего, что было писано въ послѣднее время о крестьянскомъ вопросѣ, а ограничимся извлеченіемъ изъ всего ряда очерковъ главныхъ его мѣнѣй.

Необходимую предварительную мѣроу къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости г. Тернеръ признаетъ введеніе срочно-обязаннаго состоянія, которое, по его мѣнѣю, должно имѣть весьма важное нравственное значеніе: оно приучитъ обѣ участвующія въ немъ стороны въ почитанію взаимныхъ правъ и исполненію своихъ обязанностей, увеличитъ приверженность крестьянина къ отводимой ему землѣ и сдѣлаетъ его достойнымъ предстоящаго ему новаго положенія. Независимо отъ того, срочно-обязанное состояніе предотвратитъ — какъ необходимость въ единовременномъ выкупѣ, такъ и недостатокъ рабочихъ рукъ, могущій произойти отъ внезапнаго прекращенія барщины.

Необходимую принадлежность этого положенія составляетъ выкупъ усадебъ и отводъ крестьянамъ полевыхъ земель въ пользованіе; для достиженія же при томъ и другомъ должной правильности, нужны справедливыя оцѣнки — какъ съ одной стороны усадебъ и полевыхъ земель, такъ съ другой стороны и самой работы. Относительно оцѣнки усадебъ, г. Тернеръ полагаетъ, что строенія должны быть включаемы въ нее только въ такомъ случаѣ, если они возведены съ помощью денежной ссуды отъ помѣщика, если на купленный имъ за свои деньги лѣсъ — тогда къ оцѣнкѣ усадебной земли можетъ быть прибавлено отъ 30 до 90%; самую же землю авторъ считаетъ нужнымъ цѣнить значительно выше полевой, уже и потому, что она на дѣлѣ въ настоящее время стоитъ гораздо дороже. Въ тѣхъ краяхъ, гдѣ усадьбы имѣютъ промышленное значеніе, по мѣнѣю г. Тернера, для правильной оцѣнки слѣдуетъ отдѣлѣть отъ получаемаго нынѣ помѣщиками оброка часть, приходящуюся на полевая земля, — она будетъ большею частію весьма незначительна, — а остальное капитализировать, или даже, для сокращенія расчетовъ, капитализировать вмѣстѣ весь оброкъ, и обязать крестьянъ, примѣрно въ теченіе 30 лѣтъ, платежемъ сверхъ оброка или процентовъ интереса одного процента погашенія, выплатить составившійся капиталъ. (Хорошо улучшеніе быта: заставитъ крестьянина, платящаго нынѣ 25 руб. въ годъ, платить въ продолженіе тридцати лѣтъ — цѣлаго поколѣнія — по 29 рублей!). Для оцѣнки полевыхъ земель авторъ считаетъ лучшимъ способомъ исчислять три главные элемента, а именно: 1) продажную цѣну десятины или наемную плату при непринужденномъ договорѣ; 2) могущій получаться съ десятины доходъ натуроу, и 3) средній об-

рокъ или среднюю норму барщинной повинности; средній результатъ, выведенный изъ всѣхъ трехъ исчисленій, будетъ ближе всѣхъ къ дѣйствительной цѣнѣ земли. Что касается до оцѣнки барщиннаго труда, то г. Тернеръ для исчисленія ея предлагаетъ употребить слѣдующій способъ: взять цифру платимаго въ извѣстной мѣстности средняго оброка и раздѣлить ее на число барщинныхъ дней,—отъ этого получится оцѣнка самая низкая; потомъ — цифру средней наемной платы въ той же мѣстности и умножить ее на дробь, выражающую отношеніе работы барщинника къ наемной работѣ (такъ напр. если 5 барщинниковъ въ день сдѣлаютъ столько же, сколько 3 наемныхъ работника, а поденная плата каждому батраку 40 коп., то на каждого изъ первыхъ приходится въ день $40 \times \frac{3}{5} = 24$); наконецъ сложить это произведеніе съ прежде полученною цифрою и суммы раздѣлить на 2, — послѣдняя цифра и будетъ приблизительно вѣрная цѣна барщиннаго дня.

Независимо отъ этихъ исчисленій, г. Тернеръ признаетъ заслуживающимъ уваженія и предлагаемый многими писателями способъ оцѣнки земель и причитающагося за нихъ вознагражденія по сравненію съ цѣнностью четверти ржи (одно изъ подобныхъ предположеній мы рассмотрѣли въ библиографіи, помѣщенной въ февральской книжкѣ „Современника“) — и еверхъ того, совѣтуетъ комитетамъ обратить особенное вниманіе на произведенный министерствомъ государственныхъ имуществъ, при переложеніи податей съ душъ на землю, такъ называемый народный кадастръ. Этотъ способъ, составляющій нѣчто среднее между ученою кадастраціею и эмпирическими средствами оцѣнки, при весьма значительной стоимости — по 8 коп. сер. съ десятины — далъ возможность министерству оцѣнить весьма скоро и довольно вѣрно всѣ земли государственныхъ имуществъ въ 13 губерніяхъ.

Обращаясь къ конечной цѣли настоящаго преобразованія, г. Тернеръ говорить, что при совершеніи его необходимо преимущественно имѣть въ виду:

- 1) Не развивая бродяжничества — облегчить переселеніе;
- 2) Развить классъ крестьянъ-собственникововъ.

Для достиженія первой цѣли авторъ считаетъ совершенно достаточнымъ средствомъ выкупъ усадебныхъ осѣдлостей, который, привязавъ въ извѣстной степени крестьянъ къ землѣ, заставитъ ихъ рѣшиться на переселеніе только при очевидной и весьма вѣрной выгодѣ, а притомъ еще даетъ имъ возможность, чрезъ продажу усадебъ, пріобрѣтать денежные средства на подъемъ. Что же касается до второй цѣли, то г. Тернеръ, признавая, какъ мы видѣли выше, весьма полезнымъ, чтобы въ мѣстностяхъ исключительно промышленныхъ, гдѣ полевья земли имѣютъ весьма малую цѣнность, выкупъ ихъ начался одновременно съ выкупомъ усадебъ, для другихъ краевъ считаетъ достаточнымъ въ настоящее время ограничиться послѣднимъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ, когда экономическое состояніе крестьянъ улучшится, выкупъ полевыхъ земель былъ ими произведенъ или на собственыя средства, или съ помощью мѣстныхъ банковъ. Относительно существующаго нынѣ почти повсемѣстно общиннаго владѣнія землями, мнѣнія г. Тернера, какъ онъ ихъ кратко выразилъ въ въ 13-мъ отдѣлѣ своихъ очерковъ, слѣдующія:

1) Общинное владѣніе (отъ котораго впрочемъ совершенно независимо общинное устройство) не имѣетъ въ себѣ элементовъ постепеннаго развитія, и потому постепенно должно перейти въ частную собственность.

- 2) Этотъ переходъ долженъ совершиться естественнымъ путемъ постепеннаго

преобразования, а потому нельзя и думать о насильственном превращении общинного владения в личную собственность.

3) Также вредно было бы сдерживать общинное владение насильственными законодательными мерами там, где оно по местным обстоятельствам уже стало выражаться в личную собственность.

4) В большей части мест переход этот начнется не скоро и будет совершаться цѣлымъ рядомъ переходовъ; но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ уже теперь показываются симптомы перехода къ личной собственности.

5) Сдерживать эти переходы значило бы сдерживать естественное развитие Россіи, потому что производительность земли при общинномъ владѣніи не можетъ быть такъ сильна, какъ при личной собственности; между тѣмъ богатство жителей страны прямо пропорціонально ея производительности, распредѣленіе же богатствъ играетъ только вторую роль, слѣдующую за производствомъ.

Согласно съ этими убѣжденіями г. Тернеръ предлагаетъ, для примѣненія ихъ на практикѣ, принять слѣдующія правила:

1) Поля должны быть выкупаемы тамъ, гдѣ существуетъ общинное владѣніе, сообща всѣмъ міромъ.

2) По совершеніи выкупа, общинники могутъ переходить постепенно, по собственному желанію, въ системѣ личной собственности на землю; — такой постепенный переходъ можетъ совершиться и до окончательной уплаты долга, если помѣщикъ или кредитное учрежденіе изъявитъ на то согласіе, замѣнивъ круговую поруку поземельною ипотекою.

3) Усадьбы, съ принадлежащею къ нимъ землею, должны выкупаться въ личную собственность крестьянъ, по состоянію ихъ въ настоящее время большею частью въ личномъ потомственномъ владѣніи крестьянскихъ семей.

4) Въ случаѣ, если выкупъ усадебъ происходитъ при посредствѣ кредитнаго учрежденія, при встрѣтившемся неплатежѣ со стороны собственника, круговая порука опять возлагается на міръ; но затѣмъ міру отдается половина огородовъ, коноплянниковъ и вообще всей усадьбы должника на пользованіе, пока доходы съ нея не оуплатятъ его долга, причѣмъ эта половина можетъ оставаться въ пользованіи міра или того крестьянина, который внесъ деньги за несостоятельнаго должника, и послѣ окончательнаго выкупа земли отъ помѣщика, до уплаты частнаго долга міру за внесенныя имъ помѣщику или банку выкупныя за нее деньги (на уплату этого долга идетъ только половина усадьбы, чтобы никогда не оставить крестьянина безъ крова и безъ всякихъ средствъ къ существованію).

5) По окончательномъ выкупѣ усадебъ, собственники имѣютъ право продать ихъ даже постороннему лицу, но только съ согласія міра (впрочемъ произвольные отказы должны быть ограничены) и при согласіи со стороны покупателя подчиниться всѣмъ условіямъ общиннаго устройства и жизни, связаннымъ съ этими клочками земли.

За исходную точку своихъ предположеній объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ г. Тернеръ взялъ введеніе срочно-обязаннаго состоянія, о неудобствахъ котораго мы уже неоднократно высказывали свое мнѣніе и потому не считаемъ нужнымъ его здѣсь повторять. Относительно оцѣнки усадебныхъ земель мы полагаемъ, что вклучать въ нее стоимость строенія, на томъ основаніи, что помѣщикъ на свои деньги купилъ дѣсь, изъ котораго они построены, было бы то же самое, что взымать съ крестьянъ при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости

всѣ деньги, употребленные на прокормленіе ихъ въ неурожайные годы, или отъ дворовыхъ людей требовать возвращенія суммъ, истраченныхъ на содержаніе ихъ во все время ихъ службы. Помѣщикъ въ той же мѣрѣ былъ обязанъ помогать крестьянамъ въ обстройкѣ усадебъ, какъ и кормить ихъ во время голода, или содержать дворовыхъ людей. Равнымъ образомъ не имѣетъ онъ никакого права на особое вознагражденіе за пріобрѣтенную усадебными землями, безъ всякаго труда и пожертвованія съ его стороны, высшую цѣнность противъ полевыхъ. Что же касается до опредѣленія цѣнности усадебъ въ промышленныхъ краяхъ посредствомъ капитализаціи получаемого нынѣ оброка, то о невѣрности этого мѣрила не стоитъ и говорить. Не упоминая уже о томъ, что въ этихъ именно краяхъ и взимаются тѣ чудовищные оброки, которые мы иначе не можемъ характеризовать, какъ назвавши ихъ *налогомъ на способности*, и слѣдовательно составились бы по многимъ имѣвшимъ громадные оцѣнки: — но чѣмъ виноваты помѣщики, который при крѣпостномъ состояніи, не желая стѣснить своихъ крестьянъ, довольствовался умѣреннымъ оброкомъ, а теперь долженъ быть наказанъ за свою умѣренность получешемъ меньшего вознагражденія? Чѣмъ виноваты съ другой стороны крестьяне, платившіе до сихъ поръ оброкъ въ преувеличенномъ размѣрѣ и осужденные именно за это заплатить несоразмѣрный выкупъ, — развѣ только потому, что за освобожденіе отъ большаго зла и заплатить можно дороже?

Объ русской сельской общинѣ авторъ говоритъ, что она не имѣетъ въ себѣ элементовъ постепеннаго развитія, а потому должна перейти въ личную собственность, и будто бы даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это преобразование началось. По нашей мнѣнію, это заключеніе весьма преждевременно: если до сихъ поръ община не выказала на самомъ дѣлѣ таящихся въ ней началъ высокаго развитія, то это нисколько не доказываетъ, что по снятіи тяготящихъ ее оковъ, она не пойдетъ въ этому развитію быстрыми шагами. При томъ не очень блистательны вообще и результаты стоящаго рядомъ съ общиной помѣщичьяго хозяйства, которое однако же имѣетъ основою совершенно отдѣльную, личную собственность. Если намъ укажутъ на нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ помѣщичьихъ хозяйствъ, доведенныхъ до высокой степени процвѣтанія, то мы съ своей стороны готовы назвать ве мало деревень, въ которыхъ, при общинномъ владѣніи землею, хозяйство крестьянъ находится въ такомъ положеніи, какого только можно желать при настоящихъ экономическихъ условіяхъ земледѣлія. Скажемъ болѣе, — почти вездѣ, гдѣ бремя крѣпостнаго состоянія замѣтно облегчалось, крестьяне, если они только не были совершенно убиты духомъ отъ предшествовавшаго угнетенія, въ скоромъ времени приводили свое хозяйство въ порядокъ и достигали весьма удовлетворительныхъ результатовъ: общинное владѣніе землею невидимому имъ не мѣшало. Почему же невозможно было бы дальнѣйшее развитіе общины въ этомъ направленіи? Если теперь, при мало-мальски благоприятныхъ условіяхъ, хозяйство крестьянъ-общинниковъ не уступаетъ помѣщичьему, то почему съ развитіемъ вообще экономическихъ понятій въ нашемъ народѣ не могли бы привиться къ его хозяйству и дальнѣйшія улучшенія, въ особенности если бы крестьяне увидѣли вокругъ себя ирррегулярныя удачнаго примѣненія этихъ улучшеній? Общинное владѣніе совсѣмъ не требуетъ такихъ частыхъ передѣловъ земли, какъ хотятъ доказать противники его; во всякомъ случаѣ они не могутъ быть довольно часты, чтобы служить препятствіемъ къ тому, чтобы крестьянинъ хорошо унавоживать и тщательно обрабатывать свою

полосу, а тѣмъ болѣе когда, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на землю, обработка ея вообще будетъ несравненно лучше настоящей. Недостатокъ кредита также не составитъ препятствія къ улучшенію хозяйства, потому что, при надлежащемъ развитіи его, круговая порука цѣлаго общества достаточныхъ землевладѣльцевъ будетъ достаточнымъ обезпеченіемъ для довольно значительной ссуды, которая притомъ, по мірскому приговору, можетъ быть обезпечена даже ипотекой на какой-нибудь отдѣльный участокъ земли. Вообще мы полагаемъ, что зло, къ которому пришли западные народы, вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія личной собственности и неизбѣжно слѣдующаго за нею пролетаріата, такъ велико, что для избѣжанія его, — если бы мы и не имѣли столькихъ причинъ, какъ имѣемъ теперь, вѣрить въ будущность нашей сельской общины, — все же слѣдовало бы сдѣлать попытку, и не прежде отчаяться въ успѣхѣ, какъ тогда, когда несостоятельность этого порядка была бы доказана несомнѣннымъ опытомъ.

Что же касается до начавшагося уже, по мнѣнію г. Тернера, перехода отъ общиннаго владѣнія къ личной собственности, котораго признаки авторъ находитъ въ образованіи въ малоземельныхъ селеніяхъ болѣе или менѣе значительнаго числа затыглыхъ, то мы полагаемъ, что этому факту совсѣмъ не слѣдуетъ придавать такого значенія. Затыглые, хотя и не владѣютъ непосредственно землею, но все-таки принадлежатъ въ общинѣ, и по самой принадлежности своей къ семействамъ, которыхъ другіе члены владѣютъ землею, не могутъ считаться пролетаріями, точно такъ, какъ не долженъ быть отнесенъ къ этому разряду неотдѣленный сынъ достаточнаго землевладѣльца. Притомъ, независимо отъ возможности для каждаго затыглаго, при будущемъ передѣлѣ, получить во владѣніе особый участокъ земли. — если, съ распространеніемъ лучшихъ понятій о хозяйствѣ, окажется возможнымъ на томъ же количествѣ земли, посредствомъ увеличенія суммы труда прокормить большее число людей, то затыглые могутъ вступать въ непосредственный составъ общины, какъ полноправные ея члены, а не какъ бездомные батраки. Однѣ уже эти черты различія, по нашему мнѣнію, достаточны, чтобы рѣзко отдѣлить положеніе нашихъ затыглыхъ отъ безотраднаго и безысходнаго положенія западныхъ пролетаріевъ, а слѣдовательно и образовавшуюся въ селеніяхъ, къ которымъ затыглые приписаны, организацію поземельнаго владѣнія — отъ полной личной собственности, обуславливающей существованіе пролетаріата.

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ“. 1858 Г. ДЕКАБРЬ.

Въ декабрьской книжкѣ журнала министерства внутреннихъ дѣлъ помѣщена весьма любопытная статья, составленная чиновниками министерства гг. Колошинымъ, фонъ-Шульцемъ 1-мъ, барономъ Штакельбергомъ, фонъ-Шульцемъ 2-мъ и фонъ Брадке „Объ устройствѣ уѣзднаго управленія и полиціи и о кругѣ дѣйствій мирныхъ судей во Франціи, Англіи и Пруссіи“. Эта статья, вообще весьма добросовѣстно и по лучшимъ источникамъ составленная, между прочимъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія объ организаціи общинъ въ означенныхъ трехъ государствахъ и объ отношеніяхъ ихъ къ должностнымъ лицамъ, завѣдывающимъ мѣстнымъ управленіемъ. Считаемъ неизлишнимъ привести ихъ въ краткомъ извлеченіи.

Во Франціи пространство общинъ определено въ 1789 году, на основаніи прежняго раздѣленія на приходы и муниципалитеты. Число жителей въ общинахъ

весьма неравномерно: въ нѣкоторыхъ менѣе 500, а въ другихъ болѣе 10,000 жителей. Каждая община, въ томъ числѣ и города, за исключеніемъ Парижа и Ліона, управляется мэромъ, назначаемымъ въ главныхъ городахъ и значительныхъ общинахъ императоромъ, а въ прочихъ—префектомъ департамента. Завѣдыванію мэра предоставлена часть исполнительная, а гдѣ нѣтъ особаго полицейскаго комиссара,—и полицейская. Кромѣ того, учрежденъ въ каждой общинѣ муниципальный совѣтъ изъ членовъ, избранныхъ жителями ея на 5 лѣтъ, числомъ отъ 10-ти до 36-ти. Этотъ совѣтъ, въ которомъ мэръ по званію своему занимаетъ предсѣдательское мѣсто, разрѣшаетъ всѣ вопросы, касающіеся до управленія общественными имуществами, составляетъ общинный бюджетъ и повѣряетъ отчеты мэра о ввѣренныхъ ему завѣдыванію суммахъ. Попечителемъ всѣхъ общинъ въ департаментѣ считается префектъ, на разсмотрѣніе котораго восходятъ всѣ дѣла ихъ, даже тѣ, по которымъ муниципальный совѣтъ имѣетъ право давать окончательныя разрѣшенія; въ случаѣ возникновенія жалобъ, которыя префектъ признаетъ справедливыми, онъ имѣетъ право эти разрѣшенія своею властью отмѣнять. Вторую административную инстанцію составляетъ подпрефектъ, съ окружнымъ совѣтомъ изъ 9 членовъ по выбору, къ которому онъ стоитъ, за исключеніемъ права предсѣдательства, почти въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ мэръ къ муниципальному совѣту. Третья инстанція—префектъ, съ совѣтомъ префектуры, состоящимъ изъ совѣтниковъ отъ короны, и главнымъ департаментскимъ совѣтомъ, котораго члены избираются всѣмъ департаментомъ по одному отъ cadaго кантона (кантонъ состоитъ изъ нѣсколькихъ общинъ, около 10-ти). Судебная власть въ нижней инстанціи поручается мирному судѣ, назначаемому правительствомъ изъ числа трехъ кандидатовъ, которыхъ представляетъ президентъ мѣстнаго гражданскаго суда. На каждый кантонъ назначается одинъ мирный судья.

Въ Англіи должности мѣстнаго управленія раздѣляются на исполнительныя и судебно-полицейскія. Къ первому разряду принадлежать должности: 1) шерифа, который назначается королемъ изъ числа трехъ кандидатовъ, представляемыхъ собраніемъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, и считается первымъ лицомъ въ графствѣ, а на этомъ основаніи предсѣдательствуетъ въ народномъ собраніи его; 2) коронера, избираемаго народнымъ собраніемъ графства и имѣющаго главнымъ атрибутомъ власть слѣдственную, и наконецъ 3) вонстеблей, которые раздѣляются на сотскихъ и десятскихъ и избираются общинами; впрочемъ сотскіе констебли (high constables) нерѣдко назначаются собраніями мирныхъ судей; обязанность констеблей заключается въ ближайшемъ надзорѣ за полицейскимъ порядкомъ и въ сборѣ податей. Составляющіе второй разрядъ должностей, мирные судьи назначаются особою королевскою грамотою; каждый земледѣлецъ, имѣющій не менѣе 100 фунтовъ стерлинговъ (625 р. сер.) дохода съ собственной или состоящей въ пользованіи его земли, имѣетъ право изъявить желаніе быть мирнымъ судьей. Комплектъ судей не ограниченъ и потому отказа не бываетъ иначе, какъ по какимъ либо особенно важнымъ причинамъ. Кругъ дѣйствія мирнаго судьи двойной: когда онъ дѣйствуетъ одинъ, то сущность его обязанностей, по объясненію гѣмпекаго юриста Финке, составляетъ общая полиція, вспомошествоваемая судебною властью; настолько, сколько того требуетъ полное и успѣшное выполненіе полицейскихъ обязанностей; впрочемъ эта власть простирается до права заключать праздныхъ и беспорядочныхъ людей (idle and disorderly persons) въ тюрьму на одинъ мѣсяць.

а вегодыевъ и бродягъ (rogues and vagabonds) до слѣдующаго главнаго засѣданія. Конечно въ статутахъ съ точностью опредѣлено, кого именно слѣдуетъ разумѣть подъ этими названіями. Въ главныхъ засѣданіяхъ, имѣющихъ, кромѣ весьма обширной судебной власти, также и административный характеръ, собраніе всѣхъ мирныхъ судей графства разсматриваетъ отчеты разныхъ полицейскихъ чиновниковъ, опредѣляетъ сумму общаго налога на удовлетвореніе потребностей графства и распредѣляетъ его между общинами пропорціонально доходу, получаемому ими съ земли. Община, которая почтетъ распредѣленіе неправильнымъ, представляетъ объ этомъ главному засѣданію, или приноситъ жалобу одному изъ государственныхъ судей, при чемъ она должна представить сто фунтовъ стерлинговъ въ залогъ уплаты судебныхъ издержекъ, на случай, если жалоба будетъ признана неправильною. Главныя засѣданія также завѣдываютъ расходами общаго сбора и имѣютъ надзоръ за всѣми содержимыми на счетъ его общественными заведеніями. Сборы на нужды прихода, въ числѣ которыхъ находится подать на содержаніе бѣдныхъ, и всѣ распоряженія, относящіяся къ управленію приходскимъ общественнымъ имуществомъ, опредѣляются собраніемъ всѣхъ прихожанъ, которое избираетъ для завѣдыванія имуществомъ особыхъ старостъ. Вообще выборы производятся не по еясловіямъ, а по общинамъ, и всякій землевладѣлецъ, лордъ ли онъ, купецъ или крестьянинъ, — одинаково участвуетъ въ народномъ собраніи. Способъ, употребляемый для самаго акта выборовъ, есть такъ называемый roll, открытое наименованіе избираемаго лица или написаніе его имени.

Пруссія въ административномъ отношеніи раздѣляется на провинціи, которыя подраздѣляются на округа и уѣзды. Части уѣздовъ составляютъ общины. Главное лицо въ уѣздномъ управленіи ландратъ, избираемый изъ числа владѣльцевъ дворянскихъ имѣній собраніемъ представителей уѣзда, которое состоитъ изъ всѣхъ помѣщиковъ, нѣсколькихъ городскихъ и трехъ сельскихъ депутатовъ. Завѣдываніе полицейскимъ управленіемъ города или селенія принадлежитъ самимъ обществамъ, которыя избираютъ изъ своей среды бургомистровъ, членовъ магистрата, шульцовъ и шепеновъ; въ важнѣйшихъ городахъ, крѣпостяхъ и въ общинахъ, имѣющихъ болѣе 10,000 жителей, мѣстная полиція можетъ быть поручена, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, чиновнику государственной службы, которому и назначается жалованье отъ правительства, всѣмъ же прочимъ лицамъ оно производится изъ собственныхъ средствъ общины. Власти, завѣдывающія мѣстною полиціею, по совѣщанію съ представителями общины, имѣютъ право народоулавывать полицейскія распоряженія и за неисполненіе ихъ налагать штрафы до трехъ талеровъ, а съ разрѣшенія окружнаго правленія и до 10 талеровъ. Всякое распоряженіе мѣстной полиціи можетъ быть отмѣнено окружнымъ правленіемъ, которое при этомъ обязано только въ предписаніи своемъ объяснить причины, побудившія его къ отмѣнѣ. Жалобы на полицію могутъ быть приносимы тому присутственному мѣсту, которому она непосредственно подчинена; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ которымъ относится нежду прочимъ нарушеніе правъ собственности, дѣйствія полиціи могутъ быть предметомъ гражданскаго иска. Слѣдствія о совершенныхъ въ общинахъ преступленіяхъ и проступкахъ начинаются мѣстною полиціею и затѣмъ передаются особымъ чиновникамъ, называемымъ повѣренными государства (Staatsanwalt), которыхъ обязанность преслѣдовать виновныхъ предъ уѣзднымъ судомъ (Landgericht); для предварительнаго же разсмотрѣнія дѣлъ,

равно какъ и для разрѣшенія маловажныхъ споровъ, назначаются въ Рейнской провинціи мирные судьи отъ короны, а въ восточныхъ провинціяхъ чиновники отъ выбора, съ нѣскольکو меньшимъ кругомъ дѣйствія, называемые посредниками (Schiedsmänner).

Разсмотрѣвъ эти три различныя организациі мѣстнаго управленія, мы находимъ въ каждой изъ нихъ свои особенныя недостатки. Во Франціи, гдѣ даже предсѣдатель общины, мэръ, назначается отъ короны и всякое постановленіе общиннаго совѣта должно быть разсмотрѣно и утверждено префектомъ, община совершенно задавлена административною централизаціей. Въ Англіи, при превосходно развитомъ самоуправленіи въ каждой волости, присвоено слишкомъ сильно преобладаніе классу значительныхъ землевладѣльцевъ, и если бы не либеральный духъ, которымъ проникнуты всѣ учрежденія государства, то это преобладаніе перешло бы въ совершенное самовластіе. То же самое замѣчаемъ и въ сферѣ политической: нѣскольکو десятковъ лѣтъ вліяніе землевладѣльцевъ съ успѣхомъ противилось отмѣнѣ законовъ о пошлинѣ на иностранный хлѣбъ, неоднократно подвергавшихъ бѣдное населеніе государства гнету страшной дороговизны на всѣ сѣбствыя припасы. Въ Пруссіи мы находимъ смѣшеніе обоихъ элементовъ: съ одной стороны ландраты, представители уѣздной власти, избираются собраниемъ всѣхъ владѣльцевъ дворянскихъ имѣній, въ которомъ участвуютъ только три депутата сельскихъ общинъ, съ другой стороны не только общины, но и ландраты совершенно подчинены окружнымъ правленіямъ, состоящимъ изъ коронныхъ чиновниковъ, и даже для завѣдыванія мѣстною полиціею въ значительныя общины назначаются чины отъ короны.— Должно желать, чтобы мы, позже всѣхъ народовъ Европы ставшіе на стезю общественнаго развитія, основаннаго на полноправности всѣхъ гражданъ, избѣжали въ равной мѣрѣ всѣхъ означенныхъ недостатковъ а показали примѣръ административной организациі, вполне обеспечивающей эту полноправность.

„СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО“ № 10-й.

Рекрутская повинность, подати, обезпеченіе народнаго продовольствія и распространеніе грамотности въ крестьянствѣ. Г. Голубцова.

Статья эта касается вопросовъ, которые имѣютъ несомнѣнную важность въ дѣлѣ устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ и теперь особенно выдвигаются впередъ, когда главныя основанія этого дѣла (надѣлъ крестьянъ землею за выкупъ или въ постоянное пользованіе, впредь до выкупа, за опредѣленныя повинности) уже, можно сказать, почти рѣшены общественнымъ мнѣніемъ. Вопросы о преобразованіи рекрутской повинности и порядка взиманія податей г. Голубцовымъ только слегка затронуты; точнѣе онъ разбираетъ недостатки нынѣшней системы обезпеченія народнаго продовольствія, которые заключаются, по мнѣнію г. Голубцова, въ томъ, что въ сельскіе запасные магазины хлѣбъ засыпается по числу только душъ ревизскихъ, не считая женщинъ, и что ежегодныя взносы хлѣба въ магазинъ прекращаются по достиженіи въ магазинъ извѣстной пропорціи хлѣба, а именно по одной четверти ржи и по полчетверти яроваго на каждую душу. Г. Голубцовъ думаетъ, что правильнаго обезпеченія народнаго продовольствія

можно бы достигнуть установленіемъ ностолннаго, ежегоднаго взноса хлѣба въ магазины съ каждой души, или устройствомъ мірской запашки. Съ этимъ трудно вполне согласиться. Если пропорція хлѣба, указанная въ настоящее время, мала (г. Голубцовъ доказываетъ, что ея можетъ быть достаточно, въ случаѣ голода, на прокормленіе крестьянъ лишь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ), то можно доказывать необходимость увеличить ее; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что нужно отнѣнить всякое указаніе нормальнаго количества хлѣба, какое должно накопиться въ магазинахъ для достиженія предположенной цѣли, а собирать хлѣбъ постоянно, сколько бы его ни накопилось и хотя бы количество его и превышало уже дѣйствительную надобность. Намъ случилось, года два тому назадъ, лично убѣдиться въ невыгодныхъ послѣдствіяхъ такого порядка. Въ одной губерніи, по какому-то административному недоразумѣнію, сборъ хлѣба въ магазины продолжается ежегодно, хотя въ магазины давно уже засыпано указанное его количество. Что же выходитъ? Крестьяне, не видя концабору, не понимая, къ чему ведетъ такое накопленіе хлѣба, когда имъ въ ссуду выдаютъ все-таки не болѣе четверти наличнаго хлѣба, а остальной лежитъ такъ, смотря на взносъ хлѣба, какъ на новую повинность, и стараются подъ всѣми возможными предлогами и всѣми законными и незаконными путями избѣжать исполненія ея. Мѣрные магазины, построенные соотвѣтственно законной пропорціи хлѣба, не могутъ вмѣщать лишняго засыпа, который сыпается въ амбарахъ, гдѣ повѣрить количество его невозможно; а какъ по магазиннымъ книгамъ весь хлѣбъ, засыпанный какъ въ магазинѣ, такъ и въ амбарахъ, записывается вмѣстѣ, то повѣрить по книгамъ наличное количество хлѣба тоже невозможно. Въ магазинѣ хлѣба мало: вамъ скажутъ, что сверхъ того въ амбарахъ столько-то (а правда это или нѣтъ—неизвѣстно) и что магазинный хлѣбъ розданъ въ ссуду крестьянамъ... Вообще всякое требованіе, основанное на здравыхъ соображеніяхъ и на справедливости, должно быть опредѣленно и ясно; неопредѣленное требованіе всегда представится произвольнымъ.

По нашему мнѣнію, одно изъ главныхъ неудобствъ нынѣшней системы запасныхъ магазиновъ заключается въ затрудненіяхъ и формальностяхъ, съ которыми сопряжено, для крестьянъ, полученіе въ ссуду хлѣба. Тамъ, гдѣ законъ строго соблюдается, гдѣ въ дѣйствительности, а не на бумагѣ только, магазины наполнены указнымъ количествомъ хлѣба (то есть далеко не вездѣ), тамъ, какъ мы лично имѣли случай убѣдиться, крестьяне считаютъ запасный магазинъ неприкосновеннымъ казеннымъ имуществомъ. Ссуды получаютъ изъ него такъ трудно, что независимо отъ такъ называемаго крестьянами *казеннаго* магазина крестьяне сами устраняютъ свой *общественный* магазинъ, куда засыпаютъ хлѣбъ добровольно, но за то и получаютъ оттуда ссуды безъ всякаго правительственнаго контроля. Это мы видѣли въ нѣсколькихъ оброчныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне были ввѣрены собственному своему управленію и дѣлали это безъ всякаго побужденія со стороны помѣщика. Стало быть, крестьяне легко могутъ понять пользу *общественныхъ* запасныхъ магазиновъ, а не любятъ собственно *казенныхъ*.

На это могутъ сказать, что предоставленіе распоряженія хлѣбными запасами крестьянскимъ обществамъ, безъ правительственнаго надзора, не можетъ обезпечить народнаго продовольствія на случай общаго голода, что крестьяне будутъ заботиться объ удовлетвореніи ежегодныхъ своихъ нуждъ, будутъ брать хлѣбъ

весною и засыпать осенью, но не заботятся о составлении большого запаса на случай совершеннаго неурожая. Это можетъ быть и справедливо; но тогда лучше всего отдѣлать обезпеченіе народнаго продовольствія въ крайнихъ случаяхъ (что должно составлять предметъ заботливости правительства) отъ обезпеченія ежегодныхъ нуждъ крестьянъ, что можетъ быть вполне предоставлено обществамъ, съ указаніемъ инъ только нѣкоторыхъ правилъ, для устройства сельскихъ магазиновъ, но безъ обремененія крестьянъ, при выдачѣ ссудъ, обязанностью испрашивать разрѣшенія у начальства... На случай же голода могутъ быть устроены правительствомъ, въ извѣстныхъ пунктахъ, особые запасные магазины, которые должны находиться подъ постояннымъ надзоромъ начальства и откуда ссуды должны допускаться лишь во время голода. Съ улучшеніемъ путей сообщенія, общественное продовольствіе можетъ быть значительно обезпечено запасными капиталами, съ помощію которыхъ, при мѣстныхъ неурожаяхъ, можно будетъ выписывать хлѣбъ изъ другихъ губерній.

Г. Голубцовъ вполне сознаетъ необходимость распространенія между крестьянами грамотности. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ вмѣнить въ обязанность каждому сельскому обществу дѣлать ежегодно денежный сборъ, опредѣленный заранѣе мѣрскимъ приговоромъ и достаточный на устройство сельской школы. На это, по мнѣнію г. Голубцова, потребуется незначительная сумма. Изба, нужная для сельской школы, легко найдется; бумаги и чернилъ потребуется не много; учителя за 25 руб. въ годъ можно найти въ сельскомъ священникѣ или его причтѣ. Многія жены, сестры и дочери помѣщиковъ, какъ полагаетъ г. Голубцовъ, съ готовностью примутъ современемъ на себя обязанности сельскихъ учительницъ. Курсъ обученія будетъ начинаться осенью, послѣ уборки полей, и кончатся великимъ постомъ, потому что весною и лѣтомъ даже дѣти нужны и полезны въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Отвѣты по устройству быта помѣщиковъ и крестьянъ. Г. Шепелева.

Характеръ и направленіе статьи этой будутъ достаточно ясны, если мы приведемъ изъ нея буквально нѣкоторыя мѣста. Буквально мы считаемъ нужнымъ привести ихъ для того, чтобы насъ не заподозрили (какъ то сдѣлалъ разъ г. Протасьевъ по поводу разбора его статьи) въ преувеличеніи несправедливыхъ въ отношеніи къ крестьянамъ предположеній автора-помѣщика; да и въ самомъ дѣлѣ, выраженіе подобныхъ идей въ настоящее время довольно неправдоподобно: *le vrai quelquefois n'est pas vraisemblable.*

„Теперь наши крестьяне поселены, по большей части, подлѣ помѣщичьихъ усадебъ, что было весьма удобно при крѣпостномъ правѣ; но, поосвобожденіи крестьянъ, близость эта только послужитъ поводомъ къ частымъ неприятымъ столкновеніямъ и тяжбамъ. Помѣщику должно быть предоставлено право указать крестьянамъ мѣста для ихъ новаго поселенія; а никакъ нельзя при этомъ основываться на обоюдномъ соглашеніи помѣщика и крестьянъ. Конечно, крестьяне пожелаютъ остаться на теперешнихъ своихъ мѣстахъ, ибо помѣщики, для поселенія крестьянъ, своихъ крѣпостныхъ, а не свободныхъ, избирали лучшія мѣста въ своихъ дачахъ; но помѣщики не могутъ согласиться уступить эти мѣста свободнымъ крестьянамъ и перейти съ своими, часто многолѣтними, усадьбами въ мѣста, не столь удобныя. Можно положить за правило, чтобы помѣщикъ назначилъ для новаго поселенія крестьянъ два или три мѣста, изъ которыхъ крестьянамъ предоставить право выбора“.

„Перенесеніе крестьянских усадеб вообще должно совершиться на счет самих крестьян, концы помѣщики даруютъ свободу“.

„Собственно осѣдность крестьянскую въ нашихъ мѣстахъ составляютъ не болѣе 200 кв. саж. на душу; но кромѣ того крестьянину нужно имѣть выгонъ и полезно имѣть хотя небольшую полевою завашку. Для всего этого, въ нашихъ мѣстностяхъ, достаточно одной десятины на ревизскую душу, больше чего помѣщики удѣлить и не могутъ. Такое количество земли обезпечить крестьянское продовольствіе и выполнение обязанностей предъ правительствомъ“.

„Половина крестьянъ можетъ уходить для заработковъ въ дальнія мѣстности, а другая половина будетъ наниматься въ батраки у ближайшихъ помѣщиковъ. Такимъ способомъ они приобрѣтутъ для своихъ домовъ до 1,400 р. въ годъ. 40 тягловыхъ работниковъ, въ нашихъ мѣстностяхъ, нанимаясь жать и вязать хлѣбъ, какъ это и теперь дѣлается, выработаютъ болѣе 100 четвертей ржи; ихъ поля и огороды легко обрабатываются затыглыми“.

Короче сказать, — г. Шепелевъ предлагаетъ сдѣлать изъ крестьянъ-земледѣльцевъ не землевладѣльцевъ, а батраковъ. Хорошее улучшеніе быта! И какал польза крестьянамъ въ ихъ усадьбахъ и огородахъ, если цѣлая половина ихъ, для снискиванія себѣ пропитанія, должна, по отзыву самого автора, уходить ежегодно въ дальнія мѣста? Ужъ тогда лучше бы не навязывать имъ и усадебъ; тогда эта половина крестьянъ совсѣмъ переселилась бы въ тѣ дальнія мѣста и приобрѣла бы тамъ осѣдность на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Понятно еще, что можно говорить о надѣленіи одгѣми усадьбами батраковъ тамъ, гдѣ они теперь есть (напр. въ тѣхъ уѣздахъ Витебской губерніи, гдѣ землю пользуются не всѣ крестьяне, а только хозяева, или фермеры, обрабатывающіе свои 20-десятинные участки съ помощью батраковъ); но рѣшиться предлагать образованіе батрачества тамъ, гдѣ его не было, отнятіе у крестьянъ той земли, которою они пользовались и которую они орошали своимиъ потомъ не одно столѣтіе, и присоединеніе земли этой къ господскимъ полямъ, для образованія какихъ-то огромныхъ плантацій — это ужъ что-то слишкомъ странно! А что, если помѣщику вздумается запустить часть этихъ плантацій подъ лѣсъ: куда дѣнутся тогда крестьяне съ своимиъ трудомъ и съ своимиъ дорого выкупленными усадьбами? При фермерномъ хозяйствѣ, батраку перейти отъ одного фермера къ сосѣднему не далеко, да и фермеръ, обязанный платить ренту, не можетъ сократить своего хозяйства. А помѣщику, имѣющему 20,000 десятинъ земли, не трудно отдѣлить изъ нихъ подъ лѣсъ хоть 300 и оставить безъ работы соотвѣтственное число крестьянъ, которымъ придется или бросить усадьбы, или ходить далеко на заработки, разлучаясь безпрестанно съ семьєю. А г. Шепелевъ остается своимъ предположеніемъ совершенно доволенъ и говоритъ еще, что помѣщики приносятъ великую жертву, освобождал личность крестьянъ. Хороша жертва! Всякому извѣстно, что свободный и голодный ирландецъ работаетъ лучше и стоитъ дешевле, чѣмъ негръ, работающій изъ подъ палки.

Странно было намъ увидѣть подобную статью въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“. Впрочемъ издатель помѣстилъ ее съ оговоркою, что онъ вполне не согласенъ съ авторомъ.

Соображенія по улучшенію быта крестьянъ. Г. Еремѣва.

Въ небольшой статьѣ этой авторъ весьма основательно доказываетъ, что въ Кіевской губерніи уменьшеніе существующаго надѣла крестьянъ землю не только

Приводимъ небольшую выписку изъ этого письма, гдѣ весьма мѣтко очерчены тѣ побужденія, подѣ влияніемъ которыхъ составляются помѣщиками предположенія о возможно именьшемъ надѣлѣ крестьянъ землею:

„Въ прежнее время, надѣля крестьянина средствами къ жизни, въ видѣ ли земли или чего иного, мы не принимали строго въ расчетъ ни труда крестьянина, ни его услугъ; собственныя наши соображенія были мѣрломъ въ этихъ случаяхъ; назначалось такому-то столько, такому-то столько; большею частью было общее убѣжденіе, что крестьянину нужно очень мало, и если, вслѣдствіе недостаточнаго обезпеченія, крестьянинъ вынужденъ бывалъ обращаться къ помѣщику съ просьбой о пособіи, то мы смотрѣли на оказываемую ему помощь, не какъ на свою обязанность въ отношеніи къ нему, а какъ на актъ великодушія. Обязанностей своихъ къ крестьянину помѣщикъ не признавалъ почти никакихъ, развѣ какихъ-то общихъ, въ которыхъ не отказывается и всякому постороннему человѣку. Отъ этой-то старой привычки смотрѣть на крестьянина, какъ на обязываемаго нами, а не какъ на нѣющаго права, мы и теперь не можемъ вполне освободиться. При рѣшеніи многихъ вопросовъ объ улучшеніи быта крестьянъ, мы все еще отчасти дѣйствуемъ подѣ влияніемъ прежнихъ взглядовъ и убѣжденій. Напримѣръ, при опредѣленіи количества земли, которымъ крестьяне должны быть надѣлены, мы прежде всего рассчитываемъ, довольно ли ея останется у насъ. Съ этимъ бы еще можно согласиться; естественно, что собственный интересъ ближе всего; но бѣда въ томъ, что насъ трудно удовлетворить; намъ все кажется, что сколько ни удѣляй себѣ, для крестьянъ останется слишкомъ много; не легко успокоить насъ въ этомъ опасеніи: правда, до сего времени мы предоставляли крестьянамъ гораздо болѣе земли, тѣмъ сколько теперь мы хотимъ имъ дать, но тогда крестьяне были наши, говоримъ мы, а теперь не то. Основываясь на какомъ-то внутреннемъ чувствѣ, котораго я не умѣю назвать, большинство склоняется въ пользу самаго ограниченнаго надѣла. Такому соглашенію много помогаетъ недостатокъ сознанія, — каковы тѣ нужды крестьянина, которые должны быть обезпечены землею. Многие даже хорошо расположенные къ вопросу люди опасаются, что крестьяне при достаточномъ количествѣ земли, удовлетворись ею, не будутъ имѣть побужденія къ заработкамъ, отчего мы лишимся рабочихъ; такъ, всѣ соглашаются въ томъ, что обязательной работы будетъ недостаточно. Посреди такого-то довольно распространеннаго расположенія къ надѣлу, по моему мнѣнію, недостаточному, я написалъ прилагаемую статью“.

Въ началѣ своей статьи, г. Тропина доказываетъ, что улучшенія быта крестьянъ должно стараться достигнуть: во 1-хъ, надѣленіемъ крестьянъ землею въ количествѣ, достаточно ихъ обезпечивающемъ; во 2-хъ, установленіемъ правильной соразмѣрности между трудомъ крестьянъ и предоставляемымъ имъ за него вознагражденіемъ, и въ 3-хъ, предоставленіемъ имъ болѣе свободнаго времени для собственныхъ работъ.

Послѣ всего этого можно было ожидать отъ автора безобидныхъ для крестьянъ предположеній о размѣрѣ поземельнаго надѣла. Между тѣмъ, — вывода подробными вычисленіями, что $1\frac{3}{4}$ десятины на душу едва ли будетъ достаточно для полнаго прокормленія крестьянина и обезпеченія его обязанностей передъ правительствомъ, и что такой размѣръ надѣла можетъ быть принятъ лишь за *minimum*, — авторъ приходитъ къ заключенію, что надѣлъ въ 2 десят. на душу можетъ быть принятъ за норму и будетъ совершенно достаточенъ. Но неужели такая слабая прибавка къ наименьшему, *едва ли достаточному*, надѣлу можетъ привести въ общей, вездѣ достаточной нормѣ надѣла? Для опредѣленія размѣра надѣла мало общихъ теоретическихъ вычисленій, надо принять въ расчетъ и существующій надѣлъ. Если оставить при прежнемъ надѣлѣ крестьянъ, у которыхъ было по 5 десятинъ на тягло, то они конечно будутъ въ относительно

лучшемъ положеніи, нежели тѣ, у которыхъ прежде было 10 десятинъ и у которыхъ отвили бы половину. Большой размѣръ надѣла рѣдко происходитъ безъ основанія, по одному произволу помѣщика. Въ многоземельныхъ имѣніяхъ земля вообще хуже; притомъ, такъ какъ ее слишкомъ много, то на всю не хватаетъ навоза. Скоро ли многоземельные крестьяне, у которыхъ бы отняли часть ихъ земли, успѣли бы довести свои поля до той степени плодородія, до какой по необходимости доведены поля у малоземельныхъ крестьянъ; а покуда — чѣмъ стали бы питаться лишеныя части своихъ угодій крестьяне? Уменьшать существующій надѣлъ можно только въ крайнихъ случаяхъ, т. е. тогда, когда въ пользованіи крестьянъ числится болѣе земли, нежели они дѣйствительно могли обработать. Это правило принято было правительствомъ при составленіи инвентарныхъ правилъ; на примѣръ, въ инвентарныхъ правилахъ, введенныхъ въ Витебской губерніи (въ пунктѣ 5 отдѣла I) сказано, что если крестьяне имѣли, при введеніи правилъ, земли менѣе $4\frac{3}{4}$ десят. на тягло, то имъ долженъ быть дополненъ надѣлъ до этого количества (вотъ справедливое значеніе наименьшаго надѣла, который, по выводамъ г. Троцины, можно опредѣлить для Полтавской губерніи въ 2 десят. на душу); если же крестьяне имѣли отъ $4\frac{3}{4}$ до 9 десятинъ на тягло, то надѣлъ остается прежній; излишнее же количество земли, противъ 9 десятинъ на тягло, помѣщикъ можетъ или отдѣлить себѣ, или оставить въ пользованіи крестьянъ по добровольному съ ними условію,

Если бы примѣнить подобныя правила къ Полтавской губерніи и принять за наименьшій надѣлъ по 2 десят. на душу, то высшимъ нормальнымъ надѣломъ слѣдовало бы назначить по крайней мѣрѣ $4\frac{1}{2}$ десят. на душу, т. е. норму, принятую въ извѣстныхъ случаяхъ существующими законами.

О цѣнности крестьянскихъ усадебъ, г. Раковича

Въ этой небольшой статьѣ авторъ доказываетъ, что крестьянскія усадьбы *de facto* и по обычаю всегда почитались собственностью крестьянина, что онѣ помѣщику прежде никакого дохода не приносили и въ цѣну не ставились, а что если „уже непременно надобно положить цѣну приобрѣтенію этой мнимой собственности“, — то нельзя цѣнить десятину усадебной земли дороже, чѣмъ вдвое противъ полевой.

Упраздненіе крестьянскаго права и устройство отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Пруссіи. Ю. О. Самарина. Статья IV.

Первыя три статьи замѣчательнаго сочиненія г. Самарина о крѣпостномъ правѣ и поземельныхъ отношеніяхъ въ Пруссіи помѣщены были въ 1, 2 и 4 №№ „Сельскаго Благоустройства“ за 1858 годъ. Мы довольно пространно говорили уже, въ прошлогодней іюльской книжкѣ „Современника“, объ этихъ статьяхъ, гдѣ такъ живо и вѣрно представлены были мѣры, принятія Штейномъ къ установленію между помѣщиками и крестьянами правильныхъ и справедливыхъ отношеній.

Въ настоящей, не менѣе занимательной и поучительной статьѣ, г. Самаринъ говорить о мѣрахъ, принятыхъ въ Пруссіи, по крестьянскому дѣлу, въ позднѣйшее время.

Любопытно прослѣдить, какъ законодательство о поземельныхъ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ въ Пруссіи, безпрестанно дополняемое и измѣняемое послѣ 1814 года, подъ вліяніемъ измѣнившагося политическаго направленія и болѣе успѣшной оппозиціи дворянъ, постепенно усложнялось и запутывалось, и вмѣсто того, чтобы привести, посредствомъ правильнаго выкупа крестьянскихъ повинностей, къ удовлетворительному для обѣихъ сторонъ разрѣшенію вопроса, къ устраненію, для общей пользы, всѣхъ обвѣтшальныхъ остатковъ феодальныхъ преимуществъ, стѣснявшихъ и раздражавшихъ крестьянъ, не принося помѣщикамъ соотвѣтственной выгоды, — послужило однимъ изъ главныхъ поводовъ въ смутахъ 1848 года. Вслѣдствіе этихъ смуть, 20-го апрѣля 1848 г. обнародованъ манифестъ къ поселянамъ, которымъ правительство принимало на себя обязательство, въ самомъ непродолжительномъ времени, пересмотрѣть законы объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, съ цѣлью ускорить и удешевить упраздненіе повинностей. Опасность была такъ очевидна, что тѣ самые помѣщики, которые прежде всѣхъ успѣшнѣе противодѣйствовали мѣрамъ правительства, теперь сами просили порѣшить вопросъ о повинностяхъ и удовлетворить крестьянъ.

Въ государственной конституціи, обнародованной въ 1850 году, объявлено крестьянамъ право неограниченнаго распоряженія недвижимою собственностью и выкупа повинностей, безвозмездное управленіе вотчинной юрисдикціи и полицейской расправы, а также и сохраненныхъ нѣкоторыми владѣльцами вотчинныхъ правъ, основанныхъ на феодальной подчиненности имъ сельскихъ обывателей. 2-го марта 1850 года утверждено, замѣнявшее собою всѣ прежнія постановленія, новое положеніе: вмѣстѣ съ тѣмъ указана финансовая операція, для окончательнаго освобожденія крестьянъ отъ личной зависимости и предоставленія имъ полной поземельной собственности, посредствомъ выкупа поземельныхъ повинностей, лежавшихъ на владѣмыхъ ими участкахъ. Съ этою цѣлью учреждены въ каждой провинціи, за исключеніемъ лѣваго берега Рейна, *рентные банки*.

„СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО“ № 12.

Мысли о крестьянскомъ дѣлѣ, г. Ладженскаго.

Въ статьѣ этой авторъ излагаетъ весьма дѣльные мысли и соображенія о томъ, что для обезпеченія благосостоянія крестьянъ необходимо:

1) По возможности сократить переходное время, для скорѣйшаго освобожденія труда и личности крестьянина отъ зависимости помѣщика и дозволенія крестьянамъ свободно выбирать мѣста и занятія для своего труда, не стѣсня ихъ, при переходахъ, излишними формальностями.

2) Соразмѣрить повинности крестьянъ съ предоставленными имъ въ пользованіе угодьями; при чемъ уравнивать барщинныя работы съ оброкомъ, а не оброкъ съ работами, потому что трехъ-дневная барщина и сгоны, произвольно прежде налагаемые, не могутъ служить мѣриломъ для оброка, иначе настоящій оброкъ долженъ вдвое увеличиться, а это не покажется улучшеніемъ для крестьянъ.

3) Надѣлить крестьянамъ всей земли не менѣе $4\frac{1}{2}$ десятинъ на душу, предоставивъ имъ, по собственному усмотрѣнію, принять эту землю въ общинное пользованіе или раздѣлить ее по участкамъ въ личное пользованіе отдѣльныхъ семействъ.

- 4) Обезпечить крестьянъ противъ притѣсненія и несправедливостей властей, назначенныхъ для ихъ управления.
- 5) Принять мѣры для распространенія между крестьянами грамотности.

Баронъ Шульцъ фонъ Амераденъ и докторъ Меркель, г. Самарина.

Начало этой статьи, гдѣ описана замѣчательная и заслуживающая полного уваженія дѣятельность барона Шульца по вопросу объ освобожденіи крестьянъ въ Лифляндіи, помѣщено въ 5 № „Сельскаго Благоустройства“. Мы уже говорили о статьѣ этой въ библіографіи, помѣщенной въ 10 № „Современника“ за прошлый годъ. Во второй части своей статьи, г. Самаринъ говорилъ о докторѣ Меркель, который своими сочиненіями много содѣйствовалъ развитію въ Лифляндіи мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Будучи сыномъ сельскаго пастора, Меркель съ дѣтства насмотрѣлся на возмутительные примѣры злоупотребленій помѣщичьей власти. Накипѣвшее въ немъ справедливое негодованіе отразилось въ его сочиненіяхъ. Сперва онъ выражалъ свое сочувствіе крестьянамъ стихотвореніями. Но вскорѣ онъ почувствовалъ необходимость серьезно заняться вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ; изучивъ на мѣстѣ бытъ несчастныхъ латышей, онъ отправился въ Германію и тамъ напечаталъ замѣчательное сочиненіе, въ которомъ ярко выставилъ вредное вліяніе и жалкія послѣдствія крѣпостной зависимости, и въ то же время разобралъ постановленіе лифляндскаго ландтага 1765 года, указавшаго только полумѣры, которыя не въ состояніи были обезпечить благосостояніе крестьянъ. Сочиненіе это произвело глубокое впечатлѣніе въ Германіи, подѣйствовало на многихъ находившихся тамъ молодыхъ лифляндцевъ и подготовило будущихъ дѣятелей для предстоящей реформы. Въ самой же Лифляндіи оно, разумѣется, было принято дворянствомъ очень неблагоклонно. Но сѣмена здравыхъ идей были все-таки посеяны и принесли, со временемъ, свой плодъ. Этимъ и послѣдующими сочиненіями докторъ Меркель возбудилъ въ литературѣ живое участіе къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права; въ этомъ отношеніи докторъ Меркель своими литературными трудами не менѣ содѣйствовалъ освобожденію крестьянъ, чѣмъ баронъ Шульцъ, который дѣйствовалъ своими рѣчами на дворянскихъ ландтагахъ и собственнымъ примѣромъ.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ XI.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РѢШЕНІЯ КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА.

Очеркъ исторіи крестьянскаго вопроса въ прошедшемъ году.—Национальное чувство, явившееся основаніемъ для рѣшенія этого дѣла.—Пересмотръ главныхъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу.

Почти всегда въ исторіи бывало, что дѣло при своемъ осуществленіи обнаруживало такіи стороны, которыхъ не замѣчалось въ немъ прежде, когда только начинали браться за его осуществленіе. Иногда возникаютъ затрудненія, которыхъ не предусматривали; иногда открывается, что вопросъ въ дѣйствительности гораздо шире, нежели какъ представлялся въ теоріи; иногда оказывается, что люди, которыхъ онъ касается, думаютъ о своихъ правахъ и потребностяхъ не совсѣмъ такъ, какъ предполагалось теоріею. Результатомъ, во всякомъ случаѣ, бываетъ то, что дѣло исполняется не совершенно по тому плану, по какому предполагалось исполнить его.

Когда у насъ думали, какъ приступить къ освобожденію крестьянъ, большинству разсуждавшихъ представлялось, что главная сторона дѣла состоитъ именно въ освобожденіи личности. Правда, многіе и тогда уже предвидѣли, что очень большую важность имѣетъ также вопросъ о землѣ. По почти никто не предугадывалъ, какой рѣшительный оборотъ всему дѣлу даетъ на практикѣ связь личности съ землею.

До послѣдней минуты предполагалось, что помѣщики наши въ своей массѣ представляютъ сословіе, мало развитое, мало способное къ обсужденію государственныхъ вопросовъ. Когда созывались губернскіе комитеты, почти всѣ мы, и въ томъ числѣ сами помѣщики, полагали, что совѣщанія комитетовъ будутъ имѣть ребяческій характеръ.

Появились Высочайшіе рескрипты. Давно уже носился въ массахъ глухой говоръ о приближеніи такого рѣшенія. Тревожное ожиданіе было возбуждено до чрезвычайной степени. Наконецъ, дѣло началось. Оно заняло націю въ такой степени, что все остальное перестало обращать на себя вниманіе. Какъ же держать себя мужики, волненія между которыми опасались? Они держатъ себя такъ спокойно, какъ никогда еще не держали. Вотъ уже два года ждутъ они такъ терпѣливо, такъ благоразумно, что дай Богъ самымъ образованнымъ людямъ съ

самыми мягкими правами выказать столько разсудительности и терпѣливости. Число безпокойствъ и преступленій, возникающихъ изъ крѣпостнаго права, въ послѣдніе два года было несравненно меньше, нежели въ предшествовавшіе годы.

Собрались губернскіе комитеты, въ которыхъ всѣ ожидали увидѣть неспособность, невѣжество, безтолковость. Но безтолковости нигдѣ нѣтъ и слѣда; совѣщанія ведутся правильно, основательно. Въ провинціальныхъ заходустяхъ нашлось множество людей чрезвычайно образованныхъ, привыкшихъ думать, хорошо приготовленныхъ къ обсужденію задачъ, имъ предложенныхъ. Въ каждомъ комитетѣ явилось нѣсколько чловѣкъ чрезвычайно замѣчательныхъ по уму и таланту.

Благодаря губернскимъ комитетамъ, крестьянское дѣло получило направленіе гораздо лучшее, нежели какого можно было ожидать прежде, чѣмъ обнаружилось ихъ вліяніе.

Вопросъ о личности былъ отдѣленъ отъ вопроса о землѣ. Землю должна была замѣнить усадьба. Даже и это опредѣленіе возбудило сильный ропотъ, такъ что подвергалось ослабленію. Начались софистическія истолкованія, по которымъ было открыто, что усадьба — только строеніе безъ земли, къ нему принадлежащей. Ободренные этимъ успѣхомъ, софисты пошли далѣе и начали перетолковывать правила о выкупѣ усадебъ даже въ этомъ урѣзанномъ видѣ. Было открыто, что подъ выкупомъ понимается не необходимость выкупа, а только разрѣшеніе согласиться на него. Для этого согласія были придуманы условія, при которыхъ согласіе оказывалось невозможнымъ въ большей части случаевъ. Отдѣленная отъ земли личность отдѣлялась даже и отъ усадьбы. Все это говорилось подъ предлогомъ выгоды помѣщиковъ.

Когда нашлись граждане, забывшіе о личномъ спокойствіи для охраненія государственнаго спокойствія, когда они сказали, что дѣло получаетъ неправильное истолкованіе, они подвергались преслѣдованію, будто противники намѣреній правительства. Просвѣщенными людьми овладѣло уныніе.

Но вотъ собрались комитеты. Они составились изъ людей, жившихъ по деревнямъ, знавшихъ русскій народъ не по наслышкѣ, знавшихъ національныя чувства. Они нашли, что отдѣлить личность отъ земли — дѣло невозможное; они показали своимъ свидѣтельствомъ, что производить такое раздѣленіе подъ предлогомъ сохраненія выгоды помѣщиковъ значитъ жестоко обманываться. Они поняли и доказали, что подобная попытка была бы гибельна для помѣщиковъ. Они, выборные отъ сословія помѣщиковъ, объявили, что помѣщики не хотятъ отдѣленія личности отъ земли и не могутъ хотѣть этого, потому что, иначе, вреда народу, они сами подвергались бы опасности.

Такимъ образомъ, вліяніе губернскихъ комитетовъ на ходъ крестьянскаго вопроса оказалось очень полезнымъ. Но, отдавъ имъ должную справедливость, нельзя намъ скрывать отъ себя и того, что комитеты не сдѣлали и не могли сдѣлать всего, что нужно для успѣшнаго рѣшенія этой задачи. Одною изъ причинъ такой недостаточности надобно считать обстоятельства, при которыхъ были созваны комитеты. Вопросъ тогда представлялся еще очень смутно и, по своимъ программамъ, губернскіе комитеты не могли разематривать нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сторонъ его въ той широтѣ, какал должна принадлежать имъ. Еще важнѣе

было влияние самого состава комитетовъ: они были представителями исключительно только одной стороны, интересовъ которыхъ касается крестьянской вопросъ. Было бы напрасно доказывать, что для удовлетворительнаго рѣшенія надобно ближе узнать мысли и интересы другой стороны, именно самихъ поселянъ. Польза, принесенная дѣлу приглашеніемъ помѣщиковъ къ участию въ веденіи вопроса, должна служить доказательствомъ того, что было бы очень полезно выслушать и мнѣнія поселянъ, которыхъ предполагается освободить отъ крѣпостной зависимости. Въ статьяхъ, рядъ которыхъ мы теперь начинаемъ, мы хотимъ самымъ умѣреннымъ и спокойнымъ образомъ обозначить, какое рѣшеніе вопроса могло бы, хотя до нѣкоторой степени, соотвѣтствовать идеямъ, съ незапамятныхъ временъ существующимъ въ поселянахъ.

Отлагая до слѣдующаго раза вопросы объ административномъ устройствѣ и о государственныхъ повинностяхъ, мы теперь будемъ говорить только о той части экономической стороны дѣла, которая касается отношеній освобождаемыхъ крестьянъ къ частнымъ владѣльцамъ. Въ этой части дѣла важнѣйшими задачами должны считаться слѣдующія:

1) Неразрывная связь усадьбы съ землею и съ личностью, слава Богу, уже рѣшена. Но очень многіе говорятъ, что, при раздѣленіи крестьянской земли отъ господской, нынѣшнее положеніе крестьянскихъ усадебъ въ большей части случаевъ окажется неудобнымъ для помѣщиковъ. Что-жь тутъ дѣлать? Очень многіе говорятъ: надобно перенести крестьянскія усадьбы на новыя мѣста.

2) Неотъемлемая принадлежность земли къ личности, слава Богу, рѣшена. Но каковъ долженъ быть надѣлъ, это еще не рѣшено.

3) Что помѣщики должны получить вознагражденіе, этого никто изъ образованныхъ людей не отвергаетъ. Но на какомъ основаніи долженъ производиться расчетъ вознагражденія?

4) Долженъ ли выкупъ земли быть совершенъ немедленно и быть объявленъ обязательнымъ или можетъ быть отложенъ до будущаго времени и предоставленъ добровольному соглашенію?

5) Какимъ способомъ можетъ быть производима уплата вознагражденія — исключительно деньгами или также и обязательнымъ трудомъ?

1) Можно ли поставить принудительнымъ правиломъ перенесеніе усадебъ.

Извѣстна чрезвычайная привязанность крестьянъ къ мѣстамъ своихъ жилищъ. Сами помѣщики знаютъ, что принуждать крестьянъ къ переселенію значило бы идти противъ ихъ чувствъ. По закону, принужденное переселеніе составляетъ одинъ изъ видовъ наказанія за уголовныя преступленія: возможно ли подвергать такой судьбѣ миллионы людей по произволу? Переселеніе само по себѣ, хотя бы и добровольное, соединено съ разрушеніемъ всего хозяйственнаго обзаведенія переселяющихся. Нѣтъ такихъ пособій, которыя были бы достаточны для покрытія убытковъ переселенія, когда оно должно совершаться огромными массами. Ни у помѣщиковъ, ни у правительства не достанетъ средствъ на вознагражденіе крестьянъ за потерю времени и имущества при переселеніи. Притомъ, для многихъ эгоистовъ принужденное переселеніе послужило бы поводомъ къ приобрѣтенію при-

тѣснительныхъ выгодъ. Переселяющимся крестьянамъ были бы отведены поселенія въ мѣстахъ неудобныхъ, на участкахъ самыхъ дурныхъ; вмѣсто удобренной земли, занимаемой усадьбами, крестьяне получили бы песокъ, солончакъ, болота. Мы уже слышали предположенія о постройкѣ деревень на такихъ мѣстахъ, гдѣ даже нѣтъ текучей воды. Два переселенія равняются пожару, по народной поговоркѣ. Принужденное переселеніе было бы раззорешемъ для крестьянъ, было бы нарушеніемъ гражданскаго права, возмутило бы самыя завѣтныя привязанности человѣка: привязанность къ родовому жилищу и въ мѣсту, гдѣ скоронены отцы.

Каковы были бы слѣдствія такого факта? Раззореніе крестьянъ отняло бы у нихъ возможность исправно выплачивать выкупъ. Нанеся громадныя убытки крестьянамъ, истративъ огромныя суммы на вспоможенія имъ (впрочемъ, далеко недостаточныя для покрытія ихъ убытковъ), помѣщики сами отняли бы у себя возможность получить вознагражденіе. Пробудивъ противъ себя вражду въ окружающей ихъ массѣ, помѣщики надолго подорвали бы возможность мирныхъ отношеній своихъ къ поселянамъ. Надобно ли говорить о степени пріятности и безопасности, и даже выгоды житейскихъ дѣлъ человѣка, который одинъ остался бы среди сотенъ и тысячъ недовольныхъ имъ людей?

Принужденное перенесеніе усадебъ было бы очень плохимъ разчетомъ со стороны помѣщиковъ.

Говорятъ о неудобствахъ чрезполосности, о неудобствахъ имѣть свой домъ среди чужихъ участковъ. Но если терпѣли чрезполосицу въ теченіе сотенъ лѣтъ, можно потерпѣть ее два-три года. пока она, сама собою, вслѣдствіе частныхъ добровольныхъ соглашеній, уничтожится тамъ, гдѣ будетъ представлять дѣйствительное неудобство.

Говорятъ: „до сихъ поръ можно было терпѣть чрезполосицу потому, что помѣщикъ имѣлъ власть надъ крестьянами и ихъ недоброжелательство обуздывалось страхомъ; а когда власть превратится и недоброжелательство останется, неудобства чрезполосицы будутъ невыносимы“. Но отъ образа дѣйствій самихъ помѣщиковъ будетъ зависѣть, останется ли недоброжелательство къ нимъ у поселянъ, или оно увеличится, или, напротивъ, исчезнетъ, замѣнившись признательностью и преданностью. Привязанность людей бѣдныхъ и угнетенныхъ пріобрѣтается легко. Будьте только справедливы къ нимъ, хотя даже не совсѣмъ справедливы, а лишь нѣсколько справедливы, и они стануть обожать васъ. Не дѣлайте имъ напрасныхъ убытковъ и обремененій безъ всякой выгоды для самихъ васъ, и ихъ любовь станетъ ограждать васъ отъ всякихъ непріятностей; вы будете не только спокойны, но и сильны, какъ никогда еще не были. Обуздывать страхомъ—неудачное средство. И не думайте, чтобы опасности, среди которыхъ жили помѣщики, зависѣли только отъ безпорядковъ нашего административнаго и полицейскаго устройства; когда масса не расположена къ извѣстному человѣку, никакая полиція не оградитъ его отъ множества непріятностей. Примѣромъ того пусть послужитъ Ирландія. На Британскихъ островахъ полиція и судъ лучше, нежели гдѣ нибудь; но безопасны ли ирландскіе землевладѣльцы?

И не только безопасность, но и денежныя выгоды основаны на доброжелательствѣ массы. Превосходныя ирландскія земли не даютъ и третьей части дохода, не стоятъ и третьей части тѣхъ денегъ, какъ англійскія земли далеко худшаго качества. Главная причина тутъ опять нерасположеніе массы населенія къ земле-

владѣльцамъ. Пусть не ищетъ расположенія поселянъ, пусть пробуждаетъ въ нихъ вражду въ себѣ тотъ, кто ничего не понимаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Разсудительный сельскій хозяинъ знаетъ, что любовь поселянъ—лучшее ручательство за успѣхи его хозяйства.

Но какъ же избѣжать невыгодъ черезполосицы, если не переносить усадебъ поселяннать? О, Боже мой! пусть только освобожденіе произойдетъ на основаніяхъ льготныхъ для поселянъ, и вы увидите, что они будутъ вѣрвѣйшими хранителями вашихъ интересовъ, и сосѣдство ихъ усадебъ, котораго вы такъ боитесь, послужитъ для васъ источникомъ чрезвычайныхъ удобствъ и выгодъ. Отъ сохраненія усадебъ на нынѣшнихъ мѣстахъ почти нигдѣ не произойдетъ никакихъ неудобствъ, если отношенія будутъ хороши; а если отношенія будутъ дурны, ваше хозяйство все-таки будетъ терпѣть множество невыгодъ, хотя бы на двадцать верстъ отъ вашего дома не было ни одного крестьянскаго жилища. Неудобство черезполосицы окажется только въ очень немногихъ селеніяхъ, гдѣ нынѣшняя прирѣзка земли къ крестьянскимъ усадьбамъ произведена была помѣщиками безъ знанія мѣстныхъ удобствъ. Эти немногія исключенія не стоятъ того, чтобы ставить изъ-за нихъ общее правило для государства. Да и для нихъ не будетъ нужно никакихъ принудительныхъ мѣръ: если нынѣшнее расположеніе усадебъ представитъ гдѣ-нибудь дѣйствительныя неудобства, черезъ годъ, черезъ два эти неудобства отстранятся сами собой, посредствомъ добровольныхъ сдѣлокъ, до которыхъ никому не будетъ дѣла, кроиѣ жителей самаго села.

Если крестьянское дѣло кончится хорошо, всѣ толки о неудобствахъ нынѣшняго расположенія усадебъ окажутся пустыми, вздорными опасеніями и сосѣдство деревни съ господскимъ доиомъ будетъ выгодно помѣщику. Но было бы великимъ бѣдствіемъ, если бы крестьянское дѣло не кончилось хорошо, то есть если бы оно кончилось поселеніемъ неудовольствія въ поселянахъ. А неудовольствіе въ поселянахъ было бы непремѣннымъ слѣдствіемъ раззорительныхъ условій освобожденія. Принужденное перенесеніе крестьянскихъ усадебъ было бы страшнымъ неточничкомъ раззоренія. Разсчитливый человѣкъ долженъ отвергнуть всякую мысль о принужденіи въ этомъ случаѣ: опасенія, приводящія къ этой мысли, пусты; но ея исполненіе вело бы къ послѣдствіямъ очень дурнымъ. Изъ нихъ мы указали только одно: разстройство крестьянскихъ хозяйствъ отняло бы у крестьянъ возможность исправно выплачивать выкупъ. Нѣтъ нужды подробно говорить о другихъ, еще гораздо худшихъ.

2) *Опредѣленіе надѣла землею.*

Мы слышимъ много разныхъ предложеній о томъ, сколько дать земли крестьянамъ. Многіе говорятъ, что каждой мѣстности надобно дать на душу, или на тягло, извѣстную пропорцію земли, которая почти всѣми такими проектами опредѣляется въ объемѣ гораздо меньшемъ нынѣшняго надѣла. Полагаютъ, напри- мѣръ, дать, считая вмѣстѣ съ усадьбою, всего 1 или 1½ десятины на душу, или 3—4 десятины на тягло. Зачѣмъ же такое уменьшеніе размѣра до величины, явно недостаточной къ пропитанію крестьянъ? У нѣкоторыхъ есть желаніе присвоить себѣ часть крестьянской земли. Но число такихъ своекорыстныхъ людей, надобно сказать къ чести помѣщиковъ, очень невелико. Обыкновенно предпола-

гаютъ уменьшить крестьянскій надѣлъ для того, чтобы у крестьянина была необходимость наниматься для обработки господскихъ полей. „Нашъ крестьянинъ лѣнивъ и безпеченъ. Если вы ему дадите столько земли, чтобы она кормила его и давала уплату податей, онъ, обработавъ ее, все остальное время пролежитъ на боку и ни за кашія деньги не пойдетъ на работу. Мы не найдемъ работниковъ для своихъ полей, которыя запустѣютъ. Потому-то и нельзя оставить крестьянамъ столько земли, сколько теперь есть у нихъ“.

Не обманываютъ ли насъ глаза и уши? Дѣйствительно ли мы читали и слышали подобныя мысли? О конѣ это говорится, что онъ лѣнивъ? О какомънибудь итальянцѣ или арабѣ? Нѣтъ,* о русскомъ мужикѣ. Почему же бы не говорить также, что у русскаго мужика бѣлыя руки съ изящно обточенными ногтями, что онъ любитъ играть въ преферансъ, что онъ обыкновенно обѣдаетъ на фарфоровомъ сервизѣ? Почему бы также не говорить, что онъ исповѣдуетъ магометанскую вѣру или читаетъ книги на англійскомъ языкѣ? Вѣдь это было бы менѣе нелѣпо, нежели говорить о его лѣности. Нѣтъ въ Европѣ народа болѣе усерднаго къ работѣ, потому что нѣтъ народа, который жилъ бы въ климатѣ болѣе суровомъ, требующемъ больше труда для огражденія существованія. Развѣ только въ сѣверныхъ частяхъ Швеціи зима такъ сурова, какъ у насъ, даже далеко на югъ отъ Москвы. Если бы русскій мужикъ работалъ не усерднѣе француза или нѣмца, вся Россія замерзла бы, умерла бы съ голода. Кому изъ европейскихъ поселянъ нужно денегъ больше, нежели русскому мужику? Кому изъ европейскихъ поселянъ нуженъ тулупъ? Наша суровая природа не потворствуетъ лѣни.

Наши учрежденія таковы, что вольному мужику нужно работать безъ отдыха круглый годъ, чтобы хоть какъ-нибудь свести концы съ концами. У кого на рукахъ болѣе многочисленная семья? У какого народа изъ каждыхъ двухъ братьевъ одинъ кормитъ двѣ семьи, потому что другой взятъ рекрутчиной? Грѣхъ намъ и стыдно говорить о недостаткѣ охоты къ работѣ у русскаго мужика. Мы, просвѣщенные люди, точно, руководимся пословицей: „дѣло не волею—въ лѣсъ не убѣжитъ“; мы, точно, просиживаемъ изо дня въ день, чуть не съ обѣда, чуть не до утра, за картами. Правда, гдѣ же и понять такимъ людямъ, какъ мы, русскаго мужика? Мы напрасно сказали, что грѣхъ и стыдно намъ считать его лѣнливымъ: въ нелѣпой сказкѣ объ его лѣни выразилось только то, что мы понимаемъ качества другихъ классовъ сообразно нашей собственной натурѣ. Другаго объясненія нѣтъ нашей клеветѣ.

Но если наши привычки лѣнны и испорчены, то должна же оставаться въ насъ, по крайней мѣрѣ, хоть капля здраваго смысла. И должны же мы, хоть по себѣ судя, знать, что отъ денегъ никто не отказывается. Что за нелѣпость воображать, будто не будетъ работниковъ сколько угодно на всякое честное дѣло, за которое предлагаютъ деньги? Гоголевская Коробочка, вѣроятно, предположила бы, что если ея Фетинья отойдетъ на волю, то не найдется для нея наемной прислужницы. Какъ бы умны и образованы ни казались люди, опасующіеся, что мужикъ не пойдетъ работать, если ему земли дать сколько слѣдуетъ, эти люди не лучше Коробочки.

Нынѣшній надѣлъ крестьянъ таковъ, что они кончаютъ обработку своихъ полей не больше, какъ въ три дня, а часто и меньше, потому что во многихъ помѣстьяхъ не оставляютъ имъ и трехъ законныхъ дней. Что же они станутъ

дѣлать въ остальные три дня? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, лежать на печи! Благоноте! вѣдь вы не дѣти и говорите не съ дѣтьми.

Уменьшать нынѣшній крестьянскій надѣлъ для того, чтобы не остаться помещику безъ работниковъ, нѣтъ никакой надобности. Ни въ одномъ изъ тѣхъ селеній, гдѣ нынѣ есть господская запашка, не останется она безъ работниковъ. Хотятъ не только оставить нынѣшній надѣлъ, но и увеличить его. „Быль бы хлѣбъ, зубы будутъ“. Была бы надобность въ работникахъ, найдется ихъ вдоволь. Найдется ихъ гораздо больше, нежели нужно. Кромѣ надобности въ работникахъ, другихъ причинъ для уменьшенія крестьянскаго надѣла никто не отваживается выставить. Уменьшать нынѣшній надѣлъ крестьянъ нѣтъ нужды; посмотримъ, есть ли возможность уменьшить его.

Если я не смотрю на послѣдствія, я могу сдѣлать все, что захочу. Я могу взять ножъ и зарѣзать кого мнѣ угодно; я могу взять дубину и прибить кого мнѣ угодно. Но что хорошаго будетъ изъ этого для меня? Мнѣ самому придется очень плохо. Потому, когда говорятъ, что мнѣ нельзя дѣлать того или другого, это значитъ только, что если я хочу сберечь свою шею, то я не сдѣлаю того или другого.

Почему комитеты признали невозможнымъ освобожденіе безъ земли? Потому, что національное чувство было бы возмущено такимъ освобожденіемъ, потому что оно непреклонно хочетъ сохраненія земли за вѣстками. Какую же землю хочетъ сохранить оно за крестьяниномъ? Ту, которой онъ теперь владѣетъ. — Гдѣ самую землю, въ томъ самомъ объемѣ, тѣ самые участки. Национальное чувство не принимаетъ гдѣ никакихъ тонкостей и подраздѣленій, никакихъ обрѣзываній и переносовъ. Одно изъ двухъ: если можно идти противъ него, такъ нечего было говорить, что освобожденіе безъ земли невозможно. А если раздражать национальное чувство нельзя, то нельзя и уменьшать нынѣшняго надѣла, нельзя и переносить крестьянскихъ участковъ принудительнымъ образомъ съ одного мѣста на другое: эти уменьшенія и перемѣны были бы точно такъ же противны национальному чувству, какъ и освобожденіе безъ земли. Не стоитъ дѣлать дѣла наполовину; не стоитъ пожимать человѣку руку правой рукой и въ то же время давить ему толчки лѣвой: вѣдь все равно, вы раздражите его, такъ ужъ лучше или бить его обѣими руками безъ всякихъ дипломатичностей, или сохраните съ нимъ доброе согласіе. Если освобождать крестьянъ съ землею, то сохраняйте нынѣшній надѣлъ иначе, не достигнете своей цѣли, не удовлетворите національному чувству.

„Но, при сохраненіи нынѣшняго надѣла, могутъ встрѣчаться неудобства отъ чрезполосицы“. Подобное возраженіе мы уже видѣли при вопросѣ о переносѣ усадебъ. Но тутъ чрезполосица, скольконибудь неудобная, встрѣчается еще гораздо рѣже, нежели въ расположеніи усадебъ. Будемъ же смотрѣть на это дѣло сообразно дѣлу объ усадьбахъ. Если освобожденіе крестьянъ совершится способомъ, скольконибудь удовлетворительнымъ для національнаго чувства, признательность поселянъ къ помѣщикамъ будетъ безгранична. Тотъ не знаетъ человѣческаго сердца, кто не увѣренъ, что поселяне станутъ охранять тогда помѣщика и его имущество какъ вѣрнѣйшія дѣти. Тогда, если гдѣ и останется чрезполосица, она будетъ скорѣе выгодна, нежели убыточна помѣщику. Крестьянскій участокъ, входящій клиномъ въ господское поле, будетъ только привлекать поселянина къ болѣе скорой ручной обработкѣ этого поля за сходящей цѣною. А если гдѣ будетъ дѣйствитель-

тельное неудобство, оно будетъ одинаково для обѣихъ сторонъ; крестьяне сами безъ всякаго принужденія убѣдятся въ ней такъ же легко, какъ и помѣщикъ. Русскій мужикъ человекъ не глупый и не безразсчетный. Онъ самъ предложитъ вамъ обмѣнъ участка, когда потребуетъ обмѣна его удобство. А дѣло тутъ такого рода, что неудобство для помѣщика бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть неудобство и для мужика. Итакъ; эти случаи вовсе не нуждаются въ принудительныхъ правилахъ: всѣ они очень легко отстранятся добровольнымъ соглашеніемъ послѣ освобожденія. Надобно заботиться только о томъ, чтобы освобожденіе сдѣлалось безъ проволочекъ и удовлетворило національному чувству.

Если смотрѣть на дѣло съ этой стороны, которая одна практична, то надобно не пожалѣть части лѣса, потребной для снабженія крестьянъ всѣмъ нужнымъ. Вѣдь до сихъ поръ, если былъ у помѣщика лѣсъ, крестьяне пользовались имъ, и лишить ихъ этой выгоды значило бы въ сущности обрѣзать настоящій размѣръ ихъ пользованія угодьями. На самомъ дѣлѣ потери помѣщику не будетъ тутъ никакой: вѣдь до сихъ поръ не въ его пользу, а въ пользу крестьянъ росла и стояла та часть лѣса, которая шла на удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ. Сказать, что я не буду пользоваться тѣмъ, чѣмъ до сихъ поръ пользовались другіе, а не я, — тутъ нѣтъ никакого уменьшенія моему прежнему пользованью.

Какъ надобно рѣшить дѣло о той части лѣса, которою пользовались крестьяне, такъ надобно рѣшить его и о другихъ угодьяхъ, которыми они пользовались, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кромѣ пахатной земли, луговъ и лѣса, есть другія угодья. Въ серьезныхъ дѣлахъ не слѣдуетъ играть словами; не слѣдуетъ толковать ихъ въ иномъ смыслѣ, кромѣ дѣйствительнаго. Чтѣ такое въ сущности разумѣлось до сихъ поръ подъ надѣломъ крестьянъ? Разумѣлась вся та сумма угодій, которыми они пользовались. Смыслъ дѣла лежитъ въ размѣрѣ пользованія, а не въ томъ, какъ называются извѣстныя угодья — государственными, господскими или крестьянскими. Пользовался угодьемъ тотъ, кто имъ пользовался. Такъ и должно остаться относительно лѣсовъ, рыбныхъ ловлей и т. п.; иначе, сумма пользованія уменьшилась бы, то есть уменьшился бы надѣлъ.

Если вести освобожденіе крестьянъ съ цѣлью удовлетворить національное чувство, надобно вести его такъ, чтобы національное чувство дѣйствительно было удовлетворено. Въ большей части помѣстьевъ крестьяне не жалуются на нынѣшній надѣлъ, и потому-то надобно принимать его общею нормою. Но былъ бы нарушенъ смыслъ дѣла, то есть удовлетвореніе національному чувству, если бы надѣлъ не былъ приведенъ въ соотвѣтствію съ нимъ въ тѣхъ помѣстьяхъ, гдѣ нынѣшній надѣлъ служалъ причиною справедливыхъ жалобъ по своей недостаточности. Впрочемъ, повторяемъ, что это частный случай, и нетрудно рѣшить его въ справедливомъ смыслѣ, если все дѣло вообще будетъ ведено съ желаніемъ достигнуть справедливости.

Въ частномъ случаѣ, о которомъ мы упомянули, особеннаго вниманія заслуживаютъ луга. Надѣлъ ими крестьянъ чаще бывалъ неудовлетворителенъ, нежели надѣлъ другими угодьями. И тутъ справедливость со стороны помѣщиковъ должна обратиться въ ихъ собственную пользу. Благосостояніе поселянъ — необходимое условіе для того, чтобы цѣны хлѣба установились выгодныя для помѣщиковъ. Достаточное снабженіе лугами — самая важная вещь для лучшаго устройства крестьянскихъ хозяйствъ. Уступая десятину луга крестьянину, помѣщикъ избавляетъ

его отъ необходимости спускать на полтину цѣну четверти хлѣба; а съ цѣною крестьянскаго хлѣба понижается или повышается и цѣна господскаго. Выгода отъ лишней полтины за четверть далеко перевыситъ для помѣщика цѣну льготы, которую онъ оказалъ поселянину въ надѣлѣ землю.

Въ самомъ дѣлѣ, если смотрѣть на размѣръ крестьянскаго надѣла со стороны выгодъ помѣщика, выводъ окажется точно такой же, какъ и тогда, какъ если смотрѣть на это дѣло со стороны требованій національнаго чувства. Если только помѣщики захотятъ сообразить истины, доказанныя политической экономіей, они сами не захотятъ уменьшать крестьянскаго надѣла. Дѣло рѣшенное, что въ Россіи невозможно уничтожить крестьянскіе земледѣльческія хозяйства, невозможно сдѣлать такъ, чтобы простолудины не были сами производителями хлѣба на своихъ участкахъ, а были только наемными батраками, какъ въ Англіи. А если уже крестьянинъ необходимо остается производителемъ хлѣба, то выгода другихъ производителей, т. е. помѣщиковъ, требуетъ, чтобы ему не было необходимости сбивать цѣну на хлѣбъ вообще. А если крестьянинъ будетъ въ нуждѣ, онъ станетъ продавать свой хлѣбъ въ убытокъ себѣ, стало бытъ подрывать цѣну и на помѣщичій хлѣбъ. Только обезпечивъ крестьянина, помѣщики обезпечатъ и свое хозяйство. Разсчитывать иначе было бы очень недальновиднымъ разсчетомъ.

3. Основанія и размѣръ вознагражденія.

Крѣпостное право такъ противно здравому экономическому разсчету, что приводитъ въ цифрамъ, рѣшительно не согласнымъ одна съ другою. Возьмемъ одинъ примѣръ. Намъ говорятъ, что въ губерніяхъ, гдѣ средняя пропорція земли у помѣщиковъ 11 десятинъ на душу, земля продается по 40 руб. за десятину. Попробуйте же спросить, за сколько можно купить помѣстье въ этихъ сторонахъ. Вамъ отвѣчаютъ: по 250, много по 300 руб. за душу. Скажите же, что это за нелѣпость? При 100 душахъ находится 1,100 десятинъ земли, каждая десятина стоитъ 40 руб., стало бытъ, вся земля стоитъ 44,000 руб.: за сколько же можно купить это помѣстье? Его можно купить за 25,000 руб., и дороже 30,000 никто не дастъ. Какъ объяснить такую несообразность? А вотъ какъ. Вся ли дача находится въ пользованіи у помѣщика? Нѣтъ, далеко не вся: десятинъ 400. или даже 500 отданы въ пользованіе крестьянамъ, и съ этихъ десятинъ помѣщикъ не получаетъ ни одного зерна хлѣба. Если онъ захочетъ отнять у крестьянъ ту или другую десятину, она будетъ имѣть цѣну для него; но пока она у крестьянъ, онъ не владѣетъ ею, не получаетъ съ нея дохода. Стало бытъ, при продажѣ цѣлаго помѣстья, сколько десятинъ идутъ въ цѣну? Идутъ въ цѣну только тѣ десятины, которыя остаются въ пользованіи помѣщика, а крестьянскій надѣлъ въ цѣну помѣстья вовсе и не идетъ; эта часть земли, отданная крестьянамъ, какъ будто лежитъ подъ секвестромъ, она бесполезна для самого помѣщика. Разумѣется, мы говоримъ о тѣхъ помѣстьяхъ, которыя на барщинѣ: вся ихъ цѣнность ограничивается цѣною земли, остающейся въ пользованіи помѣщика, да степенью пользы, какую онъ получаетъ отъ обязательнаго труда. Теперь, слава Богу, помѣщики поняли, что обязательный трудъ приноситъ имъ не пользу, а чистый убытокъ: если, на примѣръ, при немъ оборотнаго капитала на десятину господскаго поля нужно было имѣть 3 руб., за то и дохода съ десятины получать помѣщикъ только

12 руб., т. е. чистой выгоды оставалось ему только 9 р.; а если бы земля обрабатывалась вольнымъ трудомъ, тогда, съ прибавкою 4 р. расхода на наемъ работниковъ, обработка десятины обходилась бы въ 7 р., за то десятина давала бы дохода, по крайней мѣрѣ, 20 р., т. е. чистой выгоды оставалось бы 13 р. Такимъ образомъ, обязательный трудъ, производя сбереженіе въ 4 руб. на расходъ, производить 8 р. уменьшенія въ доходъ, т. е. въ концѣ концовъ даетъ чистаго убытка помѣщику 4 р. Этотъ убытокъ производится небрежностью обработки, безрасчетностью въ употребленіи труда и во всемъ хозяйствѣ и, наконецъ, низкостью цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, — все это необходимы принадлежности обязательнаго труда. Слава Богу, помѣщики поняли это, и, кромѣ немногихъ, слишкомъ недалекovidныхъ людей, всѣ находятъ пряную выгоду себѣ въ отмѣнѣ крѣпостнаго права на личность безъ всякаго вознагражденія. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, выгоднѣйшая расчетливость совпадаетъ со справедливостью и благородствомъ. Итакъ, право на личность въ барщинныхъ имѣніяхъ, по согласію самихъ помѣщиковъ, рѣшено отмѣнить безъ всякаго вознагражденія. Въ чемъ же остается вся цѣнность имѣній? Она остается въ той части земли, которая до сихъ поръ находилась въ пользованіи помѣщика. Увеличивается или уменьшается эта цѣнность черезъ отмѣну другаго элемента, которымъ уменьшался чистый доходъ? Конечно, увеличивается: теперь помѣщикъ будетъ получать съ каждой десятины своихъ полей на цѣлую треть или даже на половину больше того, что получалъ прежде. Ясно, что и продажная цѣнность этой земли увеличится соразмѣрно тому. Возвратимся къ прежнему примѣру. Цѣнность помѣстья, имѣвшаго 1,100 дес., была 25,000 руб., а каждая дес. стоила 40 руб. Это значитъ, что у помѣщика было въ пользованіи 625 дес. и только онѣ одни составляли цѣну; а остальные 475 дес., отданныя во владѣніе крестьянамъ, ничего не прибавляли къ цѣнности другой половины *). Но цѣна части, остававшейся у помѣщиковъ и составлявшей всю стоимость помѣстья, была сообразна доходу, получавшемуся при обработкѣ крѣпостнымъ трудомъ. Положимъ, что главный доходъ состоялъ въ земледѣліи и что господской запашки въ трехъ поляхъ было 220 дес. (около двухъ дес. въ полѣ на тягло). Съ этихъ 220 дес., по 9 руб. чистаго дохода отъ дес., получалось 1,980 руб. Это значитъ, что продажная цѣна помѣстья (25,000 руб.) опредѣлялась капитализаціею дохода въ 8 проц. Съ отмѣною обязательнаго труда десятина запашки будетъ давать 13 руб. Это значитъ, что отъ земледѣлія въ прежнемъ размѣрѣ получится дохода 2,860 руб.; при капитализаціи въ 8 проц. это составило бы цѣнность помѣстья въ 35,650 руб. Такимъ образомъ, хотя число десятинъ въ помѣствѣ номинально уменьшилось черезъ освобожденіе крестьянъ, но часть помѣстья, оставшаяся у помѣщика, получаетъ гораздо большую цѣнность, нежели по какой можно было продать все помѣстье до освобожденія крестьянъ.

Если брать предметъ только съ этой стороны, то очевидно, что въ земледѣльческихъ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ, помѣщики прямо выигрывали бы, отказываясь безъ всякаго вознагражденія и отъ крѣпостнаго труда и отъ всей части помѣстья, употреблявшейся исключительно на пропитаніе этого обязательнаго

*) Точно также и усадьбы въ барщинныхъ имѣніяхъ не даютъ помѣщику ни гроша дохода, следовательно ни за одинъ рубль не входятъ въ цѣнность помѣстья. Уже по одному этому яе слѣдуетъ класть за нихъ выкупа, не говоря о томъ, что онѣ построены вообще самими крестьянами.

труда, т. е. освобождал крестьянъ съ нынѣшнимъ надѣломъ безъ всякаго вознагражденія; слѣдовательно, они, по справедливости, могли бы требовать съ крестьянъ вознагражденія только тогда, когда бы при освобожденіи надѣлъ увеличивался противъ размѣра, въ которомъ нынѣ крестьяне пользовались пахотною землею, лѣсомъ и другими угодьями. За эти прибавки, составляющія вычетъ изъ продажной цѣны помѣстья, конечно, слѣдовало бы брать настоящую продажную цѣну. Дай Богъ, чтобы такихъ прибавокъ было больше. Но мы говоримъ не о нихъ — онѣ все-таки будутъ только исключеніемъ изъ общаго правила — мы говоримъ о выкупѣ при освобожденіи съ настоящимъ надѣломъ, который не входитъ въ продажную цѣну: съ его отпадешемъ цѣнность имѣнья не уменьшается, а развѣ увеличивается. Погрязнувъ въ крѣпостномъ правѣ, мы всосали такъ много фальшивыхъ понятій; мало и плохо учившись, мы остались такъ чужды самымъ простымъ экономическимъ истинамъ, что взглядъ, здѣсь изложенный, можетъ показаться новъ или сомнителенъ для нѣкоторыхъ. „Какъ же можно, чтобы помѣстье, имѣвшее 1,100 дес., не потеряло ни копѣйки изъ своей продажной цѣны, когда межа его уменьшается на столько, что остается въ немъ всего только 625 дес.? — А вотъ какъ это бываетъ. Если бы, напримѣръ, остальные 475 дес. были заняты трясиннымъ болотомъ, то цѣнность помѣстья не уменьшилась бы, а, напротивъ, увеличилась, если бы вся эта трясина провалилась сквозь землю: тогда она, по крайней мѣрѣ, не заражала бы своими тлетворными миазмами моей земли, въ ней не провалъ бы мой скотъ. Крѣпостное право — это гнусная, тлетворная трясина, которая не только совершенно отняла изъ цѣнности имѣнья всю землю, отданную подъ прокормленіе крѣпостнаго населенія, но и значительно понизила цѣнность остальной земли, которая взята въ личное пользованіе помѣщикомъ.

Или вотъ еще что: умные люди говорятъ, что владѣніе Ломбардскимъ королевствомъ не усиливало, а ослабляло Австрію. А вѣдь въ Ломбардскомъ королевствѣ нѣсколько милліоновъ десятинъ превосходнѣйшей земли и нѣсколько милліоновъ жителей; между тѣмъ все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что Австрія, отказавшись отъ Ломбардія, стала богаче и сильнѣе. Ясно-ля, что не всякое расширеніе межъ выгодно, не всякое уменьшеніе пространства, называющагося межью, будетъ убыточно для меня? Какая мнѣ польза называться господиномъ того участка, съ котораго не получаю ни зерна?

Если смотрѣть только на эту сторону дѣла, нѣтъ надобности для помѣщика земледѣльческаго имѣнія ни въ какомъ выкупѣ за нынѣшній крестьянскій надѣлъ.

Но есть другая сторона въ этомъ дѣлѣ. Мы говорили, что чистый доходъ помѣщику отъ земледѣлія увеличится съ отжѣною крѣпостнаго труда; но долженъ увеличиться и размѣръ оборотнаго капитала, нужнаго на обработку каждой десятины. При крѣпостномъ трудѣ, для этого довольно было капитала въ 3 р., заключавшагося главнымъ образомъ въ цѣности посѣва; теперь понадобится еще 4 р. на плату рабочимъ. Если спросить у любого экономиста: кто обязанъ доставить оборотный капиталъ на улучшеніе предпріятія, когда это предпріятіе приноситъ выгоду исключительно мнѣ и находится въ полномъ моемъ хозяйствѣ? — отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію: достать оборотный капиталъ — личное дѣло хозяина; никто другой не обязанъ доставлять ему капитала, отъ котораго выгоду получить онъ одинъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что помѣщикъ легко можетъ полу-

читать займы незначительныя деньги, какія понадобятся на наемную работу, если не имѣеть ихъ въ наличности. Такимъ образомъ, заботу о полученіи 880 рублей, которые потребуются для обработки наймомъ 220 десятинъ въ помѣстьѣ, служащемъ для насъ примѣромъ, слѣдуетъ оставить на самомъ помѣщикѣ; смѣшно было бы сказать, что владѣльцу 625 десятинъ, имѣющихъ цѣну по 40 рублей, трудно достать займы какіе нибудь 900 рублей. Но мнѣніе очень многихъ добросовѣстныхъ помѣщиковъ расходится съ кореннымъ понятіемъ науки: они думаютъ, что именно выкупъ долженъ доставить имъ деньги на обзаведеніе новымъ хозяйствомъ. Въ этомъ случаѣ пожалуй, можно сдѣлать уступку предубѣжденію, потому что, какъ ни ясно свидѣтельствуется противъ него наука, ея доводы не перешли еще въ непреодолимое національное чувство и оно не возмутится отступленіемъ отъ точной справедливости, если государство согласится, что выкупъ долженъ доставить деньги, нужны помѣщикамъ на введеніе наемной платы за обработку господскихъ полей. Можно полагать, что надобность эта простирается отъ 5 до 6 рублей на каждую десятину яроваго и озимаго полей господской запашки, то есть отъ 3 р. 50 коп. до 4 р. на каждую десятину въ трехъ поляхъ.

Есть еще другое обстоятельство, гораздо болѣе значительное въ денежномъ отношеніи. Помѣстья, болѣе чѣмъ на половину, обременены долгами, между которыми важнѣйшую часть составляетъ долгъ въ кредитныя учрежденія. Есть мнѣніе, что въ вознагражденіе за уступку крестьянамъ нынѣшняго надѣла помѣщики должны быть вознаграждены перенесеніемъ части опекунскаго долга на освобожденныхъ крестьянъ. Многіе разсчетливые помѣщики полагаютъ сами, что этого вознагражденія будетъ очень достаточно и никакого другого не нужно требовать помѣщикамъ. Но наука опять говоритъ, что долгъ по справедливости остается на томъ лицѣ, которое воспользовалось для своей выгоды или своего удовольствія деньгами, полученными въ долгъ. Если мы рассмотримъ употребленіе ссудъ, полученныхъ помѣщиками изъ кредитныхъ учрежденій, мы найдемъ, что большая часть, двѣ трети или больше изъ этихъ денегъ пошли на удовлетвореніе личнаго расхода самихъ помѣщиковъ, желавшихъ вести образъ жизни, для котораго не доставало ихъ дохода; затѣмъ значительная часть была употреблена на покупку новыхъ помѣстій или на основаніе промышленныхъ заведеній, то есть опять-таки въ личную выгоду помѣщиковъ. Исключивъ эти двѣ статьи изъ суммы долга, мы увидимъ, что едва ли одна пятнадцатая, или, много, много одна двѣнадцатая часть его была обращена на пособіе крестьянамъ. По точному требованію науки, только эта часть долга, которою воспользовались крестьяне, должна быть перенесена на нихъ.

Но, говорятъ, если почти весь долгъ останется на той части помѣстья, которая собственно принадлежитъ помѣщику, а не крестьянамъ, эта господская половина не будетъ служить для кредитныхъ учрежденій достаточнымъ обезпеченіемъ по долгеому взысканію. Такое мнѣніе неосновательно въ отношеніи къ землевладѣльческимъ помѣстьямъ, состоящимъ на барщинѣ. Мы видѣли, что вся ихъ цѣнность зависѣла исключительно отъ одной той части земли, которая оставалась въ пользованіи помѣщика, а земля, бывшая въ крестьянскомъ надѣлѣ, нимало не увеличивала собою цѣнности помѣстья; слѣдовательно, если бы даже цѣна земли не поднялась по освобожденіи крестьянъ, часть помѣстья, остающаяся за владѣльцемъ, при сохраненіи нынѣшняго надѣла, представляла бы залогъ столь же достаточный, какъ

прежде все помѣстье. Слѣдовательно, для обезпеченія уплаты кредитнымъ учрежденіямъ вовсе нѣтъ нужды переносить долгъ на крестьянъ.

Представляется еще другое основаніе для такого переноса. Говорятъ, что при заведеніи новаго хозяйства, съ наемною работою, доходы помѣщиковъ на годъ или на два могутъ подвергнуться затрудненіямъ отъ переходнаго состоянія и что поэтому было бы тяжело для помѣщиковъ вносить уплату въ кредитныя учрежденія въ это время хлопотливыхъ передѣлокъ по хозяйству. Безпристрастный человѣкъ едва ли признаетъ много основательности въ этомъ соображеніи. Въ большей части земледѣльческихъ губерній доходы помѣщика не только на два года, но и на одинъ день не подвергнутся никакому разстройству или замедленію отъ передѣлки хозяйства; напротивъ, съ перваго же года дадутъ противъ прежняго излишекъ, если освобожденіе совершится хорошо. Впрочемъ, если бы и принять это соображеніе въ полной его силѣ, оно вело бы вовсе не въ тому заключенію, какое дѣлаютъ изъ него произвольнымъ образомъ. Въ чемъ сущность соображенія? На два года доходы помѣщиковъ подвергаются нѣкоторому замедленію отъ передѣлки хозяйства; въ эти годы будетъ затруднительно дѣлать взносъ по долгамъ въ кредитныя учрежденія. Теперь спрашивается: кака-же льгота была бы совершенно достаточною для устраненія этой трудности во всемъ ея предполагаемомъ размѣрѣ? О чемъ говорить само возраженіе? О трудности уплаты за два года. Итакъ, если дастся помѣщикамъ два года полной льготы въ уплатѣ, вся трудность уже устранена, вея жалоба уже удовлетворена въ полномъ своемъ размѣрѣ. Какъ дать эту двухлѣтнюю льготу, зависящую уже отъ состояній кредитныхъ учреждений. Если они могутъ выдержать отсрочку платежей на два года, не о чемъ и говорить. Если же не могутъ, то, пожалуй, можно наложить за эти два года взносъ кредитнымъ учрежденіямъ на крестьянъ, хотя мы не видимъ, почему бы именно крестьяне должны были удовлетворять надобность кредитныхъ учреждений по уплатѣ такого займа, которымъ воспользовались не они. Наложить на нихъ эту тяжесть мы соглашаемся только потому, что она, по незначительности своего размѣра, вѣроятно, не возбудила бы споровъ.

Сведемъ же теперь весь итогъ выкупа по тому помѣстью, которое служить для насъ примѣромъ. Замѣтимъ при этомъ, что средняя величина опекунскаго долга составляетъ около 60 руб. на душу.

Пособія помѣщику на заведеніе хлѣбопашества съ наемной платой по 4 рубля на десятину господскихъ пахатныхъ полей, всего 220 десятинъ 880 руб.

Одна двѣнадцатая часть займа помѣщика изъ кредитныхъ учреждений, употребленная въ пользу крестьянъ, т. е. изъ 60 рублей съ души 5 рублей, а съ 100 душъ 500 —

Въ пособіе помѣщику два годичные взноса въ кредитныя учрежденія, по 6% съ остальныхъ 55 руб. долга, съ души по 3 рубля 30 к., за два года 6 р. 60 коп., а со 100 душъ 660 —

Итого 2,040 руб.

Вотъ весь итогъ выкупа, какой, по нашему счету, приходилось бы взять отъ части казны (660 рублей) съ крестьянъ вмѣсто помѣщика, отчасти помѣщику

(1,380 рублей) съ крестьянъ деревни, имѣющей 100 душъ и состоящей на барщинѣ.

До сихъ поръ мы говорили объ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Теперь посмотримъ на оброчныя имѣнія. Въ нихъ доходъ получается помѣщикомъ не отъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства, а отъ прямой уплаты денегъ крестьянами; слѣдовательно, и продажная цѣнность помѣстья возникаетъ изъ капитализація денежныхъ уплатъ, производимыхъ крестьянами, а не изъ земледѣльческаго дохода. Иначе сказать, основаніемъ для опредѣленія выкупа долженъ служить оброкъ. Итакъ, мы должны разсмотрѣть юридическую сущность obroka. По закону, оброкъ есть плата, взимаемая помѣщикомъ съ крестьянъ за увольненіе ихъ отъ обязательнаго воздѣлыванія господскихъ полей, по три дня въ недѣлю; иначе сказать, сущность оброчнаго положенія состоитъ въ томъ, что помѣщикъ передаетъ крестьянамъ ту часть земли, какая могла бы остаться въ собственномъ пользованіи, за надѣломъ крестьянъ землю по нормѣ барщинныхъ помѣстій, и беретъ съ нихъ сумму чистаго дохода, приносимаго этою собственно-господскою частью земли. Спрашивается теперь: чѣмъ должна опредѣляться величина законнаго obroka? Великоною земледѣльческой прибыли съ такого числа десятинъ, какое могли бы крестьяне обработать на господскихъ поляхъ. Какова же величина этого дохода? Крестьяне при барщинѣ должны бы работать на себя такіе же три дня, какъ и на барина; слѣдовательно, величина дохода съ господскихъ полей никакъ не могла бы превышать половины того, что они получаютъ отъ земледѣльческихъ работъ, пользуясь всею землею я всѣми днями. Итакъ, если при освобожденіи вся земля, находящаяся въ дачѣ оброчнаго помѣстья, остается, по нынѣшнему, за крестьянами, то выкупъ этого помѣстья долженъ опредѣляться по слѣдующей нормѣ:

Во-первыхъ, надобно опредѣлить, сколько земли могло бы оставаться для господской запашки, за достаточнымъ надѣломъ земли крестьянамъ. Для этого надобно изъ всего пространства полей вычестъ пространство, которое можетъ быть обработано въ 3 дня, составляющіе собственность крестьянъ. Остатокъ покажетъ, какой размѣръ могла бы имѣть въ томъ селѣ господская запашка. Положимъ, на примѣръ, что тягло обрабатываетъ во всѣ 6 дней по 4 десятины въ полѣ, то есть, что въ 3 дня, составляющіе собственность крестьянина, тягло могло бы обработать 2 десятины: ясно, что остальные двѣ десятины могли бы составлять господскую запашку. Мы взяли такой примѣръ, когда земли у деревни вдоволь и крестьяне обрабатываютъ ея столько, на сколько у нихъ силъ хватить. Въ такомъ случаѣ господская запашка могла бы имѣть размѣръ запашки, производимой въ 3 дня, т. е. могла бы составлять ровно половину всего количества земли, обрабатываемой въ 6 дней. Если же земли недостаточно, то, за вычетомъ пространства, которое должны обрабатывать крестьяне на себя въ три дня, остатокъ будетъ, конечно, мене половины. Напримѣръ, если вся запашка цѣлыхъ 6 дней составляетъ только $3\frac{1}{2}$ десятины на тягло, то, за вычетомъ 2 десятины, приходящихся на 3 крестьянскіе дня, остается только $1\frac{1}{2}$ десятины.

Опредѣливъ такимъ образомъ пространство возможной господской запашки, надобно опредѣлить чистый доходъ съ нея. Для этого надобно изъ валоваго дохода вычестъ всѣ расходы на обработку, т. е. цѣнность посѣва, цѣнность удобренія, ремонтъ земледѣльческихъ орудій и наемную плату работникамъ. За этими вычестъ валоваго дохода останется, какъ мы сказали, чистый доходъ, какой

могло бы доставлять, по закону, это имѣніе своему помѣщику. Капитализируя эту законную величину по проценту, принимаемому въ данной мѣстности за процентъ средняго дохода съ помѣстій, мы получимъ законную цѣнность оброчнаго имѣнія.

Для ясности произведемъ такое дѣйствіе надъ селомъ, которое принималось у насъ состоящимъ на барщинѣ. Положимъ теперь, что оно состоитъ на оброкѣ, и сдѣлаемъ оцѣнку выкупа.

При оброчномъ положеніи, вся земля отдана крестьянамъ а всѣ шесть дней они работаютъ на себя. Въ три дня они успѣвали обработать въ трехъ поляхъ 220 десятинъ, слѣдовательно въ шесть дней обработаютъ 440 десятинъ. Чистый доходъ съ каждой десятины при нынѣшнемъ положеніи 9 рублей; итого крестьяне получаютъ отъ земледѣлія чистаго дохода 3,960 рублей. Господская запашка тутъ имѣетъ такой же размѣръ, какъ крестьянская, то есть изъ всего дохода половина составляетъ оброкъ. Итакъ, законная величина оброка 1,980 руб. Капитализируя эту цѣнность по 8 проц., мы получаемъ 24,750 руб., какъ законную величину выкупа; а капитализируя по 7½ проц., получаемъ 26,400 р. Продажная цѣнность всего помѣстья была около 25,000 руб. Итакъ, цифра вознагражденія, принятая нами, какъ нельзя точнѣе соотвѣтствуетъ продажной цѣнности имѣнія. Такъ и слѣдуетъ быть, когда все имѣніе остается въ рукахъ у крестьянъ. Изъ этого соотвѣтствія мы видимъ, что способъ для опредѣленія законной величины оброка принятъ нами совершенно правильный.

Но мы предположили состоящимъ на оброкѣ имѣніе съ 11 десятинами хлѣбородной земли на душу. Такихъ оброчныхъ имѣній едва ли найдется въ цѣлой Россіи десятка полтора. Извѣстно, что, за исключеніями, чрезвычайно немногочисленными, имѣніе переводится съ барщины на оброкъ только тогда, когда земли слишкомъ мало или когда она неудобна для хлѣбопашества. Подъ тотъ или другой изъ этихъ случаевъ подходятъ 99 изъ 100 оброчныхъ имѣній. Въ нихъ цифры законнаго выкупа совершенно не таковы, какъ въ приведенномъ нами исключительномъ случаѣ оброчнаго имѣнія съ достаточнымъ количествомъ хлѣбородной земли. Если, напримѣръ, земля хлѣбородна, но количество ея мало, напримѣръ, всего 5 десятинъ на душу, какой выводъ получится тогда? За вычетомъ усадебъ, луговъ и такъ далѣе, остается пахатныхъ полей всего только 250 десятинъ или даже меньше. Изъ этой земли для надѣла крестьянамъ, считая менѣе 1½ десятины въ полѣ на тягло—надѣлъ не совсѣмъ удовлетворительный,—и, считая въ 100 душахъ 40 тяголъ, понадобилось бы 180 десятинъ. Значитъ, для господскихъ полей оставалось бы едва ли 70 десятинъ. Съ нихъ, по 9 руб., чистаго дохода было 630 руб. Капитализируя эту цѣнность по 8 проц., мы получили бы всю величину выкупа только въ 7,875 руб. Спросимъ теперь: много ли найдется оброчныхъ имѣній, которыя имѣли бы 2½ десятины запашки хлѣбородной земли на душу, то есть болѣе 6 десятинъ на тягло? А если запашка меньше, то и мѣста для господскихъ полей останется меньше, а слѣдовательно меньше останется земля, съ которой бы могъ считаться законный оброкъ.

Это хорошій случай, когда есть хоть сколько нибудь хлѣбородной земли: тутъ для законнаго оброка можетъ оказаться нуль, по крайней мѣрѣ не получится отрицательныхъ цифръ. Напротивъ, если земля въ помѣстья такова, что обработка ея не даетъ чистаго дохода, или даже доходомъ не окупаются издержки производства, то получаютъ отрицательныя цифры. Напримѣръ, если дѣлать

производства 15 руб. на десятину, а весь валовой доходъ 13 руб., то съ каждой десятины получается 2 руб. убытка, и если бы помѣщикъ нашего примѣрнаго села въ 100 душъ вздумалъ на такой землѣ получать доходъ отъ земледѣлія, то есть держать крестьянъ на барщинѣ, то съ его полей не осталось бы ему ни зерна хлѣба на продажу, за прокормленіемъ крестьянъ, и, сверхъ того, онъ долженъ былъ бы давать изъ своего кармана еще 880 руб. на прокормленіе крестьянъ, потому что со всѣхъ 440 десятинъ господскихъ и крестьянскихъ полей получалось бы валоваго дохода только 5,740 руб. (по 13 руб.); а на прокормленіе крестьянъ было бы нужно 6,600 руб. (эта сумма, разложенная на десятины, даетъ 15 руб. на десятину издержекъ производства). Какова пѣнность имѣнш, законный оброкъ съ котораго равняется ежегодному убытку въ 880 руб.? Считая по 8 проц., мы увидимъ, что этотъ ежегодный убытокъ равняется одновременной уплатѣ 11,000 руб. Иначе сказать, помѣщику было бы выгодно не только задаромъ отказаться отъ такого помѣстья, но и заплатить изъ своего кармана довольно значительную сумму, лишь бы отвязаться отъ него.

Не каждый изъ насъ привыкъ переводить математическія уравненія на языкъ житейскаго разговора; но вто привыкъ, тотъ знаетъ, какой смыслъ имѣютъ отрицательныя цифры, оказывающіяся для выкупа большей части оброчныхъ имѣній. Что такое означаетъ отрицательный выкупъ, то есть платежъ отъ помѣщика крестьянамъ? Мы скажемъ, что онъ означаетъ, и замѣтимъ, что смыслъ нашихъ словъ очень важенъ, потому что они очень серьезны:

Крѣпостное право состоитъ въ присвоеніи владѣльцу земли власти принуждать поселенныхъ на этой землѣ крестьянъ къ земледѣльческой работѣ въ личную его пользу. Замѣтимъ слова: „къ земледѣльческой работѣ“. Да, только къ ней, ни къ какой другой. Даже по судебной и полицейской практикѣ изъ крѣпостнаго права вытекаетъ только земледѣльческая работа, — никакая другая. Доказать это легко. Предположимъ, что портной или сапожникъ изъ крѣпостныхъ людей, жившій въ городѣ и платившій оброкъ, является въ деревню и говоритъ помѣщику: „Я не хочу заниматься своимъ ремесломъ и платить оброкъ“. Можетъ ли помѣщикъ сказать, что этотъ крестьянинъ не исполнитъ своихъ крѣпостныхъ обязанностей, если будетъ исправно ходить на барщину? Спросите исправника, становаго, уѣзднаго судью: всѣ скажутъ, что если крестьянинъ готовъ идти на барщину, онъ исполняетъ свою обязанность, и помѣщикъ не можетъ жаловаться на него за то, что онъ только земледѣлецъ, а не ремесленникъ. Слѣдовательно, если оброкъ получается съ какого нибудь другаго занятія, кромѣ земледѣлія, онъ является только произвольною замѣною земледѣльческой барщины, которая одна установлена закономъ какъ принадлежность крѣпостнаго права. Что же теперь? Если есть помѣстья, въ которыхъ, или по малоземелью, или по бесплодію почвы, веденіе земледѣльческаго хозяйства на основаніи крѣпостнаго права или не можетъ давать порядочнаго дохода помѣщику, или даже не можетъ прокармливать крестьянъ и, слѣдовательно, обращается въ убытокъ помѣщику, — если есть такія помѣстья, что изъ того слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что законное крѣпостное право, то есть обработка земли обязательнымъ трудомъ, не примѣняется къ такимъ помѣстьямъ: они не имѣютъ экономической возможности существовать при немъ: они выходятъ за границы, которыми законъ опредѣляетъ крѣпостное право. Какъ бы ~~ни было~~ кто изъ насъ о крѣпостномъ правѣ, но въ этихъ понѣстьяхъ происхо-

дить нѣчто противное даже крѣпостному праву. А кромѣ крѣпостнаго права нашъ законъ не признаетъ другихъ основаній для права на личность. Итакъ, если есть въ какихъ нибудь оброчныхъ помѣстьяхъ такой оброкъ, который выше дохода, доставляемаго въ тѣхъ помѣстьяхъ земледѣліемъ, этотъ оброкъ есть нарушеніе крѣпостнаго права, и весь излишекъ obroka надъ земледѣльческимъ доходомъ не имѣетъ юридическаго основанія и существуетъ только какъ злоупотребленіе. Только земледѣльческій трудъ подлежитъ крѣпостному праву, въ законномъ смыслѣ слова; только на цѣнности, доставляемыя земледѣльческимъ трудомъ, простирается крѣпостное право. За этимъ предѣломъ денежные сборы лишены юридическаго основанія.

Изъ этого мы видимъ, какъ незначительны должны оказаться законныя цифры выкупа въ оброчныхъ имѣніяхъ. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земледѣльческимъ трудомъ едва могли бы кормиться сами поселяне, крѣпостное право въ законномъ размѣрѣ своемъ не давало бы почти никакого дохода, слѣдовательно и цѣнность помѣстій, при законномъ пользованіи ими, представлялась бы ничтожнѣйшею цифрой.

Мы ошиблись, во многихъ оброчныхъ помѣстьяхъ цифры были бы значительны, очень значительны, но имѣли бы отрицательный знакъ, что мы уже видѣли.

Впрочемъ, мы до сихъ поръ еще не объяснили именно того, что взялись объяснить—не объяснили смысла отрицательныхъ величинъ въ переводѣ ихъ съ арифметическаго языка на разговорный. Вотъ каковъ этотъ смыслъ. Человѣкъ, принимающій дѣло убыточное въ своей законной формѣ, или неразсчетливъ (и за неразсчетливость свою долженъ нести убытки), или намѣренъ вести дѣло какимъ нибудь другимъ путемъ, мимо законнаго (слѣдовательно, долженъ подвергнуться отвѣтственности по закону).

Дѣло въ томъ, что, дѣйствительно, оброкъ почти всегда есть превышеніе крѣпостнаго права; онъ есть пользованіе правомъ надъ личностью при такихъ обстоятельствахъ, которыя противорѣчатъ основному характеру крѣпостнаго права.

Канія юридическія послѣдствія возникаютъ изъ такого отношенія, мы не хотимъ разбирать здѣсь; но читатель вообще замѣтитъ, что дѣло идетъ о цѣнностяхъ, которыхъ не знаетъ и не признаетъ законъ. Если мы не ошибаемся, пользоваше цѣнностями, не имѣющими законнаго существованія, не можетъ ожидать для себя благопріятныхъ результатовъ, въ случнѣ разсмотрѣнія по закону.

Повторимъ кратко результаты этого изслѣдованія.

Въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ, цѣнность помѣстья опредѣлялась исключительно тою частью помѣстья, которая оставалась въ личномъ пользованіи помѣщика. Земля, бывшая въ крестьянскомъ надѣлѣ, нимало не увеличивала продажной цѣнности имѣній; слѣдовательно, съ отдѣленіемъ крестьянской части отъ помѣстья, цѣнность помѣстья не уменьшается.

Отъ вознагражденія за право на личность помѣщики сами отказались и поступили справедливо, потому что въ барщинныхъ имѣніяхъ это право было для нихъ источникомъ не выгоды, а убытковъ.

Въ оброчныхъ помѣстьяхъ почти весь оброкъ или даже и весь оброкъ вытекалъ изъ нарушенія законныхъ основаній крѣпостнаго права.

Зачѣмъ мы дѣлали этотъ выводъ? Неужели затѣмъ, чтобы отказывать помѣщикамъ въ вознагражденіи? Совсе нѣтъ. Мы хотѣли только показать, что юридическихъ основаній для вознагражденія нѣтъ и что если идетъ о неигрѣ, то должна идти на основаніи государственной пользы и житейской справедливости.

Государственная польза требуетъ, чтобы ни одно сословіе не терпѣло напрасныхъ убытковъ.

Справедливость требуетъ, чтобы выкупъ не превышалъ мѣры дѣйствительной надобности въ немъ для помѣщиковъ.

На этомъ основаніи размѣръ выкупа можетъ быть опредѣленъ такой, что національное чувство останется довольно.

Если въ барщинныхъ имѣніяхъ, имѣющихъ довольно земли, размѣръ выкупа опредѣлится такой, чтобы, за вычетомъ долговъ въ кредитныя учрежденія, приходилось помѣщику получить сумму, достаточную для устройства земледѣльческаго хозяйства съ наемною платою, помѣщику не останутся въ убыткѣ; напротивъ, они очень много выиграютъ, потому что освободятся отъ долговъ, которыми угнетены, сохраняя всю часть помѣстья, отъ которой зависѣла его цѣнность, и устроятъ хозяйства болѣе выгоднымъ образомъ.

Они будутъ получать доходовъ больше прежняго. Они избавятся отъ обременительныхъ уплатъ въ кредитныя учрежденія. Поэтому продажная цѣнность ихъ помѣстій значительно увеличится, хотя число десятинъ будетъ считаться менѣе, нежели было.

Въ такихъ помѣстьяхъ каждый рубль выкупа есть чистый выигрышъ для помѣщика.

Средній долгъ въ кредитныя учрежденія составляетъ отъ 55 до 60 рублей на душу.

На устройство хозяйства съ наемными работниками нужно наличныхъ денегъ не болѣе 4 рублей на десятину господской запанки, то есть, считая, среднимъ числомъ, 33 тягла въ 100 душахъ и $1\frac{3}{4}$ десятины въ полѣ господской запанки на тягло, всего около 175 десятинъ господской запанки на 100 душъ, нужно не болѣе 700 рублей для передѣлки земледѣльческаго хозяйства въ помѣстьѣ, имѣющей 100 душъ.

Такимъ образомъ, выкупъ отъ 62 до 67 руб. былъ бы совершенно достаточно для того, чтобы помѣщики заложённыхъ имѣній не потерпѣли никакого разстройтва въ своемъ хозяйствѣ; а чистымъ выигрышемъ было бы для нихъ освобожденіе отъ долга въ кредитныя учрежденія, или, въ имѣніяхъ чистыхъ отъ этого долга, полученіе суммы, равной среднему размѣру долга заложённыхъ помѣстій.

Въ оброчныхъ помѣстьяхъ справедливость требовала бы принять основаніемъ оцѣнки для вознагражденія такую величину оброка, которая считается въ тѣхъ мѣстахъ необременительною для крестьянъ. Во многихъ губерніяхъ эта цифра не выше 15 рублей, въ нѣкоторыхъ еще ниже; въ немногихъ она доходитъ до 25 рублей. Среднюю величину для цѣлой имперіи можно положить около 20 рублей.

дить нѣчто противное даже крѣпостному праву. А кромѣ крѣпостнаго права законъ не признаетъ другихъ основаній для права на личность. Итакъ, если есть въ какихъ нибудь оброчныхъ помѣстьяхъ такой оброкъ, который выше дохода, доставляемаго въ тѣхъ помѣстьяхъ земледѣліемъ, этотъ оброкъ есть нарушеніе крѣпостнаго права, и весь излишекъ obroka надъ земледѣльческимъ доходомъ не имѣетъ юридическаго основанія и существуетъ только какъ злоупотребленіе. Только земледѣльческій трудъ подлежитъ крѣпостному праву, въ законномъ смыслѣ слова, только на цѣнности, доставляемыя земледѣльческимъ трудомъ, простирается крѣпостное право. За этимъ предѣломъ денежные сборы лишены юридическаго основанія.

Изъ этого мы видимъ, какъ незначительны должны обаяться законныя цифры выкупа въ оброчныхъ имѣніяхъ. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земледѣльческимъ трудомъ едва могли бы кормиться сами поселяне, крѣпостное право въ законномъ размѣрѣ своемъ не давало бы почти никакого дохода, слѣдовательно и цѣнности помѣстій, при законномъ пользованіи ими, представлялась бы ничтожнѣйшею цифрой.

Мы ошиблись, во многихъ оброчныхъ помѣстьяхъ цифры были бы значительны, очень значительны, но имѣли бы отрицательный знакъ, что мы ужъ видѣли.

Впрочемъ, мы до сихъ поръ еще не объяснили именно того, что взявъ объяснить—не объяснили смысла отрицательныхъ величинъ въ переводѣ ихъ съ арифметическаго языка на разговорный. Вотъ каковъ этотъ смыслъ. Человекъ принимающій дѣло убыточное въ своей законной формѣ, или неразсчетливъ (въ неразчетливость свою долженъ нести убытки), или намѣренъ вести дѣло какимъ нибудь другимъ путемъ, мимо законнаго (слѣдовательно, долженъ подвергнуться ответственности по закону).

Дѣло въ томъ, что, дѣйствительно, оброкъ почти всегда есть превышеніе крѣпостнаго права; онъ есть пользованіе правомъ надъ личностью при такихъ обстоятельствахъ, которыя противорѣчатъ основному характеру крѣпостнаго права.

Какія юридическія послѣдствія возникаютъ изъ такого отношенія, мы не хотимъ разбирать здѣсь; но читатель вообще замѣтитъ, что дѣло идетъ о цѣнностяхъ, которыхъ не знаетъ и не признаетъ законъ. Если мы не ошибаемся, пользование цѣнностями, не имѣющими законнаго существованія, не можетъ ожидать для себя благопріятныхъ результатовъ, въ случаѣ разсмотрѣнія ихъ по закону.

Повторимъ кратко результаты этого изслѣдованія.

Въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ, цѣнность помѣстья опредѣлялась исключительно тою частью помѣстья, которая оставалась въ личномъ пользованіи помѣщика. Земля, бывшая въ крестьянскомъ надѣлѣ, нимало не увеличивала продажной цѣнности имѣній; слѣдовательно, съ отдѣленіемъ крестьянской части отъ помѣстья, цѣнность помѣстья не уменьшается.

Отъ вознагражденія за право на личность помѣщики сами отказались и поступили справедливо, потому что въ барщинныхъ имѣніяхъ это право было для нихъ источникомъ не выгодъ, а убытковъ.

Въ оброчныхъ помѣстьяхъ почти весь оброкъ или даже и весь оброкъ вытекалъ изъ нарушенія законныхъ основаній крѣпостнаго права.

Зачѣмъ мы дѣлали этотъ выводъ? Неужели загѣмъ, чтобы отказывать помѣщикамъ въ вознагражденіи? Вовсе нѣтъ. Мы хотѣли только показать, что юридическихъ основаній для вознагражденія нѣтъ и что если идетъ о немъ рѣчь, то должна идти на основаніи государственной пользы и житейской справедливости.

Государственная польза требуетъ, чтобы ни одно сословіе не терпѣло напрасныхъ убытковъ.

Справедливость требуетъ, чтобы выкупъ не превышалъ мѣры дѣйствительной надобности въ немъ для помѣщиковъ.

На этомъ основаніи размѣръ выкупа можетъ быть опредѣленъ такой, что національное чувство останется довольно.

Если въ барщинныхъ имѣніяхъ, имѣющихъ довольно земли, размѣръ выкупа опредѣлится такой, чтобы, за вычетомъ долговъ въ кредитныя учрежденія, приходилось помѣщику получить сумму, достаточную для устройства земледѣльческаго хозяйства съ наемною платою, помѣщики не останутся въ убыткѣ; напротивъ, они очень много выиграютъ, потому что освободятся отъ долговъ, которыми угнетены, сохраняя всю часть помѣстья, отъ которой зависѣла его цѣнность, и устроить хозяйства болѣе выгоднымъ образомъ.

Они будутъ получать доходовъ больше прежняго. Они избавятся отъ обременительныхъ уплатъ въ кредитныя учрежденія. Поэтому продажная цѣнность ихъ имѣній значительно увеличится, хотя число десятинъ будетъ считаться менѣе, нежели было.

Въ такихъ помѣстьяхъ каждый рубль выкупа есть чистый выигрышъ для помѣщика.

Средній долгъ въ кредитныя учрежденія составляетъ отъ 55 до 60 рублей на душу.

На устройство хозяйства съ наемными работниками нужно наличныхъ денегъ не болѣе 4 рублей на десятину господской запашки, то есть, считая, среднимъ числомъ, 33 тягла въ 100 душахъ и $1\frac{3}{4}$ десятины въ полѣ господской запашки на тягло, всего около 175 десятинъ господской запашки на 100 душъ, нужно не болѣе 700 рублей для передѣлки земледѣльческаго хозяйства въ помѣстьѣ, имѣющей 100 душъ.

Такимъ образомъ, выкупъ отъ 62 до 67 руб. былъ бы совершенно достаточенъ для того, чтобы помѣщики заложенныхъ имѣній не потерпѣли никакого разстройства въ своемъ хозяйствѣ; а чистымъ выигрышемъ было бы для нихъ освобожденіе отъ долга въ кредитныя учрежденія, или, въ имѣніяхъ чистыхъ отъ того долга, полученіе суммы, равной среднему размѣру долга заложенныхъ имѣній.

Въ оброчныхъ помѣстьяхъ справедливость требовала бы принять основаніемъ цѣны для вознагражденія такую величину obroka, которая считается въ тѣхъ мѣстахъ необременительною для крестьянъ. Во многихъ губерніяхъ эта цифра не выше 15 рублей, въ нѣкоторыхъ еще ниже; въ немногихъ она доходитъ до 25 рублей. Среднюю величину для цѣлой имперіи можно положить около 20 рублей.

Считая 33 тягла на 100 дунгъ и капитализируя по $7\frac{1}{2}\%$, это составитъ около 89 рублей за душу.

Само собой разумѣется, что если эти 89 рублей употребить на дѣланіе обѣдовъ, баловъ, покупку каретъ и браслетъ, этихъ денегъ окажется мало для жизни. Точно также не для всѣхъ достаточенъ будетъ доходъ, если положить деньги въ кредитныя учрежденія, лечь на диванъ и курить трубку съ длиннымъ чубукомъ, получалъ по 5% на свой капиталъ. Но въ вангъ вѣкъ никакого капитала не будетъ достаточно для человѣка, желающаго жить сложа руки. А кто захочетъ пустить свой капиталъ въ оборотъ, тотъ легко получитъ съ него 8% и больше. Значитъ, изъ помѣщиковъ, владѣвшихъ оброчными, не останется въ убыткѣ никто, если самъ не захочетъ оставаться въ убыткѣ.

Мы не выставляемъ своихъ цифръ за непрекѣнные и окончательныя; мы просимъ только подумать, что, при этихъ или близкихъ къ нимъ цифрахъ выкупа, помѣщики оброчныхъ имѣній не останутся въ убыткѣ, а помѣщики тѣхъ имѣній, гдѣ существовала господская запапка, будутъ имѣть уже очень значительную выгоду.

Разумѣется, мы говоримъ о тѣхъ помѣщикахъ, которые не злоупотребляли своею властью, не разоряли крестьянъ противозаконнымъ увеличеніемъ барщины или такими оброками, отъ которыхъ возмущались сосѣдніе честные помѣщики. Мы говоримъ о помѣщикахъ честныхъ, совѣстливыхъ, которые честнымъ и разсудительнымъ способомъ дѣйствія въ губернскихъ комитетахъ уже оказали и себѣ, и крестьянамъ, и государству великую услугу, доказавъ, что освобожденіе крестьянъ безъ земли невозможно.

Просимъ ихъ подумать о величинѣ выкупа такъ же разсудительно, какъ подумали они объ освобожденіи съ землею или безъ земли. Просимъ ихъ подумать о томъ, есть ли для нихъ надобность въ такихъ странныхъ выкупахъ, какіе опредѣляются нѣкоторыми софистами, расчитывающими на остзейскій манеръ? Есть ли честному помѣщику земледѣльческаго имѣнія надобность, оставляя у себя всю ту землю, которая составляла цѣну помѣстья, требовать съ крестьянъ выкупа, который чуть ли не превышаетъ всей цѣны помѣстья? Просимъ ихъ подумать о томъ, останутся ли они въ убыткѣ, освободившись отъ долговъ въ кредитныя учрежденія и получивъ, сверхъ того, деньги, кація нужны для заведенія хлѣбопашества съ вольнонаемнымъ трудомъ? Просимъ ихъ также подумать о томъ, что, при той величинѣ выкупа, которую сами они, по совѣсти, вѣроятно, признаютъ за безубыточную для себя, при этой величинѣ выкупа отъ 70 до 90 рублей за душу, очень легко произвести выкупъ на такихъ основаніяхъ, которыми національное чувство останется довольно. Просимъ ихъ также подумать о томъ, признается ли національнымъ чувствомъ хотя какой нибудь выкупъ? Русскій народъ состоитъ не изъ экономистовъ, онъ не читалъ Адама Смита. Но пусть честные люди прислушаются къ голосу народа, и они узнаютъ, что нація думаетъ о выкупѣ. Хотите ли знать, что думаетъ нація? Нація спорить о томъ, что должно быть съ господскими полями и лугами: останутся ли они за помѣщикомъ, или также отойдутъ къ крестьянамъ? И, замѣтите, о выкупѣ не бываетъ въ этихъ спорахъ и поминъ. Просимъ прислушаться къ голосу націи и провѣрить, правду ли мы говоримъ. При такомъ расположеніи національнаго чувства, что остается дѣлать людямъ, которые желали бы, чтобы помѣщики получили выкупъ не на бумагѣ только, а

на самомъ дѣлѣ? Остается думать о томъ, такова ли удовлетворительная для помѣщиковъ величина выкупа, чтобы этотъ выкупъ былъ заплаченъ незамѣтно для крестьянъ, иначе сказать, такую ли величину имѣеть этотъ выкупъ, чтобы онъ могъ быть уплаченъ податью въ 3 рубля, то есть тѣми рублями, которые составляютъ разницу между нынѣшнею казенною податью крѣпостныхъ крестьянъ и тою, которою они по освобожденіи были бы обложены наравнѣ съ государственными крестьянами. Намъ кажется, что выкупъ такой величины безубыточенъ для помѣщиковъ оброчныхъ имѣній и составляетъ огромный выигрышъ для помѣщиковъ имѣній съ господскою запашкою. Просимъ подумать о такой величинѣ выкупа, потому что только она можетъ быть примирена съ національнымъ чувствомъ. Мы говоримъ о національномъ чувствѣ: почему не сказать и о наукѣ? Почему не замѣтить, что она съ своей стороны говоритъ то же самое, что говорить національное чувство, хотя оно и не знаетъ о ней. Нашъ взглядъ на юридическую величину выкупа не согласенъ съ предубѣжденіями, которыя всосаны многими изъ насъ отъ крѣпостнаго права, или, лучше сказать, отъ его злоупотребленій (потому что законное крѣпостное право, то право, которое можетъ требовать себѣ вознагражденія по Своду Законовъ, приводитъ къ такимъ же соображеніямъ, какія изложены у насъ); но спросите у любого экономиста, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, какого угодно: каждый скажетъ о размѣрѣ юридическаго вознагражденія то же самое, что должны были сказать мы для ослабленія фальшивыхъ и непрактичныхъ претензій, предъявляемыхъ нѣкоторыми. Сводъ законовъ, національное чувство, политическая экономія, — все приводитъ въ тому, что *требовать* выкупа едва ли выгодно и даже едва ли можно; но можно *получить* выкупъ въ такомъ размѣрѣ, который допускается состояніемъ государственныхъ финансовъ и національнымъ чувствомъ. Этотъ размѣръ мы старались опредѣлить. При выкупѣ отъ 70 до 90 рублей съ души, національное чувство не будетъ возмущено; государство не потерпитъ разстройства; одна треть помѣщиковъ (помѣщики оброчныхъ имѣній) останутся не въ убыткѣ; двѣ другія трети помѣщиковъ (помѣщики имѣній съ господскою запашкою) будутъ имѣть огромный выигрышъ.

А если требовать выкупа въ 150 рублей, народъ изнеможетъ подъ такою тяжестью, и что тогда будетъ? Чего ждать теперь крестьянинъ? Онъ ждетъ воли. Чего ждетъ онъ отъ воли? Облегченія своей судьбѣ. Какое же почувствуетъ онъ облегченіе и пойметъ ли онъ волю, если его заставитъ платить оброкъ не меньше, или даже больше нынѣшняго, или заставить, по прежнему, ходить на барщину? Какъ пойметъ онъ такое освобожденіе? Онъ не пойметъ его, онъ почтетъ себя обманутымъ, — и что тогда будетъ?

4) Долженъ ли выкупъ земли быть произведенъ немедленно обязательнымъ образомъ?

Человѣкъ, привыкшій разсуждать о житейскихъ дѣлахъ практическимъ образомъ, никакъ не можетъ самъ собою дойти до того, чтобы даже вообразить возможность этого вопроса. Его уму представляются только два способа освобожденія: или крестьяне освобождаются безъ земли, и въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности въ какомъ терминѣ „выкупъ“ — если крестьяне, освобождаемые безъ земли,

впослѣдствіи пріобрѣтутъ ее, это будетъ обыкновенною покупкою въ томъ самомъ смыслѣ, какъ нынѣ какой-нибудь мѣщанинъ или купецъ покупаетъ домъ или садъ у другаго; если же крестьяне освобождаются съ землею, этимъ самымъ уже говорится, что выкупъ соединенъ съ актомъ освобожденія, и какъ освобожденіе производится общео, обязательною мѣрою, то и переходъ земли долженъ быть одновремененъ съ самымъ освобожденіемъ и имѣть характеръ обязательности. Таково понятіе людей практическихъ. Только идеализмъ, чуждый реальнаго взгляда на житейскія дѣла и лишенный возможности практическаго осуществленія, можетъ оболщать среднимъ рѣшеніемъ, которое, говоря, что крестьяне освобождаются съ землею, прибавляетъ: „но выкупъ ея предоставляется добровольному соглашенію и можетъ быть отсроченъ“. Дѣйствительно, эта прибавка въ сущности значить, что крестьяне освобождаются безъ земли.

Добровольное соглашеніе только тогда можетъ быть добровольнымъ, когда обѣ стороны находятся въ полной независимости одна отъ другой. Положеніе крестьянъ, хотя бы и освобожденныхъ, не таково относительно помѣщика. Во-первыхъ, крестьянъ въ уѣздѣ десятки тысячъ, а помѣщиковъ — только десятки или сотни; притомъ, даже и эти немногочисленные продавцы привыкли уже сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ двумя или тремя богатѣйшими изъ своихъ сосѣдей: каждому извѣстно, что въ цѣломъ уѣздѣ, а иногда и въ нѣсколькихъ уѣздахъ, общество дворянъ слѣдуетъ обыкновенно руководству одной, двухъ. иною трехъ фамилій. Крестьянамъ, по ихъ многочисленности и разрозненности, нѣтъ возможности дѣйствовать такимъ же способомъ. Слѣдовательно, при такъ называемыхъ добровольныхъ сдѣлкахъ по выкупу земли, одна сторона пользовалась бы преимуществомъ монополіи, то есть вмѣсто свободной сдѣлки было бы совершенное диктованіе условій выкупа одною стороною. Само собою разумѣется, что условія диктовались бы самыя невыгодныя для желающихъ купить, и земля осталась бы въ рукахъ помѣщиковъ.

Говорятъ, что можно постановить какія нибудь правила, которыми предотвращалось бы произвольное диктованіе выкупной цѣны, напримѣръ: опредѣлить высшую норму выкупа, взносъ котораго передавалъ бы землю крестьянамъ и безъ согласія помѣщика. Но постановить высшую норму значить опредѣлить цѣну очень высокую, по которой могли бы безъ убытка быть выкуплены лишь немногіе участки земли, самыя дорогіе въ данной мѣстности. Дѣйствительная цѣна всѣхъ остальныхъ участковъ была бы по необходимости гораздо ниже этой нормы, и они остались бы не выкуплены. Притомъ, какъ бы точны ни были правила, которыми опредѣлялись бы условія взноса денегъ по нормальной цѣнѣ, все-таки невозможно будетъ въ этихъ правилахъ предусмотрѣть всѣхъ мелочей и подробностей практическаго ихъ примѣненія, и всегда могутъ быть найдены предлоги и отговорки для уклоненія отъ нихъ, если осуществленіе выкупа будетъ поставлено частнымъ дѣломъ между отдѣльнымъ помѣщикомъ и крестьянами cadaго села. Напримѣръ, если деньги должны будутъ вноситься прямо въ руки помѣщика, онъ просто можетъ отказываться брать ихъ, когда несогласенъ на выкупъ, и, вмѣсто выкупа, возникнетъ просто тяжбное дѣло о томъ, дѣйствительно ли помѣщику предлагался такой выкупъ, отъ котораго не долженъ былъ онъ отказываться; само собою разумѣется, что эта тяжба можетъ длиться до безконечности, по обыкновенному порядку нашихъ процессовъ. Если положено будетъ вносить выкупъ въ руки извѣстнаго чинов-

ника, онъ можетъ также отказываться принять его: кому не извѣстно, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ казначействахъ иногда не соглашаются принимать у поселянъ денегъ, приносимыхъ ими даже въ уплату государственныхъ податей, за своевременнымъ взношемъ которыхъ такъ бдительно слѣдитъ правительство? Гораздо легче отказаться чиновнику отъ пріема денегъ, предназначенныхъ для передачи частному лицу, когда само это лицо проситъ его не принимать денегъ. Посредствомъ подобныхъ проволочевъ, выкупъ можетъ быть оттягиваемъ очень долго, въ случаѣ несогласія на него помѣщика, а выигрышъ времени рѣшить весь ходъ дѣла. Игнѣ время, можно и обрѣзать крестьянскіе участки, и перенести ихъ съ одного мѣста дачи на другое. Что тогда будутъ дѣлать крестьяне? Жаловаться, начинать процессы? Но сколько лѣтъ будутъ тянуться и сколькоихъ денегъ стоитъ крестьянамъ процессы, и какъ будутъ рѣшаться, если когда нибудь подойдутъ къ рѣшенію?

Кто знаетъ состояніе нашей администраціи и нашего судопроизводства, тотъ очень хорошо понимаетъ, что у насъ рѣшительно непрактичны такіа идеальныя гипотезы, какъ предположеніе добровольныхъ соглашеній о выкупѣ земли между помѣщиками и освобождаемыми ихъ крестьянами. Такія гипотезы требуютъ отъ судопроизводства и администраціи такого совершенства, какого мы еще не находимъ вокругъ себя. Опредѣлять, что выкупъ земли предоставляется добровольнымъ сдѣлкамъ, значило бы у насъ опредѣлять, что крестьяне въ результатѣ увидятъ себя освобожденными безъ земли.

Само собою разумѣется, что предположеніе предоставить выкупъ земли добровольнымъ сдѣлкамъ могло возникнуть только вслѣдствіе сомнѣній о возможности безотлагательно произвести его обязательнымъ образомъ. Но если величина выкупа будетъ принята справедливая, то произвести его обязательнымъ образомъ будетъ очень легко. Мы подробно доказывали это въ статьѣ „Труденъ ли выкупъ земли“, гдѣ предлагали къ осуществленію его множество разныхъ способовъ, изъ которыхъ каждый былъ бы легковъ. Государство можетъ принять или не принять на себя производство этой операціи; она можетъ быть произведена съ помощью или безъ помощи вѣшняго займа и кредитныхъ билетовъ,—словомъ сказать, каковы бы ни были положеніе государственныхъ финансовъ и финансовыя планы правительства, все-таки легко найти способъ обязательнаго выкупа, соответствующій характеру этихъ условій, легкій и быстрый.

5) *Можно-ли поставить обязательный трудъ принудительнымъ способомъ: уплаты выкупа?*

На этотъ вопросъ отвѣтъ легко найти въ самомъ имени того дѣла, часть котораго составляетъ вопросъ о выкупѣ. Крестьяне освобождаются отъ крѣпостной зависимости: въ чемъ же состояла крѣпостная зависимость? Основною и единственною законною чертою ея былъ обязательный трудъ. Итакъ, сохранить обязательный трудъ значило бы въ сущности сохранить крѣпостное право. Народъ не могъ бы понять этого иначе и былъ бы правъ. Нѣтъ надобности говорить, какія послѣдствія были бы произведены, если бы народъ остался при убѣжденіи, что крѣпостное право уцѣло.

При несообразности своей съ ожиданиями народа, сохраненіе обязательнаго труда было бы противно и требованіямъ науки. Экономическая сторона, конечно, самая важная въ крѣпостномъ вопросѣ. Въ чемъ же состоитъ сущность крѣпостнаго права по объясненію политической экономіи? Точно такъ же, какъ и по мнѣнію народа, въ обязательномъ трудѣ. Если политическая экономія признаетъ крѣпостное право гибельнымъ для націи, убыточнымъ для самихъ владѣльцевъ, она поставляетъ источникомъ всѣхъ его такихъ дѣйствій обязательный трудъ. Пока онъ не прекратится, политическая экономія не будетъ признавать прекратившимся и крѣпостнаго права.

СУЕВѢРІЕ И ПРАВИЛА ЛОГИКИ.

Позволятельна ли по правиламъ логики гипотеза о вредномъ вліянніи общиннаго владѣнія на земледѣіе.—Что такое называется азіатствомъ и въ чемъ заключаются дѣйствительныя препятствія успѣхамъ нашего земледѣія.

Намъ, людямъ просвѣщеннымъ, чрезвычайно смѣшны кажутся деревенскіе простяки, вѣрящіе въ знахарство и заговоры. Пропадетъ у бабы холстъ, который разострала она бѣлить за огородомъ,—баба отправляется въ знахарю, главѣ всѣхъ окрестныхъ мошенниковъ, и знахарь объявляетъ ей, что холстъ найдется въ такомъ-то овинѣ или хлѣвѣ. Долго бьетъ мужика неотвязна-лихорадка: призываютъ знахарку,—она поить его виномъ, къ которому примѣшанъ мышьякъ, сопровождая лѣченіе причитываніемъ разныхъ заговоровъ, и лихорадка проходитъ, если больной не умретъ отъ мышьяка. И баба, нашедшая свой холстъ, и мужикъ, выздоровѣвшій отъ лихорадки, остаются въ твердомъ убѣжденіи, что дѣйствіе произведено причитываніями и таинственными жестами, съ которыми знахарь гадала о потерянной вещи и знахарка давала лѣкарство. Какое нелѣпое, тупоумное суевѣріе! Но если, вмѣсто того, чтобы смѣяться надъ нимъ, мы захотимъ разобратъ, отчего произошло дикое заблужденіе, мы найдемъ, что сущность его состоитъ въ предположеніи, будто-бы результатъ произведенъ фактомъ, только случайно совпадающимъ съ другими фактами, обратить вниманіе на которые не хотятъ суевѣрные простяки, и которые сами по себѣ уже очень достаточны для объясненія дѣла. Знахарь имѣетъ сношенія съ ворами—это извѣстно всѣмъ въ селѣ; не было ли бы довольно этого, чтобы понять, какъ можетъ онъ указать мѣсто украденной вещи, подѣлвшись оброкомъ отъ простодушной крестьянки съ своими агентами—ворами? Мышьякъ лѣкарство слишкомъ вредное, но радикальное лѣкарство отъ лихорадки: не было ли бы довольно этого, чтобы объяснить излѣченіе мужика? Но деревенскіе невѣжды, пренебрегая причинами положительными, непремѣнно хотятъ строить гипотезы о мнимомъ вліянніи такихъ фактовъ, которые ровно ничѣмъ не участвовали въ совершеніи дѣла.

Если мы не захотимъ забывать найденной нами существенной черты суевѣрія, то безъ всякаго затрудненія мы найдемъ слово, которымъ надобно характеризовать мнѣніе отсталыхъ экономистовъ о томъ, будто бы плохое состояніе нашего земледѣія имѣетъ какую нибудь связь съ общиннымъ владѣніемъ. Это мнѣніе, точно такъ же какъ вѣра въ силу таинственныхъ жестовъ знахарства, основывается исключительно на томъ, что отсталые экономисты непремѣнно хотятъ придумать гипотезу для объясненія факта, слишкомъ достаточно объясняемаго дѣйствіемъ причинъ очевидныхъ и несомнѣнныхъ. Въ одной статьѣ

мы говорили о возраженіяхъ противъ общиннаго владѣнія, протекающихъ отъ незнакомства съ философіею, въ другой—о возраженіяхъ, протекающихъ изъ незнакомства съ характеромъ дѣльнаго законодательства, изъ неумѣнія отличить его отъ безтолковой регламентаціи; теперь мы будемъ говорить о предразсудкѣ, возникающемъ изъ незнакомства съ основными правилами логики.

Когда мы хотимъ изслѣдовать, можетъ ли какое-нибудь обстоятельство считаться причиною извѣстнаго факта, логика предписываетъ намъ, во-первыхъ, рассмотреть, нужна ли гипотеза о какой бы то ни было лишней причинѣ, или тотъ фактъ, происхожденіе котораго мы хотимъ узнать, совершенно достаточно объясняется дѣйствіемъ причинъ уже извѣстныхъ. Если окажется, этихъ несомнѣнныхъ причинъ уже совершенно достаточно, и что нѣтъ надобности придумывать новую причину, логика велитъ намъ испытать, нѣтъ ли положительныхъ указаній, что фактъ, происхожденіе котораго мы объясняемъ, возникаетъ исключительно отъ этихъ причинъ, совершенно независимо отъ обстоятельства, которому наше суетвѣріе приписывало вліяніе на него. Для этого логика велитъ внимательно обзрѣть природу и исторію, чтобы видѣть, не повторяется ли этотъ фактъ въ полной своей силѣ и тамъ, гдѣ не существуетъ обстоятельства, которое суетвѣрнымъ образомъ ставится въ связь съ нимъ. Для человѣка разсудительнаго бываетъ обыкновенно довольно первой половины изслѣдованія; но тотъ, кто ослѣпленъ суетвѣріемъ, принужденъ бываетъ сознаться въ своемъ заблужденіи только по приложеніи къ спорному вопросу и втораго способа,—способа отрицательной повѣрки. Положимъ, на примѣръ, что я вздумалъ бы утверждать, будто поднятіе ртути въ барометрической трубкѣ зависитъ отъ свойствъ стеклянной массы, составляющей стѣнки этой трубки. Какъ узнать, основательно ли мое мнѣніе? Каждому извѣстно, что ртуть поднимается въ трубкѣ давленіемъ атмосферы, и логика велитъ прежде всего наслѣдовать, достаточно ли вліянія одной этой причины для поднятія ртути на ту высоту, какой она достигаетъ въ барометрѣ. Если окажется, что достаточно одного давленія атмосферы для произведенія этого факта, разсудительные люди уже увидятъ неосновательность моего мнѣнія о связи этого явленія съ качествами стекла; но я въ упорствѣ своего ослѣпленія все еще могу твердить: „такъ, ртуть поднимается давленіемъ атмосферы; но почему знать, не поднимается ли она отчасти также и какимъ нибудь свойствомъ стекла?“ Чтобы отнять у меня возможность такого пустословія, надобно сдѣлать барометръ изъ желѣза, кости или какого нибудь другаго матеріала: когда въ роговой или глиняной трубкѣ ртуть будетъ подниматься точно такъ же, какъ въ стеклянной, нелѣпость моей гипотезы обнаружится такимъ осязательнымъ способомъ, что, не отказавшись отъ нея, я представляюсь уже просто или человѣкомъ недоброосвѣстнымъ, или тупоумнымъ суетвѣромъ. Упрямство отсталыхъ экономистовъ таково, что необходимо довести изслѣдованіе о предполагаемой связи между низкимъ состояніемъ земледѣлія и общиннымъ владѣніемъ до этого послѣдняго результата. Для нихъ мало будетъ простаго указанія на то, что предположеніе объ этой связи гипотеза совершенно лишняя, потому что и безъ нея фактъ слишкомъ достаточно объясняется такими причинами, вліяніе которыхъ на состояніе земледѣлія несомнѣнно.

Развитіе сельскаго хозяйства въ Россіи слабо. Но могло ли оно достигъ высокой степени, какова бы ни была у насъ система владѣнія землею? Существовало ли у насъ до сихъ поръ хотя одно изъ тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ ■-

висить усиленное развитіе земледѣлія? Не очевидно ли, напротивъ, что всѣ данныя, которыми обусловливается положеніе сельскаго хозяйства, находились у насъ до сихъ поръ на ступени, чрезвычайно неблагопріятной его успѣхамъ? Пересмотримъ поочередно главнѣйшія изъ этихъ данныхъ, чтобы видѣть, какого развитія могло достигать у насъ сельское хозяйство при какомъ бы то ни было способѣ владѣнія землею.

Статистика говоритъ, что степень успѣховъ сельскаго хозяйства вездѣ соотвѣтствуетъ густотѣ населенія. Лучше всего въ Европѣ земля обрабатывается въ Англіи, въ Рейнской Германіи и въ Ломбардіи: эти страны имѣютъ отъ 5 до 6,000 населенія на квадратную милю. Во Франціи, гдѣ населеніе простирается до 4,000 человекъ на квадратную милю, земля обрабатывается далеко не съ такой заботливостію. Въ восточныхъ частяхъ Австрійской имперіи, гдѣ населеніе еще рѣже, обработка земли еще хуже. Въ собственной Венгріи, гдѣ на квадратную милю считается 2,500 населенія, сельское хозяйство до сихъ поръ остается подъ господствомъ методовъ обработки совершенно первобытныхъ. Еще меньше усовершенствованій имѣетъ сельское хозяйство въ Трансильваніи, гдѣ приходится на квадратную милю по 2,000 человекъ. Венгрія и Трансильванія до такой степени отстали въ методахъ сельскаго хозяйства отъ прочихъ земель Западной Европы, что статистика, говоря о земледѣліи въ Западной Европѣ, никакъ не думаетъ и вспоминать о восточныхъ областяхъ Австріи, какъ о странахъ сколько нибудь похожихъ въ этомъ отношеніи на земли болѣе населенныя, которыя служатъ исключительнымъ мѣстомъ усовершенствованій въ земледѣліи. У насъ нѣтъ ни одной губерніи, которая густотою своего населенія равнялась бы хотя Венгріи, и, за исключеніемъ одной Московской, нѣтъ ни одной губерніи, которая превосходила бы въ этомъ отношеніи Трансильванію. Если мы возьмемъ даже только однѣ такъ называемыя земледѣльческія наши губерніи, то есть западную часть центральной Россіи, Малороссію и землю черноземной полосы, все-таки, въ общей сложности, мы не получимъ болѣе 1,200 человекъ на квадратную милю въ этомъ пространствѣ, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточено наше земледѣліе *). Скажите же, какихъ усовершенствованныхъ методовъ, при какомъ бы то ни было способѣ населенія, можно ожидать въ сельскомъ хозяйствѣ такой страны, которая имѣетъ населенія въ два раза меньше, чѣмъ Венгрія и Трансильванія, гдѣ, по иноземелію, нѣтъ надобности въ усовершенствованныхъ методахъ? Если Франція, имѣющая около 4,000 жителей на квадратную милю, до сихъ поръ держится трехпольнаго хозяйства, если она до сихъ поръ остается почти совершенно чужда усовершенствованнымъ способамъ производства, то не безумно ли приписывать мистическому вліянію общиннаго владѣнія то обстоятельство, что мы, подобно французамъ, держимся трехпольной системы и подобно французамъ плохо удобряемъ свою землю? Кто, сравнивши, густоту населенности въ Европейской Россіи и въ Западной Европѣ, будетъ нуждаться еще въ гипотезѣ о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія, тотъ, по нашему мнѣнію, долженъ, въ случаѣ болѣзни, ле-

*) Мы отбрасываемъ губерніи Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Астраханскую и другія, въ которыхъ населеніе несравненно меньше. Читатель знаетъ что если считать эти громадна пустыни, то средняя густота населенія въ Европейской Россіи едва достигаетъ 650 человекъ на квадратную милю. Но мы беремъ только ту половину Европейской Россіи, въ которой населеніе по вашей русской вормѣ считается уже довольно густымъ и которая ар...

читаться не у докторовъ, а у знахарей: дѣйствіе медицинскихъ средствъ ему должно казаться тоже недостаточнымъ, и онъ долженъ искать помощи себѣ въ какомъ нибудь заговорѣ колдуна.

Зависимость усовершенствованныхъ способовъ обработки земли отъ густоты населенія ясъе всего выказываютъ Соединенные Штаты. Они въ высокой степени обладаютъ всѣми другими условіями, вызывающими усовершенствованное сельское хозяйство: и громаднымъ развитіемъ городовъ, и превосходными путями сообщенія, и страшнымъ богатствомъ капиталовъ, — всѣми этими условіями, которыхъ лишена Россія; они отличаются отъ Англіи только тѣмъ, что густота населенія въ нихъ невелика, и отъ разницы въ этомъ одномъ обстоятельствѣ происходитъ то, что сѣвероамериканецъ пренебрегаетъ усовершенствованными методами сельскаго хозяйства. Спросите его, почему онъ не употребляетъ на улучшение акра земли въ какомъ нибудь Огайо по 100 долларовъ, между тѣмъ какъ англичанинъ тратитъ на улучшение своей земли гораздо больше. — онъ или захохочеть, считалъ васъ помѣшаннымъ, или разсердится, думалъ, что вы принимаете его за дурачка, надъ которымъ можно потѣшаться. Но если вы объясните ему, что вы спрашиваете серьезно, и докажете, что вы человѣкъ не глупый, а только чрезчуръ начитавшійся отсталыхъ экономистовъ, то онъ растолкуетъ вамъ, въ чемъ дѣло. Онъ скажетъ: если я буду обрабатывать свою землю по англійской усовершенствованной методѣ, я не обработаю и третьей части того количества, какое находится у меня теперь подъ посѣвомъ. Земля у насъ такъ дешева, что тратить много денегъ на ея улучшение еще невыгодно.

Отсталые экономисты вообще такъ сообразительны, что, пожалуй, тотчасъ же придумаютъ новую гипотезу, все во вредъ тому же непостижимому для нихъ общинному владѣнію. Надобно поскорѣ сдѣлать оговорку, чтобы предупредить ихъ остроумную догадку. Хорошо, скажутъ они, затрачивать много денегъ на улучшение земли у насъ нельзя потому, что земля слишкомъ дешева и населеніе не имѣетъ такой густоты, какъ въ Англіи. Но причину малой населенности и дешевизны нашихъ земель не должно ли считаться общинное владѣніе? Мы не сами выдумали это остроумное соображеніе, послѣ котораго остается только предположить, что нерасчищенность фарватера нашихъ рѣкъ происходитъ также отъ общиннаго владѣнія. Отсталые экономисты дѣйствительно говорили, что развитіе населенія у насъ задерживается общиннымъ владѣніемъ; но это показываетъ только, что они не читали даже извлеченія изъ русской исторіи Карамзина, которое приложено къ нѣмецкой грамматикѣ г. Тапне, для упражненія въ переводахъ. Иначе они знали бы, что до половины XVII вѣка вся Европейская Россія была театромъ такихъ событій, при которыхъ можно дивиться развѣ тому, что уцѣлѣли въ ней хотя тѣ малочисленные жители, которыхъ имѣла она при Петрѣ. Татарскіе набѣги, нашествіе поляковъ, многочисленныя шайки разбойниковъ, походившія своею громадностью на цѣлыя арміи, — все это постоянно дотла разоряло русскія области. Онѣ опустошались также страшною неурядицею управленія. Мы знаемъ, что вольные люди записывались за помѣщиковъ, лишь бы найти себѣ какую нибудь защиту, потому что законъ былъ совершенно безсиленъ оградить ихъ, — это фактъ, говорящій о такомъ положеніи вещей, соотвѣтствіе которому въ исторіи Западной Европы представляютъ лишь тѣ мрачныя времена среднихъ вѣвовъ, когда аллодіальные владѣльцы принимали на себя феодальную зависимость. Удивительно ли,

что, при такомъ положеніи дѣлъ, народонаселеніе оставалось чрезвычайно мало-численнымъ? Только съ XVIII вѣка внѣшніе раззорители были обузданы и внутренняя администрація стала нѣсколько улучшаться; съ тѣхъ поръ, въ теченіе 160 лѣтъ, она постоянно улучшалась, но, по нынѣшнему ея состоянію, можно судить о томъ, какова была она лѣтъ 70 тому назадъ. Если теперь производятся вещи, тысячной доли которыхъ не могъ описать Щедринъ, то рассказы нашихъ отцовъ и дѣдовъ свидѣтельствуютъ, что въ ихъ времена господствовалъ произволъ, невѣроятный даже для насъ. Не будетъ ли явнымъ безразсудствомъ отнекивать какихъ-нибудь другихъ причинъ къ объясненію того факта, что Россія заселена еще очень слабо? Мы удивляемся не тому, что теперь наше населеніе еще слишкомъ мало; напротивъ, скорѣе требовало бы объясненія то обстоятельство, какимъ образомъ могло оно увеличиться хотя до настоящей цифры при извѣстной намъ судьбѣ русскаго народа въ этотъ періодъ. Сравнивая цифру населенія собственно русекныхъ областей въ наше время съ населеніемъ ихъ за полтора ста лѣтъ, мы должны приписать натурѣ русскаго человѣка чрезвычайную переносливость — черта, которая обнаруживается также всею нашею исторіею и всѣми особенностями нашего быта.

Мы сказали только объ одной причинѣ неразвитости нашего сельскаго хозяйства, и эта одна причина — малая населенность даже самыхъ населенныхъ нашихъ земель — уже могла бы служить очень удовлетворительнымъ объясненіемъ тому, что наше земледѣліе еще не вышло изъ-подъ господства первобытныхъ методовъ обработки; но сколько есть еще другихъ несомнѣнныхъ причинъ, дѣйствующихъ въ томъ же направленіи. Замѣчено, напримѣръ, что развитіе сельскаго хозяйства идетъ въ уровень съ развитіемъ городовъ. Дѣло очень понятное: методы производства улучшаются тогда, когда нужно усиленное производство; усиленіе производства возможно только тогда, когда есть сбытъ для продуктовъ. Въ большой странѣ города-собственнаго государства должны служить важнѣйшимъ мѣстоиъ сбыта сельскихъ продуктовъ. Потому, чѣмъ значительнѣе пропорція городского населенія въ общемъ числѣ жителей страны, тѣмъ высшаго развитія достигаетъ въ ней земледѣліе. Противники общиннаго владѣнія восхищаются англійскимъ сельскимъ хозяйствомъ; но вѣдь въ Англій болѣе двухъ третей населенія живетъ въ городахъ. Одинъ Лондонъ, съ принадлежащими въ нему мѣстечками, представляетъ массу повушниковъ хлѣба едва-ли не ббльшую, чѣмъ всѣ города Русской имперіи отъ Петербурга до Якутска *).

Въ Англій болѣе двухъ третей населенія сосредоточено въ городахъ. Въ Пруссіи городскіе жители все еще составляютъ около третьей части всего населенія; даже въ Австріи въ городахъ живетъ восьмая часть населенія. У насъ оно составляетъ едва двѣнадцатую часть. Итакъ, не сравнивалъ Россіи съ Англійей, ни даже съ Франціей и Пруссіей, довольно будетъ замѣтить, что по пропорціи между городскимъ и сельскимъ населеніемъ русское земледѣліе находится въ положеніи, въ полтора раза неблагопріятнѣйшемъ, чѣмъ земледѣліе Австріи, самой отсталой западной державы по методамъ сельскаго хозяйства.

*) Въ Лондонѣ съ окрестными мѣстечками считается до 3 милліоновъ жителей, а во всѣхъ городахъ Русской имперіи до 5 съ половиною милліоновъ. Но почти во всѣхъ нашихъ уѣздахъ и даже во многихъ губерскихъ городахъ большинство населенія занимается хлѣбопашествомъ. Эти люди горожане только по имени, а въ самомъ хлѣбѣ они такіе же поселяне, какъ и деревенскіе мужики, несмотря на свой титулъ мѣщанъ. Нитъ надобности говорить, что въ Лондонѣ, напротивъ того, каждый житель все производитъ, а только потребляетъ хлѣбъ.

Отсталые экономисты могутъ въ чемъ угодно обвинять общивное владѣніе. Можетъ быть, оно причиною того, что климатъ нашъ суровъ, что часты у насъ засухи; но едва ли даже они дойдутъ до мысли приписывать ему неразвитость нашихъ городовъ. А, между тѣмъ, странно сказать, какъ ни малы наши города, они почти не увеличиваются, какъ будто бы нѣтъ у насъ и потребности въ нихъ. Одесса, Харьковъ, еще два, три города—и вонченъ списокъ всѣхъ центровъ, развивающихся замѣтнымъ образомъ. Даже столицы наши увеличиваются далеко не такъ быстро, какъ большіе города Западной Европы. Въ Москвѣ, напримѣръ, съ незапамятныхъ временъ, чуть ли еще не при Иванѣ III Васильевичѣ, а навѣрно при Елисаветѣ Петровнѣ, считали 300,000 жителей. По прошлогоднему календарю считалось въ ней 354,927 жителей. Надобно будетъ справиться въ календарь за нынѣшній годъ, не вознагражденъ ли въ послѣдніе десять мѣсяцевъ застою цѣлаго столѣтія. Шутки въ сторону. Какіхъ успѣховъ можно ожидать при какомъ бы то ни было способѣ землевладѣнія отъ сельскаго хозяйства такой страны, гдѣ послѣ двухъ столичныхъ губерній и Херсонской губерніи съ ея полуиностранною Одессою первое мѣсто, по пропорціи между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, занимаютъ провинціи, недавно завоеванные отъ Турціи, какъ будто бы самыя передовыя въ экономическомъ развитіи *).

Наши города оставались до сихъ поръ какими-то пародіями на города. Но если они представляли для сбыта сельскихъ произведеній рынокъ столь ничтожный, что не могли поднять земледѣлія, за то есть у насъ другой источникъ сбыта—заграничная торговля. Мы кричимъ очень много объ отправляемомъ нами за границу хлѣбѣ. Но въ цѣлыя десять лѣтъ, съ 1844 до 1853 включительно, мы вывезли не въ всѣхъ нашихъ гаваней, всѣхъ еортовъ хлѣба вмѣстѣ, всего 57 милліоновъ четвертей, по 5,700,000 четвертей въ годъ, то есть, считая по полуторы четверти на продовольствіе одного потребителя, весь нашъ заграничный отпускъ равнялся присутствію четырехъ милліоновъ потребителей. Изъ этого слѣдуетъ, что если мы соединимъ размѣръ внутреннего рынка (городскіе потребители) съ продажей на заграничные рынки, мы получимъ, что все поощреніе нашего земледѣлія къ усиленному производству равнялось потребности 8 милліоновъ потребителей **). Итакъ, оба рынка, ви́шній и внутренний, едва могутъ производить у насъ на земледѣліе столько возбуждающаго вліянія, сколько производится въ Австріи однимъ внутреннимъ рынкомъ.

*) Для курьеза—именно для курьеза, потому что цифры эти восхитительны, —выписываемъ верхнюю часть таблицы городского населенія изъ Тенгоборскаго.

На 1,000 человекъ населенія считается городскихъ жителей:

Губерніи:

1. С.-Петербургская	517
2. Московская	258
3. Херсонская (Одесса)	237
4. Таврическая (турецкая цивилизація)	172
5. Бессарабія (турецкая цивилизація)	163
6. Астраханская (калмыцкая цивилизація)	140
7. Курляндія (вѣмпы)	121
8. Харьковская (слава Богу, вотъ и ми наконецъ) 114	

**) Мы полагаемъ, изъ 5 съ половиною милліоновъ городского населенія, до 4,000,000 человекъ покупающихъ хлѣбъ,—цифра слишкомъ высокая,—и къ нимъ прибавляемъ 4,000,000 потребителей, которыхъ мы продовольствуемъ за границей.

Отсталые экономисты могут приписать все это общинному владѣнію; но дѣло извѣстное, что слабое развитіе нашихъ городовъ имѣетъ свою причину неразвитость нашей промышленности и торговли, а отпускъ хлѣба за границу стѣсняется отсутствіемъ сносныхъ путей сообщенія. Надобно ли говорить, что обѣ причины, кромѣ коевеннаго вреда, приносимаго ими земледѣлію черезъ ограниченіе заграничнаго сбыта и городского потребленія, страшно вредятъ сельскому хозяйству и прямымъ образомъ? Надобно ли говорить, что, каково бы ни было число жителей въ городахъ, земледѣліе не можетъ дѣлать успѣховъ въ странѣ, гдѣ слаба промышленность и торговля? Надобно ли говорить, что всякое производство, а въ особенности земледѣльческое производство нуждается для своего развитія въ удобныхъ путяхъ сообщенія? Кому неизвѣстно, что Псковская губернія можетъ умереть съ голоду прежде, чѣмъ получить хотя четверть хлѣба изъ Малороссіи, которая въ то же время будетъ страдать отъ невозможности сбыть куда бы то ни было свой хлѣбъ? Или надобно говорить о томъ, что наша торговля находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи, а пути сообщенія до послѣдняго времени находились еще въ худшемъ?

Есть еще одно важное коммерческое обстоятельство, специальнымъ образомъ тяготящее надъ нашимъ земледѣліемъ. Изъ всѣхъ отраслей производства, въ сельскомъ хозяйствѣ всего ощутительнѣе важность оборотнаго капитала. Фабрика или заводъ обыкновенно или создается или покупается тѣмъ самымъ человѣкомъ, который бываетъ хозяиномъ производства. При покупкѣ или устройствѣ своего заведенія, онъ обыкновенно рассчитываетъ, чтобы нужное количество капитала оставалось у него для оборота. Не то въ сельскомъ хозяйствѣ. Земля чаще всего достается по наслѣдству, и владѣлецъ, не получивъ вмѣстѣ съ нею оборотнаго капитала, обыкновенно и не понимаетъ нужды въ немъ. Земля у него есть, работа даромъ и справляется крѣпостными людьми: о чемъ же еще думать владѣльцу? Если у него есть деньги, онъ пускаетъ ихъ въ другія предпріятія, или, чаще всего, проживаетъ, а земледѣльческое производство совершается у него рѣшительно безъ всякихъ затратъ оборотнаго капитала. Между тѣмъ, извѣстно, что успѣхи земледѣлія находятся въ прямой зависимости отъ величины затратъ на оборотный капиталъ. Какихъ успѣховъ можно ожидать тамъ, гдѣ нѣтъ понятія о надобности въ оборотномъ капиталѣ?

Это положеніе приводитъ насъ къ одному изъ основныхъ источниковъ нашей отсталости во всѣхъ отношеніяхъ — къ крѣпостному праву. Кореннымъ образомъ крѣпостное право принадлежитъ сферѣ сельскаго хозяйства, и само собою разумѣется, что если оно обезсилывало всю нашу жизнь, то съ особенною силою должны были отражаться его результаты на земледѣліи, которое поляѣ всего подчинялось его силѣ. Неизвѣстно было бы здѣсь распространяться объ этомъ предметѣ, — о немъ довольно наговорено въ послѣднее время безчисленными писателями, которые вдругъ обнаружили благороднѣйшее негодованіе противъ бѣдствія, имѣвшаго привиллегію столь долго не вызывать никакихъ порицаній. Мы сами грѣшили этими внезапными всплывками благородства.

Въ тѣ дни, когда нашь было ново
Значенъ правды и добра,

и теперь не можемъ не краснѣя вспоминать о тогдашнихъ нашихъ подвигахъ.

Итакъ, довольно будетъ сказать, что цѣна хлѣба зависѣла отъ той части его, которая производилась крѣпостнымъ трудомъ, то есть не имѣла ровно никакой цѣны въ глазахъ владѣльца, и что крѣпостное право, передѣлавши въ своемъ духѣ всѣ наши обычаи, конечно, не могло содѣйствовать ни развитію духа предприимчивости, ни поддержанію трудолюбія въ нашемъ племени. Если бы не было никакихъ другихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, одного крѣпостнаго права было бы достаточно, чтобы объяснить жалкое положеніе нашего земледѣлія.

Крѣпостное право было однимъ изъ учрежденій, ослаблявшихъ народную энергію. Но не одному ему надобно приписывать страшный упадокъ ея. Крѣпостное право было только однимъ изъ множества элементовъ, имѣющихъ такое же вліяніе на силу націи. Мы не хотимъ теперь перечислять всѣхъ этихъ вредныхъ учрежденій: для нашей цѣли довольно будетъ обратить вниманіе только на результатъ ихъ. Русскій народъ жилъ, или, лучше сказать, прозябалъ или дремалъ¹ въ тяжелой летаргіи, немногимъ отличающейся отъ расположенія духа, владычествующаго надъ азіатцами. Энергія труда подавлена въ насъ вмѣстѣ со всякою другою энергіею. Историческіе обстоятельства развили въ насъ добродѣтели чисто пассивныя, какъ, на примѣръ, долготерпѣніе, переносливость къ лишениямъ и всякимъ невзгодамъ. Въ сантиментальномъ отношеніи эти качества могутъ быть очень хороши, и нѣтъ сомнѣній, что они очень удобны для людей, пользующихся ими къ своей выгодѣ; но для развитія экономической дѣятельности пассивныя добродѣтели нигде не годятся.

Мы сказали, что не хотимъ перечислять причинъ, подавляющихъ энергію труда въ русскомъ народѣ. Это перечисленіе было бы слишкомъ огорчительно для нашего съ вами патріотизма, читатель (мы надѣемся, что вы такой же яростный патріотъ, какъ и мы; что вы, подобно намъ, восхищаетесь нашимъ общественнымъ устройствомъ во всѣхъ его подробностяхъ, начиная съ петербургскихъ и кончая сельскою администраціею). Но мы должны обратить вниманіе на одну сторону народной жизни, которая, сама обуславливаясь благосостояніемъ и свободою народа, служить кореннымъ источникомъ всѣхъ успѣховъ его экономической дѣятельности. Каждое человѣческое дѣло успѣшно идетъ только тогда, когда руководится умомъ и знаніемъ; а умъ развивается образованіемъ, и знанія даются тоже образованіемъ; потому только просвѣщенный народъ можетъ работать успѣшно. Въ какомъ же положеніи наше образованіе? Въ цѣлой Западной Европѣ, имѣющей около 200 милліоновъ жителей, не найдется столько безграмотныхъ людей, какъ въ одной нашей родинѣ; въ какой-нибудь Бельгіи, или хотя бы даже Баваріи, при всей отсталости Баваріи отъ другихъ земель Западной Европы, на 5 милліоновъ населенія считается столько же учащихся въ школахъ, сколько въ цѣлой Россіи, и число всѣхъ грамотныхъ людей въ Россіи таково, что едва ли бы достало его на одну провинцію въ Прусскомъ королевствѣ *). О томъ, насколько распространено у насъ высшее образованіе, нечего и говорить: объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ

*) По самымъ щедрямъ разчетамъ предполагается, что въ 65 или 70 милліоновъ жителей Русской имперіи, людей, умѣющихъ читать, набирается до 5 милліоновъ. Но эта цифра, по всей вѣроятности, слишкомъ высока. Большинство грамотныхъ людей сосредоточено въ городахъ; въ селахъ едва ли наберется половина того, сколько находится въ городахъ. Но и въ городахъ гораздо больше половины жителей еще не знаютъ грамоты. Судя по тому, что мы ошибемся, положивъ число грамотныхъ людей въ Россіи не превышающимъ 4 милліона

цифры изданій Гоголя, Пушкина, Тургенева и число экземпляровъ, въ какомъ издаются наши газеты и журналы *).

Какъ изъ неуспѣшности русскаго человѣка въ матеріальной работѣ провинціальныя люди вывели, что онъ отъ природы расположенъ къ лѣнности, такъ изъ слабаго развитія нашей образованности они заключаютъ, что русское племя мало имѣетъ охоты къ просвѣщенію. Объ эти клеветы одинаково тупоумны и нелѣпы. Стремленіе въ народѣ чрезвычайно сильно; но обстоятельства слишкомъ не благоприятствуютъ его осуществленію.

Мы перечислили много причинъ, имѣющихъ гибельное вліяніе на наше земледѣліе: отсутствіе умственнаго развитія въ народѣ, упадокъ его энергіи, крѣпостное состояніе, недостатокъ оборотнаго капитала, неразвитость торговли и промышленности, плохое состояніе путей сообщенія, слабое развитіе городовъ, незначительная степень населенности, — все это такія причины, изъ которыхъ каждая сама по себѣ и безъ содѣйствія другихъ бываетъ въ состояніи задержать сельское хозяйство на низкой степени развитія. Изъ европейскихъ народовъ нѣтъ ни одного, у котораго хотя одинъ изъ этихъ фактовъ, враждебныхъ успѣхамъ земледѣлія, имѣлъ бы такой обширный размѣръ, какъ у насъ, и нѣтъ въ Европѣ ни одного народа, у котораго бы соединялись всѣ эти факты, соединенные у насъ. Что-жъ удивительнаго, если земледѣліе у насъ находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ у западныхъ народовъ? Когда есть такъ много и столь сильныхъ несомнѣнныхъ причинъ, производящихъ данное положеніе, позволяютъ ли правила логики придумывать еще гипотетическія и нистическія причины? При видѣ фактовъ, нами перечисленныхъ, говорить, что наше земледѣліе задерживается общиннымъ владѣніемъ, значитъ подражать той дамѣ, которая зимою поѣхала на балъ, накинувъ на голыя плечи только легкую мантилью, а потомъ, выдержавъ горячку, приписывала свою болѣзнь тому обстоятельству, что забыла взять съ собою вѣйеръ. Мы не знаемъ, имѣетъ ли вѣйеръ свойство предохранять отъ простуды; но можно думать, что еслибъ онъ и былъ у ней въ рукахъ, онъ не замѣнилъ бы для нея шубы и теплыхъ ботинокъ. Можно полагать, что, каковъ бы ни былъ способъ землевладѣнія въ странѣ, гдѣ населеніе мало, города не развиты, путей сообщенія нѣтъ, торговли и промышленности почти нѣтъ, оборотнаго капитала въ земледѣліи нѣтъ, гдѣ не развиты въ народѣ энергія и нѣтъ простора умственной дѣятельности, — можно думать, что, каковъ бы ни былъ способъ владѣнія землею въ такой странѣ, земледѣліе не могло бы достигъ въ ней никакихъ успѣховъ.

Говорить о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія на земледѣліе въ Россіи значитъ приписывать цвѣту волосъ или величинѣ усовъ неподвижность человѣка, у котораго поражены параличемъ руки и ноги. Насъ такъ восхищаетъ гипотеза о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія, что мы предложимъ рядъ вопросовъ. ко-

*) Всѣ наши ежедневныя газеты, вмѣстѣ взятыя, расходятся въ числѣ 30 или много 35 тысячъ экземпляровъ: всѣ большіе журналы, вмѣстѣ взятыя, далеко не достигаютъ этой цифры. Предположимъ для каждаго экземпляра даже по 10 человѣкъ читателей, мы увидимъ, что все наше образованное общество едва ли простирается до полумилліона человѣкъ. Во Франціи, гдѣ чтеніе распространено меньше, нежели въ Германіи и Англіи, однѣ только парижскія ежедневныя газеты печатаются въ числѣ болѣе 200.000 экземпляровъ (провинціальныхъ газетъ нѣтъ). Итакъ, во Франціи приходится одинъ экземпляръ газеты на 180 человѣкъ, въ Германіи на 2.200 человѣкъ. Но всего прелесть цифры изданій вашихъ газетъ и журналовъ въ томъ, что нѣтъ людей сколько-нибудь образованныхъ не читавъ Гоголя? Читаніе Гоголя не простирается и до 10 тысячъ.

торые всё могут быть разрешены посредством вреднаго вліянія общиннаго владѣнія съ такимъ же успѣхомъ, какъ и вопросъ о слабомъ развитіи нашего земледѣлія.

Почему наши города такъ плохо развивались до сихъ поръ? Общинное владѣніе мѣшало ихъ развитію, препятствуя купцамъ развивать свои дѣла покупкою земель у поселянъ. Почему неизмѣримые лѣса нашихъ сѣверныхъ губерній гниютъ на корню, между тѣмъ какъ средняя и южная Россія нуждается въ лѣсѣ? Общинное землевладѣніе останавливаетъ потокъ колонизаціи, который безъ него устремился бы въ благодатную Олонецкую губернію и пустилъ бы въ торговлю ея лѣса. Почему ярославскіе мужики имѣютъ рыжія бороды? Причиною тому должно считаться общинное владѣніе, препятствующее ярославцамъ походить на французовъ, имѣющихъ бороды темнаго цвѣта. Почему русскіе экономисты отсталой школы не въ состояніи понимать самыхъ простыхъ и ясныхъ фактовъ? Причиною тому должно считаться общинное владѣніе, задерживающее успѣхи русскихъ людей какъ въ отношеніи матеріальномъ, такъ и въ отношеніи умственномъ.

Задерживая умственное развитіе русскихъ экономистовъ отсталой школы, общинное землевладѣніе препятствуетъ имъ удовлетворяться предъидущими доказательствами, совершенно достаточными для обыкновеннаго здраваго смысла. Поэтому мы считаемъ недостаточнымъ для нихъ предшествующее положительное указаніе на факты, которые свидѣтельствуютъ, что нѣтъ надобности въ гипотезѣ о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія для объясненія неразвитости нашего земледѣлія: надобно прибѣгнуть также къ отрицательному методу повѣрки гипотезъ, чтобы показать еще очевидгѣвѣшимъ образомъ неумѣстность ихъ предположенія.

На земляхъ шаръ находится очень много странъ, въ которыхъ состояніе земледѣлія не лучше, или немногимъ лучше, или даже гораздо хуже, чѣмъ въ Россіи, но которыя имѣютъ способъ землевладѣнія, могущій по мнѣшю отсталыхъ экономистовъ, поднять наше сельское хозяйство, будто бы убиваемое общиннымъ землевладѣніемъ. Мы сдѣлаемъ обзоръ этихъ странъ, чтобы видѣть, въ состояніи ли господство частной поземельной собственности помочь у насъ тому дѣлу, плохое положеніе котораго занимаетъ насъ. Въ Испаніи положеніе сельскаго хозяйства едва ли лучше, чѣмъ у насъ; многія изъ условій, не благопріятствующихъ нашему земледѣлію, существуютъ и тамъ, хотя далеко не въ такой степени. Населеніе въ полтора раза гуще нашихъ земледѣльческихъ губерній, пропорція городского населенія гораздо значительнѣе. Средиземное море и Атлантическій океанъ представляютъ удобный путь сбыта для продуктовъ и цѣлой половины страны; но все-таки сходство съ нашимъ положеніемъ довольно велико: населеніе, хотя и больше нашего, все-таки не довольно густо, развитіе городовъ все-таки неудовлетворительно, пути сообщенія плохи, оборотныхъ капиталовъ въ земледѣліи нѣтъ, торговля и промышленность очень слабы и общественныя учрежденія подавили прежнее просвѣщеніе и прежнюю энергію испанскаго племени. Сходства по этимъ основнымъ условіямъ достаточно для того, чтобы земледѣліе производилось чрезвычайно небрежно, хотя испанцы не имѣютъ и понятія объ общинномъ владѣніи. Дайте имъ общинное владѣніе или уничтожьте его у насъ, положеніе сельскаго хозяйства ни у насъ, ни у нихъ не измѣнится, если перечисленные нами условія останутся въ прежнемъ видѣ. Точно таково же положеніе вещей въ Неаполѣ и въ Папской области, хотя и они не знаютъ общиннаго владѣнія.

Но если мы хотимъ видѣть въ Европѣ страну, гдѣ обстановка земледѣльческаго производства представляетъ наибольшее сходство съ нашей, мы должны взглянуть на Турцію. Не надобно и говорить, что и въ ней успѣхи земледѣлія задерживаются общинный владѣніемъ.

Слово Турція пробуждаетъ въ насъ новую мысль, которая, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не приходила намъ въ голову: иначе, были бы излишни всѣ наши прежнія разсужденія. Европейская Турція до сихъ поръ остается въ сущности азиатскимъ государствомъ, хотя и ложить въ Европѣ, неправда ли? Итакъ найденъ нами ключъ къ объясненію всего, о чемъ толковали мы съ подробностями, которыя теперь оказываются ненужны. Азиатская обстановка жизни, азиатское устройство общества, азиатскій порядокъ дѣлъ, — этими словами сказано все, и нечего прибавлять къ нимъ. Можетъ ли земледѣліе получить европейскій характеръ при азиатскомъ порядкѣ дѣлъ? Въ самомъ дѣлѣ, Азія *) представляетъ общирѣйшій прототипъ того земледѣльческаго положенія, о которомъ мы говоримъ, со всѣми причинами, производящими его, т. е. мѣшающими ему замѣниться чѣмъ нибудь лучшимъ; а, между тѣмъ, Азія точно также не знаетъ общиннаго владѣнія землею, какъ и Западная Европа. Анатолія, Сирія, Месопотамія, Персія, Кабуль, Бухара, Хива, Коканъ, — всѣ эти страны точно также имѣютъ личную поземельную собственность, какъ и Англія, Бельгія, Рейнская Германія. Изъ этого, кажется, можно заключить, что личная поземельная собственность вовсе не служитъ ручательствомъ за высокое развитіе земледѣлія, что порядокъ землевладѣнія, будучи необыкновенно важенъ по своему вліянію на распредѣленіе имущества между разными сословіями, не имѣетъ ровно никакого вліянія на развитіе технической стороны сельскаго хозяйства. Въ чьи руки идетъ сборъ хлѣба, доставляемый десятиною земли, — вотъ это рѣшается способомъ землевладѣнія. Но какъ обрабатывается эта десятина и какъ великъ сборъ хлѣба ею даваемый, это зависитъ отъ совершенно другихъ условій, важнѣйшія изъ которыхъ мы перечислили. Теперь мы знаемъ также, какъ надобно называть совокупность тѣхъ условій, при которыхъ обработка земли бываетъ плоха и сборъ хлѣба малъ: совокупность этихъ условій, враждебныхъ развитію сельскаго хозяйства, называется просто — азиатствомъ.

Мы чувствуемъ, что наши слова объ азиатствѣ рѣшительно неудовлетворительны. Но что же дѣлать! нашъ языкъ не выработался настолько, чтобы можно было удовлетворительно выражать имъ серьезныя понятія. Недаромъ всѣ ученые жалуются на бѣдность нашей терминологіи. Если бы мы писали по-французски или по-гѣмецки, мы вѣроятно, писали бы лучше. Но, не удостоившись отъ судьбы получить такое счастье, мы должны писать на языкѣ, который, по какому-то за-

*) Подъ „Азією“ мы разумѣемъ здѣсь не всю ту часть свѣта, которая извѣстна подъ этимъ именемъ въ географіи, а только тѣ земли въ этой части свѣта, которыя издавна знакомы нашему народу и по которымъ составилъ онъ себѣ понятіе объ азиатствѣ. Это — страны, лежащія на западъ отъ Китая в на сѣверъ отъ Индіи, собственно только мусульманская часть Азіи. Столь ученое примѣчаніе мы сочли необходимымъ сдѣлать, имѣя въ виду обыкновенную сообразительность отсталыхъ экономистовъ, вначе они тотчасъ возразили бы: „не явное ли невѣжество говорить о томъ, что земля въ Азіи воздѣлывается дурно, когда извѣстно, что въ Китаѣ ова обрабатывается самымъ тщательнымъ образомъ?“ Сдѣлавъ такое возраженіе, они остались бы очень довольны собою. Къ сожалѣнію, ваша статья имѣетъ въ виду не Китаѣ, гдѣ, по крайвей мѣрѣ, прочность обычая служитъ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за слабость закона, а только страны, имѣющія порядокъ дѣлъ подобный турецкому, персидскому, хивинскому и коканскому.

гадачному случаю, устроенъ такъ, что никакъ не съуймешь налагать на немъ своихъ мыслей связно и ясно. Нашъ языкъ, орудіе слишкомъ непокорное мысли и истинѣ, безпрестанно увлекаетъ писателя въ такія уклоненія отъ его идеи, которыя могутъ быть неприяты не только читателю, но и самому автору, но которыя долженъ извинять великодушный читатель. Удержаться на прямой дорогѣ развитія идеи нѣтъ возможности, когда пишешь по-русски, и писателю остается только, когда онъ замѣтитъ, что уклонился отъ своей идеи слишкомъ далеко, дѣлать крутые повороты, чтобы взяться опять за дѣло, ускользнувшее изъ-подъ его пера по сбивчивости нашего языка. Мы такъ и сдѣлаемъ. Забывая нашъ неудовлетворительный эпизодъ объ азіатствѣ, мы беремся опять за логику и сиотримъ, что велить она дѣлать при разсужденіи о неосновательныхъ гипотезахъ, каково разбираемое нами предположеніе отсталыхъ экономистовъ о вредномъ вліяніи, будто бы оказываемомъ на земледѣліе нашею системою общиннаго владѣнія.

Логика говорить, что не довольно опровергнуть ошибочное мнѣніе, а надобно также показать, какимъ образомъ могло оно произойти, потому что иначе ошибка оставалась бы дѣломъ произвольнымъ, не имѣющимъ достаточныхъ причинъ, то есть загадочнымъ. Чтобы исполнить это послѣднее требованіе логики, намъ нужно только раземотрѣть посылку, изъ которой отсталые экономисты выводятъ свое ошибочное мнѣше. „Наше земледѣліе, говорятъ они, задерживается въ своемъ развитіи гѣмъ, что поземельная собственность не имѣетъ у насъ достаточной безопасности“. Мысль совершенно справедливая, и ошибка заключается только въ томъ, что причину небезопасности поземельной собственности принимается отсталыми экономистами общинное владѣше. Въ статьѣ „Законодательство и регламентація“ мы подробно доказывали, что общинное владѣніе землю изъ всѣхъ формъ поземельной собственности форма самая прочная, безопасная, самая свободная отъ всякихъ придирокъ и юридическихъ столкновеній. Но мы оканчивали нашу статью согласіемъ въ томъ, что общинное владѣніе, при всемъ своемъ юридическомъ превосходствѣ, далеко не оказываетъ у насъ всѣхъ полезныхъ дѣйствій, какихъ слѣдуетъ ожидать отъ его существеннаго характера. Мы общались въ нынѣшней статьѣ разобрать причины такого несоотвѣтствія между сущностью принципа и его результатами. Къ тому же самому дѣлу приводитъ насъ и надобность показать причину, вовлекающую отсталыхъ экономистовъ въ ихъ фальшивую гипотезу.

Отыскать причину ихъ ошибки очень легко. Они сравниваютъ поземельное владѣше у насъ и въ Западной Европѣ; они замѣчаютъ, что въ Западной Европѣ поземельная собственность безопасна, у насъ не имѣетъ безопасности; они видятъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что на Западѣ существуетъ одна форма поземельнаго владѣнія, у насъ — другая. И вотъ они дѣлаютъ изъ этихъ фактовъ слѣдующее заключеніе: „въ Западной Европѣ поземельная собственность безопасна, а форму ея тамъ составляетъ присвоеніе собственности частному лицу; итакъ присвоеніе поземельной собственности частному лицу даетъ ей безопасность. У насъ напротивъ того, поземельная собственность лишена безопасности и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣетъ форму общиннаго владѣнія. Итакъ, форма общиннаго владѣнія служитъ причиной небезопасности поземельной собственности“.

Эта форма умозаключенія очень обыкновенная у людей, не привыкшихъ къ логическимъ приемамъ: видя два факта извѣстнаго рода соединенными въ одномъ мѣстѣ и два факта другаго рода соединенными въ другомъ мѣстѣ, неопытное въ

логикѣ умы тотчасъ же заключаютъ, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, что въ каждой парѣ фактовъ существуетъ между двумя явленіями причинная связь. Если бы этотъ родъ умозаключеній былъ пригоденъ для ученыхъ изысканій, наука уже давно постигла бы всѣ тайны природы и общественной исторіи. Но, къ сожалѣнію, логика заклеимила такой легкой способъ отысканія истины знаменитою фразою *cum hoc, ergo propter hoc* и объявила, что подобныя умозаключенія рѣшительно никуда не годятся. Еслибы отсталые экономисты были знакомы съ логикою, они знали бы, что всѣ нелѣпости суетвѣрія были основаны на этой самой формѣ умозаключенія, и знали бы, какое множество примѣровъ приводится этому въ логикѣ.

Напримѣръ, на чемъ были основаны ауспиціи древнихъ римлянъ? Однажды передъ битвою они слышали ворону, каркающую съ правой стороны, и проиграли битву; въ другой разъ слышали ворону, каркающую съ лѣвой стороны, и выиграли битву. Дѣло ясное: *cum hoc, ergo propter hoc* — совпадаетъ, слѣдовательно имѣетъ причинную связь. Итакъ, карканье вороны съ правой стороны приноситъ войску гибель, карканье съ лѣвой — даетъ ему побѣду.

Всѣ суетвѣрія основаны на этой формѣ умозаключенія. Даказывать его нелѣпость было бы скучно; довольно будетъ сказать, что суетвѣрную привычку дѣлать заключенія по формѣ, нами указанной, логика велитъ замѣнять строгимъ изслѣдоваемъ положительныхъ причинъ, прибавляя, что очень часто могутъ совпадать между собою факты, тенденціи которыхъ противоположны, и что въ такомъ случаѣ результаты слабѣйшаго факта подавляются противоположными ему результатами сильнѣйшаго факта.

Положительно извѣстно, напримѣръ, что просвѣщеніе облагораживаетъ человѣка, а благородство противоположно, напримѣръ, хотъ взяточничеству. Между тѣмъ, сколько мы видимъ у насъ взяточниковъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. По способу умозаключенія, котораго держатся отсталые экономисты, выводъ изъ этого совпаденія фактовъ таковъ: человѣкъ, кончившій курсъ въ одномъ изъ высшихъ заведеній, беретъ взятки — итакъ, ученье дѣлаетъ человѣка взяточникомъ. Логика велитъ судить объ этомъ иначе. Она говоритъ: если даже люди образованные становятся взяточниками, несмотря на противорѣчіе между образованностью и взяточничествомъ, то надобно полагать, что въ обстановкѣ, среди которой живутъ эти люди, есть обстоятельства, столь могущественно влекуція къ взяточничеству, что противоположное направленіе, внушаемое образованностью, можетъ изнемогать подъ силою этихъ обстоятельствъ.

Другой примѣръ. Свѣтское воспитаніе, хорошо оно или дурно въ другихъ отношеніяхъ, но имѣетъ ту несомнѣнную хорошую тенденцію, что дѣлаетъ человѣка деликатнымъ въ обращеніи, отучаетъ его отъ низкихъ, грязныхъ манеръ. Но сколько у насъ есть людей, получившихъ свѣтское воспитаніе, которые чрезвычайно грубы въ обращеніи съ своими подчиненными, которые невѣжливо обращаются съ мелкими чиновниками, если бывають въ гражданской службѣ, которые ругаютъ солдатъ, если бывають офицерами. По умозаключенію отсталыхъ экономистовъ, опять выходилъ бы такой силлогизмъ: люди, получившіе свѣтское воспитаніе, унижаются до пошлыхъ грубостей — итакъ, свѣтское воспитаніе отнимаетъ у человѣка вѣжливость. Логика опять говоритъ напротивъ: если даже люди, получившіе свѣтское воспитаніе, бывають невѣжливы, грубы, пошлы въ обращеніи

съ другими, то надобно думать, что въ обстановкѣ, среди которой живутъ эти люди, есть обстоятельства, столь сильно располагающія къ нахальному попиранію всякой слабой личности, что даже вѣжливость, даваемая свѣтскимъ воспитаніемъ, подавляется этими обстоятельствами.

Въ подобныхъ случаяхъ логика велитъ, вмѣсто того, чтобы останавливаться на тупоумномъ предположеніи „совпадаетъ, слѣдовательно имѣетъ причинную связь“, пристальнѣе всматриваться въ обстоятельства, среди которыхъ происходитъ явленіе, чтобы отыскать истинныя причины его. Такъ поступимъ и мы. Отыскать истинныя причины небезопасности нашей поземельной собственности очень нетрудно. Можно даже сказать, что онѣ извѣстны каждому, кромѣ остальныхъ экономистовъ.

Собственность принадлежитъ къ числу общественныхъ учрежденій. Чѣмъ же ограждается безопасность общественныхъ учрежденій? — Законами. — Прекрасно. Какими способами проявляется въ обществѣ дѣйствіе законовъ? Опять каждому извѣстно, что, для приведенія законовъ въ дѣйствіе, общество имѣетъ два органа: администрацію и судебную власть. Итакъ, если мы разсуждаемъ о безопасности какого-нибудь общественнаго учрежденія въ нѣвѣстномъ обществѣ, то не долженъ ли намъ прежде всего приходиться въ голову вопросъ о томъ, какое состояніе администраціи и судебной власти въ этомъ обществѣ?

Мы не имѣемъ намѣренія подробно отвѣчать здѣсь на такой вопросъ. Сколько бы ни наговорили мы о качествахъ нашей администраціи и судебной власти, мы не сказали бы ничего такого, что не было бы не хуже насъ извѣстно каждому изъ нашихъ читателей. Доказывать истину было бы тутъ не для кого и спорить не съ кѣмъ. Мы полагаемъ, что даже отсталые экономисты, такъ мало понимающіе нашу жизнь, понимаютъ, каково положеніе администраціи и судебной власти у насъ.

Мы нашли коренную причину не только явленія, объяснимъ котораго спеціально занимаемся въ этой статьѣ, но и всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые представлялись намъ ближайшими причинами его. Не только слабость успѣховъ нашего земледѣлія, но и медленность въ развитіи нашего населенія вообще, нашего городского населенія въ частности, неудовлетворительное состояніе нашихъ путей сообщенія, торговли, промышленности, недостатокъ оборотнаго капитала въ земледѣліи, — все это, и не только это, но также и крѣпостное право, и упадокъ народной энергіи, и умственная наша неразвитость, — всѣ эти факты, подобно всѣмъ другимъ плохимъ фактамъ нашего быта, коренную, сильнѣйшую причину свою имѣютъ въ состояніи нашей администраціи и судебной власти.

Даже другая сильнѣйшая причина нашей бѣдности — крѣпостное право произошло нѣкогда отъ дурнаго управленія и поддерживалось имъ. О происхожденіи крѣпостнаго права мы замѣтимъ только, что это учрежденіе развилось отъ безсилія нашей старинной администраціи охранить прежнія свободныя отношенія поселянъ, жившихъ въ извѣстной дачѣ, къ владѣльцу дачи, и удержать постепенное расширеніе произвольной власти, захватываемой владѣльцемъ надъ населявшими его землю людьми; замѣтимъ еще, что возможность учредить крѣпостное состояніе происходила только оттого, что вольные люди, слишкомъ плохо защищаемые управленіемъ, терпѣли слишкомъ много притѣсненій, такъ что переставали дорожить своею свободою и не видѣли слишкомъ большой потери для себя отъ записки въ

принадлежность сильному человеку. Излагать подробности этого предмета, относящийся къ старинѣ, было бы неумѣстно въ статьѣ, говорящей о нынѣшнемъ положеніи дѣлв. Мы хотѣли сказать, что если крѣпостное право держалось до сихъ поръ, но оно было обязано такою продолжительностью своего существованія только дурному управленію. Дѣйствительно, каковы бы ни были законы, опредѣлявшіе права помѣщиковъ надъ крѣпостными людьми, но еслибъ даже эти законы соблюдались, то, во-первыхъ, всѣ помѣщики давно бы перестали находить выгоду въ крѣпостномъ правѣ, во-вторыхъ, почти во всѣхъ помѣстьяхъ крѣпостное право было бы прекращено частными судебными рѣшеніями по процессамъ о злоупотребленіи власти.

Метода леченія знахарей и знахарокъ представляетъ драгоценную параллель съ тою системою, по которой отсталые экономисты думаютъ поправить непріятное для нихъ явленіе экономическаго быта, — наприимѣръ, помочь жалкому положенію нашего земледѣлія. Появился какой-нибудь вередъ на ногѣ: знахарь, не задумываясь, прикладываетъ къ нему какую-нибудь лепешку и ожидаетъ, что болѣзнь уступитъ этому мѣстному медикаменту. О томъ, отчего произошелъ вередъ, онъ не думаетъ. Онъ не думаетъ видѣть въ немъ только симптомъ общаго худосочія, только ничтожное обнаруженіе болѣзни, нѣдрящейся въ цѣлои организмѣ, протекающей отъ испорченности основнаго процесса организма, отъ испорченности крови, отъ разстройства питанія. Наука, напротивъ, говоритъ, что какое-нибудь, невидимому, мѣстное пораженіе очень часто не можетъ быть исцѣлено никакими припарками и прижиганіями собственно больнаго мѣста, что для исцѣленія болѣзни, обнаруживающейся этимъ мѣстнымъ симптомомъ, больной долженъ измѣнить весь образъ жизни, чтобы исправился разстроившійся основной процессъ организма.

Потому-то и отвратительно намъ слышать разсужденія отсталыхъ экономистовъ о томъ, какъ дурное состояніе нашего земледѣлія можетъ быть исправлено приложеніемъ мѣстной припарки — уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія и введеніемъ на его мѣсто частной поземельной собственности. Не потому отвратительно слышать намъ эти тупоумныя, суевѣрныя разсужденія, что мы приверженцы общиннаго землевладѣнія: нѣтъ, все равно, мы негодовали бы на нихъ и тогда, когда бы думали, что частная поземельная собственность лучше общиннаго владѣнія. Каково бы ни было полезное или вредное вліяніе извѣстной системы землевладѣнія на успѣхи сельскаго хозяйства, все-таки это вліяніе совершенно ничтожно по сравненію съ неизмѣримымъ могуществомъ тѣхъ условій нашей общественной жизни, въ которыхъ нашли мы истинныя причины жалкаго положенія нашего земледѣлія. Больной чувствуетъ лихорадочный ознобъ оттого, что гнилой климатъ и изнурительный образъ жизни развиваютъ въ немъ чахотку; а вы, милостивые государи, совѣтуете ему лечиться порошомъ изъ раковыхъ жерновокъ. Я не знаю, дѣйствительно ли помогаютъ раковыя жерновки отъ лихорадки. Медицина говорить, будто бы это средство совершенно здоровое. Но все равно. Пусть оно будетъ и превосходнымъ средствомъ отъ лихорадки, оно все-таки никуда не годится въ нашемъ случаѣ. Болѣзнь не та, какъ вы думаете, милостивые государи. Она произошла не отъ легкой простуды, которую вы хотите лечить вашими милыми раковыми жерновками, и какія лекарства ни употребляйте противъ озноба, который одинъ замѣтенъ вамъ изъ всѣхъ симптомовъ страшной болѣзни, вы не уничтожите не только общей болѣзни организма, но даже и этого частнаго ея проявленія.

Вы только губите больного, заставляя его терять время на пустыки, когда каждый день увеличивает опасность его положенiя. Всмотритесь лучше въ состоянiе организма, и вы найдете, что лихорадочный ознобъ производится причинами, противъ которыхъ необходимо употребить средства, совершенно различныя отъ рекомендуемыхъ вами еувѣрныхъ пустыяковъ. Вся обстановка жизни больного должна измѣниться для того, чтобы прекратилось гнѣнiе основнаго органа его тѣла. А когда его легкiя будутъ здоровы, самъ собою, безъ всякихъ раковыхъ жернововъ, исчезнетъ и мнимый лихорадочный ознобъ. Позаботьтесь о гошѣ, чтобы мы получили хорошую администрацiю и справедливый судъ, тогда вы увидите, что не нужно будетъ нашему земледѣлю прибѣгать въ вашимъ равнымъ жерновкамъ—къ раздѣленiю общинныхъ земель на потомственные участки—тогда вы увидите, что общинное владѣнiе не будетъ мѣшать успѣхамъ сельскаго хозяйства, потому что тогда будетъ исчезать наша бѣдность и явятся тѣ условiя, которыхъ теперь нѣтъ и безъ которыхъ ни при какой системѣ землевладѣнiя сельское хозяйство не можетъ придти въ удовлетворительное состоянiе.

ВОПРОСЪ О СВОБОДѢ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ФРАНЦІИ.

Часто говорятъ, что имъ мало знакомы съ бытомъ и учрежденіями Западной Европы. Но, что еще хуже, надобно прибавить, что и тѣ немногія понятія, какія мы имѣемъ объ этихъ предметахъ, чаще всего бывають фальшивы. Обыкновенно мы и хвалимъ учрежденія Западной Европы неудачно, и осуждаемъ ихъ несправедливо. Объ ошибочности похвалъ случалось намъ говорить очень часто, а теперь мы хотимъ обратить вниманіе на неосновательность порицаній. Примѣры ея встрѣчаются на каждомъ шагу. Начнемъ мы, на примѣръ, порицать французскую централизацію, и, чуть дѣло дойдетъ до задора, готовы мы бываемъ на основаніи одного этого факта объявить, что французы ни къ чему порядочному непригодны. Но, какова бы ни была чрезмѣрность французской централизаціи, все-таки она ничего не значитъ по сравненію съ тѣмъ, какъ живемъ мы сами. У французовъ, на примѣръ, нѣтъ и понятія о томъ, что если въ какомъ нибудь Кальвадосскомъ департаментѣ подрались двѣ государственныя крестьянки (употребляемъ этотъ терминъ, какъ болѣе привычный намъ для обозначенія того, что объ эти женщины были свободнаго состоянія, а не крѣпостныя), то дѣло объ ихъ дракѣ, не стоящее выгѣденнаго яйца, можетъ дойти до высшихъ инстанцій парижскаго правительства и раза три возвращаться къ мѣстному начальству для дополненія справоками, чтобы каждый разъ являться опять въ Парижъ въ новомъ и толстѣйшемъ видѣ. Французы также не имѣють понятія о томъ, что если какой нибудь дижонскій мѣщанинъ или разночинецъ вздумаетъ перемѣнить двѣ доски въ кровлѣ своего домика, протекающей отъ дождя, то предварительно должно ему испросить на это разрѣшеніе отъ дижонской строительной комиссіи, и дѣло пойдетъ на разсмотрѣніе самого префекта. Мало ли о чемъ не имѣють понятія французы! Если не ошибаемся, они не имѣють понятія даже о строительныхъ комиссіяхъ, и мы употребили этотъ терминъ только для удобопонятности.

Изъ всѣхъ странъ Западной Европы особенно много самыхъ горькихъ изобличеній перепадаетъ отъ насъ на долю Австріи и Франціи. Мы справедливо и очень сильно соблазняемся необыкновенной стѣсненностью австрійской жизни, и деспотизмъ, подъ которымъ изнемогають благодатныя страны дунайскаго царства, возбуждаетъ въ насъ сильнѣйшее негодованіе; мы даже красимъ отъ мысли, что столь унизительныя для человѣка учрежденія безславятъ собою ту часть свѣта, въ которой живутъ такіе просвѣщенные народы. Впрочемъ, для Австріи все-таки

еще извинительно терпѣть такую участь, какой она подвержена: по нашему мнѣнію, это государство никогда не знало болѣе легкихъ временъ. Но вотъ, посмотрите на французовъ. У нихъ, не говоря ужъ о временахъ слишкомъ дальнихъ, на нашей памяти былъ Людовикъ-Филиппъ съ палатою пэровъ и съ палатою депутатовъ; о самомъ Людовикъ-Филиппѣ слышали мы въ тѣ времена очень мало (только потомъ догадались мы, что втихомолку распорядился онъ во Франціи всѣмъ, какъ хотѣлъ); палата пэровъ тоже вела жизнь не шумную; но за то палата депутатовъ! вотъ въ ней кашіе были ораторы и какимъ вольнымъ языкомъ обо всемъ разсуждали! Выходить, бывало, на кафедру Гизо и говорить: „Могущество Франціи основано на ея свободѣ, и правительство ничего не дѣлаетъ иначе, какъ по свободному согласію свободныхъ представителей страны“. Каково! вѣдь первый министръ, а въ двухъ фразахъ три раза произнесъ слово свобода. Палата восхищается, и мы тоже. Только что сходитъ онъ съ кафедры, карабкается на нее маленькій Тьеръ и даетъ окрикъ на Гизо своимъ пискливымъ голосомъ: „Что ты тамъ толкуешь о свободѣ? Ты вотъ бери примѣръ съ меня: вотъ я такъ ужъ можно сказать другъ свободы; а ты мало ее любишь!“ Вся палата аплодируетъ, и вся Европа восхищается горячностью любви Тьера въ свободѣ. Но Гизо не дался въ несправедливую обиду: онъ уже опять на кафедрѣ и говоритъ: „Тьеръ утверждаетъ, что я мало люблю свободу. Нѣтъ, я очень ее люблю; я долженъ сказать, что жить безъ нея не могу“. Палата аплодируетъ больше прежняго, и Европа дивится великости любви Гизо къ свободѣ. Вотъ какія были времена, а теперь что?

Мы вспомнили все это по случаю недавнихъ статей во французскихъ газетахъ, жалующихся на свое нынѣшнее угнетеніе, вспоминающихъ о блаженныхъ временахъ своей свободы и требующихъ ея восстановленія. Читая эти статьи, мы подумали, что счастливы были бы, напримѣръ, австрійскіе журналисты, если бы подвергались точно такому же угнетенію, какъ французскіе.

Читателю извѣстно, что, вмѣстѣ со многими другими конституціонными правами общественнаго мнѣнія, послѣ 2 декабря 1851 года была уничтожена во Франціи также и существовавшая въ ней свобода журналистики. Шума по этому поводу было очень много, и ниже мы увидимъ, кто собственно былъ виноватъ въ этой потерѣ: дѣйствительно ли вина падаетъ главнымъ образомъ на тогдашняго президента республики, нынѣшняго императора Наполеона III, или, скорѣе, на людей, хвалящихся тою любовью въ свободѣ, которую будто бы выказывали, когда были правителями государства при Людовикъ-Филиппѣ; а теперь прежде всего, чтобы понять жалобы и требованія, надобно взглянуть на законы, которымъ подчинено печатное выраженіе мнѣній во Франціи.

У насъ многіе полагаютъ, что во Франціи теперь, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ свободы печатнаго слова. Какъ сказать объ этомъ? Оно, если хотите, ея дѣйствительно нѣтъ во Франціи по сравненію съ свободою печатнаго слова въ Англіи, въ Швейцаріи, въ Бельгіи, въ Соединенныхъ Штатахъ. Но если сравнить Францію даже съ Пруссіей, то окажется, что во Франціи печатное слово едва ли не свободнѣе. Во-первыхъ, всѣ стѣсненія, кашія только есть во Франціи, относятся единственно къ газетамъ, да и то не ко всѣмъ, а лишь исключительно къ политическимъ. Для книгъ рѣшительно никакихъ стѣсненій не существуетъ. Мы видавали людей, разумѣется, русскихъ, которые до того высоко образованы и можно

сказать, ученые, что для всѣхъ своихъ знакомыхъ кажутся оракулами, и которые, между тѣмъ, очень пріятно удивлены были появленіемъ книги Токвиля о французской революціи, книги, которая, подъ предлогомъ исторіи, содержитъ панфлетъ противъ нынѣшней правительственной системы во Франціи. Если бы они лучше знали нынѣшніе французскіе законы о книгопечатаніи или, по крайней мѣрѣ, помнили бы, какія книги безпрепятственно издавались въ Парижѣ постоянно съ самаго учрежденія самодержавной власти Наполеона, они сами посмѣались бы своему восхищенію по случаю напечатанія въ Парижѣ книги Токвиля. Правительство Наполеона III, какъ ни сурово смотритъ оно на политическую литературу, никогда не считало удобнымъ присвоивать себѣ власть просматривать книги до ихъ напечатанія. Въ формѣ книги французскіе писатели всегда могли издавать все, что хотѣли, да и не могли встрѣчать въ этомъ затрудненія, потому что, какъ мы сказали, правительство никогда не брало на себя права останавливать печатаніе какой бы то ни было книги. Дѣйствительно, Прудонъ издавалъ свои новыя сочиненія въ Парижѣ такъ же безпрепятственно, какъ издавалъ бы ихъ въ Брюсселѣ или Лондонѣ, хотя основная мысль его постоянно одна и та же—мысль, что всякое правительство, въ какой бы то формѣ ни было, противно общественному благу, и хотя эта мысль, по его обычаю, выражается у него всегда самыми рѣзкими, эффектными, часто циническими образомъ, съ постоянными обращеніями къ Наполеону III въ томъ духѣ, что способъ его дѣйствій подрываетъ во французской націи всякое довѣріе въ правительству. Постоянно также печатались въ Парижѣ новыя томы „Исторіи французской революціи“ Луи Блана, хотя Луи Бланъ изгнанныкъ, осужденный на вѣчное заключеніе въ крѣпости, и хотя вся его исторія написана въ доказательство того, что единственная правительственная форма, пригодная для Франціи, есть республиканская, а всѣ другія правительства могутъ держаться во Франціи только насиліемъ, обманомъ, развращеніемъ народа и инквизиционными средствами. Эти книги печатались въ Парижѣ, и подобныя имъ продолжаютъ печататься такъ же свободно, какъ будто какія-нибудь учебники ариметики или алгебры. Мы упомянули только о двухъ писателяхъ, которые особенно извѣстны своимъ крайнимъ республиканскимъ образомъ мыслей и непримиримымъ ожесточеніемъ противъ Наполеона III и которые могли бы казаться опаснѣе всѣхъ другихъ по своему вліянію на публику. Но просмотрите списки книгъ, издаваемыхъ въ Парижѣ: вы увидите между ними десятки и сотни республиканскихъ сочиненій. Точно также вы увидите и множество сочиненій, написанныхъ въ пользу Бурбоновъ или въ пользу Орлеанскаго дома. Правительство Наполеона III никогда не рѣшалось и не могло стѣснять той части литературы, которая имѣетъ форму книгъ.

Всѣ жалобы на стѣсненіе свободы печатнаго слова во Франціи относятся исключительно къ политическимъ газетамъ и къ той части журналовъ, которые посвящены политикѣ. Но и тутъ напрасно было бы думать, что правительство Наполеона III присвоило себѣ какія-нибудь пранія средства помѣшать напечатанію какой бы то ни было статьи, въ какомъ бы то ни было духѣ. Оно узнаеть о содержаніи нумера газеты только уже по его напечатанію. Итакъ, кто отваживается на рискъ, можетъ и въ газетѣ напечатать, что ему угодно. Въ чемъ же состоятъ стѣсненіе? Статьи, содержаніе которыхъ было бы по французскимъ законамъ преступно, подвергались бы судебному преслѣдованію, которое и начинается,

и производится людьми, независимыми по своему положению отъ администраціи. Но не вто называется во Франці стѣсненіемъ; напротивъ, газеты только того и требуютъ, чтобы ихъ преслѣдовали судебнымъ порядкомъ, опредѣливъ какія угодно строгія правила о томъ, что должно считаться преступнымъ въ печати. Стѣснены газеты совершенно другимъ средствомъ, которое предоставило себѣ правительство знаменитымъ девретомъ 17 февраля 1852 года. Этотъ законъ даетъ министру внутреннихъ дѣлъ власть дѣлать газетамъ замѣчанія или выговоры (*avertissemens*), и прибавляетъ, что изданіе газеты, получившей два выговора, можетъ быть приостановлено на два мѣсяца министромъ; по прошествіи этого срока, газета продолжаетъ выходить, но если еще разъ подвергнетъ себя замѣчанію, то можетъ быть запрещена. Нѣтъ надобности говорить, что замѣчанія дѣлаются публично, печатаются въ получающей ихъ газетѣ и во всѣхъ другихъ газетахъ.

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію то, что подобный способъ наносить матеріальный вредъ газетамъ чрезъ временную остановку или запрещеніе ихъ рѣшеніемъ одной административной власти, безъ правильнаго суда съ свободною и полною защитою, долженъ очень значительно стѣснять свободу политическихъ преній въ газетахъ, и мы нимало не думаемъ находить удовлетворительнымъ положеніе, въ которое поставлены французскія газеты введеніемъ системы замѣчаній. Но все-таки было бы ошибочно мѣрять кавямъ-нибудь австрійскимъ или неаполитанскимъ масштабомъ просторъ критики, остающейся у французскихъ газетъ и при этой системѣ. Обратимъ вниманіе хотя на то обстоятельство, что замѣчанія дѣлаются публично, съ увазаніемъ мѣстъ, вызвавшихъ замѣчаніе. Всякое замѣчаніе, перепечатываясь во всѣхъ газетахъ, становится предметомъ разсужденій цѣлой публики, возбуждаетъ сильныя толки; поэтому было бы неосновательно сказать, что административная власть можетъ дѣйствовать тутъ безотчетно: напротивъ, она должна дѣйствовать очень осмотрительно, чтобы не навлечь на себя насмѣшекъ или раздраженія публики неосновательностью или мелочностью повода къ данному ея замѣчанію; мало того: она не можетъ быть щедра на раздачу замѣчаній, потому что иначе шумъ, возбужденный однимъ замѣчаніемъ, превратился бы въ сильный ропотъ, оживляясь новыми столкновеніями: необходимо бываетъ ждать, пока затихнутъ толки по одному поводу, чтобы сдѣлать новое замѣчаніе,—и, дѣйствительно, самые суровые къ политическимъ преніямъ министры, каковъ былъ Эспинасъ, прибѣгали къ замѣчаніямъ очень рѣдко.

Но еще важнѣйшимъ обезпеченіемъ для очень широкаго простора газетной критики служить самая цѣль, для которой введены замѣчанія. У насъ многіе, мѣрая, какъ мы выразились, французскія отношенія на масштабъ вовсе не французскій, воображаютъ, будто-бы правительство Наполеона III стѣсняетъ газеты для того, чтобы избавить свои распоряженія отъ печатной критики. Совсе нѣтъ: какъ-бы ни судилъ кто о принципахъ этого правительства, но нельзя отказать ему въ сообразительности и просвѣщенности. Потому оно, при всемъ своемъ полномъ властіи, никогда не забывало, что предоставленіе его дѣйствій свободному разбору публики приноситъ пользу ему самому. Оно знаетъ, что самый сильный источникъ могущества есть популярность, а популярность предполагаетъ живое участіе общества въ государственныхъ дѣлахъ, а безъ свободы судить о нихъ угасаетъ всякая охота интересоваться ими. Итакъ, предоставлять свои дѣйствія кри-

тигъ оно считаетъ необходимымъ для собственнаго могущества. Этого мало: оно, какъ правительство просвѣщенное, понимаетъ, что ошибки приносятъ больше всего вреда тому, кто ихъ дѣлаетъ, и что исправленіемъ своихъ ошибокъ можетъ оно возстановлять свои выгоды, потерпѣвшія отъ ошибокъ; потому оно никогда не теряло, — не скажемъ просто: готовности... нѣтъ, надобно сказать сильнѣе: никогда не теряло искренняго желанія слышать какъ можно больше разсужденій о своихъ дѣйствіяхъ, видѣть всѣ свои ошибки обнаруживаемыми. Это въ немъ нельзя назвать терпимостью: это — внушеніе собственнаго его интереса. Итакъ, вовсе не желаніе прикрыть свои дѣйствія отъ критики заставляетъ правительство Наполеона III держаться нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ относительно газетъ: оно никогда не имѣло этого недалководнаго желанія. Причина стѣснительныхъ мѣръ совершенно иная, не существующая нигдѣ, исключая одной Франціи: кромѣ царствующей бонапартовской династии, Франція имѣетъ двѣ династии претендентовъ: бурбонскую и орлеанскую. Мы знаемъ, что всѣ другія европейскія державы избавлены отъ этого страннаго и жалкаго положенія. Въ добавовъ, Франціи, также только одна изъ всѣхъ европейскихъ монархій, имѣетъ сильную партію республиканцевъ. Наши слова, что ни одинъ престолъ въ Европѣ не имѣетъ такого отношенія къ идеѣ республики, какъ французскій престолъ, нуждаются въ объясненія. У насъ привыкли думать, что республиканцы существуютъ не въ одной Франціи, а также напримѣръ и въ Германіи, въ Австріи, въ Италіи. Да, дѣйствительно, есть въ этихъ странахъ люди, горячо говорящіе въ пользу республиканской формы; но съ ними такое практичное и сообразительное правительство, какъ правительство Наполеона III, поладило бы легко, потому что существенную идею всѣхъ этихъ республиканцевъ составляютъ стремленія, весьма и весьма совмѣстныя съ монархическою формою, и за идею республики берутся они только изъ-за того, что находятъ невозможнымъ ожидать осуществленія этихъ стремленій отъ своихъ государей. Напримѣръ, въ Германіи жизненный вопросъ — національное единство, и если бы, напримѣръ, нѣмецкіе республиканцы увидѣли, что прусское правительство энергически стремится къ исполненію общаго желанія, они стали бы самыми горячими приверженцами этого монархическаго правительства. Еслибъ королемъ прусскимъ былъ теперь Фридрихъ Великій, не существовало бы ни одного республиканца въ Германіи: онъ счужьлъ бы воспользоваться стремленіемъ, которое теперь только съ отчаянія приходитъ къ республиканству, но при такомъ правителѣ, какъ Фридрихъ II, привело бы только къ расширенію владѣній прусскаго короля на всю Германію. Маццини вообще причисляется къ самымъ непреклоннымъ республиканцамъ, какіе только существуютъ въ Европѣ; онъ оравуль многочисленныхъ республиканцевъ Италіи. Чтѣ же сдѣлалъ онъ теперь, когда явилась надежда, что король сардинскій станетъ предводителемъ итальянской націи въ осуществленіи ея независимости и единства? Онъ объявилъ, что всѣми силами своими будетъ поддерживать сардинскаго короля, и разослалъ къ итальянскимъ республиканцамъ циркуляръ, предписывающій имъ дѣлать то же самое. Это показываетъ, что для него и для нихъ республиканская форма также служитъ только средствомъ къ учрежденію національной независимости и единства при нерасположеніи монархическихъ правительствъ Италіи серьезно стремиться къ этому, и, какъ только одно изъ этихъ правительствъ выказало такое стремленіе, они обнаружили полную готовность отбросить мысль о республикѣ и быть самыми жаркими привержен-

цани монархическаго правительства. Таковы республиканцы и во всей остальной Западной Европѣ, кромѣ Франціи: у нихъ сущность желаній состоитъ не въ учрежденіи республиканской формы, а въ осуществленіи національныхъ потребностей, которыя сами по себѣ не только совмѣстны съ монархическою формою, но которыя даже придали бы небывалое съ той поры могущество монархическому правительству, взявшемуся за ихъ исполненіе. Эти люди хотятъ республиканской формы только изъ отчаянія, только потому, что монархическія правительства не хотятъ взяться за исполненіе національныхъ потребностей. Если бы, сказали мы. Франція имѣла только такихъ республиканцевъ, правительство Наполеона III умѣло бы поладить съ ними, сдѣлать ихъ самыми ревностными своими приверженцами, потому что оно готово удовлетворять всѣмъ національнымъ стремленіямъ, совмѣстнымъ съ монархическою формою. Но, говорили мы, изъ всѣхъ европейскихъ монархій въ одной Франціи есть республиканцы иного рода, — люди, которые хотятъ прежде всего не какихъ-нибудь частныхъ преобразованій, а именно учрежденія республиканской формы; въ одной Франціи есть люди, которые дѣйствительно и въ сущности республиканцы. Вотъ поэтому-то правительство Наполеона III принуждено бороться противъ нихъ, они и оно непримиримы по принципу.

Итакъ, мы находимъ во Франціи три партіи: бурбонскую, орлеанскую и республиканскую, которыя непріязнены не какимъ нибудь дѣйствіямъ Наполеона III, а самому существованію его правительства, которыя хотятъ исключительно низверженія имперіи. Только необходимость мѣшать этому ихъ стремленію заставляетъ правительство Наполеона III имѣть контроль надъ политическими газетами. Тѣ газеты, которыя не хотятъ именно низверженія нынѣшней династіи, имѣютъ полную свободу; администрація стѣсняетъ только тѣ газеты, которыя служатъ представителями партій, непримиримо стремящихся къ низверженію династіи. Но и тутъ мы ошиблись бы, если бы стали судить о размѣрѣ стѣсненія по не-французскимъ понятіямъ. Правительство есть фактъ, а не теорія; его дѣятельность состоитъ въ практическихъ распоряженіяхъ, а не въ метафизическихъ размышленіяхъ. Правительство Наполеона III очень хорошо понимаетъ это и потому въ самомъ контролѣ своемъ надъ газетами обращаетъ вниманіе только на практику, а не на теорію. Всѣмъ извѣстно, и ему лучше всѣхъ, что такая-то газета зашатаетъ дѣло Бурбоновъ, другая — дѣло орлеанской династіи, третья — дѣло республики. Каждая изъ нихъ открыто называетъ себя принадлежащею къ той партіи, которой держится: *Siècle*, напримѣръ, нимало не скрываетъ своихъ республиканскихъ убѣжденій. Правительству до этого дѣла нѣтъ: оно не считаетъ нужнымъ заниматься теоретическими предпочтеніями и отвлеченными разсужденіями; оно не хочетъ только того, чтобы прямымъ образомъ приглашали публику отвергать его власть. Такимъ образомъ, положеніе журналистики во Франціи имѣетъ слѣдующія главныя черты.

Газеты, подобно книгамъ, издаются безъ всякой зависимости отъ правительства: онѣ могутъ печатать все, что хотятъ. Но книги подлежатъ только судебному преслѣдованію въ случаѣ своей преступности, въ отношеніи ихъ существуетъ полная свобода слова; газеты, напротивъ, подлежатъ еще административному стѣсненію посредствомъ замѣчаній и слѣдующихъ за замѣчаніями временныхъ остановокъ и запрещеній изданія. Но система замѣчаній имѣетъ свою цѣлью не стѣснять га-

зеты въ разборѣ правительственныхъ дѣйствій, а только ограждать существованіе царствующей династіи отъ прямого возбужденія публики къ ея низверженію. Итакъ, системѣ замѣчаній подлежатъ только специально политическія газеты; тѣ изъ нихъ, которыя признаютъ царствующую династію, никогда не могутъ бояться замѣчаній, что бы ни говорили о правительственныхъ дѣйствіяхъ, какъ бы сильно ни указывали на ихъ ошибочность. Въ этихъ границахъ пользуются свободою критики и тѣ газеты, которыя не признаютъ нынѣшней династіи: онѣ могутъ сколько имъ угодно разбирать дѣйствія правительства и подвергаться опасности получить замѣчаніе лишь тогда, когда, не довольствуясь теоретическимъ защищеніемъ своихъ принциповъ, враждебныхъ нынѣшнему правительству, хотятъ возбуждать публику къ низверженію нынѣшней династіи. Да и въ такихъ случаяхъ замѣчанія даются очень рѣдко, только въ крайности, когда полемика противъ династіи заходитъ уже слишкомъ далеко. Однакожъ, мы постоянно слышимъ жалобы французскихъ газетъ на стѣснительность такого положенія, а въ послѣднее время эти жалобы усиливались до того, что недѣли двѣ или три составляли главный предметъ газетной полемики. Правда, французы могутъ находить, что у нихъ теперь журналистика стѣснена гораздо больше, нежели какъ привыкли они при Луи-Филиппѣ; но даже изъ тѣхъ наполненныхъ жалобами статей, которыя мы приведемъ, читатель увидитъ, какъ великъ просторъ критики, остающейся у французскихъ газетъ.

Надобно разсказать, какимъ образомъ началась усиленная полемика французскихъ газетъ противъ стѣснительнаго положенія, въ которое поставлены онѣ системою замѣчаній. Въ одномъ изъ нашихъ политическихъ обзорѣній было замѣчено, что неудовольствіе, возбужденное во Франціи условіями вилафранккаго мира, заставило правительство сдѣлать разныя уступки общественному мнѣнію, для смягченія порицаній за одно дѣло вызовомъ похвалъ за другія распоряженія. Самую важную изъ этихъ уступокъ было обнародованіе амнистіи. Она простиралась не только на людей, но и на изданія. Кромѣ того, что дано было позволеніе возвратиться во Францію всѣмъ политическимъ изгнанникамъ, объявлено было, что уничтожается дѣйствіе всѣхъ замѣчаній и судебныхъ штрафовъ, которые лежали на газетахъ. Это облегченіе вмѣстѣ съ общимъ понятіемъ о необходимости уступокъ произвело слухи, что правительство готовитъ измѣненіе законовъ о тишеніи для освобожденія журналистики отъ прежнихъ стѣсненій. Около того времени, когда усилились слухи объ отиженіи декрета 17 февраля 1852 г., происходило открытіе департаментскихъ совѣтовъ. Президентами департаментскихъ совѣтовъ назначаются почетнѣйшія лица государства, которыя пользуются этимъ случаемъ для произнесенія политическихъ рѣчей, излагающихъ положеніе государства и намѣренія правительства. Графъ Морни, предсѣдатель одного изъ совѣтовъ, произнесъ рѣчь, въ которой нашлись два мѣста, подтверждавшія слухъ объ освобожденіи журналистики. Графъ Морни доказывалъ, что англичане напрасно подозрѣваютъ французское правительство въ неприянительныхъ планахъ противъ Англіи, основываясь на враждебной тонѣ газетъ, служащихъ полуофициальными органами французскаго правительства. О томъ, что газеты, нападающія на Англію, состоятъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ правительству, графъ Морни, конечно, не захотѣлъ говорить; но за то доказывалъ, что французскія газеты могутъ писать что имъ угодно, потому что цензуры во Франціи нѣтъ, и заключалъ, что правительство не должно быть подвергаемо отвѣтственности за мнѣнія журналистовъ, которые пользуются полною свободою. Зная положеніе фран-

Армія такъ популярна у насъ потому, что мы чувствуемъ это. Мы восхищаемся тѣмъ, что живетъ, что чувствуетъ, что обнаруживаетъ во вѣхъ живую силу Франціи.

„Я не стану также обвинять въ лѣтаргіи наше промышленное и торговое общество: оно дѣятельно, трудолюбиво, предприимчиво, и хотя рѣзкіе переходы отъ мира къ войнѣ нарушаютъ иногда равновѣсіе, но жизненность французской промышленности изумительна. Чего же вамъ нужно еще, если ваши солдаты храбры и ваши работники дѣятельны и развиты?— скажутъ намъ приверженцы безусловнаго спокойствія. Эти честные квіетисты забываютъ, что не мы возвратимъ свободу печати. Императоръ, верховный наблюдатель, дѣлая медицинскій осмотръ общественнаго организма, находитъ, что есть у насъ такая часть нравственной и политической жизни, которая страдаетъ; находитъ, что эта болѣзнь, принимающая форму паралича, принуждаетъ его возвратить дѣятельность великому ослабѣвающему тѣлу, держать его въ постоянномъ моціонѣ, не давать ему дремать. Скажемъ болѣе: бываютъ минуты, когда это великое дѣло не слѣдуетъ удовлетворительно тому направленію, какое получаетъ, утомляетъ своимъ безеніемъ руку, имъ движущую.

„Мы знаемъ, какъ затруднительно приводить на это примѣры; но мы приведемъ ихъ, дѣлая опытъ общанной намъ свободы съ готовностью остановиться, если опытъ окажется неудачнымъ.

„Въ январѣ 1859 императоръ рѣшился на войну. Франція не была къ ней приготовлена. Не было публичныхъ и свободныхъ споровъ, которые показали бы Франціи, что есть итальянскій вопросъ, что этотъ вопросъ достигъ кризиса, что нужна развязка, или посредствомъ европейскаго конгресса, или посредствомъ итальянской войны. Императоръ могъ чувствовать тогда, какъ слаба поддержка общественнаго мнѣнія; онъ аогъ жаловаться на его апатію. Только революціонный духъ, думавшій найти себѣ просторъ въ Италіи, попытался нѣсколько гальванизировать общественное мнѣше. Тогда къ апатіи общественнаго мнѣнія присоединился страхъ, и война стала еще менѣе популярна въ значительной части французскаго общества.

„Мы слышали тогда, какъ вышшіе консерваторы доходили въ своемъ гнѣвѣ до сожалѣнія, что уничтожилось парламентское правленіе, какъ они говорили, что двадцать бурныхъ преній произвели бы менѣе потрясенія и пробудили бы менѣе безпокойствъ, чѣмъ одно слово, произнесенное въ Тюльри 1 января 1859. Разрушительность этому слову придавало то, что оно раздалось среди общаго молчанія. Еслибъ оно было началомъ или продолженіемъ совѣщанія, оно все-таки сохранило бы свою важность, оно все-таки было бы рѣшеніемъ, какъ и должно быть, но оно не было бы неожиданнымъ и потрясающимъ ударомъ.

„Мы можемъ сказать о мирѣ то же самое, что сказали о войнѣ: онъ также былъ неожиданностью. Онъ явился среди множества воинственныхъ и довольно декламаторскихъ статей, а что еще важнѣе—эти статьи не встрѣтили сопротивленія, опроверженія и повѣрки ни отъ какого спора въ пользу шансовъ, благоприятныхъ для явра: потому виллафранкскій трактатъ былъ истинно театральнымъ эффектомъ, — эффектомъ, къ которому не былъ приготовленъ даже никто изъ дѣйствующихъ лицъ. Что касается до насъ, никогда мы не видѣли театральнаго эффекта болѣе удачнаго и умѣстнаго. Правда и то, что мы смотрѣли на него преимущественно съ французской точки зрѣнія. Мы имѣли на это право. Мы видѣли, что въ два мѣсяца войны Франція приобрѣта перевѣсъ, который признавался и упрочивался миромъ и который отъ продолженія войны подвергался бы риску, не вознаграждаемому надеждою на какія-нибудь новыя выгоды для Франціи. Итакъ, мы очень горячо одобряли миръ и защищали бы его гораздо жарче и тверже, если бы было свободное преніе или въ газетахъ, или на трибунѣ. Но недовольные миромъ не были тогда въ состояніи свободно выразить своего неудовольствія, какъ не могли за полгода передъ тѣмъ выражать своего неудовольствія недовольные войною; потому намъ казалось, что молчаніе, будучи необходимою для отрицающихъ, составляетъ обязанность приличія для одобряющихъ. Притомъ, мы думали, что въ рѣчахъ президентовъ великихъ государственныхъ учреждений миръ будетъ не только одобренъ, во и объясненъ. Объясненіе исчезло подъ одобреніемъ. Уже самъ ~~миръ~~, восполняя общее молчаніе, объяснилъ виллафранкскій миръ съ величайшею

прямотою и величайшею твердостью, сказавъ то, что хотѣли бы высказать недовольные миромъ, давъ на эти возраженія отвѣтъ, очень справедливый, по нашему мнѣнію, одинъ принявъ на себя роль всѣхъ въ столь важномъ преніи, высказавшись за всѣхъ, даже за тѣхъ, которые думаютъ неодинаково о немъ.

„Не въ первый разъ императоръ показывалъ эту смѣлую инициативу. Мы помнимъ, что, когда родился наслѣдный принцъ, онъ самъ съ большимъ тактомъ высказалъ то, что всѣ думаютъ, и никто не говорилъ объ этомъ четвертомъ наслѣдникѣ престола, родившемся въ Тюильри, объ этомъ наслѣдникѣ престбла, о которомъ неизвѣстно, тамъ ли онъ умретъ, гдѣ родился.

„Эти порывы къ свободѣ мысли дѣлаютъ честь государю; ему прилично не обольщаться словами, съ которыми являются къ нему, и искать за стѣнами дворца общественную, народную мысль, чтобы отвѣчать ей, просвѣщать ее, умѣрять ее и направлять ее. Но этотъ даръ говорить одному недостаточенъ для государя во Франціи. Его мысль должна встрѣчать отголоски, которые не были бы льстивыми; а для этого нужно, чтобы она могла встрѣчать и противорѣчія. Эти условія необходимы для того, чтобы составлялось общественное мнѣніе и чтобы страна принимала участіе въ событіяхъ своей исторіи. Безъ того страна впадаетъ въ дремоту и разслаблеше. Благодаря превосходной военной организаціи, она можетъ быть способна на великое и удачное усиліе; во самъ государь чувствуетъ, что это усиліе не могло бы быть продолжительнымъ, а въ особенности, что оно нуждается въ поддержкѣ успѣхомъ, что ему трудно было бы перенести испытаніе неудачи. Государя думаютъ справедливо, когда полагаютъ, что всеобщая апатія—дурной пьедесталь для нихъ: ихъ величіе основывается на величіи и силѣ ихъ опоръ; а хороши только тѣ опоры, которыя не подгибаются, а выпрямляются отъ ударовъ.

„Мы привели два примѣра невыгоды молчанія и для войны, и для мира. Мы показали, какъ самъ императоръ могъ почувствовать эти невыгоды, и какъ онъ помогъ имъ. Мы приведемъ третій примѣръ. Онъ будетъ взятъ изъ сферы менѣе высокой; онъ показываетъ, какъ болѣзнь молчанія тревожитъ также нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ сановниковъ и администраторовъ имперіи.

„Теперь собраны департаментскіе совѣты, и одинъ изъ бывшихъ депутатовъ, графъ д'Оссонвилъ, написалъ для нихъ письмо, которое они прочтутъ съ пользою для себя. Г. д'Оссонвилъ убѣждаетъ департаментскіе совѣты высказывать ихъ политическія мнѣнія. Намъ не удивительно слышать такой совѣтъ отъ г. д'Оссонвила, принадлежащаго такой школѣ и такой эпохѣ, которая любила пренія. Но рѣчь, произнесенная гг. де-Морни и де-ла-Героньеронъ при открытіи пюй-де-домскаго и верхне-вѣнскаго департаментскихъ совѣтовъ, показываютъ намъ, какъ просвѣщенные сановники и администраторы имперіи, подобно императору, желаютъ, чтобы обычай преній нѣсколько возвратился въ умы. Эти обѣ рѣчи чисто политическаго содержанія, которое натурально вызывало къ пренію. Если онѣ не вызвали его, это потому, что нынѣ въ выборныхъ корпораціяхъ трудно встрѣчать людей, способныхъ противорѣчить. Мы даже убѣждены, что префектамъ нужны будутъ нѣкоторыя усилія въ смыслѣ противномъ ихъ прежнимъ усиліямъ, чтобы имѣть въ департаментскихъ совѣтахъ людей, которые противорѣчили бы.

„Если бы мы имѣли честь быть членомъ пюй-де-домскаго или верхне-вѣнскаго департаментскихъ совѣтовъ, мы отвѣчали бы на одобрителный вызовъ къ пренію, сдѣланный гг. де-Морни и де-ла-Героньеронъ. Дѣйствительно, много можно сказать объ этихъ рѣчахъ, напримѣръ о высказанномъ г. де-Морни мнѣніи, что наша журналистика въ настоящее время не подлежитъ никакимъ нѣбрамъ предупрежденія, какъ будто бы ве должно было назвать самою строгою системою предупредительныхъ мѣръ такую систему, которая принуждаетъ писателя избѣгать возможности ве поправиться администраціи подъ страхомъ замѣчаній, временной остановки и даже совершеннаго прекращенія газеты, въ которую онъ пишетъ. Но мы не имѣемъ притязанія вести пренія вмѣсто членовъ департаментскихъ совѣтовъ. Мы хотимъ только показать, что люди, наиболѣе аосвященные въ мысли императора, дѣлаютъ похвальные усилія для оживленія духа преній, а для противодѣйствія болѣзни молчанія. Возстановленіе свободы печати есть оди...

которыя можно считать противъ этой болѣзни. Мы ожидаемъ этого опыта и общаемъ наше смиренное содѣйствіе тону, чтобы онъ былъ успѣшенъ.

Мы не хотимъ кончить этой статьи, не сдѣлавъ замѣчанія, которое, быть можетъ, сдѣлали бы многіе изъ нашихъ читателей и которое лучше сдѣлать намъ самимъ. Въ нынѣшнихъ размышленіяхъ мы часто говорили объ императорѣ—это противно нашимъ прежнимъ привычкамъ. Въ прежнія времена мы всегда говорили только о министрахъ, потому что министры въ прежнія времена были отвѣтственны; теперь они отвѣтственны только передъ императоромъ, то есть отвѣтственность лежитъ теперь на одномъ императорѣ. Итакъ, преніе должно относиться къ нему. Вамъ эта новая метода не представляется неприятной; она—мы твердо убѣждены—не уменьшаетъ нашей свободы, — быть можетъ, даже увеличиваетъ ее, а естественная почтительность, ею возлагаемая на пренія, есть такая обязанность, которую мы принимаемъ съ полною охотою в искренностью^а.

Въ сущности статья довольно ѣдка, но, по обыкновенію *Journal des Débats*, написана съ дипломатической тактикой, сущность которой состоитъ въ льстивомъ противоположеніи либеральныхъ тенденцій императора съ реакціонными мнѣніями его совѣтниковъ. Еслибъ не они, не эти обскуранты, окружающіе императора Наполеона, Франція, по словамъ *Journal des Débats*, давно пользовалась бы гораздо большею степенью свободы, чѣмъ теперь, потому что только реакціонныя мнѣнія окружающихъ людей мѣшаютъ императору вполне предаться своей любви къ либеральнымъ учрежденіямъ. *Journal des Débats* очень хорошо знаетъ, что возводитъ на императора ложь, утверждая, будто бы онъ такъ подчиняется мнѣшію своихъ совѣтниковъ и будто бы не его желанія управляютъ Франціею. Но *Journal des Débats* и вмѣстѣ съ нимъ многіе другіе либералы полагаютъ, что подобное искаженіе фактовъ можетъ быть полезно: они воображаютъ, будто могутъ обмануть Наполеона III своими похвалами его либерализму, какъ будто бы онъ не знаетъ своего образа мыслей и не находитъ, что желанія *Journal des Débats* несовмѣстны съ его политическою системою. Дальнѣйшій ходъ дѣла послужитъ новымъ подтвержденіемъ той очевидной истинѣ, что ребяческіе обманы совершенно бесполезны: какъ ни сладко говорить *Journal des Débats* о либерализмѣ Наполеона III, онъ все-таки не успѣлъ обольстить императора.

Кромѣ этой тонкой, но совершенно ребяческой тактики—заставить человѣка сдѣлать то, чего онъ не хочетъ, приписывая ему образъ мыслей, котораго онъ не имѣетъ,—кромѣ этой уловки мелкаго либерализма, мы должны обратить вниманіе и на проглядывающее въ статьѣ самохвальство прежними временами, когда партія *Journal des Débats* управляла государствомъ. Послушать этого самохвальства—а его наслушались и ему повѣрили очень многіе—такъ подумаешь, что при Луи-Филиппѣ Франція, въ самомъ дѣлѣ, пользовалась конституціоннымъ правленіемъ. Кто вѣритъ этому, тотъ никакъ не понимаетъ возможности перехода отъ Луи-Филиппа къ Наполеону III, и такому человѣку остается только толковать о глубокомъ паденіи Франціи, что и дѣлаютъ чрезвычайно многіе. На самомъ дѣлѣ перемѣна въ дѣйствительномъ порядкѣ дѣлъ вовсе не такъ огромна. При Луи-Филиппѣ конституція оставалась одною формою, а въ сущности господствовало „личное управленіе“. Формою безъ сущности могутъ дорожить только техники-специалисты, а толпа не придаетъ ей особенной важности, и потому-то при Луи-Филиппѣ возможенъ былъ Наполеонъ III: для этого стоило только сдѣлать перемѣну. Что и говорить, личное управленіе дѣйствуетъ теперь сильнѣе,

нежели въ орлеанскій періодъ; но разница въ степени фактической зависимости дѣйствій правительства отъ общественнаго мнѣнія тогда и теперь далеко не такъ огроина, какъ думаютъ поверхностные люди, ослѣпляющіеся формою. Мы здѣсь укажемъ только на одну отрасль конституціонной жизни, составляющую прямой предметъ этой статьи—на свободу политическихъ газетъ. Напрасно хвалятся бывшіе правители орлеанскаго періода я *Journal des Débats*, ихъ органъ, будто бы они покровительствовали полной свободѣ политической журналистики. На бумагѣ свобода существовала тогда, но и теперь на бумагѣ она существуетъ; а на самомъ дѣлѣ орлеанское правительство придумало всѣ, возможныя тогда, средства для ея стѣсненія. Основаніе новыхъ газетъ было очень затруднено требованіемъ огромнаго денежнаго залога въ обезпеченіе уплаты штрафовъ, которымъ могла подвергнуться газета; враждебныя правительству газеты систематически убивались наложеніемъ множества огромныхъ штрафовъ. Такая свобода политическихъ преній, какая пріобрѣтена англійскими газетами, не принадлежала французской журналистикѣ и при Луи-Филиппѣ. Важнѣйшій изъ сентябрьскихъ законовъ, знаменитыхъ въ лѣтописяхъ реакціи и изданныхъ съ одобренія нынѣшнихъ защитниковъ свободы, былъ направленъ противъ свободы газетъ. Кромѣ законовъ и штрафовъ, правительство постоянно старалось убить оппозиціонныя газеты полицейскими мѣрами. Такимъ образомъ, Наполеонъ III собственно не внесъ новаго принципа въ отношенія французскаго правительства къ политическимъ газетамъ: и при Луи-Филиппѣ, какъ при немъ, правительство дѣлало все, что могло, для стѣсненія свободы враждебной ему журналистики. Вся разница въ томъ, что реакція послѣ 1848 года получила гораздо больше силы, нежели сколько имѣла послѣ 1830; только потому и стѣсненіе журналистики стало значительнѣе. Чтобы держать себя подобнымъ образомъ, у правительствъ орлеанскаго періода недоставало не охоты, а только силы. Они не дали французскому обществу привыкнуть къ полной свободѣ журналистики; а если уже существовало правило стѣснять, по возможности, газеты, то натурально, что, при усиленіи реакціи, легко было ей больше прежняго стѣснять ихъ. Теперь *Journal des Débats* жалуются; но его собственная партія виновна въ томъ, что французы остались способны жить безъ полной свободы печатнаго слова. Нѣсколько больше стѣсненія, нѣсколько меньше стѣсненія—это уже просто зависитъ отъ обстоятельствъ, когда не было допущено укорениться въ умахъ понятію о совершенной несомнѣнности стѣсненія съ принциповъ участія общества въ правительственныхъ дѣлахъ. Не Наполеонъ III, а люди, выставляющіе нынѣ себя либералами, должны считаться истинными виновниками того положенія, въ которое нынѣ поставлены французскія газеты. Даже и теперь, когда они открыто составляютъ непримиримую оппозицію, стало быть должны доводить до крайнихъ предѣловъ всю ту либеральность понятій, къ которой способны, даже и теперь они не умѣютъ говорить о свободѣ печатнаго слова языкомъ, соотвѣтствующимъ защищаемому ими требованію. Этотъ недостатокъ былъ хорошо раскрытъ въ статьѣ *Presse* (15 сентября), которая воспользовалась статьею „*Journal des Débats*“, чтобы развить требованіе къ болѣе мужественной формѣ:

„Г. де-Морни (говорила *Presse*), въ своей рѣчи при открытіи пюй-де-донскаго департаментскаго совѣта, объявилъ, что амнистія составляетъ „вступленіе къ новой системѣ, въ которую мы теперь входимъ“. Но такъ какъ онъ не почелъ нужнымъ объяс-

ниться точнѣе, то явился вопросъ, въ чемъ же состоитъ эта система, предназначенная довершить „дѣло успокоенія и примиренія“. Journal des Débats, повидному справляясь объ этомъ, извѣщаетъ насъ, что правительство, пораженное вредомъ, какой наноситъ общественному духу „болѣзнь молчанія“, хочетъ попытаться излѣчить эту болѣзнь, возвращеніемъ свободы печати. Онъ ожидаетъ, по его словамъ, этого опыта, общается свое „смирненное содѣйствіе тому, чтобы онъ былъ успѣшенъ“, и обязывается не злоупотреблять правомъ, которое будетъ ему возвращено.

„Это обѣщаніе мы считаемъ излишнимъ, чтобы не употребить болѣе еяльнаго слова, и, быть можетъ, читатель найдетъ, что говорить о свободѣ подобнымъ образомъ значить говорить о ней очень дурно. Journal des Débats имѣетъ свои причины быть скромнымъ: онъ не забываетъ, что „общія учрежденія страны созданы не въ видахъ защиты „свободы печати; что общественное мнѣніе довольно равнодушно къ этому дѣлу; что „администрація, привыкая къ комфорту всеобщаго молчанія, не будетъ съ удовольствіемъ смотрѣть на тѣ противорѣчія, какія можетъ встрѣтить; что защитника мы будемъ имѣть только въ одномъ императорѣ“. Все это столь же странно, какъ и невѣрно.

„Во-первыхъ, очень странно утверждать, что глава государства единственный либеральный человѣкъ въ дѣломъ правительствѣ и что теперь исключительно къ нему одному должно „относиться преніе“. Journal des Débats признается, что это противно его прежнимъ привычкамъ; но, прибавляетъ онъ, „теперь одинъ императоръ отвѣтственное лицо“. Объ этомъ было бы можно сказать много, очень много; но все равно: согласимся, что, будучи одинъ отвѣтственнымъ лицомъ, какъ единственный властитель, онъ захочетъ отдать всѣ свои дѣйствія на разборъ газетамъ. Прочтѣте ли оградится чрезъ это свобода? Journal des Débats признается, что этотъ всемогущій защитникъ „не можетъ быть всегда внимателенъ, всегда хорошо ознакомленъ съ дѣломъ“. Итакъ, единственнымъ результатомъ было бы, что смѣлыя слова, внушаемая этимъ покровительствомъ, правда, всемогущимъ, но невѣрнымъ, невнимательнымъ или нехорошо ознакомленнымъ или ознакомленнымъ съ дѣломъ въ превратномъ видѣ, отдали бы газеты на произволъ администраціи, которая будетъ къ нимъ тогда еще строже и не проститъ имъ того, что онѣ нарушили „комфортъ всеобщаго молчанія“. Мы не понимаемъ, чѣмъ утѣшительна такая перспектива для Journal des Débats

„Благорасположеніе, поддержавшее журналистику нынѣ, можетъ покинуть ее завтра, — къ въ чемъ тогда найдетъ она безопасность себя? А что такое свобода безъ безопасности, составляющей сознаніе свободы? Кромѣ законовъ, которые гарантировали бы вамъ свободу пользоваться нашими правами, ни въ чемъ другомъ нельзя найти никакой безопасности. Впрочемъ, намъ надобно только указать нынѣшнему Journal des Débats на вчерашній Journal des Débats, указать г. Камюсу, секретарю редакціи, на г. Прево-Парадоля, который опредѣлительно и справедливо говоритъ: „Свобода печати не можетъ „опираться на терпимость администраціи. Она существуетъ только подъ условіемъ, чтобы „она была ясно опредѣлена репрессивными законами, которые обозначали бы точно указаннныя преступленія и наказанія за нихъ и не оставляли бы никакого мѣста произволу. Всякое другое положеніе для журналистики непрочное; и просторъ, которымъ она „по временамъ можетъ пользоваться при отсутствіи этихъ существенныхъ гарантій, шибко не заслуживаетъ названія свободы“.

„Вотъ истинные принципы, вотъ языкъ истины, опыта, здраваго смысла и благородства! Свобода печати остается пустымъ словомъ, пока не составляетъ части свободной конституціи. Мы не будемъ распространяться объ этомъ предметѣ, который заслуживаетъ отдѣльнаго изслѣдованія.

„Но мы не хотимъ также оставить безъ protestaціи того, что Journal des Débats говорить о мнѣномъ равнодушіи общественнаго мнѣнія къ свободѣ печати. Этого равнодушія, слава Богу, нѣтъ. Волнуемое или экзальтируемое съ 1848 года революціями и острыми пережѣнами власти, общественное мнѣніе могло имѣть временныя пароксизмы угнетенія и неудовольствія; но никогда оно не бывало равнодушно къ общественнымъ дѣламъ. Мысль націи никогда не отвращалась отъ принциповъ нравственности и здравой политики и,

„Доказано, что администрація особенно теперь, поражаетъ всѣ вни-

нательные умы. Не подлежат спору то, что всё политическія, экономическія пли философскія истины, произносимыя людьми, заслуживающими уваженіе, падаютъ на почву, готовую принять и оплодотворить ихъ. Народная мысль открыта всякому полезному наставленію; она стремится къ талантамъ, способнымъ управлять ею, п въ этомъ стремленіи очищается и укрьпляется. Изучая это стремленіе и руководя имъ, газеты должны стараться воспитать общественный духъ, составляющій силу, величіе и достоинство свободныхъ народовъ.

„Утверждать, подобно *Journal des Débats*, что Франція равнодушна къ свободѣ, значить говорить, что у ней недостаетъ существеннаго элемента, великаго двигателя національной жизни; значить оправдывать тѣхъ, которые, утверждая, что свободою печати интересуются только журналисты, устраиваютъ стѣснительными мѣрами „комфортъ всеобщаго молчанія“. Прискорбно видѣть, что уважаемые писатели, друзья всякой свободы, доставляютъ такимъ образомъ предлогъ для претензій и дурныхъ наклонностей произвольной власти.

„Если правительство расположено, какъ утверждаютъ г. де-Норри и *Journal des Débats*, возвратитъ свободу газетамъ, причинами его рѣшенія должно служить, во-первыхъ, то, что общественное мнѣніе не равнодушно къ этой свободѣ; во-вторыхъ, то, что власть для собственной твердости должна быть постоянно оживляема національнымъ голосомъ, который передается ей газетами. Безъ этого голоса все повергается въ молчаніе, и когда онъ заглушенъ, государственныя власти становятся отдѣленными отъ націи, безжизненными, безсильными, безславными. Шестьдесятъ лѣтъ бурь, поочередно ломавшихъ всё наши старыя и новыя учрежденія, достаточно показываютъ, что безъ свободы общественное зданіе опирается на основахъ слишкомъ вепрочныхъ.

„Англичане приписываютъ свободѣ печати всё хорошіе результаты своей конституціи. Они считаютъ ее столь же полезною для власти, какъ и для оппозиціи. Она умѣряетъ, направляетъ и исправляетъ ходъ ихъ правительства, п они скорѣ повѣрятъ тому, что островъ ихъ погибнетъ, чѣмъ возможности лишиться этой свободы. Мы еще не дошли до такого убѣжденія, далеко не дошли,—но дойдемъ“.

Полемика подобнаго рода продолжалась нѣсколько дней съ большимъ одушевленіемъ. Наконецъ правительство увидѣло надобность положить конецъ ошибочнымъ надеждамъ, которыя иначе, укоренившись въ умахъ, поставили бы его въ затруднительное положеніе. 18 сентября „Монитѣрь“ напечаталъ слѣдующее извѣщеніе:

„Многіе газеты объявляли о скоромъ обнародованіи декрета, измѣняющаго законодательство 1852 года о политической журналистикѣ.

„Это извѣстіе совершенно неосновательно.

„Политическая журналистика во Франціи имѣетъ свободу подвергать разбору всё дѣйствія правительства и объяснять ихъ общественному мнѣнію. Нѣкоторыя газеты сдѣлавшись, незамѣтно для самихъ себя, органами враждебныхъ партій, требуютъ большей свободы, которая имѣла бы цѣлью только облегчить имъ нападенія на конституцію и основные законы общественнаго порядка. Императорское правительство не отступитъ отъ системы, которая, оставляя достаточный просторъ духу критики, пренія и разбора, предотвращаетъ гибельныя послѣдствія лжи, клеветы и ошибки“.

Это извѣщеніе произвело неблагопріятное впечатлѣніе на публику, и газеты подвергли его строгому разбору. Для примѣра мы приведемъ статью, которую въ тотъ же самый день напечатала *Presse*.

„Монитѣрь произнесъ рѣшеніе. Новаго декрета о журналистикѣ не будетъ: въ законодательствѣ 1852 года не будетъ сдѣлано никакихъ перемѣнъ. Газеты имѣютъ достаточно свободы для того, чтобы подвергать критикѣ дѣйствія правительства и объяснять ихъ общественному мнѣнію; тѣ, которыя требуютъ большей свободы, служатъ, самп того не зная, органами враждебныхъ партій, хотящихъ низвергнуть конституцію и основные законы общественнаго порядка. Вотъ что „Монитѣрь“ объявляетъ газетамъ.

Мы не хотим спрашивать, не придасть ли слишком много важности и журналистикѣ и враждебнымъ партіямъ предположеніе, что журналистика можетъ вооружить враждебнымъ партіи силою, способною стремиться къ такимъ результатамъ.

„Если бы мы говорили отъ имени правительства, мы не захотѣли бы посредствомъ такихъ словъ представлять его существованіе зависящимъ отъ нѣсколькихъ перьевъ. Но говорить отъ имени правительства не наша обязанность, и „Мониторъ“ лучшей судья того, что онъ говорить и хочетъ говорить. Но такъ какъ за нами признаютъ свободу обсуждать дѣйствія правительства и такъ какъ нынѣшнее объявленіе „Монитѣра“ неоспоримо есть правительственное дѣйствіе, то мы замѣтимъ, что никто не просилъ правительство открывать просторъ „для лжи, для клеветы и ошибки“. Ложь и клевета составляютъ проступки, подлежащіе суду трибуналовъ, и даже ошибка, сдѣланная непреднамеренно, есть проступокъ, не ускользнувшій отъ вниманія законодателя. Мы, кажется, прочли рѣшительно все написанное объ этомъ предметѣ въ недолгой періодъ надежды, прекращаемый нынѣ объявленіемъ „Монитѣра“; но изъ тѣхъ желаній, которыя мы находимъ въ газетахъ, не было ни одного несовѣстнаго съ конституціею и основными законами общественнаго порядка.

„Была ли бы опасность для конституціи, была ли бы опасность для общественнаго порядка, если бы газетамъ возвращена была общая свобода, принадлежащая труду и промышленности, черезъ уничтоженіе предварительнаго разрѣшенія, если бы чрезъ уничтоженіе замѣчаній отъ возвращены были въ обыкновенное вѣдомство юридической подсудности? Мы не думаемъ этого и, пользуясь свободою, оставшеюся намъ по „Монитѣру“, говоримъ, что не думаемъ этого. Нетрудно было бы доказать наше мнѣніе, но бесполезно ратовать аргументами противъ факта, а фактъ здѣсь то, что „Мониторъ“ не раздѣляетъ нашего мнѣнія. Этимъ рѣшается вопросъ. Положеніе дѣлъ остается прежнее, и газеты должны ладить съ нимъ, какъ знаютъ. Стѣсненіе падаетъ на нихъ, но отвѣтственность и — не побоясь сказать — важнѣйшая часть вреда упадетъ на другихъ“.

Правительству показалось нужнымъ нѣсколько смягчить впечатлѣніе, произведенное безусловнымъ характеромъ объявленія „Монитѣра“ о томъ, что правила, которыми стѣснены газеты, не подлежатъ никакимъ измѣненіямъ. На другой день явился въ „Мониторъ“ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ къ префектамъ, дополнявшій объявленіе „Монитѣра“ разъясненіями, которыя могли бы нѣсколько уменьшить неудовольствіе. Циркуляръ начинался тѣмъ, что изъ амнистіи, освободившей газеты отъ наказаній, полученныхъ ими по закону 17 февраля 1852, напрасно выводили заключеніе, будто бы самый этотъ законъ отиѣняется, — напротивъ, амнистія была только милостію, а прежній законъ сохранять свою силу.

„Декретъ 17 февраля 1852 г. (продолжалъ циркуляръ) не былъ, какъ утверждали, къ сожалѣнію, слишкомъ много, мѣрою временною, порожденною общественнымъ кризисомъ и непригодною для обыкновенныхъ временъ. Безъ сомнѣнія, какъ всѣ политическіе законы, онъ можетъ подлежать улучшеніямъ, польза которыхъ была бы доказана опытомъ; но принципы, на которыхъ основанъ этотъ законъ, тѣсно связаны съ возстановленіемъ правительственной силы во Франціи и съ учрежденіемъ единства власти на основаніи всеобщаго вотированія.

„Императорское правительство не опасается добросовѣстнаго разбора своихъ дѣйствій: оно такъ сильно, что не боится никакихъ нападеній (и т. д., въ этомъ родѣ). Но если неоспоримая сто сила даетъ ему возможность безвредно переносить даже злоупотребленія свободы, то соображенія, не зависящія отъ боязни и основанныя исключительно на общественномъ благѣ, налагаютъ на него обязанность не отказываться отъ законныхъ средствъ защиты, составляющихъ гарантію, а не стѣсненіе для общества при правительствѣ, которое служитъ полнѣйшимъ выраженіемъ національной воли.

„Право излагать и обнародовать свои мнѣнія, принадлежащее каждому французцу, есть приобрѣтеніе 1789 года и не можетъ быть отнимаемо отъ націи, столь просвѣщенной, какъ французская. Но это право не должно быть смѣшиваемо съ свободою періодическихъ изданій.

„Газеты суть оргавизованныя въ государствѣ коллективныя силы и при всѣхъ правительствахъ подлежатъ особеннымъ правиламъ *). Итакъ, государство имѣетъ права и обязанности предосторожности и надзора, исключительно относящіяся къ газетамъ, и когда оно оставляетъ за собою власть прямо наказывать ихъ проступки административнымъ путемъ, оно не стѣсняетъ свободы мысли, оно только пользуется способомъ охраненія общественныхъ интересовъ. Пользованіе этимъ способомъ охраненія, бесспорно ему принадлежащимъ, должно совершаться въ духѣ великой справедливости, умѣренности и твердости.

„Прибавлю, что умѣренность особенно необходима въ административномъ судѣ относительно газетъ. Я самымъ сильнѣйшимъ образомъ обращаю ваше вниманіе на это. Правительство имѣетъ рѣшимость и обязанность не давать принципу своей власти ослабѣвать; но именно поэтому самому оно должно вводить въ свободу пренія только тѣ ограниченія, которыя предписываются уваженіемъ къ конституціи, къ законности императорской династіи, интересами порядка, общественной нравственности и религіи.

„Такимъ образомъ, правительство, далекое отъ мысли требовать раболѣпаго одобренія своихъ дѣйствій, всегда будетъ допускать серьезное противорѣчіе. Оно не будетъ смѣшивать права контроля съ систематическою опповищею и разсчитаннымъ зложелательствомъ. Правительство самымъ сильнымъ образомъ желаетъ того, чтобы его власть была просвѣщаемая преніемъ; но оно никогда не потерпитъ, чтобы общество было тревожимо преступными возбужденіями или враждебными страстями.

„Содѣйствуя мнѣ, г. префектъ, вы будете равно удаляться и отъ слабости, допускающей злоупотребленія свободы, и отъ излишества, стѣсняющаго свободу“.

Циркуляръ, какъ видимъ, очень щедръ на увѣренія, которыми могла бы смягчаться существенная мысль его о томъ, что административная опека надъ газетами должна продолжаться. Онъ содержитъ очень много либеральныхъ фразъ и даже даетъ косвенное обѣщаніе, что правила, которымъ нынѣ подлежатъ журналистика, будутъ раніе или позже изменены. Около того же времени, правительство вздумало прибѣгнуть къ новому способу останавливать газетную оппозицію, и первый примѣръ этого новаго средства опеки показало на двухъ газетахъ, которыя нарочно были выбраны изъ числа незначительныхъ. Въмѣсто „замѣчаній“ (avertissements), которыя посылались для напечатанія въ виновную газету, подвергавшуюся опасности временной остановки изданія послѣ двухъ такихъ замѣчаній, были только напечатаны въ „Мониторъ“ „сообщенныя объясненія“ (communiqués), выражающія порицаніе, но не имѣющія никакихъ юридическихъ послѣдствій. Это было косвеннымъ указаніемъ, что если правительство и не хочетъ формальнымъ образомъ отмѣнить систему замѣчаній, то вообще на практикѣ расположено слѣдовать болѣе умѣренной системѣ относительно журналистики. Газеты, поддерживающія нынѣшнее правительство, конечно, распространились въ похвалахъ умѣренности его и „либеральнымъ тенденціямъ“ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ. Но другія газеты не изменили своего мнѣнія. Полемика противъ декрета 17 февраля 1852 года естественно стала ослабѣвать, когда журналистика увидѣла изъ объясненія „Монитѣра“ 18 сентября, что критика этого декрета не достигнетъ успѣха, не поведетъ къ его отмѣнѣ. Но все-таки, постепенно ослабѣвая, полемика эта продолжалась еще довольно долго. Нѣкоторыя изъ статей, особенно въ „Presse“, отличались прежнею рѣзкостью. Въ примѣръ приводимъ статью изъ „Presse“ 23 сентября:

*) Вотъ мы видимъ, что само нынѣшнее правительство приводитъ оправданіемъ для нынѣшняго положенія политической журналистики тѣ отношенія, въ вторыхъ старалась держать ее прежнія французскія правительства.

несли вы сами? Вотъ наши недоумѣнія. Мы просимъ г. министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшить ихъ.

„Неопредѣленность становится ужасна, когда циркуляръ говорить объ общественной нравственности и религіи. Оскорбленіе благопристойности—вещь понятная; но что такое оскорбленіе общественной нравственности и религіи, — этого нельзя понять, или это можно понимать тысячью разныхъ способовъ, что одно и то же. Говорить, что какія-нибудь религія ложна, конечно, значить нападать на нее самымъ сильнымъ образомъ; а, между тѣмъ, въ странахъ, имѣющихъ свободу исповѣданій, каждому принадлежитъ право доказывать, что его религія одна только истинная и что, слѣдовательно, всѣ остальные ложны. Что касается до общественной нравственности, то г. министръ внутреннихъ дѣлъ, конечно, намѣренъ понимать подъ нею только принципы, общіе всѣмъ религіямъ. и въ такомъ случаѣ мы просимъ его замѣтить, что онъ обращаетъ столы своего министерства въ мѣста метафизическихъ состязаній.

„Циркуляръ утверждаетъ, что „газеты суть коллективныя силы, организованныя въ государствѣ“, и что онѣ „должны подлежать особеннымъ правиламъ“. Вотъ, по нашему мнѣнію, заблужденіе, хроническое заблужденіе, внушавшее столько ошибочныхъ мѣръ французскимъ правительствамъ. Газеты только средство обнаруживать врожденную способность; это—машины, и, подобно всѣмъ другимъ машинамъ, должны быть свободны въ своемъ правильномъ дѣйствованіи и подлежать суду только тогда, когда ими совершается преступленіе. По этому опредѣленію, которое мы считаемъ и справедливымъ, и благотворнымъ, нѣтъ надобности создавать для газетъ особенные проступки и преступленія—онѣ должны подлежать общимъ законамъ: въ этомъ и состоитъ единственное ихъ требованіе, которое столь рѣдко было исполняемо. Законъ, общій для всѣхъ, говорить, что человѣкъ, злоупотребившій орудіемъ для совершенія преступленія, долженъ быть наказанъ; но справедливость требуетъ, чтобы наказывался только тотъ, кто дѣйствовалъ съ полнымъ сознаніемъ преступности своего дѣла, т. е. совершилъ преступленіе предусмотрѣнное, опредѣленное закономъ, внесенное въ законъ. Мы очень твердо знаемъ теперь, что декретъ 17 февраля 1852 г. есть законъ и, притомъ, органическій законъ; но опредѣлены ли въ немъ ясно всѣ проступки, за которые газеты могутъ подвергаться замѣчаніямъ, временной остановкѣ изданія и запрещенію? Безспорно, неопредѣлены,—я вотъ почему мы считаемъ снисходительность правительства единственнымъ обезпеченіемъ, какое въ сущности имѣемъ.

„Важность, придаваемая правительствомъ стѣснительнымъ мѣрамъ — великое самообольщеніе. Правительство думаетъ находить въ стѣсненіи источникъ силы,—оно обманывается. Единственный источникъ силы для правительства—признательность, внушаемая его благотѣвными, уваженіе, внушаемое его справедливостью. Уклоняться отъ испытанія посредствомъ безусловно свободной критики, когда имѣешь сознаніе быть властью благотворною и необходимою, значить унижать и ослаблять себя.

„Сдѣлаемъ еще только одно замѣчаніе. Правительство обѣщаетъ обнаруживать въ наказаніяхъ „духъ великой справедливости, умѣренности и твердости“. Мы хотимъ вѣрить, что его наивѣрше таково; но отъ этого мы не подвигаемся ни на одинъ юагъ впередъ, пока мы не имѣемъ яснаго опредѣленія различныхъ проступковъ, которые можемъ мы совершать. Стѣсненіе остается въ умѣ писателя, если даже не находится въ намѣреніяхъ правительства. Иго тогда тяжеле, чѣмъ хотять налагающіе его. Чувство безопасности не внушается по произволу, и пока журналы не будутъ имѣть другихъ гарантій, кромѣ снисходительности правительства, къ нимъ можно примѣнять фразу великаго оратора: „Посмотрите, каковы они стали, благодаря снисходительности.

„Къ счастью, жизненность ихъ очень велика. Всѣ французскія правительства ихъ преслѣдовали, нѣкоторые пытались убить ихъ, и извѣстно, каковы былъ результаты этой безцельной попытки, напиримѣръ, для реставраціи. Съ 1789 года не разъ шпага владычествовала надъ перомъ, своимъ вѣчнымъ соперникомъ; но перо, презирая бури, всегда могло сказать шпагѣ, какъ тростникъ говорилъ дубу: „я гнусь, но не сломясь“. Если мы не безусловно свободны, то мы независимы, и этого довольно, — по крайней мѣрѣ, для читателя; а что касается до журналистовъ, мы имъ напомнимъ для ихъ

ободренія слова, которыми 63 года назадъ Портали заключить свою прекрасную рѣчь о свободѣ печати“:

„Пусть не увядаютъ просвѣщенные и благородные писатели. Мы ниѣ скажемъ: „идите впередъ, вы, могущіе разлить потоки свѣта на всѣ важные вопросы, обсуждаемые „въ совѣтахъ націй; идите впередъ вы, имѣющіе мужество провозглашать истину и „боротья съ несправедливостями и злоупотребленіями власти; идите впередъ вы, по „своей проникательности и патриотизму заслуживающіе быть участниками въ дѣлѣ зако- „нодательства, хотя бы ваше положеніе и не позволяло вамъ быть членами законодательной „власти,—вы, достойные готовить наши труды и раздѣлять славу за нихъ, — вы, „ежедневно посѣвающіе въ обществѣ благія мысли просвѣщенія и планы, достойные „отечества и лучшихъ вѣковъ. Вы занимаете самую независимую изъ общественныхъ „должностей“.

Интересъ, съ какимъ общество слѣдило за преніями о законахъ, которымъ теперь подчинена французская журналистика, конечно, уменьшался съ каждымъ днемъ, когда открылось, что эти пренія не поведутъ ни къ какому непосредственному практическому результату, и, такимъ образомъ, правительство увидѣло наконецъ возможность выступить энергичнѣе прежняго для прекращенія полемики, ему неціятной. Въ „Монитѣрѣ“ 27 сентября явилось слѣдующее объявленіе:

„Подъ предлогомъ доказать, что журналистика не свободна, многія газеты производили на декретъ 17 февраля 1852 года нападенія, выходящіа изъ крайнихъ предѣловъ права разбора.

„Уваженіе къ закону нераздѣльно съ пользованіемъ законною свободою.

„Противъ писателей, забывающихъ это уваженіе, правительство могло бы воспользоваться властью, ему принадлежащею. Оно не хочетъ дѣлать этого послѣ недавней, добровольно принятой имъ мѣры, освободившей періодическіа изданія отъ замѣчаній, которымъ они подверглись.

„Правительство, оставаясь вѣрно своимъ принципамъ умѣренности, не можетъ также не исполнять лежащей на немъ обязанности охранять уваженіе къ закону.

„Итакъ, оно добросовѣстно предупреждаетъ газеты, что оно рѣшилось не допускать болѣе полемическихъ излишествъ, которыа должны считаться интригою партій“.

Но и это объявленіе не произвело всего дѣйствія, какого ожидало отъ него правительство. Тѣ изъ газетъ, которыа особенно сильно полемизировали противъ декрета 17 февраля, помѣстили на другой день статьи, говорившіа, что онѣ не хотятъ принимать такого истолкованія ихъ прежнихъ статей и должны еще разъ повторить, что остаются при своемъ мнѣніи. *Siècle*, напримѣръ, объявилъ, что объявленіе „Монитѣра“ не относится къ нему, потому что онъ никогда не допускалъ „излишествъ“ въ своей полемикѣ, и потому онъ считаетъ себя сохраняющимъ право продолжать свои требованія объ измѣненіи законовъ, опредѣляющихъ положеніе журналистики. *Presse* объявила, что объясненіе „Монитѣра“ не измѣняетъ положенія дѣлъ, потому что все-таки должны сохранять силу прежнія увѣренія правительства о томъ, что журналистика имѣетъ право подвергать контролю правительственные акты.

Полемика продолжалась еще нѣсколько времени, и даже осторожный „*Journal des Débats*“ отважился вновь помѣстить двѣ или три статьи, по прежнему доказывавшіа неудобство нынѣшнихъ законовъ о журналистикѣ. Но, давно потерявъ свой практическій интересъ, полемика постепенно и незамѣтно наконецъ прекратилась.